

Джон Гришем
ФИРМА

Оливер Ламберт, глава фирмы, уже который раз вчитывался в краткую выписку из личного дела, но так и не находил в Митчеле И. Макдире ничего настораживающего, на бумаге, во всяком случае. Умен, честолюбив, приятной внешности. И - голоден, с его происхождением иначе и быть не может. Женат, это обязательное условие - фирма ни разу не приняла на работу юриста-холостяка; на разводы, равно как и на чрезмерное увлечение прекрасным полом, смотрели косо, не поощрялась и склонность к спиртному, а в контракте предусматривался еще тест на наркотики. Дипломированный бухгалтер, экзамен сдал с первого раза, специализируется на налоговом законодательстве - для фирмы это было решающим. Белый - фирма не нанимает цветных. Избегать этого удастся благодаря духу корпоративности и замкнутости и тому, что фирма никогда не прибегала к публикации объявлений о найме сотрудников. Другие - да, заывают к себе через газеты, берут цветных... Фирма же, исподволь подбирая людей, остается белой, как лилия. Ко всему прочему, расположена она в Мемфисе, а грамотным цветным непременно подавай Нью-Йорк, или Вашингтон, или Чикаго. Далее, Макдир - мужчина, а фирма не нанимает специалистов-женщин. Ошибку совершили только однажды, когда в середине семидесятых приняли на работу выпускницу Гарварда, оказавшуюся прямо-таки налоговым гением; она проработала в фирме четыре очень беспокойных года и погибла в автокатастрофе.

Да, по документам он смотрится неплохо. Похоже, это их лучший выбор. Собственно говоря, других перспектив в нынешнем году, пожалуй, и не будет. Список претендентов короток: Макдир - или никто.

Ройс Макнайт, старший компаньон и управляющий делами фирмы, изучал папку с надписью: "Митчел И. Макдир - Гарвард". Досье толщиной в дюйм, отпечатанное мелким шрифтом и сопровождаемое несколькими фотографиями, подготовлено бывшими сотрудниками ЦРУ, занятыми ныне в частном детективном агентстве в Бетесде. Агентство являлось клиентом фирмы и раз в год оказывало ей подобные конфиденциальные услуги, не требуя вознаграждения. Для них это не составляло труда - покопаться в биографиях, привычках и вкусах ничего не подозревавших студентов-юристов. Так, к примеру, стало известно, что Макдир предпочел бы перебраться с северо-востока куда-нибудь еще, что ему сделано три предложения насчет работы: два в Нью-Йорке, одно в Чикаго, что самый высокий предложенный ему оклад составлял 76 000 долларов в год, а самый низкий - 68 000. На него был спрос. На втором курсе у него была возможность списать на экзамене по гарантийным обязательствам, но он не воспользовался ею, сдав экзамен лучше всех в группе. Два месяца назад на вечеринке в колледже ему предложили кокаин - он отказался и, когда окружающие стали пихать в ноздри белый порошок, покинул сборище. Изредка позволял себе бокал пива. Выпивка стоила денег, а их-то у него и не было, были лишь долги в виде студенческих займов на сумму 23 000 долларов. Он был голоден. Просмотрев папку, Ройс Макнайт улыбнулся. Этот парень был их человеком.

Ламар Куин в свои тридцать два года еще не стал полноправным компаньоном. Сегодня он был приглашен сюда, чтобы своей молодостью и энергией создать соответствующий имидж фирмы "Бендини, Ламберт энд Лок", фирмы в общем-то молодой, поскольку большинство ее компаньонов уходило на отдых, не достигнув пятидесятилетнего рубежа или же едва перевалив за него. Уходили с деньгами, на которые человек в оставшиеся ему годы мог позволить себе абсолютно все. Куин твердо рассчитывал стать компаньоном. Годовой доход, выражающийся шестизначной цифрой, уже гарантирован ему до конца дней. Так почему бы и не получать удовольствие от сшитых на заказ тысячдвухсотдолларовых костюмов, которые так удобно облегают его высокую атлетическую фигуру?

Беззаботным шагом Ламар пересек гостиничный номер, стоивший уйму денег в сутки, налил еще одну чашечку кофе без кофеина, посмотрел на часы и перевел глаза на двух мужчин, сидевших за столом для заседаний у окна.

В дверь постучали ровно в половине третьего. Джентльмены убрали досье и другие бумаги в плоские чемоданчики, потянулись за пиджаками. Ламар застегнул на своем пуговицу и, подойдя к двери, распахнул ее.

- Митчел Макдир? - Он широко улыбнулся, протягивая руку.

- Да. Пожатие рук.

- Рад встретиться с вами, Митчел. Меня зовут Ламар Куин.

- Очень приятно. Зовите меня Митч.

- Отлично, Митч.

Макдир сделал шаг вперед и быстрым взглядом обвел просторный номер.

Чуть касаясь рукой его плеча, Ламар подвел гостя к столу; оба компаньона представились сами.

Встретили вошедшего на удивление радушно и тепло. Из напитков были предложены кофе и вода. Обменявшись неизбежными знаками вежливости, мужчины уселись вокруг стола.

Макдир расстегнул пиджак и скрестил ноги. В поисках работы он чувствовал себя ветераном, ему уже стало ясно, что сидящим напротив он необходим. Мышцы его расслабились. Имея в запасе три предложения от самых престижных фирм в стране, он не очень-то нуждался в этой беседе и в самой фирме, а значит, мог себе позволить быть чуточку самоуверенным. Приехал он сюда главным образом из любопытства, ну и еще из-за теплой погоды, пожалуй.

Упершись локтями в полированный стол, глава фирмы Оливер Ламберт чуть подался вперед, беря на себя инициативу. Он был искусственным собеседником и обладал мягким, почти профессиональным баритоном. В шестьдесят один год он являлся, так сказать, дедушкой фирмы. Большую часть своего времени он тратил на то, чтобы держать под контролем и нейтрализовывать вспышки непомерного честолюбия отдельных партнеров, может быть, богатейших юристов страны. Помимо этого, он был настоящей юридической энциклопедией, к нему то и дело обращались его более молодью коллеги. На нем же лежал персональный отбор новых сотрудников, и именно он сейчас держал в своих руках судьбу новичка.

- Похоже, вы уже начали уставать от подобных бесед?

- Не очень. Привыкаю понемногу.

Они все согласно закивали головами. Да, конечно. В памяти еще не стерлись воспоминания о том, как сами они так же стояли перед работодателем, представляли справки и обливались потом из страха, что им откажут и три года умоисступляющей зубрежки окажутся прожитыми впустую. Им хорошо было понятно, в каком он сейчас состоянии. Ну, ничего.

- Могу ли я задать вопрос? - Митч обратился ко всем троим.

- Безусловно.

- Конечно.

- Любой.

- Тогда скажите, почему наша беседа проходит здесь, в гостиничном номере. Другие фирмы проводили их в университетском городке с помощью службы распределения.

- Хороший вопрос.

Трое мужчин переглянулись и вновь согласно кивнули. Хороший вопрос.

- Я постараюсь ответить вам, Митч. - Это был Ройс Макнайт, управляющий. - Вам нужно понять, что из себя представляет наша фирма. Мы - другие, и мы гордимся этим. У нас в штате только сорок один юрист, так что в этом плане вряд ли мы сравнимся с иными фирмами. Берем к себе мы немногих, одного человека, скажем, раз в два года. У нас самые высокие оклады и дополнительные льготы по стране в целом, и я не преувеличиваю. Поэтому мы очень избирательны. И мы остановили выбор на вас.

Письмо, которое вы получили месяц назад, было послано после того, как мы изучили более двух тысяч студентов-третьекурсников из лучших юридических школ. Такое письмо было послано только вам. Фирма не оповещает публику о вакансиях и не нанимает людей со стороны. Мы ведем себя сдержанно и придерживаемся собственного стиля. Я ответил на ваш вопрос?

- Да, достаточно ясно. Каково основное направление деятельности фирмы?

- Налоги. Кое-какие ценные бумаги, недвижимость, банковское дело, но восемьдесят процентов - это налоги. Потому-то мы и хотели встречи с вами, Митч. Мы знаем, вы сильны в этом вопросе.

- А почему вы решили податься на учебу в Западный Кентукки? - вновь подал голос Ламар Куин.

- Очень просто. В качестве платы за обучение мне предложили играть в их сборной по футболу, в ином случае колледж был бы для меня недоступен.

- Расскажите нам о своей семье.

- Неужели и это важно?

- Для нас это очень важно, Митч, - мягко произнес Ройс Макнайт. "Все они так говорят", - подумал Макдир.

- Ну так слушайте. Отец погиб в угольной шахте, когда мне было семь лет. Мать вновь вышла замуж и живет во Флориде. У меня было два брата. Расти убит во Вьетнаме. Второго брата зовут Рэй Макдир.

- А где он сейчас?

- Простите, но вас это не касается.

Он с вызывающим видом уставился на Макнайта, как бы готовясь к драке. В досье почти ничего не говорилось о Рэе.

- Извините меня. - В голосе управляющего звучало сочувствие.

- Митч, фирма расположена в Мемфисе. Вас это не беспокоит? - спросил Ламар.

- Нисколько. Я не любитель холодной погоды.

- Приходилось бывать там раньше?

- Нет.

- Вы побываете у нас, и довольно скоро. Вам понравится.

Митч улыбнулся и кивнул головой, подыгрывая. Неужели они это серьезно? Соблазниться маленькой фирмой в захолустном городке, в то время как тебя ждет Уолл-стрит?

- Каким вы шли в вашей группе? - спросил мистер Ламберт.

- Входил в первую пятерку. Не в первые пять процентов, а просто - в первую пятерку.

Для всех троих это было более чем понятно. Первая пятерка из трех сотен студентов. Он мог бы сказать им, что был третьим, а фактически совсем рядом с первым, но он промолчал. Ведь они, эта троица, вышли из других школ, рангом ниже: Чикаго, Колумбия, Вандербилт. Он выяснил это из беглого просмотра юридического справочника персоналий. Вряд ли они захотят детализировать вопрос успеваемости.

- Почему вы выбрали Гарвард?

- На самом деле это Гарвард выбрал меня. Я обращался в несколько университетов и отовсюду получил приглашения. Гарвард предложил более весомую финансовую поддержку. А потом, я считал, да и сейчас считаю, что это лучшая юридическая школа.

- У вас неплохо идут здесь дела, Митч, - заметил Ламберт, просматривая бумаги. Досье лежало в чемоданчике, под столом.

- Благодарю вас. Я стараюсь.

- По налогообложению и ценным бумагам у вас высшие баллы.

- Для меня это наиболее интересные дисциплины.

- Мы видели ваши письменные работы, они впечатляют.

- Благодарю вас. Мне нравится исследовательская работа.

Не моргнув глазом они проглотили эту очевидную ложь. Что ж, таков ритуал. Ни один студент-юрист, равно как и ни один специалист со стажем, будучи в здравом уме, не в состоянии получать удовольствие от так называемой исследовательской работы, или поиска, или работы с финансовой документацией, что одно и то же, хотя каждый законник-профессионал, безусловно, воспитал в себе уважение и любовь к библиотеке.

- Расскажите нам о вашей жене, - вновь вступил Макнайт почти робко.

Они были готовы к новому отпору, но его не последовало - вопрос был стандартным, не покушающимся на святыни.

- Ее зовут Эбби. У нее диплом по дошкольному образованию. В Кентукки мы закончили учебу одновременно и через неделю поженились. Последние три года она работает воспитателем в частном детском саду неподалеку от Бостонского колледжа.

- И ваш брак...

- Мы очень счастливы. Хорошо узнали друг друга за годы учебы.

- А кем вы были в футбольной команде? - Ламар решил на время оставить деликатную тему.

- Защитником. Выступать приходилось много, правда, до тех пор, пока я не повредил колено в последней университетской игре. Наша команда из Кентукки была сильнейшей. Я играл четыре года подряд, но вот колено так до сих пор и не пришло в норму

- Как же вы умудрились добиться таких успехов в учебе, одновременно играя?

- На первом месте у меня всегда были знания.

- Не думается мне, что колледж в Кентукки был из разряда лучших, - неосторожно вырвалось у Ламара вместе с пренебрежительной усмешкой. Он тут же пожалел об этом, но было поздно. Его коллеги неодобрительно шевельнули бровями, давая понять, что заметили промах.

- Да, нечто вроде канзасского, - тут же услышали они ответ.

В номере наступила тишина, трое мужчин с недоумением смотрели друг на друга. Этот Макдир знал, что Куин заканчивал колледж в Канзасе! Ни разу с ним не встречавшись, не имея представления о том, кто из сотрудников фирмы придет на беседу. Но ведь знал! Видимо, вычислил его по справочнику Мартиндэйла - Хьюббелла - прочитал данные о всех юристах фирмы и в какую-то долю секунды вспомнил, что Ламар Куин, единственный из сорока одного сотрудника, учился в Канзасе. Этот парень не промах!

- Случайно вырвалось, простите, - пришлось извиниться Ламару.

- Мелочи. - Митч дружелюбно улыбнулся. Легонько кашлянув, Оливер Ламберт решил вновь вернуться к деловой части.

- Митч, в фирме очень прохладно относятся к тем, кто любит выпить и поволочиться за женщинами. Мы вовсе не святоши, но бизнес для нас превыше всего. Мы не лезем на рожон и очень много работаем. И много зарабатываем.

- Все вами сказанное меня полностью устраивает.

- Мы оставляем за собой право подвергнуть любого сотрудника фирмы тесту на наркотики.

- Я их не употребляю.

- Тем лучше. Какой религии вы придерживаетесь?

- Хожу в методистскую церковь.

- Отлично. В вопросах веры мы очень терпимы. В фирме работают католики, баптисты, приверженцы епископальной церкви. В общем-то, это личное дело сотрудников, но мы и об этом хотим знать. Мы стоим за прочную, стабильную семью. Когда наш юрист счастлив, он лучше работает. Вот почему мы задаем вам все эти вопросы.

Митч чуть наклонил голову и улыбнулся. Все это ему уже приходилось слышать.

Мужчины переглянулись, затем их взгляды сошлись на нем. Это означало, что их беседа подошла к такому моменту, когда гостю дозволялось задать высокому синклиту один-два вежливых вопроса. Митч поменял положение ног. Вопрос номер один - деньги, необходимо же сравнить их предложение с уже имеющимися. Если сумма его не устроит, подумал Митч, то, что ж, приятно было познакомиться с вами, господа. А вот если оклад подойдет, вот тогда он будет готов беседовать с ними о семье, женитьбе, о футболе и Боге. Из собственного опыта он знал, что, подобно другим фирмам, эти тоже будут долго ходить вокруг да около, пока всем не станет неловко и других тем для беседы не останется. Ладно, зададим сначала вопросик полегче.

- С чего мне предстоит начать работу в вашей фирме?

Вопрос им понравился. Ламберт и Макнайт повернули головы к Ламару - отвечать должен был он.

- Первые два года вы будете как бы учеником, хотя это называется у нас иначе. Вас будут посылать в командировки по всей стране на семинары по налогообложению. Учиться вам придется еще много. Зимой следующего года вы проведете пару недель в Вашингтоне, в

институте налогообложения. У нас есть все основания гордиться нашими экспертами, поэтому постоянная учеба обязательна для каждого из нас. Если вы захотите защитить диссертацию по налогам, фирма оплатит все ваши расходы. Что касается практической деятельности, то в эти первые два года не ждите чего-то необычного. Много работы с документами и общей рутины. Но платить вам будут хорошо.

- Сколько?

Ламар взглянул на Макнайта, не сводившего глаз с Митча.

- Вопрос об окладе и дополнительных льготах мы обсудим, когда вы приедете в Мемфис.

- Я хочу услышать хотя бы приблизительную цифру, в противном случае поездка в Мемфис может и не состояться. - Макдир усмехнулся мягко, но все же чуть высокомерно. Он говорил как человек, которому сделали три блестящих предложения.

Компаньоны обменялись понимающими улыбками. Первым заговорил Ламберт:

- О'кей. В первый год основной оклад восемьдесят тысяч долларов плюс премии. На следующий год оклад восемьдесят пять тысяч плюс премии. Льготный низкопроцентный заем на покупку дома. Членство в двух клубах. И новый "БМВ". Цвет, конечно, выбираете сами.

Они впились глазами в его губы, против воли растягивающиеся в улыбку. Он фыркнул.

- Это немисливо, - пробормотал Митч. Восемьдесят тысяч, в Мемфисе равнялись ста двадцати тысячам в Нью-Йорке. Да еще "БМВ"! Спидометр его фургончика-"мазды" накрутил уже десятки тысяч миль, а сама машина сейчас стояла на приколе, в ожидании, пока он накопит достаточно денег на новый стартер

- И еще кое-какие льготы, которые мы с радостью обсудим, когда вы приедете в Мемфис. Внезапно ему очень захотелось съездить в Мемфис. Кажется, там есть еще какая-то река?

Ему удалось собраться, лицо посерьезнело. Строго и значительно глядя на Оливера Ламберта, как бы позабыв о деньгах, о доме и "БМВ", он произнес:

- Расскажите мне о вашей фирме.

- У нас работает сорок один юрист. В прошлом году в пересчете на одного работающего мы получили доход больший, чем любая другая фирма, пусть даже и более крупная. Включая и самые известные в стране. У нас исключительно богатая клиентура:

корпорации, банки и те люди, которые в состоянии платить высокие гонорары и не жаловаться на это. Мы специализируемся на международном налогообложении, это очень интересно и не менее выгодно. Мы имеем дело только с теми, кто может платить.

- Сколько времени уходит у сотрудников на то, чтобы стать компаньоном фирмы?

- В среднем около десяти лет, и это десять лет напряженного труда. Считается обычным, когда компаньон зарабатывает полмиллиона в год и уходит на пенсию еще до пятидесяти. Безусловно, они тоже что-то дают фирме. В вашем случае - это восьмидесятичасовая рабочая неделя, однако партнерство в фирме стоит таких усилий. Ламар чуть подался вперед.

- Но чтобы зарабатывать шестизначные суммы, вовсе не обязательно дожидаться партнерства. Я работаю в фирме семь лет, а сотысячный рубеж перешагнул четыре года назад.

Митч на мгновение задумался и быстро подсчитал, что к тридцати годам он может зарабатывать гораздо больше ста тысяч в год, скорее, ближе к двумстам. К тридцати годам!

Они не спускали с него глаз и знали наверняка, что именно он подсчитывает в уме.

- Чем фирма, специализирующаяся на международном налогообложении, занимается в Мемфисе?

Вопрос вызвал улыбки. Ламберт снял очки и стал покручивать ими в воздухе.

- Хороший вопрос! Фирму основал мистер Бендини в 1944 году. Он был юристом, занимался налогами в Филадельфии, имел несколько богатых клиентов с Юга. Потом ему пришло в голову обосноваться в Мемфисе. В течение двадцати пяти лет он не нанимал никого, кроме профессионалов в налоговом законодательстве, и фирма процветала. Мы тоже все люди пришлые, но Мемфис успели полюбить. Это очень приятный старый южный город. А мистер Бендини умер в 1970 году.

- Сколько в фирме компаньонов?

- Активных - двадцать. Мы стараемся придерживаться соотношения один компаньон - один сотрудник. Для промышленности это, может, высоковато, ну а нас устраивает. И потом, у нас свой подход.

- Все наши компаньоны к сорока пяти становятся мультимиллионерами, - добавил Ройс Макнайт.

- Все?

- Именно так, сэр. Мы не можем этого гарантировать, но если вы придете к нам, проработаете десять трудных, напряженных лет, станете компаньоном, проработаете еще десять лет и не превратитесь к сорока пяти годам в мультимиллионера, вы окажетесь первым за последние двадцать пять лет.

- Ваша статистика впечатляет.

- Впечатляет наша фирма, Митч, - подхватил Ламберт, - и мы все гордимся ею. Мы живем тесным братством. Нас мало, и мы привыкли заботиться друг о друге. Между нами нет той смертельной конкурентной борьбы, которой прославились крупные фирмы. Мы очень осторожны в выборе тех, кого нанимаем, и стремимся к тому, чтобы каждый новый сотрудник как можно быстрее стал компаньоном. Именно поэтому мы не жалеем времени и денег - ни на самих себя, ни, в особенности, на наших новых сотрудников. Редко, крайне редко случается, чтобы юрист уходил из нашей фирмы. Мне, собственно, и не приходилось о таком слышать.

Мы всеми силами способствуем карьере молодого сотрудника. Мы хотим, чтобы наши люди были счастливы. В фирме считается, что это наиболее выгодный способ строить взаимоотношения.

- Вот еще немного впечатляющей статистики, - добавил Макнайт. - В прошлом году текучесть кадров для фирм нашего масштаба или больших составила в среднем двадцать восемь процентов. В фирме "Бендини, Ламберт энд Лок" - ноль. В позапрошлом году - ноль. Много воды утекло с тех пор, когда из нашей фирмы кто-либо уходил.

Внимательнейшим образом продолжали они изучать его, им нужно было увериться в том, что информация не только дошла до адресата, но и была им адекватно воспринята. Каждый момент беседы, каждый вопрос были очень важны для них, однако прежде всего требовалось установить, понял ли этот молодой человек, осознал ли, что если он примет их предложение, то это его решение будет бесповоротным, будет окончательным? Видит Господь, то, что можно было объяснить ему сейчас, они объяснили. Позже придет время и для другой информации.

Безусловно, знали они гораздо больше, чем могли сказать ему. Они знали, например, что его мать живет в легковом прицепе на городском пляже города Панамы вместе со своим новым мужем - вышедшим на пенсию водителем-алкоголиком. Знали, что она получила 41 000 долларов страховки за погибшего первого мужа, промотала большую их часть, а после того как ее старший сын был убит во Вьетнаме, немного тронулась. Им также было известно, что его воспитанием никто не занимался, рос он в нищете, и на ноги его поднимал его брат Рэй (которого они никак не могли найти) и какие-то жалостливые родственники. Нищета ранит очень больно и, как они безошибочно предвидели, заставляет человека сломя голову добиваться успеха. Отличную учебу и игру в футбол ему еще приходилось совмещать с работой в ночном магазинчике - тридцать часов в неделю. Они знали, что он привык мало спать. Знали, что он был голоден. Он был их человеком.

- Вы приедете к нам? - спросил его Оливер Ламберт.

- Когда?

В этот момент он думал о черном "БМВ-318" с откидным верхом.

Старушка "мазда" с тремя вмятинами на кузове, с покрытым трещинами ветровым стеклом стояла на склоне в канаве, с вывернутыми на сторону передними колесами - чтобы не скатилась. Эбби просунула руку в окно дверцы и открыла ее изнутри, дважды сильно дернув. Уселась, вставила ключ зажигания, нажала на педаль сцепления, выровняла колеса. "Мазда" начала медленно сползать со склона. Почти не дыша, Эбби сидела, закусив губу, и ждала, когда оживет двигатель.

С предложениями от трех известных фирм до нового автомобиля оставалось всего четыре месяца. Ничего страшного, она подождет. Ведь жили же они целых три года в полной нищете в крошечной двухкомнатной квартирке университетского кампуса, стоянки которого были забиты “порше” и спортивными “мерседесами”.

Большей частью они держались в стороне от однокашников мужа и ее коллег по работе - студенческий городок был бастионом снобизма на Восточном побережье. Кто они для окружающих - деревенщина из Кентукки, друзей нет. Но они выжили и были счастливы наедине друг с другом.

Чикаго ей нравился больше, чем Нью-Йорк, пусть даже и оклад там пониже, зато подальше от Бостона и поближе к Кентукки. А вот Митч что-то темнил, различные варианты он просчитывал и взвешивал только в своей голове, с нею же почти не делился. Посетить Чикаго или Нью-Йорк вместе с мужем ее не приглашали. Она устала гадать. Ей хотелось услышать наконец ответ.

В нарушение правил она опять-таки припарковала машину на склоне; до дома ей нужно было пройти пару кварталов. Их квартира была одной из тридцати, расположенных в двухэтажном доме из красного кирпича.

Стоя у двери, Эбби копалась в сумочке в поисках ключа. Дверь неожиданно распахнулась, Митч буквально втащил ее вовнутрь, повалил на кушетку, набросился с поцелуями. Она успела только вскрикнуть и рассмеяться; ноги и руки ее нелепо болтались в воздухе. Они целовались и обнимались долго, так же, как это делали будучи подростками: минут по десять, с ласками и стонами, когда поцелуй был развлечением, таинством и высшим наслаждением.

- Боже мой, - проговорила она, когда они насытились, - это по какому же случаю?
- Чувствуешь, как пахнет?

Она посмотрела по сторонам, повела носом.

- Да, только не пойму чем.
- Это жареная лапша с курятиной и тушеные яйца. От Вана.
- Хорошо, но все же, что случилось?
- Плюс еще бутылочка не самого дешевого шабли. Пробка из пробки, а не из

пластмассы.

- Что все это значит, Митч?
- За мной! - скомандовал он.

На небольшой кухонный стол, прямо среди блокнотов и журналов наблюдений за детьми, он водрузил большую бутылку вина и пакет с обедом из китайского ресторанчика. Пока Эбби разбирала кавардак на столе, Митч откупорил бутылку и наполнил два пластиковых стаканчика.

- Ну и встреча была сегодня.
- С кем?
- Помнишь ту фирму из Мемфиса, месяц назад я получил от них письмо?
- Помню. Не очень-то она тебя тогда впечатлила.
- То-то и оно. Я впечатлен - больше некуда. Они занимаются налогами и платят неплохие деньги.

- Насколько неплохие?

Он медленно и со значением вывалил на тарелки лапшу, достал крошечную бутылочку с соевым соусом. Она терпеливо ждала. Не спеша Митч раскрыл другой пакет, с яйцами. Отпил вина, провел языком по губам.

- Сколько? - повторила Эбби.
- Больше, чем в Чикаго. Больше, чем на Уолл-стрит.

Она медленно, осторожно пригубила вино, глядя на мужа с недоверием. Глаза сузились и посверкивали, на лбу пролегли озабоченные морщинки.

- Сколько?
- Восемьдесят тысяч в первый год работы, плюс премии. Восемьдесят пять тысяч на следующий год, плюс премии.

Он небрежно выговаривал слова, разглядывая листики сельдерея в тарелке с лапшой.

- Восемьдесят тысяч, - как эхо повторила она.

- Восемьдесят тысяч, детка. Восемьдесят тысяч долларов в Мемфисе, штат Теннесси, примерно то же самое, что сто двадцать в Нью-Йорке.

- Кому нужен Нью-Йорк?

- Плюс низкопроцентный заем для покупки дома. Это слово - заем - давно уже не звучало в их разговорах. Эбби, собственно, и припомнить даже не могла, когда они в последний раз говорили о собственном доме или о чем-то подобном. Само собой разумелось, что они снимут какое-то жилье и, может быть, когда-нибудь, в необозримом будущем, когда они добьются положения и богатства, смогут подумать о такой серьезной вещи, как заем.

Она поставила стакан на стол и сказала скучным голосом:

- Я не расслышала.

- Низкопроцентный заем. Фирма ссужает нас суммой, достаточной для покупки дома. Им очень важно, чтобы их сотрудники выглядели процветающими, поэтому процент будет невелик.

- Ты имеешь в виду дом? С лужайкой вокруг и зеленью?

- Именно. Я говорю не о баснословной квартире в Манхэттене, а о домике с тремя спальнями, в зеленом пригороде, с бетонной дорожкой и гаражом на две машины, где будет стоять наш "БМВ".

И вновь до ее сознания не сразу дошел смысл только что сказанного.

- Какой "БМВ"? Чей?

- Наш, детка, наш "БМВ". Фирма, так сказать, сдает нам его в аренду, новый "БМВ" с ключами. Ну, нечто вроде аванса. А это стоит пяти тысяч в год. И мы выбираем цвет, конечно. Я предпочел бы черный. Что скажешь?

- Никаких драндулетов, никаких объедков и никакого готового платья, - мечтательно протянула она и медленно покачала головой.

Набив рот лапшой, Митч смотрел на нее и улыбался. Он-то знал, как давно она грезила о мебели, о хороших обоях, о бассейне перед домом. И о детишках: маленьких, темноглазых, с русыми головками.

- Будут еще и другие льготы.

- Не понимаю, Митч, почему они так щедры?

- Я их тоже спросил об этом. Они очень избирательны, они чертовски горды тем, что платят по максимуму. Они хотят иметь только лучшее и поэтому не скупятся. Текучесть кадров у них равна нулю. А потом, я думаю, заманить профессионала в Мемфис действительно стоит дороже.

- Это и к дому будет ближе, - произнесла Эбби, не глядя на мужа.

- У меня дома нет. Будет ближе к твоим родителям, и это меня беспокоит.

Она пропустила его слова мимо ушей, как и большую часть того, что он говорил о ее семье.

- Ты будешь ближе к Рэю.

Он кивнул, впился зубами в сдобную булочку и представил себе, как к ним впервые приедут ее родители: вылезают из старенького "кадиллака" и обмирают при виде особнячка в колониальном стиле с гаражом на две машины. Они будут задыхаться от зависти и негодовать при мысли о том, что безродный муж их дочери в свои двадцать пять лет, только с университетской скамьи - подумать только! - ив состоянии позволить себе все это. Будут расточать лживые улыбки и комплименты, а потом тесть, мистер Сазерленд, не выдержит и спросит, во что обошелся дом, и в ответ Митч посоветует ему не совать свой нос в чужие дала, и старик совсем взбеленится. Через пару дней ее предки вернутся в Кентукки, и все в округе узнают, как блестяще идут дела у их дочери и зятя в Мемфисе. Эбби, конечно, огорчится, что они никак не могут поладить, но плакать не станет. С самого начала они относились к нему как к прокаженному. Он был настолько ниже их, что даже свадьбу собственной дочери они не удостоили своим присутствием.

- Ты была когда-нибудь в Мемфисе?

- Давно, еще маленькой девчонкой, на каком-то церковном празднике. Помню только реку.

- Они приглашают нас приехать.

- Нас! Ты хочешь сказать, что и меня тоже?
- Да. На этом особенно настаивают.
- Когда?
- Через пару недель. Вылетим в четверг, чтобы провести там весь уик-энд.
- Мне нравится эта фирма.

2

Пятиэтажное здание было построено сто лет назад хлопковым торговцем и его сыновьями, после гражданской войны Севера и Юга, когда в Мемфисе начала возрождаться деловая жизнь. Оно стояло в самом центре Фронт-стрит, неподалеку от реки. Через него прошли миллионы тюков хлопка, закупленного в Миссисипи и Арканзасе для продажи по всему миру. Потом долгое время оно стояло опустевшим и заброшенным, после первой мировой войны фасад его время от времени подкрашивали - все-таки центр города, а в 1951 году его приобрел в собственность энергичный юрист Энтони Бендини. Он отремонтировал здание и открыл в нем свою контору, а само здание переименовал в Бендини-билдинг.

Бендини пестовал дом, как нежная мать потакает причудам своего дитяти; год от года строение становилось все роскошнее. Стены были упрочнены, двери и окна опечатывались, вооруженная охрана обеспечивала безопасность сотрудников и имущества. Здание оборудовали лифтами, системой электронной сигнализации, кодовыми замками и телемониторингом. Появились сауны, раздевалки и комнаты для взвешивания; обедали компаньоны фирмы в специальной столовой на пятом этаже, откуда открывался прекрасный вид на реку.

За двадцать лет Бендини сделал свою фирму самой богатой и, безусловно, самой надежной в Мемфисе. Он был помешан на скрытности и конфиденциальности. Каждому новому сотруднику исподволь прививалось сознание того, что нет большего греха, чем распушенность языка. Конфиденциальным было все: оклады и дополнительные доходы, продвижение по службе и, превыше всего, клиентура. Разглашение информации - любой информации - о фирме, и об этом особенно предупреждали новичков, ставило под угрозу осуществление лелеемой мечты: партнерства. Каждый принятый сотрудник надеялся в конце концов стать компаньоном фирмы. Поэтому за стены крепости на Фронт-стрит не выходило ни слова. Жены не задавали вопросов или выслушивали ложь. От сотрудников требовалось напряженно работать, всегда сохранять выдержку и жить счастливо на те деньги, которые они за это получали. Все так и делали. Все без исключения.

Со своим штатом из сорока одного человека фирма была четвертой по величине в Мемфисе. Работавшим в ней людям не требовалась реклама или любая другая шумиха, они жили кланом и братских отношений с коллегами из других фирм не поддерживали. Жены их ходили в магазины, играли в теннис и бридж тоже только между собой. Фирма "Бендини, Ламберт энд Лок" была во всех смыслах большой семьей. И очень богатой.

В 10 часов утра в пятницу у здания на Фронт-стрит остановился принадлежащий фирме лимузин, и из него вышел м-р Митчел И. Макдир.

Вежливо поблагодарив водителя, он проводил взглядом отъехавшую машину. Первый раз в жизни он ехал в лимузине.

Митчел стоял у фонарного столба и рассматривал оригинальное, чуть даже вычурное, но тем не менее внушительное здание фирмы. Ничего общего со стальными и стеклянными громадами Нью-Йорка, где обитает тамошняя элита, или с циклопическим цилиндром в десятки этажей, который он посетил, будучи в Чикаго. Здание ему нравилось. Не такое претенциозное, оно было проще. Больше походило на него самого.

В дверях появился Ламар Куин и начал спускаться по лестнице навстречу, выкрикивая приветствия и приглашая внутрь. Накануне вечером он встретил Митча и Эбби в аэропорту и отвез их в "Пибоди", или, как он сказал, "Гранд-отель Юга".

- Доброе утро, Митч, как спалось?
- Они обменялись дружеским рукопожатием.
- Отлично. Отель просто замечательный.

- Мы так и думали, что вам понравится. “Пибоди” нравится всем.

Мужчины вошли в вестибюль, где небольшой транспарант приветствовал Митчела И. Макдира, гостя дня. Безукоризненно одетая, но не очень привлекательная секретарша, тепло улыбнувшись, назвалась Сильвией и сказала, что со всеми пожеланиями, пока он будет в Мемфисе, мистер Макдир должен обращаться к ней. Митч поблагодарил.

Ведя его по длинному коридору, Ламар объяснял гостю планировку здания, представлял секретаршам и младшему юридическому персоналу. В это время в главном зале библиотеки на втором этаже вокруг громадного круглого стола сидела группа людей, занятых кофе, пирожными и разговорами. Когда двери распахнулись, и Ламар ввел Митчела, голоса смолкли.

Обменявшись с Митчем приветствиями, Оливер Ламберт представил его присутствующим. Их было человек двадцать, почти все сотрудники, причем большинство выглядели не намного старше Митча. Компаньоны, объяснил Ламар, были заняты, он встретится с ними позже, во время обеда. Ламберт призвал к тишине.

- Джентльмены, это Митчел Макдир. Вы все слышали о нем, и вот он перед вами. Он наш единственный кандидат, наш, так сказать, лидер гонки. Его соблазняют различные шишки в Нью-Йорке, Чикаго и Бог знает где еще, поэтому нам нужно очень постараться, чтобы он предпочел им нашу маленькую фирму.

Сидевшие за столом с улыбками одобрительно закивали. Гость смутился.

- Через два месяца он закончит Гарвардский университет, и закончит с отличием. К тому же он является помощником редактора университетского юридического журнала.

Это, заметил Митч, произвело впечатление.

- До этого, - продолжал Ламберт, - он закончил колледжа Кентукки, и тоже с отличием. Плюс ко всему, он четыре года играл в футбол, защитником.

И эта деталь не прошла незамеченной, а на некоторых лицах был написан, похоже, священный ужас, как если бы перед ними сейчас стоял Джо Намас.

Глава фирмы продолжал монолог, в то время как Митчел уже начинал чувствовать себя неловко. А Ламберт и не думал останавливаться, он говорил о том, каким строгим был всегда у них в фирме отбор, как замечательно соответствует мистер Макдир всем их требованиям.

Засунув руки в карманы, Митч позволил себе отвлечься и начал изучать сидящих перед ним людей. Все они выглядели молодыми, преуспевающими и состоятельными. Одеты по-деловому, строго, но, в общем-то, так же, как одеваются их коллеги в Нью-Йорке или Чикаго: темно-серые или темно-синие шерстяные костюмы, белые или голубые рубашки, в меру накрахмаленные, и шелковые галстуки. Ничего кричащего или непрактичного. Двое, может быть, трое были в бабочках, но дальше этого экстравагантность не шла. Чувство меры во всем. Никаких бород, усов или причесок, опускающихся на уши. Пара лиц показались ему занудливыми, но приветливых и дружелюбных было большинство.

Ламберт между тем заканчивал:

- Ламар проведет нашего гостя по кабинетам, так что у вас будет возможность поболтать с ним. Будем гостеприимны! Сегодня вечером Митч со своей очаровательной, и это на самом деле так, женой ужинает в “Рандеву”, вы знаете, свиные ребрышки, а завтра, конечно же, обед от имени фирмы у меня дома. Прошу всех вас помнить о хороших манерах! - Он с улыбкой посмотрел на Митчела. - Митч, если Ламар тебя утомит, дай мне знать, мы найдем кого-нибудь половчее.

Митч пожимал руку каждому из сотрудников, которые один за другим потянулись к двери, и пытался запомнить как можно больше имен.

- Начнем, пожалуй, нашу экскурсию, - обратился к нему Ламар, когда они остались вдвоем. - Это, ясное дело, библиотека, точно такие же расположены на первых четырех этажах. В библиотеках мы также проводим различные совещания. Набор книг в каждой библиотеке не повторяется, поэтому трудно бывает сказать, где ты окажешься через два часа, это зависит от документов, с которыми работаешь. С книгами заняты два профессиональных библиотекаря, но мы очень активно используем микрофильмы и микрофиши. Как правило, вся исследовательская работа ведется только в стенах этого здания. Здесь более ста тысяч томов, включая все мыслимые налоговые установления,

это побольше, чем во многих юридических учебных заведениях. Если тебе понадобится книга, которой здесь нет, просто скажи о ней библиотекарю.

Они прошли мимо стола для заседаний и бесконечных рядов книжных полок.

- Сто тысяч томов! - тихонько пробормотал Митч.

- Да, у нас уходит около полумиллиона долларов в год на то, чтобы пополнять фонды и идти в ногу с обществом. Компаньоны всегда брюзжат по этому поводу, но ни у кого и мысли не возникает сэкономить на этом. Наша библиотека - одна из крупнейших среди частных юридических библиотек в стране, мы гордимся ею.

- Она этого заслуживает.

- Фирма всеми мерами старается облегчить поисковую работу. Ты и сам знаешь, какая это тоска и сколько времени можно угробить, пока найдешь нужный тебе материал. В первые два года тебе придется провести здесь немало времени, так вот мы старались, чтобы окружающее хотя бы не вызывало у тебя отвращения.

В дальнем углу, позади заваленного в беспорядке стола они наткнулись на библиотекаря, который представился Митчелу, а затем кратко рассказал о компьютерном зале, где десяток терминалов был в постоянной готовности выдать или упорядочить любой объем информации. Библиотекарь горел желанием ознакомить гостя с новейшей программной разработкой, но Ламар обещал заглянуть позднее.

- Отличный парень, - отозвался он о служащем, когда они вышли в коридор. - Фирма платит ему сорок тысяч в год только за то, чтобы он возился со своими книжками. Удивительно!

“И вправду удивительно”, - подумал Митч. Второй этаж был практически точной копией первого, равно как и третьего, и четвертого. Центр каждого занимали столб! секретарш, вращающиеся этажерки с папками, копировальные машины и прочая необходимая техника. По одну сторону от этого открытого пространства располагалась библиотека, по другую вдоль коридора шли небольшие комнаты для совещаний и кабинеты.

- Ни одной мало-мальски пригожей секретарши ты здесь не увидишь, - негромко сказал Ламар, когда они стояли и наблюдали за их работой. - Похоже, это стало у нас неписаным законом. Оливер Ламберт из кожи вон лезет, чтобы разыскать самых старых и непривлекательных. Уверяю, некоторые работают здесь уже по двадцать лет.

- Какие они все расплывшиеся, - как бы про себя заметил Митч.

- Это часть общей стратегии - приучить нас не давать воли рукам. Флирт запрещен категорически, да я и не припомню ни одного случая.

- Ну, а если?

- Кто его знает. Секретаршу, конечно, выгонят. А мужчину накажут, и, думаю, строго. Это может стоить ему партнерства в фирме. Не думаю, что найдутся желающие выяснить это на собственном опыте, да еще с этими коровами.

- А одеты они отлично.

- Пойми меня правильно: мы нанимаем только специалистов своего дела и платим больше, чем любая другая фирма в городе. Перед тобой лучшие секретарши, хотя, безусловно, далеко не самые привлекательные. Нам требуются профессионализм и зрелость. Да Ламберт и не наймет никого моложе тридцати.

- Одна секретарша на каждого сотрудника?

- Да, до тех пор, пока ты не станешь компаньоном. Тогда у тебя будет и вторая, и она будет тебе необходима. У Натана Лока их три, каждая с двадцатилетним стажем, и он заставляет их бегать как девочек.

- Где его кабинет?

- На четвертом этаже. Посторонним вход туда запрещен.

Митч хотел задать вопрос, но сдержался.

Ламар объяснил ему, что угловые кабинеты, размером двадцать пять на двадцать пять футов, принадлежат только старшим компаньонам. “Кабинеты власти”, назвал он их, и в голосе его слышалось волнение. Эти помещения оформлялись в соответствии с личными вкусами их владельцев, расходы тут в счет не шли. Освобождались они только в связи с уходом компаньона на отдых или после его смерти, и тогда среди более молодых партнеров начиналась борьба за право занять престижный “угол”.

Ламар поколдовал над замком одного из таких кабинетов, и они вошли внутрь, закрыв за собой дверь.

- Неплохой вид, а? - сказал он, кивнув на окно. Перед Митчем открылась панорама реки, плавно несущей свои воды вдоль набережной Риверсайд-драйв.

- Сколько же надо проработать, чтобы получить его в свое распоряжение? - спросил он, следя взглядом за баржей, проходящей под мостом в сторону Арканзаса.

- Да уж немало. Когда ты устроишься здесь, ты уже будешь богат, но так занят, что вряд ли у тебя найдется время любоваться видом из окна.

- Кто здесь сидит?

- Виктор Миллиган. Он ведает отделом налогов, очень приятный человек. Родом из Новой Англии, но здесь живет уже двадцать пять лет, зовет Мемфис родным домом. - Сунув руки в карманы, Ламар зашагал по кабинету. - Пол и потолок здесь остались прежними, им более ста лет. Вообще-то почти все внутренние помещения покрыты коврами или другой дребеденью, но в некоторых дерево сохранилось отлично. Ковры тебе предложат на выбор, когда ты окажешься здесь.

- Я люблю дерево. А что это за ковер?

- Какой-нибудь персидский, старинный, не знаю, откуда он. Письменный стол принадлежал еще его прадедушке, какому-то судье на Род-Айленде, так он, во всяком случае, нам говорил. Он любитель присочинить, так что трудно бывает сказать, когда он серьезен, а когда нет.

- А где он сейчас?

- Думаю, на отдыхе. Тебе что-нибудь говорили об отпусках?

- Нет.

- Первые пять лет работы ты имеешь право на ежегодный двухнедельный оплачиваемый отпуск. После этого - три недели до тех пор, пока не станешь компаньоном, а тогда уже тебе решать, когда и на какое время йогги в отпуск. В распоряжении фирмы небольшой горный отель в Вэйле, охотничий домик на озере в Манитобе, ей также принадлежат два дома на Большом Каймане. Всем этим ты пользуешься бесплатно, но заказывать комнату нужно заблаговременно, желающих хватает, а компаньоны к тому же обладают правом первой очереди. А уж после них - кто не успел, тот опоздал. Наши люди предпочитают Каймановы острова. Это признанное международное убежище от налогов, и большая часть наших сотрудников стремится именно туда. Думаю, Миллиган сейчас там, скорее всего, развлекается подводным плаванием и называет это своим бизнесом.

Митч слышал о Каймановых островах на одном из курсов по налогообложению и знал, что это где-то в Карибском море. Он думал было спросить Ламара, где именно, но тут же решил, что выяснит сам.

- Всего две недели?

- Да, а что, какие-то проблемы?

- Нет, ничего серьезного. В Нью-Йорке предлагают по меньшей мере три. - Прозвучало это так, как будто в душе Митч считал, что подобные дорогостоящие отпуска достойны всяческого осуждения. Однако, кроме трехдневного уик-энда, который они с Эбби называли "медовым месяцем", а также нечастых автомобильных вылазок на природу, Митч ни разу еще не имел того, что люди называют словом "отпуск", и никогда ему не приходилось выезжать за пределы страны.

- Тебе могут предоставить еще одну неделю, но без содержания.

Митчел кивнул так, как будто бы это его устроило, они вышли из кабинета Миллигана, чтобы продолжить осмотр. По сторонам коридора располагались кабинеты юристов фирмы - залитые светом, с большими окнами, с открывающимися из них видами на город. Кабинеты с видом на реку считались более престижными, и, по словам Ламара, заняты они были, как правило, компаньонами. И на эти помещения существовала очередь.

Комнаты для совещаний, библиотеки, столы секретарш располагались в частях здания, лишенных окон, - чтобы ничто не отвлекало служащих от их обязанностей.

Кабинеты сотрудников были меньше - пятнадцать на пятнадцать футов, но великолепно

оформлены и выглядели куда более импозантно, чем помещения тех фирм, которые он посетил в Нью-Йорке и Чикаго. Ламар объяснил Митчу, что на специалистов-декораторов фирма потратила целое состояние. Похоже, что деньги здесь росли на деревьях.

Сотрудники помоложе проявляли явное дружелюбие и желание поговорить, никак не давая понять, что их отвлекли от дела. Почти у каждого нашлось несколько хвалебных слов в адрес фирмы и города. Старый город помолодеет с вашим приездом, звучало у него в ушах, правда, на это уйдет какое-то время. Нас тоже, говорили ему, сманивали шишки с Уолл-стрит или из Капитолия, но мы здесь, и не жалеем об этом.

Компаньоны казались более занятыми, но не менее любезными. Снова и снова ему напоминали, с какой тщательностью его отбирали и как удивительно он соответствует требованиям фирмы. Эта фирма создана прямо-таки для него! Его уверяли в том, что за обедом их интересный разговор будет непременно продолжен.

Часом раньше Кэй Куин, оставив детей под присмотром приходящей сиделки и прислуги, встретила с Эбби в вестибюле отеля, чтобы вместе позавтракать. Так же как и Эбби, она была родом из небольшого городка. Она вышла замуж за Ламара по окончании колледжа и три года прожила в Нэшвилле, пока ее муж изучал право в университете Вандербилта. Сейчас Ламар зарабатывал столько, что она оставила работу и занималась двумя детьми. Все свое свободное время она теперь делила между домом, клубом садоводов, благотворительным фондом, загородным клубом, спортивным клубом и, наконец, церковью. Несмотря на деньги и известное положение, она осталась скромной и непритязательной женщиной и явно собиралась оставаться такой всю жизнь, каких бы высот ни достиг ее муж. Эбби нашла себе подругу.

Подкрепившись рогаликами и яйцами всмятку, молодые женщины уселись в уютном вестибюле, попивая кофе и наблюдая за плещущимися вокруг фонтанных струй небольшими уточками. Кэй предложила совершить небольшую поездку по городу, а потом пообедать у нее дома. Может, зайти в один-другой магазин.

- А про заем на дом они вам говорили? - спросила она Эбби.

- Да, еще при первой беседе.

- Им хочется, чтобы вы купили дом сразу после переезда сюда. Подавляющее большинство выпускников не могут позволить себе такие расходы, поэтому фирма ссужает их деньгами под очень небольшой процент.

- Какой именно?

- Не знаю точно. Мы приехали сюда семь лет назад и живем сейчас уже во втором доме, первый, поменьше, продали. Это будет выгодно для вас, поверь мне. Уж фирма проследит за тем, чтобы у вас был собственный дом. Здесь это вроде неписаного правила.

- Почему им это так важно?

- По нескольким причинам. Прежде всего, они хотят, чтобы вы переехали сюда. Фирма очень избирательна, и, как правило, если они хотят, чтобы человек к ним пришел, этот человек приходит. А поскольку Мемфис не идет в сравнение с крупными городами, где жизнь бьет ключом, они чувствуют себя обязанными как-то это компенсировать. К тому же к сотрудникам предъявляются очень высокие требования, они перерабатывают, у них восьмидесятичасовая рабочая неделя, их часто не бывает дома. Это нелегко и для мужа и для жены, и фирма знает об этом. Суть в том, что, когда в семье все хорошо, юрист чувствует себя счастливым, а счастливый юрист приносит фирме больше прибыли. Так что в основе всего - прибыль. Они очень практичны. И еще, наши мужчины - заметь, там нет женщин - очень гордятся тем, что они так преуспевают, им пристало выглядеть и действовать так, как это делают состоятельные люди. Фирма посчитала бы за оскорбление, если бы ее сотрудник вынужден был жить в квартире. Нет, ему полагается владеть домом, а через пять лет - новым, побольше. Если после обеда у нас будет время, я покажу тебе дома некоторых компаньонов. Тогда ты перестанешь возмущаться восьмидесятичасовой рабочей неделей.

- А я и не возмущаюсь, я давно привыкла.

- Молодец, но учеба в университете не идет ни в какое сравнение. Когда подходит время уплаты налогов, они, бывает, работают и по сто часов в неделю.

Эбби улыбнулась и непроизвольно потрясла головой, впечатленная этой цифрой.

- Кэй, ты работаешь?

- Нет. Большинство жен не работают. Деньги в доме есть, так что женщину работать ничто не заставляет, да и мужа не слишком-то помогают воспитывать детей. Но, конечно, работать не запрещается.

- Кем не запрещается?

- Фирмой.

- Надеюсь, что это так.

Про себя Эбби повторила слово “запрещается”, но тут же выбросила его из головы.

Кэй пила кофе и любовалась утками в фонтане. Какой-то малыш, видимо, убежавший от матери, тянулся ручонками к воде.

- Вы думаете заводить детей? - обратилась она к Эбби.

- Может, через пару лет.

- Детишки поощряются.

- Кем?

- Фирмой.

- С какой это стати фирме беспокоиться о том, есть у нас дети или нет?

- Как же, ведь это упрочает семью. Когда появляется новорожденный, вокруг устраивают такую шумиху - шлют тебе в больницу цветы и подарки, и вообще чувствуешь себя королевой. Мужу предоставляют недельный отпуск, но он, как правило, слишком занят, чтобы им воспользоваться. Фирма делает страховой взнос в тысячу долларов - на будущее обучение ребенка. И вообще все очень веселятся.

- Похоже, у вас тут прямо-таки братство какое-то. - Скорее одна большая семья. Вся наша жизнь, в том числе и общественная, связана с фирмой, и для нас это важно, ведь коренных жителей среди нас нет, все мы трансплантаты.

- Все это просто здорово, но не хотелось бы, чтобы кто-то мне говорил, когда работать, когда отдыхать, когда иметь детей.

- Не переживай. Фирма очень заботится о семье, но совать нос в твою жизнь они не станут.

- По-моему, я начинаю сомневаться в этом.

- Говорю тебе, успокойся, Эбби. Они как семья, они прекрасные люди, а Мемфис - замечательный город, в котором можно жить и растить детей. Стоимость жизни здесь ниже, и сама жизнь течет неторопливее и плавнее. Может, ты сравниваешь Мемфис с большими городами? Мы тоже так делали, но, поверь, Мемфис стоит любого из них.

- Я увижу весь город?

- Конечно, для этого-то я и здесь. Давай начнем с центра, отсюда отправимся на восток посмотреть на пригороды, может, на кое-какие приятные домики, а потом пообедаем в моем любимом ресторанчике.

- Похоже, скучать не придется, - отозвалась Эбби. Кэй расплатилась. Они вышли из отеля и уселись в новый “мерседес” семейства Куин.

Столовая, как ее просто называли, располагалась в конце пятого этажа и выходила окнами на набережную и лениво ползущую за ней реку. Из высоченных окон открывался захватывающий вид на мосты и доки, буксиры, пароходики, баржи.

Помещение это было святилищем, надежным убежищем для тех, кто был достаточно талантлив и честолюбив, чтобы стать компаньонами уважаемой фирмы Бендини. Они встречались здесь ежедневно на обедах, которые им готовила Джесси Фрэнсис, огромная пожилая темпераментная негритянка, а подавал блюда на стол ее муж Рузвельт, в белых перчатках и старомодном, неловко сидящем на нем чуть выцветшем и морщинистом фраке, подаренном лично мистером Бендини незадолго до смерти. Иногда компаньоны встречались и по утрам, чтобы выпить кофе с горячими пирожками и обсудить дела, а также, от случая к случаю, - и за бокалом вина, отмечая удачный месяц или чей-нибудь небывало высокий гонорар. Столовая была предназначена только для компаньонов, ну разве что случайный гость - крайне выгодный клиент или перспективный кандидат в сотрудники - переступал ее порог. Сотрудники могли обедать здесь дважды в год, только дважды - это регистрировалось в соответствующей книге, - и только по

приглашению компаньонов.

К столовой примыкало помещение небольшой кухни, где творила Джесси и где она приготовила первый из этих обедов для мистера Бендини и его коллег двадцать шесть лет назад. Все эти двадцать шесть лет она готовила исключительно южную кухню, ни разу не попытавшись в угоду чьему-то вкусу приготовить блюдо, название которого она и выговорить-то не могла. “Не ешьте, если вам это не по вкусу”, - таков был ее обычный ответ на подобные требования. Судя по тому, что в тарелках, которые убирал со стола Рузвельт, ничего не оставалось, ее поварским искусством были не только довольны, но и наслаждались. По понедельникам она вывешивала меню на неделю, отдельные заказы принимала не позже десяти утра и дулась годами на того, кто вдруг вздумает отказаться от заказа или просто не придет на обед. Она с мужем работала по четыре часа в день и получала вместе с ним тысячу долларов в месяц.

Митчел сидел за столом вместе с Ламаром Куином, Оливером Ламбертом и Рейсом Макнайтом. Сначала им принесли нежнейшие свиные ребрышки с гарниром из вареной тыквы и какой-то ароматной травки.

- А жир она сегодня убрала, - обратил внимание Ламберт.

- Восхитительно! - оценил Митч.

- А вы терпимы к жирной кухне?

- Да, в Кентукки готовят так же.

- Я пришел в фирму в 1955 году, - сказал Макнайт, - а сам я из Нью-Джерси, так? И я был неспокоен в отношении южной кухни и держался от нее подальше. Все едят с маслом и готовят на животном жире, так? А потом мистер Бендини решил открыть здесь это маленькое кафе. Он нанимает Джесси, и вот уже двадцать лет я мучаюсь изжогой. Жареные красные помидоры, жареные зеленые помидоры, жареные баклажаны, жареная тыква, жареное то и се. Однажды Виктор Миллиган сказал - хватит. Он ведь из Коннектикута, так? И Джесси тут же выдала на скорую руку порцию жареных маринованных огурчиков. Представляете?! Пожарить маринованные огурчики! Миллиган позволил себе пробурчать что-то при Рузвельте, а тот доложил Джесси. Та взяла и ушла через заднюю дверь, просто ушла. На неделю. Рузвельт хотел идти на работу, а она его не пускала. В конце концов, Бендини все уладил, и она согласилась вернуться, если больше никаких жалоб не будет. Но все-таки она отказалась от жира. Думаю, все мы проживем теперь лет на десять больше.

- Восхитительно! - намазывая масло на еще одну булочку, произнес Ламар.

- У нее всегда так, - добавил Ламберт в тот момент, когда мимо их столика проходил Рузвельт, - еда здесь хороша, от нее полнеешь, но мы нечасто пропускаем обед.

Митчел ел не спеша, готовый в любой момент поддержать беседу, и старался держаться абсолютно свободно. Удавалось это с трудом. Окруженный людьми, добившимися от жизни всего, миллионерами, в этой изысканной, роскошно убранной комнате, он чувствовал себя простым смертным, очутившимся вдруг в небесных чертогах. Только присутствие Ламара и отчасти Рузвельта придавало ему бодрости.

Когда Ламберт убедился в том, что Митч уже насытился, он вытер салфеткой рот, медленно поднялся и легонько постучал чайной ложечкой.

- Джентльмены, могу ли я попросить минуту вашего внимания?

В столовой наступила тишина, головы обедающих повернулись к столику. Положив салфетки, мужчины в упор смотрели на гостя. Где-то на письменном столе у каждого лежала копия его досье. Два месяца назад они единогласно проголосовали за то, чтобы сделать его единственным претендентом. Они все знали, что он пробегает по четыре мили в день, не курит, что у него аллергия на сульфаниды, вырезаны гланды, что у него маленькая синяя “мазда”, что мать страдает психическим расстройством и что он мастерски играет в футбол. Им было известно и то, что, даже когда он болеет, он не принимает ничего более крепкого, чем пара таблеток аспирина, и то, что он достаточно голоден для того, чтобы работать сто часов в неделю, если они его об этом попросят. Митчел И. Макдир нравился им. Он приятно выглядел, был атлетически сложен, настоящий мужчина, со светлой головой и крепким телом.

- Вы знаете, что сегодня мы приветствуем здесь дорогого гостя - Митчела Макдира. В

ближайшее время он заканчивает Гарвард с отличием.

- Виват! Виват! - раздались голоса двух-трех выпускников Гарварда.

- Вот именно, благодарю вас. Митчел и его жена Эбби будут нашими гостями весь уик-энд. Митч входит в пятерку сильнейших выпускников, и на него большой спрос. Но он нужен нам здесь. Я знаю, что вы будете общаться с ним до его отъезда. Сегодня вечером его принимает Ламар Куин с супругой, а завтра всех присутствующих на ужин к себе приглашаю я.

Митчел смущенно улыбался, а Ламберт продолжал говорить что-то о величии фирмы. Когда слова его отзвучали, все вернулись к пудингу и кофе, которые разнес по столам Рузвельт.

Любимый ресторанчик Кэй оказался роскошным заведением для "золотой" молодежи в южной части города. С потолка тут и там свисали листья папоротника, музыкальный автомат негромко наигрывал музыку далеких 60-х.

Дайкири подали в высоких стеклянных бокалах.

- Думаю, по одному будет достаточно? - спросила Кэй.

- Пьяница из меня никакой, - отозвалась Эбби. Они заказали фирменное блюдо, попробовали коктейль.

- Митч любит выпить?

- Крайне редко. Он же спортсмен, очень заботится о здоровье. Иногда немного пива или бокал вина, но никаких крепких напитков. А Ламар?

- Примерно так же. Он и пиво попробовал, только в колледже, да и располнеть боится. Фирма не любит, когда прикладываются к спиртному.

- Здорово, конечно, но почему и это их волнует?

- Потому что спиртное и юристы так же соотносятся между собой, как кровь и вампиры. Насколько я знаю, все правоведаы пьют как верблюды в пустыне, алкоголизм стал их профессиональной болезнью. По-моему, все это начинается еще в годы учебы. В университете Вандербилта обязательно есть кто-нибудь, кто не просыхает. То же самое, видимо, и в Гарварде. Работа требует огромного нервного напряжения, а это обычно означает обязательную и обильную выпивку. Наши мужья, конечно, не трезвенники, это понятно, но они привыкли контролировать себя. Здоровый юрист лучше работает. Опять-таки, это вопрос прибылей.

- Ну, в этом есть хоть какой-то смысл. Митч говорил мне, что в фирме нет проблем с текучестью кадров.

- Да, за семь лет, что мы здесь прожили, я не припомню никого, кто бы ушел. Здесь платят хорошие деньги и очень осторожны в подборе сотрудников. Они не берут на работу людей из состоятельных семей.

- Не уверена, что поняла.

- Фирма не примет человека, у которого помимо его оклада был бы еще какой-то источник доходов. Им нужны молодые и голодные. Тут все дело в преданности: если все твои денежки текут из одного-единственного места, то ты будешь хранить верность этому месту. В фирме от тебя ожидают беззаветной преданности. Ламар говорит, что даже разговоров о том, чтобы уйти куда-то, он ни разу не слышал. Все они чувствуют себя счастливыми: они или богаты, или на пути к богатству. И уж если кто-то надумает уходить, он явно не заработает в другом месте столько, сколько у нас. Фирма даст Митчу все, что он захочет, только бы он согласился работать здесь. Они горды тем, что платят больше других.

- А почему они не принимают женщин?

- Пытались однажды. Она оказалась настоящей стервой, вокруг нее был вечный шум. Юристы-женщины вечно готовы в драке отстаивать свое "я". С ними трудно иметь дело. Ламар говорит, что они боятся принимать женщину, так как не смогут просто избавиться от нее в случае, если она не справится со своими обязанностями, да еще ей потребуется положительная характеристика.

Им принесли еду, от новых коктейлей они отказались. Ресторан постепенно заполнялся молодежью, атмосфера становилась все более оживленной. Слышалась мелодия Смоки Робинсона.

- У меня идея! - воскликнула вдруг Кэй. - Я знакома с одним торговцем недвижимостью, поедem посмотрим, что у него сейчас есть на продажу.

- Что на продажу?

- Дом. Дом для вас с Митчем, дом для нового сотрудника фирмы "Бендини, Ламберт энд Лок". Присмотрим что-нибудь вам по вашим деньгам.

- Я не знаю, какую цену мы можем себе позволить.

- Что-нибудь от ста до ста пятидесяти тысяч. Ваш предшественник купил дом в Оукгруве, я уверена, что он примерно такую сумму и выложил.

Эбби наклонилась к ней и почти прошептала:

- И сколько же нам придется выплачивать за него в месяц?

- Не знаю. Но это будет вам по силам. Тысячу или чуть больше.

От неожиданности Эбби едва не подавилась. Маленькие квартирки в Манхэттене, сдававшиеся внаем, стоили вдвое дороже.

- Хорошо, поедem посмотрим.

Как и должно было быть, Ройс Макнайт занимал один из "кабинетов власти" с чудесным видом из окна. Угловое помещение находилось как раз под офисом Натана Лока. Ламар Куин извинился и вышел, и управляющий пригласил Митча сесть у небольшого столика рядом с диваном. Секретарша должна была принести кофе.

Макнайт расспрашивал молодого человека о его первых впечатлениях, и Митч искренне отвечал ему, что он был поражен.

- Митч, - обратился к нему Макнайт, - хочу уточнить кое-какие детали нашего предложения.

- Слушаю вас.

- В первый год работы оклад составит восемьдесят тысяч долларов. Но после того как ты сдашь экзамен по адвокатуре, ты получишь прибавку в пять тысяч. Не премию, а прибавку к окладу. Экзамен состоится где-то в августе, и большую часть лета ты потратишь на то, чтобы подготовиться. Мы разработали собственный курс подготовки по адвокатуре, с тобой будут заниматься, и очень напряженно, наши компаньоны. Занятия твои будут проходить в основном в рабочее время, за счет, так сказать фирмы. Ты знаешь, что другие фирмы обычно заваливают новичка работой, исходя из того, что повышать квалификацию он должен в свободное время. У нас подход иной. Ни один из наших сотрудников никогда еще не проваливал этот экзамен, мы уверены, что и ты не нарушишь наших традиций. Восемьдесят тысяч для начала, и восемьдесят пять через полгода. Отработав год, ты будешь получать девяносто тысяч плюс премия в декабре в зависимости от качества твоей работы и доходов фирмы за предыдущие двенадцать месяцев. В прошлом году премия для сотрудников составила в среднем девять тысяч долларов. Тебе должно быть известно, что участие сотрудников в прибылях в юридических фирмах почти не практикуется. Остались какие-нибудь неясности?

- А что меня ждет через два года?

- Твой базовый оклад будет повышаться в среднем на десять процентов в год до тех пор, пока ты не станешь компаньоном. Но ни повышение оклада, ни премия не гарантированы - они зависят от твоей работы.

- Это справедливо.

- Ты уже знаешь, что фирме очень важно, чтобы ты купил в свою собственность дом. Это прибавляет надежности и престижа, особенно новым сотрудникам, и к этому мы тоже неравнодушны. Фирма предоставляет низкопроцентный заем на тридцать лет, с фиксированными ставками выплат, но если через пару лет ты решишь свой дом продать, то твои выплаты тебе не вернут. Заем предоставляется только раз, для покупки твоего первого дома. За другие дома ты платишь из своего кармана.

- Какова процентная ставка?

- Предельно низкая. Чтобы только уберечь тебя от конфликта с налоговым управлением. Текущая рыночная ставка составляет десять - десять с половиной процентов. Мы дадим тебе процентов семь-восемь. Дело в том, что фирма представляет интересы некоторых банков, они помогают нам. С твоим окладом у тебя не будет проблем с выплатами. В конце концов, фирма всегда может выступить, в случае

необходимости, твоим гарантом.

- Вы очень великодушны, мистер Макнайт.

- Это важно для нас самих. В деньгах мы тоже ничего не теряем. Твоя задача - подыскать себе дом, все остальное - заботы нашего отдела по сделкам с недвижимостью. Тебе останется только въехать.

- А "БМВ"?

Мистер Макнайт усмехнулся.

- Мы попробовали это лет десять назад и решили, что машина - хороший стимул. Все просто: ты выбираешь "БМВ", какую-нибудь небольшую модель, фирма арендует ее на три года и вручает тебе ключи, мы оплачиваем номера, страховку, ремонтные работы. Через три года ты можешь купить его у фирмы, сдавшей нам его в аренду, по справедливой рыночной цене. Так же как и с домом, это наша разовая сделка.

- Звучит очень соблазнительно.

- Да.

Макнайт посмотрел в лежащий перед ним блокнот.

- фирма также покрывает все расходы семьи на медицинское обслуживание и дантиста. Беременность, профилактические осмотры, зубопротезирование, словом, все.

Митч кивнул, но не удивился - так было везде.

- У нас непревзойденная система социальной защиты и пенсионного фонда. К каждому твоему доллару, идущему в фонд, фирма добавляет два своих, исходя из того, что твои выплаты в фонд составят не меньше десяти процентов основного оклада. К примеру, ты начинаешь с восьмидесяти тысяч, значит, за год ты отложишь восемь тысяч. Фирма положит еще шестнадцать, и, таким образом, на твоем пенсионном счету только за первый год работы будет числиться двадцать четыре тысячи долларов. Этим делом мы поручили заняться профессионалам в Нью-Йорке, и за прошлый год наш пенсионный фонд возрос на девятнадцать процентов. Не так уж плохо, а? Если в течение двадцати лет регулярно вносить деньги, то к сорока пяти ты можешь уйти на пенсию миллионером. Маленькое уточнение: если ты решишь уйти от нас раньше, ты не получишь ничего, кроме своих ежегодных взносов, без всяких процентов.

- Не слишком ли жестоко?

- Наоборот, это проявление заботы. Назови мне другую фирму, которая на каждый твой доллар кладет два своих. Таких просто нет, насколько я знаю. Таким образом мы заботимся о себе самих. Многие наши компаньоны уходят на отдых в пятьдесят, некоторые - в сорок пять. У нас нет установленных возрастных пределов, поэтому отдельные люди и в шестьдесят, и в семьдесят все еще продолжают работать. Каждому свое. Фирма просто хочет гарантировать обеспеченную старость и дать нашим людям возможность выйти на пенсию раньше.

- Сколько в фирме компаньонов, которые уже ушли на отдых?

- Около двадцати. Они иногда заходят, ты их еще увидишь, они приходят поговорить или пообедать, кое-кто сохраняет за собой свой офис. Ламар говорил с тобой об отпусках?

- Да.

- Отлично. Заказывай места заранее, особенно в Вэйле и на Кайманах. Дорогу оплачиваешь сам, жилье - за счет фирмы. На Кайманах у нас немало дел, и время от времени фирма будет посылать тебя туда поработать. Такие поездки не входят в счет отпуска, это примерно раз в год, вряд ли чаще. Мы много работаем, Митч, и кому, как не нам, знать настоящую цену отдыху.

Митч согласно наклонил голову и на мгновение представил себя лежащим на песке далекого острова в Карибском море, потягивающим прохладный ананасовый сок, окруженным стройными созданиями в бикини.

- А о премии вновь принятому Ламар тоже говорил?

- Нет, впервые слышу.

- Если ты решишь прийти к нам, ты получишь чек на пять тысяч. Нам хотелось, чтобы большую часть этих денег ты потратил на новый гардероб. После семи лет джинсов и фланелевых рубашек выбор твоих костюмов вряд ли будет широк, да это и понятно. Мы

очень придирчивы в вопросах внешнего вида и ожидаем от всех сотрудников фирмы, что одеты они будут со вкусом и достаточно консервативно. Особого кодекса в одежде у нас нет, но общее представление ты получишь.

Пять тысяч долларов, сказал он? На одежду? В настоящий момент у Митча было два костюма, в одном из них он сюда приехал. Он надеялся, что лицо его сохраняло невозмутимость, но тут же чуть не улыбнулся.

- Какие-нибудь вопросы?

- Да. Некоторые большие фирмы печально известны тем, что загружают своих сотрудников нудной поисковой работой и запирают их в библиотеках, особенно новичков, года на три. Так вот, этого мне не нужно. Я не против того, чтобы выполнять свою долю исследований, и я знаю, что в фирме я буду самым младшим на первых порах, но я никогда не соглашусь сидеть над документами и заниматься писаниной за всю фирму. Я хочу работать с настоящими клиентами и их проблемами.

Внимательно и терпеливо мистер Макнайт выслушал молодого человека. Помолчал, прежде чем ответить.

- Понимаю, Митч. В больших фирмах это действительно серьезная проблема. Но не у нас. Первые три месяца ты будешь в основном занят подготовкой к экзамену. Сдав его, ты приступишь к реальной практической работе. Тебя закрепят за одним из компаньонов, его клиенты станут и твоими клиентами. Ты будешь выполнять только некоторую поисковую работу своего компаньона, ну и свою собственную, конечно. Иногда тебя попросят помочь кому-нибудь из коллег составить отчет или нечто подобное. Нам хочется, чтобы ты чувствовал себя счастливым человеком. Тебе уже говорили, что у нас нет текучести кадров, что мы всегда готовы сделать шаг навстречу в твоей карьере. Если ты не сработаешься с одним компаньоном, найдем тебе другого. Если вдруг окажется, что тебе наскучили налоги, ты сможешь заняться ценными бумагами или банковским делом. Все зависит от тебя. Фирма собирается в ближайшее время сделать крупное и выгодное помещение своих денег - в мистера Митчела Макдира, и мы хотим, чтобы его работа была продуктивной.

Митчел отхлебнул кофе и задумался, о чем бы еще спросить.

- Мы оплатим все расходы по переезду в Мемфис.

- Они будут невысокими, я найму только небольшой грузовичок.

- Что-нибудь еще, Митч?

- Нет, сэр, ничего больше не могу придумать. Макнайт сложил листок с вопросами их беседы, аккуратно поместил его в лежащую перед ним папку. Опершись локтями о стол, наклонился в сторону гостя.

- Митч, мы не торопим тебя, но ответ нам нужен как можно раньше. Если ты откажешься, нам необходимо будет продолжить наш поиск. Процесс этот длительный, а нам хотелось бы, чтобы новый сотрудник вышел на работу не позже 1 июля.

- Но десять дней вы мне дадите подумать?

- Это было бы отлично. Тогда, скажем, 30 марта?

- Договорились, но я свяжусь с вами раньше.

Митч простился и вышел. Ламар ждал его в кресле неподалеку от кабинета Макнайта. Они условились об Ужине в семь.

3

На пятом этаже Бендини-билдинга рабочих кабинетов не было. В одной части коридора находилась столовая с кухней, в центре - несколько закрытых на замок комнат-кладовых, за ними коридор был перегороден толстой бетонной стеной. Сбоку от небольшой металлической двери торчала кнопка звонка, а над дверью в центре стены на кронштейне поблескивала небольшая телекамера. Дверь вела в тесноватое помещение, где сидел вооруженный охранник и следил за изображениями на экранах мониторов, занимавших всю стену. Далее коридор зигзагом пробивался через лабиринт различных отсеков и кабин, где какие-то люди были заняты невидимой работой по наблюдению, сбору и обработке информации. От внешнего мира окна были изолированы не только

слоем краски, но и глухими шторами, и у солнечного света не было ни малейших шансов пробиться внутрь.

Глава службы безопасности Де Вашер занимал самую просторную из этих крошечных секций. Единственным украшением голых стен его кабинета был сертификат, удостоверявший его безупречную тридцатилетнюю службу в департаменте полиции Нового Орлеана. Де Вашер был мужчиной крепкого сложения, с небольшим животиком, широкоплечим, с мощной грудью и аккуратно посаженной совершенно круглой головой. Редко кому доводилось видеть улыбку на его лице. Воротник мятой рубашки был расстегнут, с тем чтобы позволить могучей шее хоть какую-то свободу движений. На спинке стула висела спортивная куртка и широкий галстук из синтетики.

В понедельник утром после отъезда Макдира и его жены Оливер Ламберт поднялся на пятый этаж, подошел к металлической двери и, нажав кнопку, поднял голову к телекамере, ожидая, пока ему откроют. Нажал кнопку еще раз, дверь открылась, и он быстро прошел по петляющему коридору прямо в кабинет Де Вашера. Тот стряхнул пепел с сигары в хирургически чистую пепельницу, сдвинул со стола бумаги в сторону.

- Привет, Олли. По-моему, ты пришел поболтать о Макдире.

Де Вашер был единственным в фирме человеком, называвшим Ламберта просто Олли прямо в лицо.

- Да, помимо прочего.

- Что ж, он неплохо провел время, остался доволен фирмой, ему понравился город, и скорее всего, он примет наше предложение.

- Где находились твои люди?

- В отеле мы заняли смежные с его номером комнаты. Номер, конечно, прослушивался, так же как лимузин, телефон и прочее. Все, как обычно, Олли.

- Побольше деталей.

- Пожалуйста. Они прибыли в отель в четверг вечером и почти сразу улеглись спать. Почти не разговаривали. В пятницу ночью он рассказал ей все, что узнал о фирме, о людях, отозвался о тебе как об очень приятном человеке. Я сразу подумал, что тебе это понравится.

- Продолжай.

- Он поведал ей о вашей роскошной столовой и об обеде с компаньонами. Выдал ей все до мелочей о своем окладе, льготах и премиях, и они оба пришли в экстаз. Все это превзошло их самые смелые ожидания. Ей очень хочется стать хозяйкой дома с гаражом, деревцами и кустарником во дворе. Он сказал ей, что она ею станет.

- Какое-нибудь неудовольствие в отношении фирмы?

- Да нет. Прошелся по поводу отсутствия цветных и женщин, но вряд ли его это всерьез беспокоит.

- А что жена?

- Она просто без ума. Ей понравился город, она осматривала его вместе с женой Куина. После обеда в пятницу они вместе ездили посмотреть на дома, она нашла парочку по душе.

- Адреса их у тебя есть?

- Конечно, Олли. В субботу утром они вызвали лимузин и катались по городу. Лимузин приводил их в восторг. Наш водитель держался в стороне от неказистых кварталов; а они рассматривали главным образом дома. Похоже, они сделали выбор: номер 1231 по Ист-Медоубрук. Дом продается. Они прошли по нему в сопровождении Бетси Белл, агента по недвижимости. Она назвала им цену - сто сорок тысяч, но удовольствуется и меньшей суммой, у нее сейчас застой.

- Это приличная часть города. Дом старый?

- Лет десять-пятнадцать. Три тысячи квадратных футов, что-то такое в колониальном стиле. Неплохой Дом для одного из твоих парней, Олли.

- Ты уверен, что это именно то, что им хочется?

- Пока, во всяком случае. Они собирались приехать еще разок, примерно через месяц, еще поприглядываться. Вы могли бы оплатить им самолет сюда в любое время, как только они будут готовы, не так ли, это ведь обычная процедура?

- Да, мы с этим справимся. Что они говорили об окладе?
 - Они поражены. Выше ему ничего не предлагали. Они безостановочно говорили о деньгах: оклад, пенсия, заем, “БМВ”, премии и прочее. Им не верится во все это, ребяташки готовы тронуться.
 - Пожалуй. Так ты думаешь, что мы купили его, а?
 - Готов биться об заклад - да. Он сказал, что фирма, может, и не такая престижная, как на Уолл-стрит, но квалификация у юристов не ниже, а как люди они гораздо приятнее. Я уверен, что он согласится.
 - Он что-нибудь подозревает?
 - В общем нет. Ламар явно дал ему понять, чтобы он держался подальше от кабинета Лока. Он поделился с женой, сказал ей, что никто никогда не входит в его кабинет за исключением нескольких секретарш и очень небольшого числа компаньонов. Но тут же добавил, что Куин сказал ему, будто Лок просто эксцентричен и довольно замкнут. Не думаю, чтобы он что-то подозревал. Она же сказала, что фирма, как ей кажется, слишком уж беспокоится о вещах, которые ее не касаются.
 - Например?
 - Личная жизнь. Дети, работа жен и в таком духе. По-моему, ее это несколько раздражало, но это только мое предположение. Просто в субботу утром она сказала ему, что, будь она проклята, если позволит горстке каких-то адвокатов указывать ей, когда она сможет работать, а когда - заводить детей. Но я не думаю, что все это очень серьезно.
 - Понимает ли он, насколько постоянная работа его ждет?
 - Мне кажется, да. Не было ни упоминания о том, чтобы переехать через несколько лет куда-нибудь еще. Я думаю, он понял. Он уже хочет стать компаньоном, как и все. Он уже сломлен, он жаждет денег.
 - Говорилось что-нибудь об ужине у меня дома?
 - Оба там сильно нервничали, но им очень понравилось. А от дома они в восхищении. И от твоей жены тоже.
 - Секс?
 - Каждую ночь. Впечатление такое, что медовый месяц у них еще в самом разгаре.
 - Чем они занимались в постели?
 - Мы же не могли видеть, не забывай. Судя по звукам, все как у людей, никаких гадостей. Я все время вспоминал о тебе и о том, как ты любишь рассматривать карточки, и в голове у меня билась одна мысль: нужно было установить камеры, чтобы старина Олли тоже порадовался.
 - Заткнись, Де Вашер.
 - Так и быть, в следующий раз. Они помолчали. Де Вашер просматривал свой блокнот. Затем затушил в пепельнице сигару, улыбнулся.
 - Так или иначе, это прочная семья. Они очень нежны друг к другу. Твой водитель говорит, что весь уик-энд они ходили повсюду, держась за руки. Ни одного раздраженного слова за три дня, это о чем-то говорит, правда? Но кто я, чтобы судить? Я сам третий раз женат.
 - С тобой все ясно. А что они говорят о детях?
 - Может, через пару лет. Сначала ей хочется поработать.
 - Каково твое мнение об этом парне?
 - Воспитанный, приличный молодой человек. Очень честолюбив. Думаю, что он уже завел себя и не остановится, пока не взберется на самый верх. И у него есть шансы, он способен на многое, при необходимости.
- Ламберт улыбнулся:
- Это я и хотел услышать.
 - Дважды они звонили по телефону. Оба раза ее матери, в Кентукки. Ничего примечательного.
 - Что-нибудь новое о его семье?
 - О ней не упоминалось.
 - О Рэе тоже?

- Нет. Мы ищем его, Олли. Дай нам время.

Де Вашер закрыл досье Макдира и достал другую папку, гораздо толще. Ламберт, уставившись глазами в пол, потирал виски.

- Выкладывай, что еще, - негромко сказал он.

- Новости плохие, Олли. Я уверен, что Ходж и Козински сговорились и работают сейчас на пару. На прошлой неделе агенты ФБР получили ордер и обыскали дом Козински. Обнаружили наши микрофоны и сообщили ему, что его дом прослушивался. Естественно, они не знали кем. Козински рассказал об этом Ходжу в прошлую пятницу - они спрятались в библиотеке на третьем этаже. Микрофон был довольно далеко от них, и мы смогли записать лишь отдельные реплики. Немного, но ясно, что говорили они о "жучках" в доме Козински. Они убеждены, что их слушают везде, и они подозревают нас. Говорят даже между собой очень осторожно.

- С чего это вдруг ФБР понадобился для обыска ордер?

- Хороший вопрос. Видимо, реверанс в нашу сторону, чтобы все выглядело законно и солидно. Нас они уважают.

- Кто там был персонально?

- Тарранс. Видимо, он старший.

- И как он?

- Хорош. Молод, зелен, излишне ревностен, но компетентен. С нашими людьми он не сравнится.

- И часто он говорил с Козински?

- Сейчас это невозможно установить. Поскольку они вычислили, что мы их слушаем, они стали слишком осторожны. Нам известно о четырех их встречах в прошлом месяце, но я подозреваю, что их было больше.

- Много он успел вынюхать?

- Надеюсь, не очень. Пока ФБР ведет бой с тенью. Их последняя беседа, о которой мы знаем, состоялась неделю назад, и важного там ничего сказано не было. Козински очень напуган. Общаются они, видимо, много, а толку нет. Он так еще и не решился пока сотрудничать с ними. Они же сами на него вышли, имей это в виду. По крайней мере, мы так считаем. Они прижали его довольно крепко, и он готов был расколоться, но теперь, похоже, начинает задумываться. Однако контакты продолжаются, и это тревожит меня.

- Жена его что-нибудь знает?

- Думаю, нет. Она видит, что ведет себя он как-то странно, а он объясняет это перегруженностью на работе.

- А что Ходж?

- Насколько мы осведомлены, он пока с фэбээровцами не контактирует. Больше разговаривает с Козински, или шепчется, я бы сказал. Ходж твердит, что боится ФБР хуже смерти, что ФБР ведет бесчестную игру, что им нельзя доверять. Без Козински он и шагу не сделает.

- А что, если Козински исчезнет?

- Они выйдут на Ходжа. Надеюсь, нам не придется прибегать к таким средствам. Черт побери, Олли, он ведь не убийца какой-нибудь! Он очень достойный молодой человек, у него дети и все такое...

- Твоя чувствительность ошеломляет. Ты, верно, думаешь, что я получу от этого удовольствие. Дьявол, я ведь сам воспитывал этих парней

- Ну тогда призови их к порядку, пока все это не зашло слишком далеко. Нью-Йорк становится все более подозрительным, Олли. Они начинают задавать кучу вопросов.

- Кто?

- Лазарев.

- И что ты им сказал, Де Вашер?

- Все. Это моя работа. Тебя ждут в Нью-Йорке послезавтра, для детального доклада.

- Чего они хотят?

- Им нужны ответы. И планы.

- Какие планы?

- Предварительные планы устранения Козински, Ходжа и Тарранса, если будет такая

необходимость.

- Тарранса! А ты не сошел с ума, Де Вашер? Мы не можем устранить полицейского. Сюда же пришлют армию.

- Лазарев болван, Олли. Ты знаешь это. Он идиот, но я не думаю, что с нашей стороны было бы умно сказать ему об этом.

- А я скажу. Я поеду в Нью-Йорк и скажу ему, что он круглый дурак.

- Сделай это, Олли. Сделай это!

Оливер Ламберт поднялся с кресла и направился к двери.

- Наблюдать за Макдиром еще месяц.

- Хорошо, Олли. Он согласится, держу пари. Не беспокойся.

4

“Мазду” продали за двести долларов, большая часть которых пошла в уплату за аренду небольшого грузовичка. Его вернут арендной конторе уже в Мемфисе. Часть старой мебели раздали соседям, часть выбросили, и погруженными оказались только холодильник, кровать, шкаф для одежды, комод, небольшой цветной телевизор, ящики с посудой, одеждой, всякими мелочами. Из чисто сентиментальных воспоминаний взяли с собой и старую кушетку, понимая, однако, что долго она в новом доме не простоит.

Эбби держала на руках их беспородного пса Херси, а Митч сидел за рулем и гнал машину через Бостон на юг, все дальше на юг, туда, где их ждала лучшая жизнь. Уже три дня они пробивались второстепенными дорогами, наслаждаясь сельской местностью и подпевая передаваемым по радио песням. Они ночевали в дешевых мотелях и болтали о доме, о “БМВ”, о мебели, детях, богатстве. Опустив стекла кабины, они с радостью подставляли свои лица ветерку в те моменты, когда грузовичок набирал максимальную скорость - почти сорок пять миль в час! Где-то уже в Пенсильвании Эбби робко намекнула, что они могли бы по пути заскочить ненадолго в Кентукки. Митч не сказал ничего, но выбрал маршрут, пролегающий через обе Каролины, Северную и Южную, и Джорджию, так что в любой точке их пути между ними и границей штата Кентукки было не меньше двухсот километров. Эбби смирилась.

Они добрались до Мемфиса в четверг утром; как и было обещано, черный “БМВ” триста восемнадцатой модели стоял у гаража в ожидании хозяев. Митч не сводил глаз с машины. Эбби - с дома. Трава перед ним была густой, зеленой и аккуратно подстриженной. Невысокая ограда вокруг поблескивала свежей краской. Нюхотки на клумбе - в цвету. Ключи, как договаривались, лежали в кладовой под ведром.

Не вытерпев и опробовав новенький “БМВ” тут же во дворе, они кинулись разгружать грузовик - им не хотелось давать соседям шанс рассмотреть небогатые пожитки. Грузовичок сразу же отогнали в отделение арендной конторы. И - снова за руль “БМВ”!

Женщина-декоратор, специалист по интерьерам, та самая, которой вменили в обязанность оформить его кабинет, пришла после обеда, принесла с собой образчики ковров, красок, занавесей, драпировок и обоев. Затею с декоратором Эбби нашла излишней, особенно после их спартанской квартирki в Кембридже, но потом сдалась. Митчу это моментально наскучило, он извинился и вновь отправился к машине. Он с гордостью ехал по трехрядному шоссе утопающего в зелени уютного пригорода, жителем которого отныне он сам являлся. Он ехал и улыбался ребятишкам на велосипедах, которые посвистывали при виде его нового автомобиля. Он приветственно махнул рукой почтальону на тротуаре, потееющему под тяжестью сумки. Вот он, Митчел И. Макдир, двадцатипятилетний выпускник юридического факультета Гарвардского университета. Вот он, собственной персоной.

В три часа они вместе с женщиной-декоратором отправились в дорогой мебельный магазин, где управляющий вежливо информировал их о том, что мистер Оливер Ламберт отдал соответствующие распоряжения об открытии им кредита, если, конечно, они не будут против, и что кредит этот фактически не ограничивался никакой определенной суммой. Они тут же закупили мебель на весь дом. Митч иногда хмурил брови, дважды наложив вето на какие-то особо дорогие покупки, но в целом балом заправляла Эбби.

Женщина-декоратор не уставала делать комплименты ее изысканному вкусу, но и не забыла договориться с Митчем о том, что придет в его офис в понедельник.

Великолепно, ответил он.

С планом города на коленях они отправились к дому супругов Куин. Эбби еще в прошлый раз была у них, но дороги не помнила. Дом располагался в части города, называвшейся Чикасо-Гарденс, и сейчас Эбби узнавала бульвары, просторные особняки с профессионально спланированными газонами. Подъехав, они припарковали машину между двумя “мерседесами” - старым и новым.

Прислуга приветствовала их вежливым наклоном головы, но без улыбки. Их провели в гостиную и оставили одних. В доме было темно и тихо - ни смеха детей, ни голосов. Они сидели, любовались мебелью и ждали. Начали тихонько переговариваться, затем нетерпеливо ерзать. В конце концов, ведь их пригласили на ужин - сегодня, 25 июня, в четверг, в 6.00 вечера. Митч посмотрел на часы и пробормотал себе под нос что-то о невоспитанности. Но все же они сидели и ждали.

В гостиную из коридора стремительно вошла Кэй и попыталась улыбнуться. Глаза ее были чуть припухшими и влажными, тушь в уголках размазалась. Внезапно по щекам хлынули слезы, она поднесла к губам платок. Обняв Эбби за плечи, она села на диван рядом с ней, даже не села, а просто бессильно опустила - ноги ее не держали. Губы изо всех сил сжали платок, раздалось сдавленное рыдание.

Митч опустился на колени рядом.

- Кэй, что случилось?

Она только покачала головой, не в силах говорить. Эбби гладила ее по колену, Митч слегка похлопывал по другому. Они смотрели на нее со страхом, предполагая самое худшее. Ламар? Дети?

- Случилось несчастье, - едва слышно проговорила Кэй сквозь рыдания.

- С кем?

Она вытерла глаза, глубоко вздохнула.

- Два сотрудника фирмы, Марш Козински и Джо Ходж, погибли. Мы были очень близки с ними.

Митч опустился на журнальный столик. С Козински он встретился, когда приезжал сюда второй раз, в апреле. Вместе с Ламаром они втроем как-то обедали в небольшом ресторанчике на Фронт-стрит. Ему оставалось до партнерства не так уж много, однако вид у него был совсем не радостный. Джо Ходжа Митч припомнить не смог.

- Что случилось? - спросил он. Рыдания прекратились, но слезы все еще текли по щекам Кэй. Она вытирала их и смотрела на Митча.

- Мы еще точно не знаем. Они занимались подводным плаванием на Большом Каймане. На их лодке что-то взорвалось, и мы думаем, что они утонули. Ламар сказал, что другие подробности пока неизвестны. Несколько часов назад в фирме было совещание, всех оповестили. Ламар еле добрался до дома.

- Где он?

- Около бассейна. Он ждет тебя.

Ламар сидел в металлическом шезлонге у садового стола под зонтиком, в нескольких футах от бассейна. Неподалеку от клумбы с цветами из травы торчала головка садовой дождевальная установки. Через равные промежутки времени из нее били струйки воды и по идеальной дуге приземлялись на стол, на зонтик, на шезлонг и сидящего в нем Ламара Куина. Он был насквозь мокрым. Вода капала с носа, ушей, волос. Голубую рубашку и брюки можно было выжимать. Обувь и носков на нем не было.

Ламар сидел совершенно неподвижно, не вздрагивая даже от новой порции воды. Видимо, он утратил всякую чувствительность. Взгляд его удерживала какая-то штука у ограждения бассейна, казавшаяся банкой пива, стоящей в луже воды на бетонной дорожке.

Митч посмотрел по сторонам, надеясь, что никто из соседей не глазееет на происходящее. Соседи не могли ничего видеть - высокие заросли кипариса закрывали от нескромных глаз бассейн и газон рядом с ним. Митч обошел бассейн вокруг и остановился там, где было еще сухо. Ламар наконец заметил его, кивнул, сделал слабую

попытку улыбнуться и указал ему рукой на промокшее кресло рядом с собой. Митч оттащил его чуть в сторону. Уселся.

Взгляд Ламара вновь вернулся к банке пива или чему-то на нее похожому - не разобрать. Казалось, вечность они так сидели и слушали негромкие выстрелы дождевальнoй установки. Время от времени Ламар встряхивал головой и пытался что-то сказать. Митч улыбался неловкой нервной улыбкой, вовсе не уверенный, что нужно что-то говорить.

- Ламар, мне очень жаль, - решил он наконец. Повернув голову, тот посмотрел на Митча.

- Мне тоже.

- Я не знаю, что еще сказать.

Взгляд Ламара снова оторвался от непонятного предмета, он повел головой в сторону гостя. Мокрые волосы лезли ему в глаза, красные и совершенно больные.

- Да, понятно. Но говорить действительно нечего. Очень жаль, что все это произошло именно сегодня. Не хочется приниматься за ужин.

- А уж об этом тебе и вовсе не стоит беспокоиться. Ни о каком ужине я и думать сейчас не могу.

- Ты их помнишь? - спросил Ламар, смахивая с губ капельки воды.

- Помню Козински, Ходжа - нет.

- Марти Козински был одним из моих лучших друзей. Он из Чикаго. Пришел в фирму за три года до меня и вот-вот должен был стать компаньоном. Опытнейший юрист, мы все им восхищались. Пожалуй, лучший посредник фирмы, блестяще вел переговоры, он не поддавался никакому давлению.

Ламар вытер брови, уставился глазами в землю. Когда он вновь заговорил, то стекающая с кончика носа вода заметно исказила его произношение.

- Трое детей. Его девочки-близнецы всего на месяц старше нашего сына, они всегда играли вместе...

Он не сдержался и заплакал, закусив нижнюю губу и прикрыв глаза.

Митч почувствовал себя совсем неловко, ему захотелось уйти. Он отвел глаза в сторону.

- Мне очень жаль, Ламар. Очень.

Ламар взял себя в руки, но слезы еще текли по щекам. Митч разыскивал взглядом кран, он дважды собирался попросить разрешения закрыть воду, и оба раза решал потерпеть еще, если уж Ламар терпел. Вдруг это действительно поможет? Он посмотрел на циферблат - часа через полтора стемнеет.

- Это был несчастный случай? - спросил он.

- Мы знаем очень немного. Они ныряли с аквалангами, и на лодке произошел взрыв. Инструктор, местный житель, тоже погиб. Сейчас пытаются перевезти их тела сюда, домой.

- А что с их женами?

- Они, слава Богу, дома. Это была деловая поездка.

- Никак не вспомню, как выглядел Ходж.

- Ходж был высоким блондином, не очень-то разговорчивым. Таких часто встречаешь, но никогда не можешь запомнить. Заканчивал Гарвард, как и ты.

- Сколько ему было лет?

- И ему и Козински было по тридцать четыре. Он бы стал компаньоном сразу после Марти. Они были дружны. Собственно, все мы очень дружны, особенно сейчас.

Обеими руками он откинул волосы со лба на затылок, встал, прошел туда, где было сухо. Вода стекала с него ручьями. Он остановился рядом с Митчем, тупо глядя на крыльцо соседей.

- Ну, как "БМВ"?

- Замечательно. Отличная машина. Спасибо, что позаботился.

- Когда ты приехал?

- Сегодня утром.

- А дама приходила? Специалист по интерьерам?

- О, да. Эбби с ее помощью потратила всю мою зарплату за следующий год.
- Это хорошо. И дом у тебя хороший. Мы рады тебе, Митч. Извини, что так получилось. Тебе здесь понравится.
- Тебе не за что извиняться.
- Мне по-прежнему не верится. Столбняк напал. Становится нехорошо, как подумаю о его жене и детях.

Пусть меня лучше отстегают хлыстом, но к ним я сейчас просто не в состоянии идти.

Во двор дома вышли женщины и направились к бассейну. Кэй завернула кран, струйки воды перестали бить в небо.

Вместе с потоком машин они двигались в направлении центра, на запад, прямо в заходящее солнце. Они держались за руки и молчали. Митч открыл лючок в крыше автомобиля, опустил стекла. Эбби, покопавшись среди старых кассет в бардачке, вытащила Спрингстина, вставила в стереомагнитола. Звучание было великолепным. Новая, поблескивающая в последних лучах солнца машина стремительно неслась вперед, к реке. Вместе с сумерками на летний Мемфис наваливалась душная густая влажность. Оживали площадки для игры в софтбол: на них выходили команды упитанных мужчин в обтягивающих трико и ярких майках, размечали поле, готовясь вырвать друг у друга победу. Набитые подростками автомобили резко тормозили у придорожных забегаловок, где можно было выпить пива, потрепаться, познакомиться с новыми подружками.

Митч начинал улыбаться. Он старался выбросить из головы Ламара, Козински и Ходжа. Чего грустить? Они же никогда не были его друзьями. Ему, конечно, было жаль их семьи, но ведь он никогда даже не видел их. А у него, Митчела И. Макдира, простого парня без роду, без племени, было все, чтобы ощущать себя счастливым: красавица-жена, новый дом, новый автомобиль, новая работа, новенький диплом Гарвардского университета. Блестяще организованный ум и крепкое тело, которое не набирало веса и не требовало долгого сна для отдыха. Восемьдесят тысяч в год, на первых порах. Через два года он перевалит за сто тысяч, и все, что для этого требуется, - работать по девяти часов в неделю. Да это смахивает на благотворительность!

Автомобиль свернул на заправку. Митч залил бак Доверху, расплатился, купил в придачу шесть пачек кукурузных хлопьев. Эбби тут же вскрыла две. "БМВ" опять влился в общий поток. Тоска ушла.

- Поужинаем где-нибудь? - спросил он.

- Надо бы переодеться, - ответила Эбби. Митч окинул взглядом ее стройные загорелые ноги. Эбби была в белой юбке выше колен и в белой же блузке, все - из хлопка. Сам Митч сидел за рулем в шортах, шлепанцах и выгоревшей на солнце черной майке.

- С такими ногами, как у тебя, мы бы прошли в любой ресторан Нью-Йорка. Как насчет "Рандеву"? Для него мы одеты?

- Отличная мысль.

Они нашли в центре местечко на платной стоянке, заплатили и прошли пешком пару кварталов до неширокой тенистой улочки, где летний воздух сгущался, как туман, от аромата жаренного на углях мяса. Этот аромат проникал через ноздри, рот, дымком въедался в глаза, опускался вниз, к желудку, и оттуда давал команду в мозг. Дивный запах вырвался наружу вместе с дымом по вентиляционным трубам, окружавшим массивные печи, в которых в лучшем ресторане города, на весь мир прославившемся жареными свиными ребрышками, эти самые ребрышки сейчас и подрумянивались. Ресторан располагался ниже уровня улицы, в подвальном этаже старого здания из красного кирпича, которое давно бы снесли, если бы не превосходная еда, превратившая "Рандеву" в достопримечательность.

Ресторан обычно бывал полон, существовала даже очередь, но по четвергам напряжение, видимо, спадало. Они прошли через похожий на пещеру зал и устроились за небольшим столиком, покрытым красной клетчатой скатертью, чувствуя на себе любопытные взгляды. Взгляды эти были всегда, мужчины переставали жевать, руки с ребрышками застывали в воздухе, когда Эбби Макдир проходила мимо, невозмутимая, как фотомодель. Однажды в Бостоне, идя по тротуару, она стала причиной пробки на перекрестке - на нее засмотрелся какой-то водитель. Присвистывание и возгласы

восхищения вслед были неотъемлемой частью ее жизни, и даже муж ее привык к этому. Митч был очень горд тем, что его жена так красива.

Чернокожий гигант в красном фартуке с рассерженным видом стоял перед ними.

- Да, сэр. - Голос его был требовательным. Карточки меню лежали на каждом столе и были абсолютно ни к чему. Ребрышки. Только ребрышки.

- Две полных порции, тарелку сыра, пива - один кувшин, - на одном дыхании выпалил Митч.

Ни блокнота, ни ручки у официанта не было, он просто развернулся и гулким голосом прокричал в сторону входа:

- Дашь два полных, сыр, кувшин! Когда он отошел, Митч под столом коснулся ноги жены. Она слегка шлепнула его по руке.

- Ты прекрасна, - сказал он. - Когда я в последний раз говорил тебе об этом?

- Часа два назад, - отозвалась Эбби.

- Два часа! Тупица безмозглый!

- А ты делай так, чтобы потом не упрекать себя. Он положил руку на ее колено, ласково погладил. На этот раз Эбби позволила это. Сдаваясь, она улыбнулась, на щеках - ямочки, зубы в полумраке поблескивали, глаза, как у кошки, светились. Темно-каштановые волосы изящно спадали чуть ниже плеч.

Принесли пиво, официант наполнил кружки. Эбби сделала маленький глоток, посерьезнела.

- Как ты думаешь, с Ламаром все в порядке?

- Не знаю. Сначала мне показалось, что он пьян. Я сидел как последний идиот и смотрел, как он мокнет под водой.

- Бедняга. Кэй сказала мне, что похороны состоятся, наверное, в понедельник, если тела привезут сюда вовремя.

- Давай-ка поговорим о чем-нибудь другом. Не люблю я похорон, никаких, даже если я должен там присутствовать только из приличия и никого из умерших не знал. С похоронами у меня уже есть кое-какой печальный опыт.

В этот момент принесли ребрышки на картонных тарелках. На стол поставили также блюдо с нашинкованной капустой и запеченной фасолью. Но прежде всего ребрышки, длиною чуть ли не в фут, обильно политые соусом, секрет которого известен только шефу. Они приступили к еде.

- А о чем ты хочешь поговорить? - Эбби перевела дух.

- О том, что тебе пора бы уже... - Он выразительно посмотрел на ее живот.

- Я думала, что мы можем подождать несколько лет.

- Можем. Но до того времени нам нужно прилежно тренироваться.

- Мы тренировались в каждом мотеле по дороге из Бостона в Мемфис.

- Я помню, а в новом доме еще ни разу. - От неудачного движения соус брызнул Митчу прямо в глаза.

- Но мы же только утром приехали, Митч!

- Знаю. А чего мы ждем?

- Митч, ты ведешь себя так, как будто я совсем про тебя забыла.

- А ты и забыла. С самого утра. Предлагаю заняться этим сегодня же вечером, как только приедем домой, это будет как бы обрядом крещения нашего нового обиталища.

- Посмотрим.

- Обещаешь? Гляди-ка, видишь парня, вон там? Похоже, он сейчас вывихнет себе шею, пытаюсь увидеть чью-то ножку. По-моему, я должен подойти и отхлестать его ремнем по заднице, а?

- Обещаю. Договорились. Не обращай внимания на тех парней, они смотрят на тебя, думаю, они считают тебя ловчилой.

- Очень остроумно.

Митч справился со своей порцией и теперь уминал ее половину. Допив пиво, они расплатились и выбрались на свежий воздух. Сели в машину. Он не спеша ехал по городу, пока не увидел табличку с названием улицы неподалеку от их дома. Пару раз замешкавшись на поворотах, он въехал на Медоубрук, и около дома мистера и миссис

Митчел И. Макдир “БМВ” остановился.

Кровати еще не были собраны, и подушки матрасов лежали на полу, окруженные какими-то ящиками. Херси спрятался под лампой на полу и всю ночь наблюдал за тем, как они тренировались.

Через четыре дня, в понедельник, который должен был стать первым рабочим днем Митчела в фирме Бендини, сам Митч вместе с женой, окруженный своими теперь уже тридцатью девятью коллегами и их женами, пришел отдать последний долг Мартину С. Козински. Кафедральный собор был полон. Оливер Ламберт произнес настолько прочувствованное прощальное слово, что даже у Митча, похоронившего отца и брата, глаза были на мокром месте. При виде вдовы и детей Эбби совсем расплакалась.

В том же составе все встретились и после полудня - в пресвитерианской церкви, где происходило прощание с Джозефом М. Хеджем.

5

Когда ровно в восемь тридцать утра, как и договаривались, Митч вошел в небольшую приемную, примыкавшую к офису Макнайта, она была пуста. Едва слышно присвистнув и прокашлявшись, он принялся нетерпеливо ждать. Откуда-то из-за шкафа с папками появилась древняя седовласая старушонка-секретарша и бросила на него сердитый взгляд. Митч понял, что его здесь не ждали, и объяснил ей, что он должен встретиться с мистером Макнайтом в им самим назначенное время. Секретарша улыбнулась, сказала, что ее зовут Луиза и что она вот уже тридцать первый год является личным секретарем мистера Макнайта. Не захочет ли молодой человек выпить кофе? “С удовольствием, - согласился Митч, - черный”. Секретарша вышла и тут же вернулась с чашечкой на блюдце. По интерфону она связалась с боссом, после чего предложила Митчу присесть. Теперь она его вспомнила - кто-то из ее коллег указал на него вчера во время похорон.

Она извинилась перед ним за мрачную атмосферу фирмы - никто не может работать, пояснила она, и пройдут дни, прежде чем все войдет в норму. Такие приятные молодые люди! Зазвонил телефон на ее столе, и она сказала в трубку, что у мистера Макнайта важное совещание и беспокоить его нельзя. Раздался еще один звонок, выслушав, она провела Митча в кабинет патрона.

Вошедшего приветствовали Оливер Ламберт и владелец кабинета, управляющий Ройс Макнайт. Тут же Митчела представили двум другим компаньонам, Виктору Миллигану и Эйвери Толару. Все расселись за небольшим столом. Луизу попросили принести еще кофе. Миллиган заправлял в фирме налогами, а Толар, ему был сорок один, являлся молодым, в общем-то, компаньоном.

- Митч, ты должен нас извинить за такое не совсем радостное начало, - заговорил первым Макнайт. - Хорошо, что ты вчера вместе со всеми был на похоронах, хотя, повторяю, нам очень жаль, что твой первый День в нашей фирме оказался таким печальным.

- Я чувствовал, что не могу не пойти на похороны.

- Мы гордимся тобой, Митч, мы возлагаем на тебя очень большие надежды. Мы только что потеряли двух наших замечательных юристов, оба они занимались налогами, так что ты сейчас нам просто необходим. Нам всем теперь придется работать более напряженно.

Вошла Луиза с подносом, на нем - серебряный кофейник, чашки тонкого фарфора.

- Нам очень грустно, - сказал Ламберт, - раздели нашу скорбь с нами, Митч.

Мужчины склонили головы. Ройс Макнайт просматривал какие-то записи в своем блокноте.

- Митч, по-моему, мы с тобой об этом уже говорили. Нового сотрудника мы закрепляем за компаньоном, который направляет его деятельность. Вопрос их взаимоотношений довольно важен. Мы всегда стараемся подобрать такого компаньона, с которым нетрудно сработаться, и, как правило, мы не ошибаемся. Если же это происходит, мало ли что, то мы просто подбираем другого. Твоим партнером будет Эйвери Толар.

Митч смущенно улыбнулся ему.

- Он будет твоим непосредственным руководителем, и все дела, над которыми ты

будешь работать, - это его дела. Фактически ты будешь заниматься только налогами.

- Отлично.

- Прежде чем я забуду, Митч, - пообедаем сегодня вместе, - повернул к нему голову Толар.

- С удовольствием.

- Возьмите мой лимузин, - предложил Ламберт.

- Я это и собирался сделать, - ответил Толар.

- А когда у меня будет лимузин? - спросил Митч. Все рассмеялись, похоже, благодарные ему за то, что он постарался разрядить атмосферу.

- Лет через двадцать, - отозвался Ламберт.

- Я терпелив.

- Как твой "БМВ"? - Это был Миллиган.

- Замечательно! Пробежит пять тысяч миль без всякого обслуживания.

- С переездом все в порядке?

- Да, все отлично. Я очень благодарен фирме за помощь. Здесь нас так тепло встретили. Мы с женой очень всем признательны.

Макнайт согнал с лица улыбку и вновь уткнулся в блокнот.

- Как я уже говорил, Митч, главное сейчас - сдать экзамен по адвокатуре. До него шесть недель, и можешь рассчитывать на любую помощь. У нас есть свой собственный курс подготовки к нему, и ведут этот курс самые опытные компаньоны. В ходе подготовки будут затронуты все аспекты экзамена, и руководство фирмы станет внимательно контролировать твои успехи, особенно тщательно этим займется Эйвери. По крайней мере полдня у тебя должно уходить на подготовку, да и большая часть свободного времени тоже. Никто из сотрудников фирмы не проваливал этого экзамена.

- Я тоже не буду первым.

- Но если это случится, у тебя отберут "БМВ", - сказал Толар с легкой усмешкой.

- У тебя будет секретарша по имени Нина Хафф. Она работает в фирме более восьми лет. Несколько темпераментна, не очень симпатичная, но весьма работоспособная. Она неплохо знает право и любит иногда давать советы, особенно новичкам. От тебя зависит, устроит она тебя или нет. Если нет - подыщем другую.

- Где мой офис?

- На втором этаже. Специалист по интерьерам, ты с ней уже встречался, подойдет после обеда. Следуй ее советам, насколько возможно.

Ламар тоже работал на втором этаже, и это подействовало на Митчела успокаивающе. Ему вдруг вспомнилось, как он сидел у бассейна, промокший, бормочущий что-то со слезами на глазах.

- Митч, - донесся до него голос Макнайта, - боюсь, я забыл упомянуть кое о чем во время нашей первой беседы.

Митч чуть подождал, затем неторопливо произнес:

- Ну, и что же это?

Сидящие внимательно вслушивались в слова Макнайта.

- Мы никогда не позволяем новому сотруднику начать его карьеру в нашей фирме, не рассчитавшись со студенческими займами. Мы предпочитаем, чтобы у тебя по иному поводу болела голова и чтобы ты иначе тратил свои деньги. Какова сумма долга?

Митч глотнул кофе, мозг его быстро работал.

- Почти двадцать три тысячи.

- Начни завтрашний день с того, что передай все документы по займам Луизе.

- Вы... гм-м... имеете в виду, что фирма все оплатит?

- Такова наша политика. Если ты, конечно, не против.

- Нисколько не против. Просто я не знаю, что сказать.

- Тебе и не нужно ничего говорить. Мы делали это для каждого нашего нового сотрудника на протяжении последних пятнадцати лет. Просто передай бумаги Луизе.

- Но это очень великодушно, мистер Макнайт.

- Да, это так.

Пока лимузин медленно продвигался по забитым машинами улицам, Эйвери говорил

без умолку. Митч напомнил ему самого себя, говорил он. Ребенок из разрушившейся семьи, воспитанный приемными родителями где-то на юго-западе Техаса. После школы он оказался предоставленным самому себе, работал в ночную смену на обувной фабрике, чтобы скопить денег на учебу в колледже. Ему посчастливилось получить благотворительную стипендию. Колледж закончил с отличием, разослал заявления о приеме в одиннадцать вузов и остановил выбор на Стэнфордском университете. Закончил факультет права вторым на курсе и отказался от предложений всех самых крупных фирм на Западном побережье. Он хотел заниматься налогами и ничем иным. Оливер Ламберт нашел его шестнадцать лет назад, когда в фирме не было и тридцати человек.

Толар был женат, имел двоих детей, но о семье говорил мало. Его больше интересовали деньги. Они его страсть, как сказал он. В банке уже лежал первый миллион, второй ожидался через пару лет. С ежегодным доходом в четыреста тысяч вряд ли это займет больше время. Его специальностью было создание товариществ по закупке супертанкеров. В своем деле он слыл профессионалом, ставка его составляла триста долларов в час, а работал он шестьдесят, иногда семьдесят часов в неделю.

Митч начинал со ста долларов в час и пятичасового, по меньшей мере, рабочего дня до тех пор, пока он не сдаст экзамен. После этого - восемь часов, по сто пятьдесят долларов за каждый. Скрупулезный учет рабочего времени, равно как и объема проделанной за день работы, или, как в фирме говорили, оформление счетов - вот что являлось фундаментом процветания. Каждый вел свои счета сам. От них зависело абсолютно все: продвижение по службе, повышение окладов, премии, льготы, успех - словом, выживание. Новичкам в этом вопросе уделялось особое внимание. Если кого-то уличали в несерьезном отношении к этим ежедневным калькуляциям, то делалось серьезное предупреждение. Эйвери не помнил ни одного в свой адрес. Было бы просто неслыханно, сказал он, чтобы кто-то позволил себе пренебречь столь важным делом.

Для сотрудников средняя почасовая ставка равнялась ста семидесяти пяти долларам. Для компаньонов - тремстам. Миллиган с некоторых своих клиентов брал по четыреста в час, а Натан Лок однажды даже пятьсот - за какую-то работу, связанную с налоговым обеспечением сложной сделки по обмену недвижимости в нескольких странах. Пятьсот долларов в час! Эйвери доставил себе удовольствие, чуть развив мысль: пятьсот в час, умноженные на пятьдесят часов в неделю и на пятьдесят недель в году, дают один миллион двести пятьдесят тысяч долларов! За один год. Вот как делают деньги в их бизнесе. Человек начинает свое дело с несколькими компаньонами, и вырастает династия. С приходом каждого нового человека увеличивается общая прибыль, так-то.

Не пренебрегай оформлением счетов, предупреждал он Митча. Это первое правило выживания. Если вдруг закончатся папки, с которыми работаешь, тут же дай знать ему, Эйвери, у него в офисе их предостаточно. В десятый день каждого месяца во время обеда компаньоны обсуждают положение дел со счетами за предыдущий месяц. Это настоящий обряд, священнодействие. Ройс Макнайт зачитывает имя компаньона и сумму, которую он заработал в фирме за прошедший месяц. Среди них, компаньонов, существует даже подобие некой добродушной конкуренции. В конце концов, все они становятся богаче, разве нет? Что касается сотрудников, то никто не упрекнет того, у кого самый низкий итоговый показатель, если в следующем месяце он возрастет. Позже Оливер Ламберт объяснит это все подробнее. Но еще ни у кого в фирме не было низких показателей три месяца подряд. Сотрудникам с особенно высокими показателями могут выплачиваться премии. Сумма заработанных гонораров играет важную роль при переводе сотрудника в ранг компаньона. Поэтому - не пренебрегай! Это превыше всего, после сдачи экзамена, конечно.

Экзамен - чепуха, просто формальность, через которую нужно пройти, ритуал, не более. Выпускнику Гарварда опасаться нечего. Просмотришь наш повторительный курс, вспомнишь, чему учили, говорил Эйвери, и достаточно.

Лимузин свернул в боковую улочку между двумя высокими зданиями и остановился у растянутого поперек тротуара тента, ведущего к металлической двери, выкрашенной в черный цвет. Эйвери посмотрел на часы и бросил шоферу:

- Подъедешь сюда к двум.

“Два часа на обед, - подумал Митч. - Это больше шестисот долларов. На ветер!”

Клуб “Манхэттен” занимал последний, десятый этаж здания, которое в начале пятидесятых было целиком заселено какими-то конторами. Толар окрестил его развалиной, но не преминул сообщить Митчу, что клуб известен в городе своим дорогим рестораном и изысканной кухней. Доступ в него имели только белые мужчины, обстановка была роскошной. Знатные обеды для знатных людей: банкиров, юристов, чиновников высокого ранга, антрепренеров, немногих политиков и горстки аристократов. Позолоченный изнутри лифт без остановок промчался через покинутые конторами этажи и замер на элегантно отделанном последнем. Представительный метрдотель обратился к спутнику Митча по имени, осведомился о здоровье Оливера Ламберта и Натана Лока, выразил сочувствие по поводу гибели Козински и Ходжа. Эйвери поблагодарил и представил ему нового члена фирмы. Лучший столик ждал их в углу. Безупречно вышколенный черный официант, Эллис, предложил гостям меню.

- В фирме не разрешается принимать спиртное во время обеда, - заметил Эйвери, открывая меню.

- Я и не пью во время обеда.

- Вот и хорошо. Что будешь?

- Чай со льдом.

- Чай со льдом для него, - обратился Эйвери к официанту, - а мне сухой мартини, и положи туда три оливки.

Митч прикусил язык и ухмыльнулся в меню.

- Слишком много у нас всяких правил, - пробормотал под нос Эйвери.

За первым мартини последовал второй, но на этом Толар остановился. Он сделал заказ за обоим: какая-то жаренная на огне рыба, блюдо дня. Ему приходится следить за своим весом, объяснил он Митчу. Помимо прочего, добавил Эйвери, он ежедневно ходит в спортивный клуб, свой собственный клуб. Почему бы Митчу не прийти как-нибудь и не попотеть вместе? Как-нибудь после экзамена, а? После этого Митч отвечал на его стандартные вопросы о футболе, со стандартной скромностью умаляя свои достижения.

В свою очередь, Митч спросил его о детях. Эйвери ответил, что они живут вместе с их матерью.

Рыба оказалась сыроватой, а картофель был просто недопечен. Митч ковырял вилкой в тарелке, медленно поедая свой салат и слушая рассуждения своего патрона о других обедающих в зале. Вон за тем большим столом сидит мэр, с каким-то японцем. За соседним столиком - один из банкиров фирмы. Там дальше - кое-кто из коллег по профессии. Митч заметил, что ели все увлеченно и в то же время со значимостью, как, собственно, и должны такие люди есть. Атмосфера была самая что ни на есть пуританская. По словам Эйвери выходило, что каждый из обедающих являлся весьма серьезной личностью как в своем деле, так и в городе. Эйвери был здесь дома.

Они оба отказались от десерта и заказали кофе. Митч должен быть на своем месте не позже девяти часов утра, объяснял ему Толар, раскуривая длинную тонкую золотистого цвета сигару. Секретарши приходят к восьми тридцати. Заканчивается рабочий день в пять часов пополудни, но никто не работает восемь часов в день. Он сам, например, приходит к восьми и редко уходит раньше шести. Он может позволить себе вписывать в свои счета по двенадцать часов каждый день, вне зависимости от того, сколько часов он фактически был занят работой. Пять дней в неделю по двенадцать часов. По триста долларов в час, в течение пятидесяти недель. Девятьсот тысяч долларов в год. Такова его норма. Правда, в прошлом году он дотянул только до семисот, но тому были причиной обстоятельства личного характера. Фирму не волнует, придет Митч в шесть утра или только в девять, если работа будет сделана.

- А во сколько открывают здание? - спросил Митч.

- У каждого есть свой ключ, так что прийти и уйти можно в любое время. Меры безопасности соблюдаются очень строго, но охрана давно уже привыкла к трудоголикам. Некоторые из привычек сослуживцев вошли в легенду. Виктор Миллиган в молодости работал по шестнадцать часов в день, семь дней в неделю, и так до тех пор, пока не стал компаньоном, после чего прекратил работать по воскресеньям. У него случился

сердечный приступ, и он был вынужден пожертвовать и суббота. Лечащий врач посадил его на диету: не более десяти часов в день, пять дней в неделю, и с тех пор он чувствует себя совершенно несчастным. Марти Козински знал в лицо и по именам всех уборщиц. Он приходил к девяти, поскольку хотел завтракать вместе с детишками. А уходил в полночь. Натан Лок притворяется, что не может нормально работать после прихода секретарш, и вот он является к шести. Это будет просто позором - прийти позже. Вот перед вами старик, которому шестьдесят один год и который стоит десять миллионов долларов. А ведь он работает с шести утра до восьми вечера пять дней в неделю, да еще прихватывает половину субботы. И что же - уходить на покой? Да он тут же умрет.

Ты можешь приходить и уходить, когда захочешь, никто не будет смотреть на часы. Лишь бы дело делалось.

Митч сказал, что все понял. Шестнадцать часов в день? В этом нет для него ничего нового.

Эйвери похвалил его новый костюм. Неписаное правило в одежде все-таки было, и Митч его усвоил быстро. У него есть неплохой портной, сказал Эйвери, старенький кореец, его можно будет рекомендовать Митчу позже, когда он окажется в состоянии оплачивать такие счета. Какие? Полторы тысячи за костюм. Митч сказал, что подождет годик-другой.

Извинившись, их беседу прервал адвокат какой-то крупной фирмы. Он обратился к Толару с выражением сочувствия и расспросами о семьях погибших. В прошлом году ему пришлось вместе с Джо Ходжем работать по одному делу, и он до сих пор никак не может поверить. Эйвери представил его Митчу. Оказывается, тот тоже был на похоронах. Они сидели с Толаром и ждали, когда этот незванный гость уйдет, но он все говорил, говорил, все сожалел и сожалел. Было ясно, что ему хочется узнать подробности. Поскольку Эйвери молчал, тот наконец убрался.

К двум часам обедающая знать города уже выпустила все пары, зал пустел. Эйвери подписал чек, и метрдотель проводил их до выхода. За рулем лимузина их терпеливо дожидался водитель. Митч потянул на себя заднюю дверцу и развалился на мягком кожаном сиденье. Разглядывая проносящиеся мимо здания и автомобили, спешащих куда-то пешеходов, он вдруг подумал: а многие ли из них сидели в лимузине? Или были гостями Манхэттен-клуба? Сколько человек из них разбогатеют через десять лет? Он улыбнулся своим мыслям и почувствовал себя совсем хорошо. Гарвард находился от него за тысячу миль. И никаких долгов! А Кентукки был просто на другой планете. Прошлого для Митча не существовало. Он родился только что.

Уже знакомая ему женщина-декоратор ждала его в кабинете. Эйвери извинился и попросил Митча прийти к нему в офис через час - пора приниматься за дело. Женщина принесла с собой альбомы с образцами мебели и прочего. Он попросил ее высказать свое мнение, выслушал его с усиленным для себя интересом, а затем доверительно объяснил, что полностью полагается на ее вкус, что заранее одобряет сделанный ею выбор. Ей понравился письменный стол из вишневого дерева, без всяких ящиков, легкие стулья с подлокотниками, обтянутые темно-коричневой кожей, и дорогой восточный ковер. Митч назвал все это великолепным.

Она вышла, и Митч уселся за старый письменный стол, который прекрасно выглядел и полностью бы его устроил, но нет, поскольку им уже пользовались, он не мог считаться достаточно хорошим для нового юриста фирмы Бендини. Офис его был размером пятнадцать на пятнадцать футов, с двумя большими окнами, выходившими на север. Из окон открывался вид на такие же окна второго этажа соседнего старого здания. Ничего захватывающего. Правда, если вытянуть шею, в уголке окна можно было увидеть полоску реки. Оклеенные обоями стены совершенно голы - кажется, она выбрала какую-то гравюру? Митч решил, что стена, которую он видит перед собой, сидя за столом, будет его стеной: на ней в рамках будут висеть его дипломы, лицензии и прочее. Для сотрудника кабинет его был не так уж и мал, гораздо больше тех комнатушек, в которых сидели новички в Нью-Йорке и Чикаго. Пару лет можно проработать и здесь. Затем перебраться в другой, с приличным видом из окна. Ну, а потом в "угол", в "кабинет власти".

Постучавшись, вошла мисс Нина Хафф, его секретарша. Они представились друг другу. Нина была крупной женщиной лет сорока пяти, и с первого взгляда становилось ясно, почему она до сих пор была одинока. Не будучи отягощена семьей, она, видимо, тратила свои деньги исключительно на одежду и косметику - и все впустую. У Митча мелькнула мысль - почему бы ей не открыть салон по уходу за внешним видом? Она тут же ему выложила, что работает в фирме восемь с половиной лет и о делопроизводстве знает все, что о нем стоит знать. Если у него возникнут какие-либо вопросы, все, что он должен будет сделать, это спросить ее. Митч поблагодарил мисс Хафф за любезность. Она сообщила ему, что в последнее время была на должности машинистки и очень рада тому, что представилась возможность вернуться к исполнению обязанностей секретаря. С видом полного понимания ее проблем Митч значительно кивнул головой. Знает ли он, как управляться с диктофонами? Да, знает. Год назад он проходил практику в довольно крупной фирме на Уолл-стрит, там работало триста человек, и фирма эта была оснащена по последнему слову техники. Но если у него будут проблемы, заверил ее Митч, он обязательно обратится к ней за помощью.

- Как зовут вашу жену? - спросила мисс Хафф.
- А для чего вам нужно это знать?
- Мне бы хотелось называть ее по имени, когда она будет звонить сюда. Я и в телефонных разговорах привыкла быть вежливой и дружелюбной.
- Эбби.
- А какой кофе вы предпочитаете?
- Черный. Но я варю его сам.
- Что вы, я не против того, чтобы варить для вас кофе. Это мои обязанности.
- Я варю свой кофе сам.
- Но это делают все секретарши.
- Если вы хоть раз прикоснетесь к моему кофе, я обещаю вам проследить, чтобы вас отправили в канцелярию лизать марки.
- У нас марки наклеивает машина. А на Уолл-стрит их лижут?
- Это была метафора.
- Хорошо. Имя вашей жены я запомнила, вопрос с кофе мы обсудили. Я готова приступить к работе.
- С утра. Будьте здесь в восемь тридцать.
- Да, босс.

Она вышла, и Митч улыбнулся себе. “Дерзкая баба, - подумал он, - зато с ней не соскучишься”.

Следующим посетителем оказался Ламар. Он опаздывал на встречу с Натаном Локом, но ему хотелось заглянуть на секунду к другу. Он был доволен тем, что их кабинеты рядом. Еще раз извинился за несостоявшийся ужин. Да, конечно, он вместе с Кэй и детьми будет у них сегодня к семи, чтобы посмотреть дом и обстановку.

Хантеру Куину уже исполнилось пять лет, а его сестре Холли - семь. Оба сидели за новехоньким обеденным столом и с безукоризненными манерами поедали спагетти, благовоспитанно пропуская мимо ушей то, о чем разговаривали взрослые. Эбби не сводила с них глаз и мечтала о собственных детишках. Митч находил их прелестными, но ему все не представлялось случая сказать об этом родителям. Он переживал события дня снова и снова.

Женщины быстро покончили с едой и отправились рассматривать мебель и судачить о том, как бы лучше ее расставить. Малыши потащили Херси во двор.

- Меня несколько удивило то, что они дали тебе Толара, - вытирая губы салфеткой, произнес Ламар.
- Почему?
- По-моему, он никогда раньше не связывался с сотрудниками.
- Тому есть причины?
- Вряд ли. Он отличный парень, но не командный игрок, замкнут. Предпочитает работать один. У них с женой какие-то проблемы, ходит слух, что они живут раздельно. Но он все держит в себе.

Митч отодвинул от себя тарелку, сделал глоток чая со льдом.

- Он хороший юрист?

- Да, очень. Они все хорошие юристы, если уж стали компаньонами. Большая часть его клиентов - богатые люди, которые не прочь подыскать прикрытие от налогов для своих миллионов. Он имеет дело с учреждением компаний с ограниченной ответственностью. Некоторые его ходы довольно рискованны, и он прославился тем, что всегда охотно вступает в борьбу с Национальным налоговым управлением. Почти все его клиенты известны своим стремлением к рискованной игре. Тебе придется попотеть, сидя над документами, но будет интересно.

- Половину обеда он объяснял мне, как оформлять свои счета.

- О, это важно. От нас постоянно требуют, чтобы наши счета росли. А что мы имеем на продажу? Только наше время. После того как сдашь экзамен, твои счета будут еженедельно просматривать Толар и Макнайт. Все это компьютеризировано, так что они смогут высчитать твою производительность с точностью до десяти центов. В течение первых шести месяцев твои счета должны покрывать тридцать-сорок часов в неделю. Затем на протяжении двух лет - пятьдесят. И прежде чем рассматривать тебя в качестве кандидата на партнерство, ты должен будешь на протяжении нескольких лет покрывать своими счетами не менее шестидесяти часов в неделю. Ни у кого из компаньонов нет меньше этой цифры - и у большинства с максимальными почасовыми ставками.

- Немало.

- Да, вроде бы, но только на первый взгляд. Хороший юрист может работать восемь или девять часов в сутки и писать в счет двенадцать. Это называется подкладка, или подбивка. Может, это не совсем справедливо по отношению к клиенту, но это общепринятая практика. Все крупные фирмы выросли именно на этом. Это просто игра.

- Не очень-то этичная.

- А как же адвокаты, навязывающие свои услуги тем, кто пострадал от несчастных случаев? Неэтично юристу, представляющему интересы наркодельцов, получать свой гонорар наличными, если у него есть основания подозревать, что эти деньги - грязные. Вокруг нас полно неэтичных вещей. А что ты скажешь о враче из государственной больницы, принимающем по сотне пациентов в день? Или о хирурге, который делает абсолютно ненужную больному операцию? Некоторые из самых неэтичных людей, которых я встречал в жизни, - это мои клиенты. Не так уж трудно подбить свой счет, если твой клиент - мультимиллионер, пытающийся изнасиловать правительство и желающий сделать это легально - с твоей помощью. Мы все занимаемся этим.

- Этому учат в фирме?

- Этому учишься сам. Когда начинаешь работать, много времени уходит на всякую чушь, впустую, постепенно приходит навык, ты уже действуешь экономнее, напрямую идешь к цели. Поверь, Митч, поработаешь с нами год и поймешь, как, работая десять часов в день, вставлять в счет двадцать. Это шестое чувство, которое приходит к юристу с опытом.

- Какой еще опыт я приобрету?

Ламар побренчал кубиками льда в стакане, задумавшись.

- Наберешься немного цинизма, профессия работает на тебя. Когда ты учился, ты наверняка вынашивал благородные идеи о том, каков должен быть порядочный юрист. Борец за права личности, защитник Конституции, последнее прибежище обиженных, принципиальный адвокат, стоящий на страже интересов своего клиента. После шести месяцев практической работы ты начинаешь понимать, что ты всего лишь наемник, ловко подвешенный язык, продавшийся большим боссам, доступный любому мошеннику и подонку, имеющему достаточно денег, чтобы оплачивать твои сумасшедшие гонорары. И ничто уже не тревожит твою совесть. Все привыкли думать, что право - удел достойных, но ты столкнешься с таким количеством бесчестных юристов, что тебе захочется поставить на этой профессии точку и попытаться подыскать себе работу почище. Да, Митч, ты станешь циником. А это грустно, поверь.

- Может, не стоило тебе говорить мне об этом в самом начале?

- Но ведь за это тебе будут платить. Ты не представляешь себе, какую грязную и

нудную работу готов выполнять человек за двести тысяч долларов в год.

- Грязную и нудную? Но это звучит просто страшно, Ламар.

- Мне очень жаль, Митч. Все не так уж и плохо. С четверга мой взгляд на жизнь совершенно изменился.

- Может, хочешь посмотреть на дом? Он неплох.

- В другой раз. Давай-ка поболтаем.

6

Будильник, стоящий на столике у новой кровати, взорвался трезвоном в пять утра, но Митч тут же усмирил его. Пошатываясь от сна, он пробрался через темный дом к задней двери, где его уже Нетерпеливо ждал Херси. Он выпустил пса во двор, а сам отправился в душ. Через двадцать минут он зашел в спальню, поцеловал спящую жену - она даже не пошевелилась.

Улицы были пусты, и он добрался до Бендини-билдинга всего за десять минут. Митч решил, что день начнется для него в пять тридцать утра, если, конечно, кто-нибудь не придет еще раньше. Тогда завтра он будет на месте в пять, в четыре тридцать или в любое другое время, но - первым. Сон - чепуха. Сегодня он будет первым в офисе, и завтра тоже, и так каждый день до того момента, когда он станет компаньоном. Если у других на это уходило десять лет, то он добьется своего через семь. Он твердо решил стать самым молодым в истории фирмы компаньоном.

Автостоянка у здания фирмы была обнесена цепью на столбиках, у въезда стояла будка охраны. На месте, где он должен был ставить свой "БМВ", между двух желтых полос, прямо на бетонном покрытии краской нанесено его имя. У ворот Митч притормозил, ожидая, пока их откроют. Из темноты появился охранник в форме, подошел к дверце автомобиля. Митч нажал кнопку, стекло поползло вниз, и в образовавшуюся щель он протянул охраннику пластиковую карточку со своей фотографией.

- Вы, должно быть, новенький, - проговорил тот, глядя на пропуск.

- Да. Митч Макдир.

- Читать я умею. По машине можно догадаться.

- А как ваше имя?

- Датч Хендрикс. Тридцать три года в полицейском управлении Мемфиса.

- Рад знакомству, Датч.

- Взаимно. Ранняя пташка, да?

Митч улыбнулся и забрал у него пропуск.

- Нет. Я-то думал, что все уже давно здесь. Датч сделал вид, что улыбается.

- Вы первый. Чуть позже появится мистер Лок. Ворота распахнулись, Датч махнул ему рукой в сторону стоянки. Митч нашел свое имя, выписанное белой краской, и загнал свой чистенький "БМВ" на место в третьем ряду от стены здания. Подхватив с заднего сиденья изящный кожаный чемоданчик, совершенно пустой, он аккуратно прикрыл дверцу автомобиля. У входа в здание его уже поджидал новый охранник. Митч представился и ему, глядя, как тот открывает дверь. Он посмотрел на часы: ровно пять тридцать. Стало чуть легче на душе - значит, пять тридцать достаточно рано для того, чтобы быть первым. Значит, остальные еще спят.

В углу его кабинета на полу стояли три ящика, куда он в беспорядке свалил накопившиеся за годы учебы книги, папки, блокноты, тетради. Подняв один из ящиков, Митч поставил его на стол, начал разбирать содержимое. Извлеченное он тут же раскладывал отдельными кучками на столе.

После двух чашек кофе в третьем ящике он обнаружил материалы для подготовки к экзамену. Потянулся, подошел к окну, поднял жалюзи. Светлее стало ненамного, поэтому он и не заметил внезапно появившейся в дверном проеме фигуры.

- Доброе утро!

Митч резко обернулся и уставился на вошедшего. - Вы испугали меня, - сказал он и глубоко вздохнул.

- Прощу прощения. Я - Натан Лок. По-моему, мы не встречались.

- Меня зовут Митч Макдир, я новичок. Они пожали друг другу руки.

- Да, знаю. Это моя вина, что мы не встретились раньше. Во время ваших двух первых приездов я был довольно-таки занят. Мне кажется, я видел вас на похоронах в понедельник.

Митч согласно наклонил голову, хотя и был уверен, что находился от него на расстоянии не меньше ста метров, иначе бы он сам его запомнил. Уж, во всяком случае, глаза - холодные, черные, окруженные черными же морщинками. Глаза сильного человека. Незабываемые глаза. Волосы на голове Лока были совершенно белыми, редкими на самом верху и погуще над ушами, их белизна резко контрастировала с цветом лица. Когда он говорил, глаза сужались, черные зрачки начинали неистово сверкать. Недобрые глаза. Знающие глаза.

- Очень может быть, - выговорил Митч, захваченный врасплох этим самым зловещим из виденных им прежде лиц, - очень может быть.

- Я вижу, вы встаете рано.

- Да, сэр.

- Что ж, хорошо, что вы пришли к нам. С этими словами Натан Лок оставил Митча одного, Митч даже высунул голову в коридор, а потом запер за собой дверь. "Ничего удивительного в том, что его держат на четвертом этаже, подальше от всех", - подумал он. Теперь ему стало ясно, почему не стоило встречаться с ним до того, как он подписал контракт с фирмой. Он мог бы передумать. Спрятать бы этого Лока подальше от будущих кандидатов! У него просто дьявольское обличье, право слово. "И глаза, - сказал Митч про себя, усаживаясь в кресло и устраивая ноги на столе. - Глаза".

Как Митч и предполагал, Нина принесла с собой кое-что перекусить. Она вошла в кабинет ровно в восемь тридцать, предложила ему пончиков, и он взял пару. Она тут же поинтересовалась, стоит ли ей по утрам приносить чего-нибудь легкого подкрепиться. Митч сказал, что это было бы весьма любезно с ее стороны.

- А что это такое? - спросила секретарша, указывая на разложенные по столу папки и прочее.

- Этим нам нужно будет сегодня заняться. Упорядочить и классифицировать мои бумаги.

- Никакой диктовки?

- Пока нет. Через несколько минут у меня встреча с Эйвери. А пока мне необходимо навести здесь хоть какой-то порядок.

- Ах, как интересно! - воскликнула она, направляясь за кофе.

Эйвери Толар ждал его, держа в руках толстенную папку, которую тут же вручил Митчу.

- Это дело Кэппса. Вернее, часть его. Нашего клиента зовут Сонни Кэппс. Сейчас он живет в Хьюстоне, а родом из Арканзаса. Он стоит около тридцати миллионов и денежки свои, все, до последнего цента, держит в очень крепкой руке. В наследство от отца ему досталось несколько разошедшихся барж, а сейчас он стал владельцем крупнейшей транспортной компании на всей Миссисипи. Теперь его суда, или лодочки, как он зовет их, плавают по всему миру. Мы ведем восемьдесят процентов всех его юридических сделок, все, кроме судебных процессов. Сейчас он задумал создать еще одну компанию и приобрести новую флотилию танкеров, выкупить ее у семейства какого-то китайца, помершего в Гонконге. Кэппс обычно называет себя главой компании, а в компаньоны набирает человек двадцать пять, чтобы было с кем делить риск и объединять ресурсы. Эта сделка стоит шестьдесят пять миллионов. Я уже сколачивал для него подобные товарищества, и все они были разными, все были хитроумными. К тому же с ним чрезвычайно трудно иметь дело. Он педант, и очень взыскательный, и он уверен, что знает гораздо больше меня. Тебе разговаривать с ним не придется, да у нас тут никто кроме меня с ним и не говорит. В этой папке - часть документации по последней компании, что я оформлял для него. Помимо всего прочего, ты найдешь здесь деловую записку с общей идеей замысла, соглашение сторон о создании товарищества, протоколы о намерениях, требования заинтересованных сторон и само соглашение о партнерстве. Не упускай из внимания ни слова. Я попрошу тебя, после того как ты вникнешь в суть,

составить предварительный проект нового соглашения.

Папка в руках Митча сразу стала тяжелее. Похоже, пять тридцать - это поздновато.

Толар между тем продолжал:

- В нашем распоряжении дней сорок, и, по мнению Кэппса, мы уже опаздываем. С этими материалами, - он указал на другую папку, лежащую перед ним, - мне помогал Марти Козински. Я передам их тебе, как только просмотрю сам. Вопросы?

- А что с поисковой работой?

- В основном это текущая документация, но тебе нужно будет просмотреть ее. За прошлый год Кэппс заработал более девяти миллионов, а налогов заплатил жалкие гроши. Он не видит ни малейшего смысла в уплате налогов и требует от меня отчета за каждый цент, что идет в казну. Естественно, все делается на законных основаниях, я хочу только сказать, что это очень напряженная работа нервов. На карту поставлены миллионные инвестиции и огромная экономия на налоговых издержках. Эта сделка будет тщательно изучаться правительствами по крайней мере трех стран. Так что тебе понадобится все твоё внимание.

Митч пролистал папку.

- Сколько времени в день мне тратить на это?

- Как можно больше. Я знаю, что экзамен по адвокатуре очень важен. Но Кэппс важен не менее. В прошлом году он заплатил фирме гонораров на полмиллиона долларов.

- Я все сделаю.

- Уверен в этом. Я уже говорил тебе, что твоя ставка - сто долларов в час. Нина с сегодняшнего дня будет помогать тебе с хронометражем. И не забывай про счета!

- Как я могу забыть об этом?

Оливер Ламберт и Натан Лок стояли перед дверью на пятом этаже и смотрели в объектив телекамеры. Раздался громкий щелчок, и дверь открылась, охранник кивнул им головой. Де Вашер сидел у себя и ждал.

- Доброе утро, Олли, - сказал он спокойно, не обращая внимания на другого компаньона.

- Что нового? - раздался резкий голос Лока. Он тоже не повернул головы в сторону Де Вашера.

- Где? - спокойно спросил тот.

- Чикаго.

- Там очень беспокоятся, Нат. Независимо от того, что ты можешь предполагать, им очень не хочется пачкать руки. Да и, говоря честно, они просто не понимают, с какой стати они должны это делать.

- Что ты имеешь в виду?

- Они задают кое-какие неудобные вопросы, типа того, почему бы нам самим не держать своих людей в узде.

- И как ты им на это отвечаешь?

- Что все в порядке. Все отлично. Что фирма великого Бендини непоколебима. Все утечки ликвидированы, дело идет обычным порядком. Проблем нет.

- Много они успели навредить? - спросил Ламберт.

- Неизвестно. Мы и не сможем ничего узнать, но я сомневаюсь в том, что они вообще имели какую-то беседу. Да, они намеревались, в этом сомнений нет, но думаю, что они так этого и не сделали. Из надежного источника мы узнали, что агенты ФБР были только на пути к острову, когда все это произошло, поэтому-то мы и думаем, что их прогулка туда была впустую.

- Откуда вам это стало известно? - спросил Лок.

- Будет тебе, Нат. У нас свои источники. А потом, и на острове тоже есть наши люди. Мы умеем работать, ты должен знать об этом.

- Все было сделано чисто?

- Да. Очень профессионально.

- Каким образом туда затесался местный житель?

- Мы были вынуждены, Олли, чтобы выглядело естественно.

- А что тамошние власти?

- Какие власти? Это крошечный тихий островок, Олли. В прошлом году там произошло убийство и четыре несчастных случая с аквалангистами. Там рассматривают это как еще один несчастный случай. Три утопленника.

- А агенты ФБР? - поинтересовался Лок.

- Понятия не имею.

- Я думал, у вас есть источник.

- Есть. Но его никак не могут разыскать, вчера, во всяком случае, о нем не было слышно. Все наши люди сейчас на острове, и там не замечено ничего необычного.

- Долго вы еще там будете?

- Еще пару недель.

- Что, если там объявится ФБР?

- Сядем им на хвост. Мы увидим их, когда они будут спускаться по трапу самолета.

- Мне становится дурно от всего этого, Де Вашер, - сказал Ламберт.

- Ты думаешь, мне это нравится, Олли? А что нам остается? Сидеть сложа руки и ждать, пока они наговорятся? Хватит, Олли, все мы люди. Я был против, но Лазарев сказал - сделай. Если ты хочешь поспорить с ним - давай, вперед. Потом твое тело тоже кто-нибудь найдет. А эти двое занялись не тем. Они должны были вести себя тихо, кататься на своих красивых машинах и играть в больших юристов. Нет, им захотелось почувствовать себя святыми.

Лок закурил сигарету, выпустил струю дыма в сторону Де Вашера. Разговор на секунду прервался, пока дым не рассеялся. Де Вашер бросил на Лока взгляд, но не сказал ни слова.

Ламберт поднялся и опустошенно уставился в стену.

- Зачем ты позвал нас? - спросил он. Де Вашер глубоко вздохнул.

- Чикаго требует поставить на прослушивание домашние телефоны всех некомпаньонов.

- Я говорил тебе, - сказал Ламберт Локу.

- Это не моя идея, а они начинают давить. Там наверху они становятся все более нервными, поэтому и перестраховываются. Нельзя их в этом винить.

- Не кажется ли тебе, что это может завести слишком далеко?

- Согласен, это абсолютно бессмысленно. Но Чикаго думает иначе.

- И когда? - спросил Лок.

- Где-то на следующей неделе. Это займет несколько дней.

- Слушать будут всех?

- Некомпаньонов - всех. Так было сказано.

- И Макдира?

- Да, и Макдира. Я почти уверен, что Тарранс будет пытаться вновь, и на этот раз он может попробовать начать снизу.

- Я видел Макдира сегодня утром, он пришел раньше меня.

- В пять тридцать две, - уточнил Де Вашер.

Университетские конспекты были сметены на пол, и всю поверхность стола заняли документы из папки Кэппса. С обеда Нина принесла ему бутерброд с курятиной, и он съел его, вчитываясь в лежащие перед ним бумаги, в то время как Нина разбирала кучу на полу. В начале второго Уолли Хадсон, или Дж. Уолтер Хадсон, как было написано на его фирменном бланке, явился для того, чтобы начать с Митчем подготовку к сдаче экзамена. Хадсон был специалистом по контрактам. Он уже пять лет работал в фирме и был в ней единственным выходцем из Вирджинии, что сам он находил несколько странным, поскольку, по его мнению, вирджинская юридическая школа являлась лучшей в стране. Последние два года он занимался разработкой нового курса по контрактам, которые составной частью входили в экзамен. Уолли не терпелось опробовать свое детище, и тут как раз подвернулся Макдир. Он вручил Митчу сброшюрованные тетради, пачку толщиной сантиметров десять и весом не менее папки Кэппса.

Экзамен займет четыре дня и будет состоять из трех частей, объяснил ему Уолли. В первый день - четырехчасовой комплексный экзамен по этике. Подготовкой по этике с ним займется Джилл Вон, компаньон, эксперт фирмы по вопросам этики. На второй день

- восьмичасовой экзамен, называемый просто “многоштатный”, - в его ходе будет проверяться знание Митчем тех законов, которые имеют одинаковую силу на территории всех штатов. Это тоже комплексный экзамен, и вопросы на нем самые каверзные. Потом - самое трудное: третий и четвертый день, по восемь часов каждый, отданы пятнадцати областям материально-правового законодательства. Контракты, единый коммерческий кодекс, недвижимость, гражданские правонарушения, внутренние дела, завещания, акты дарения, налогообложение, компенсации рабочим, конституционное право, процедура федерального суда, уголовный суд, корпорации, товарищества, страхование и отношения должника и кредитора. Ответы подаются в виде развернутых письменных справок, а вопросы главным образом сформулированы с точки зрения законодательства штата Теннесси. Фирма разработала план повторения всех пятнадцати разделов.

- Вы имеете в виду пятнадцать таких? - Митч кивнул головой на пачку. Уолли улыбнулся.

- Да. Мы старались предусмотреть все. Видите ли, никто еще в нашей фирме...

- Знаю, знаю. И я тоже сдам с первого раза.

- В течение последующих шести недель мы будем встречаться с вами по одному разу в неделю, по два часа, так что рассчитывайте свое время. Меня бы устроила среда, в три часа.

- Дня или утра?

- Пополудни.

- Отлично.

- Как вы знаете, контракты и Единый коммерческий кодекс по духу своему очень близки, поэтому я взял на себя смелость вставить его в свои материалы. Мы возьмем и то и другое, но на это, конечно, уйдет больше времени. Обычно на экзамене задают кучу вопросов по коммерческим сделкам, у вас могут возникнуть потребности в каких-либо пояснениях, так что прихватите с собой записную книжку. Я включил в материалы и вопросы из предыдущих экзаменов, наряду с образцами ответов на них. Это захватывающее дух чтение.

- Мне уже не терпится.

- Просмотрите к следующей неделе первые восемьдесят страниц. На некоторые вопросы вам нужно будет ответить письменно.

- Домашняя работа?

- Именно так. Оценку я скажу вам через неделю. Гак будет до конца занятий. Вас будут контролировать очень тщательно.

- Кто входит в комиссию?

- Я, Эйвери Толар, Ройс Макнайт, Рэндалл Данбар и Кендалл Махан. Мы будем встречаться по пятницам и обсуждать ваши успехи.

Уолли вытащил из чемоданчика книжку поменьше, положил ее на стол.

- Это ваш ежедневник. Вы должны записывать сюда количество часов, потраченных на подготовку, и изученные вами темы. Я буду просматривать его по пятницам перед заседаниями комиссии. Вопросы?

- Пока нет никаких, - ответил Митч, кладя ежедневник на папку Кэппса.

- Тем лучше. До встречи в следующую среду.

Не прошло и минуты, как вошел Рэндалл Данбар с толстым фолиантом, до смешного похожим на тот, что оставил Хадсон, разве чуть потоньше. Данбар занимался вопросами недвижимого имущества, именно через его руки проходило оформление документов на дом, в котором теперь жил Макдир. Он сунул Митчу свой “кирпич” с наклейкой “Недвижимость” и объяснил ему, насколько важной частью экзамена являлся его предмет. Все возвращается на круги своя, к имуществу, сказал он. Материалы эти тщательно подбирались им в течение десяти лет, он также подумывал опубликовать их в качестве авторитетного труда по вопросам имущественного права и земельного финансирования. Для встреч с Митчем ему потребуется по меньшей мере час в неделю, желательно во вторник после обеда. Примерно час еще он рассказывал Митчу, насколько другим был этот экзамен тридцать лет назад, когда он сам сдавал его.

У Кендалла Махана были свои причуды: удобнее всего для него была суббота, семь

тридцать утра.

- Договорились, - сказал ему Митч, укладывая новый сборник материалов рядом с предыдущими двумя. Этот был посвящен конституционному праву, коньку Кендалла, хотя, по собственному его признанию, пользовался он им редко. Так же как и двое его коллег, он уведомил Митча, что конституционное право - самый ответственный момент во всем экзамене, во всяком случае, так было пять лет назад, когда сам Кендалл отвечал на вопросы экзаменаторов. В начале своей деятельности в фирме, поделился воспоминаниями Махан, в "Юридическом вестнике" Колумбийского университета была опубликована его статья о Первой поправке к Конституции; копия этой статьи есть в материалах, Митчу будет интересно ее прочесть. Митч обещал ему сесть за статью тотчас же.

Шествие к нему в кабинет продолжалось до самого полудня, почти полфирмы прошли мимо его стола, оставляя на нем блокноты, записные книжки, папки, домашние задания иди просто записки с указаниями даты и времени встреч. Не меньше шести человек напомнили ему о том, что ни разу еще сотрудник фирмы не провалил экзамена.

Когда в пять часов вечера секретарша мисс Хафф прощалась с Митчем, стол его был завален такой грудой бумаг, что их хватило бы, чтобы загрузить работой контору со штатом человек в десять. Митч был не в состоянии сказать ни слова, он лишь улыбнулся Нине и вернулся к контрактному праву Хадсона. Примерно через час у него мелькнула мысль о том, что неплохо бы поесть. И только после этого, впервые за двенадцать часов, он вспомнил об Эбби и потянулся к телефону.

- Я тут немного задержусь, дорогая.
- Но у меня почти готов обед!
- Оставь его на плите, - сказал он, пожалуй, слишком лаконично. Пауза.
- А когда ты вернешься? - Эбби говорила очень медленно, тщательно выбирая слова.
- Через несколько часов.
- Несколько часов? Ты уже провел там половину суток.
- Все верно, но у меня еще очень много работы.
- Это же твой первый день.
- Если я тебе расскажу, то ты не поверишь.
- У тебя все в порядке?
- У меня все отлично. Буду дома позже.

Фыркающий звук двигателя разбудил Датча Хендрикса, он вскочил на ноги. Раскрыв ворота, он ждал, пока последний автомобиль не выедет со стоянки. Рядом с ним машина притормозила.

- Добрый вечер, Датч, - приветствовал его Митч.
- И ты только сейчас уезжаешь?
- Да-а, денек был напряженный.

Датч посветил фонариком на циферблат часов: полдвенадцатого.

- Езжай осторожнее!
- Хорошо. До встречи через несколько часов, Датч.

"БМВ" скользнул на Фронт-стрит и исчез в ночи. "Несколько часов, - подумал Датч. - Эти новобранцы как сумасшедшие. Восемнадцать, двадцать часов в день, шесть дней в неделю, а то и семь. Всем им не терпится стать первыми юристами мира и заколачивать по миллиону за ночь. А бывает, что и сутками отсюда не вылезают, спят за столами". Все это он уже видел. Это ненадолго. Человеческий организм к такому не приспособлен. Через полгода из них выходит пар, они начинают работать по пятнадцать часов в день, шесть дней в неделю. Потом - пять с половиной. Потом - по двенадцать часов.

Никому не выдержать ста часов в неделю на протяжении больше чем полгода.

7

Митч медленно вошел в кабинет и замер у порога.

Одна из секретарш рылась во вращающейся этажерке в поисках чего-то такого, что понадобилось Эйвери немедленно. Другая стояла перед ним с блокнотом в руках,

записывая инструкции, которые он диктовал ей в те мгновения, когда не кричал в телефонную трубку, а делал вид, что слушает собеседника. На корпусе телефонного аппарата помигивали три красные лампочки. Как только Эйвери начал говорить в трубку, между секретаршами вспыхивала перебранка.

- Уймитесь! - заорал на них Толар.

Первая с треском задвинула картотечный ящик и перешла к следующей этажерке, где возобновила свои манипуляции. Щелкнув пальцами, Эйвери указал второй на свой настольный календарь и бросил трубку не попрощавшись.

- Что у меня на сегодня? - спросил он, вытягивая какую-то папку из ячейки в стеллаже.

- В десять утра встреча с представителями Национального налогового управления в городе. В час дня встреча с мистером Локом по делу Спинозы. В три тридцать совещание компаньонов. Поскольку завтра весь день вы проведете в суде, предполагается, что сегодня остаток дня вы будете готовиться к завтрашнему выступлению.

- Великолепно. Отменить все. Закажите билет на Хьюстон, на субботу после обеда, и обратный билет на понедельник утром.

- Да, сэр.

- Митч! Где папка Кэппса?

- У меня на столе.

- Ты много успел?

- Прочитал практически все.

- Нам нужно будет поднапрячься. Сонни Кэппс только что звонил мне. Он хочет встретиться в Хьюстоне в субботу утром, и ему необходим предварительный проект соглашения о партнерстве.

Внезапно у Митча засосало под ложечкой. Если память ему не изменяла, в соглашении было сто сорок с чем-то страниц.

- Хотя бы предварительный проект, Митч.

- Нет проблем, - сказал Митч, надеясь, что голос его звучит уверенно и ровно. - Проект будет готов. Может, не очень гладкий, но будет.

- Мне он нужен в субботу, в первой половине дня, и по возможности без шероховатостей. Я пошлю свою секретаршу, чтобы она объяснила Нине, как найти в компьютере формы соглашений, это сэкономит время на диктовке и печатании. Я знаю, получается не совсем справедливо, но от Кэппса справедливости ждать не приходится. Он любит требовать. Он сказал мне, что сделка должна быть заключена в течение двадцати дней, иначе она превратится в мыльный пузырь. Теперь все висит на нас.

- Я все сделаю.

- Молодчина. Встретимся завтра в восемь утра, чтобы посмотреть, далеко ли мы продвинулись.

Эйвери нажал на одну из кнопок с мигающей лампочкой и начал с кем-то спорить. Митч вернулся в свой офис, уселся и посмотрел на папку Кэппса, едва видневшуюся из-под груды записных книжек.

В дверь просунула голову Нина.

- Вас хочет видеть Оливер Ламберт.

- Когда?

- Как можно быстрее.

Митч посмотрел на часы. Прошло только три часа рабочего времени, а он уже чувствовал себя уставшим.

- Он не может подождать?

- Не думаю. Обычно мистер Ламберт никого не ждет.

- Понятно.

- Вам лучше пойти сейчас же.

- Чего он хочет?

- Этого его секретарша не сказала.

Митч надел пиджак, поправил узел галстука и поднялся на четвертый этаж, где его уже ждала секретарша босса. Представившись, она поставила Митча в известность о том, что уже тридцать один год работает в фирме. Она была второй секретаршей, нанятой

мистером Бендини после того, как он обосновался в Мемфисе. Ее имя было Ида Ренфро, но она привыкла к тому, чтобы ее звали просто миссис Ида. Проведя Митча в кабинет Ламберта, она прикрыла за ним дверь.

Оливер Ламберт встал из-за стола и снял очки - он пользовался ими лишь для чтения. Тепло улыбнувшись, положил свою трубку на специальную бронзовую подставку.

- Доброе утро, Митч, - произнес он мягко и неторопливо, как будто бы время для него ничего не значило. - Давай-ка сядем вон там, - повел он рукой в сторону дивана. - Может быть, кофе?

- Нет, спасибо.

Он опустился на мягкие подушки, в то время как сам Ламберт предпочел жесткий стул с подлокотниками, стоявший немного в стороне и дававший ему возможность смотреть на собеседника сверху вниз. Митч расстегнул пиджак, постарался расслабиться. Скрестив ноги, принялся рассматривать носки своих новых ботинок - всего двести долларов, час работы для сотрудника фирмы, где деньги, казалось, не зарабатывали, а печатали. Он хотел расслабиться, а память услужливо напоминала о панике в голосе Эйвери и отчаянии в его глазах, когда тот слушал слова своего собеседника в Хьюстоне. Всего лишь второй рабочий день, а голова раскалывается, в желудке - ноющая боль.

Оливер Ламберт послал ему одну из своих лучших улыбок: искреннюю и по-отечески добрую. Настало время выдать порцию новой информации.

- Всего пара вопросов, Митч, я понимаю, что ты уже очень занят.

- Да, сэр, очень.

- Состояние паники - это норма жизни в любой мало-мальски приличной юридической фирме, а клиенты типа Сонни Кэппса могут довести до язвы желудка. Но клиенты - это все, чем мы располагаем, поэтому мы готовы каждый день умирать за них.

Митч слушал, улыбался и хмурился одновременно.

- Всего два момента, Митч. Первое: моя жена и я, мы хотим в субботу поужинать с тобой и Эбби. Мы часто делаем это вне дома, и нам особенно приятно, когда такие трапезы с нами делят друзья. Иногда я и сам люблю постоять у плиты, я умею отдать должное хорошей еде и напиткам. Как правило, в одном из наших любимых ресторанов мы заказываем большой стол, приглашаем друзей и проводим вечер за ужином из, скажем, девяти блюд или за дегустацией коллекционных вин. Вы в субботу свободны?

- Мы будем рады принять ваше приглашение.

- Хорошо. Мое любимое место "Жюстен", это старый французский ресторанчик с изысканной кухней и впечатляющей картой вин. Так в субботу, в семь?

- Мы будем там.

- Второе - оно заслуживает обсуждения. Уверен, что ты знаешь об этом не хуже меня, но повторить не мешает, поскольку для фирмы это чрезвычайно важно. В Гарварде, знаю, вас учили тому, что между юристом и его клиентом существуют совершенно особые, доверительные отношения. Это твоя привилегия как юриста, и никто не может принудить тебя к тому, чтобы ты выдал ту информацию, которую тебе доверил клиент. Информация эта в высшей степени конфиденциальна. Если юрист начинает обсуждать дела своего клиента, то это является вопиющим нарушением профессиональной этики. Все, что я только что сказал, относится к каждому юристу, без всяких исключений. У нас в фирме к этим вопросам подходят еще более строго. Мы не обсуждаем дела наших клиентов ни с кем: ни с другими юристами, ни с супругами, ни даже между собой. Обычно мы не очень разговорчивы дома, и наши жены приучены не задавать вопросов. Чем меньше говоришь, тем здоровее себя чувствуешь. Основатель фирмы мистер Бендини ни во что не верил так свято, как в скрытность, и этому же он учил нас. Ты никогда не услышишь, чтобы член нашей фирмы за ее стенами произнес хотя бы имя своего клиента. Вот как мы подходим к вопросам этики.

- Я хорошо понимаю все это, мистер Ламберт, и вам нет нужды беспокоиться обо мне.

- "Болтливые языки проигрывают дела" - это было девизом мистера Бендини, и он прожил с ним всю жизнь. Мы просто ни с кем не обсуждаем дела своих клиентов, в том числе и с женами. Мы ведем себя очень, очень сдержанно, и нам это по нраву. Ты будешь знаком и с другими юристами в городе, и рано или поздно тебя будут спрашивать

о фирме или о твоём клиенте. В таких случаях мы просто молчим. Это понятно?

- Конечно, мистер Ламберт.

- Хорошо. Мы очень гордимся тобой, Митч. Ты станешь отличным юристом, богатым юристом, Митч. До субботы!

Митч вышел из кабинета, но не успел сделать и нескольких шагов, как миссис Ида, подойдя к нему, сообщила, что его ждёт мистер Толар, срочно. Поблагодарив секретаршу Ламберта, Митч устремился вниз по лестнице, затем по коридору, мимо собственной двери - прямо в угловой офис. Теперь уже там сустились три женщины, перешептываясь между собой, в то время как их босс вновь громко кричал в телефонную трубку. Митч отыскал взглядом свободный стул у двери. Перед ним разворачивалось прямо-таки цирковое действо. Секретарши листали папки и блокноты, бормоча что-то между собой на каком-то непонятном Митчу языке. Время от времени Эйвери щёлкал пальцами, указывая туда или сюда, после чего женщины начинали метаться по кабинету, как испуганные кролики.

Через некоторое время Эйвери опустил трубку на рычаги, опять-таки не попрощавшись. Оглянулся на Митча.

- Опять Сонни Кэппс. Гонконгская семейка требует с него семьдесят пять миллионов, и он согласился заплатить. В товарищество войдет сорок один компаньон вместо двадцати пяти. Если мы не уложимся в двадцать дней, сделка лопнет.

К Митчу подошли две секретарши, у каждой - по толстой папке.

- Справишься? - В голосе Эйвери слышалась чуть ли не насмешка. Секретарши смотрели на него во все глаза.

Митч подхватил обе папки и направился к двери.

- Безусловно справлюсь. Это все?

- Тебе этого хватит. С этого момента и до субботы забрось все остальное, понятно?

- Да, босс.

Придя к себе, Митч первым делом собрал со стола экзаменационные материалы, все пятнадцать томов, и сложил их в углу. На их место аккуратно легли папки

Кэппса. Отдышавшись, он начал вгрызаться в бумаги, но тут же его отвлек стук в дверь.

- Кто?

Дверь приоткрылась, он увидел голову Нины.

- Страшно не хотела вас беспокоить, но прибыла новая мебель.

Митч начал массировать кончиками пальцев виски, бормоча проклятия.

- Может быть, пару часов вам лучше поработать в библиотеке?

- Может быть.

Он собрал документы в папки и вместе с Ниной перетащил экзаменационные материалы в коридор, где два крупных негра стояли рядом с громоздкими шкафами для картотеки и свернутым в рулон ковром.

Нина проводила его до библиотеки.

- В два я должен был встретиться с Ламаром Куином для подготовки к экзамену. Позвоните ему и отмените встречу. Скажите, что я объясню позже.

- На два часа у вас была запланирована встреча с Джиллом Воном.

- Отменить.

- Но он компаньон.

- Отменить. Встречусь позже.

- Это недальновидно.

- Делайте то, что вам говорят.

- Вы - босс.

- Благодарю вас.

Обойщица оказалась мускулистой, невысокого роста женщиной, уже немолодой, но привыкшей к нелегкой работе и в совершенстве владеющей необходимыми навыками. Разговорившись с Эбби, она рассказала ей, что вот уже почти сорок лет она оклеивает дорогими обоями лучшие дома в Мемфисе. Хотя она тараторила без умолку, дело двигалось вперед споро. Резец ее был точным, как скальпель хирурга, а наклеивала

полосы на стены она с непередаваемым артистизмом. Пока клей подсыхал, женщина из карманчика на кожаном поясе вытащила мерную ленту и с нею в руках скрупулезно исследовала оставшийся голым угол столовой. Работая, она шептала себе под нос какие-то цифры, расшифровать которые Эбби отчаялась. Замерив длину и высоту в четырех разных точках, обойщица доверила эти данные своей памяти. Затем она поднялась на стремянку и скомандовала Эбби подать ей рулон бумаги. Примерилась - рисунок совпадал идеально. Прижав полосу к стене, она в сотый раз начала нахваливать обои, сетовать на их дороговизну, клясться в том, что они не потеряют своего нарядного вида и через много-много лет. Цвет обоев ей тоже нравился, они хорошо сочетались со шторами и коврами. Эбби уже устала благодарить ее за комплименты. Она просто кивала и посматривала на стрелки часов: пора уже было готовить обед.

Попрощавшись с обойщицей, Эбби отправилась в спальню, полностью разделась и улеглась поперек постели. Подтянув телефон, набрала номер мужа, из короткого разговора с Ниной выяснила, что Митч сейчас на каком-то совещании и будет позднее. Секретарша сказала, что он позвонит домой. Лежа на спине, Эбби вытянула длинные, загоревшие на солнце и уставшие за день ноги, повела плечами. Лопасты большого вентилятора на потолке посылали ее телу волны нежного, теплого воздуха. В конце концов, ведь Митч придет сегодня домой. Ну, поработает какое-то время сто часов в неделю, потом снизит планку до восьмидесяти. Ничего, она умеет ждать.

Незаметно задремав, она проснулась через час и тут же испуганно вскочила с постели: было уже почти шесть. Телятина! Пикантная телятина! Эбби быстро натянула шорты цвета хаки, белую футболку и устремилась в кухню, почти уже готовую, за исключением занавесок на окнах и кое-какой мелкой покраски. Но это уже на следующей неделе. В итальянской поваренной книге она разыскала рецепт и начала раскладывать на столе все необходимое. Настоящее мясо, пока учились, они ели не часто; если она готовила что-то дома, то это, как правило, был цыпленок “так” или цыпленок “этак”. В основном они питались бутербродами и сосисками.

Однако теперь, когда на них так неожиданно обрушился достаток, пришло время учиться готовить по-настоящему. В первую неделю их жизни на новом месте она каждый вечер выдумывала что-нибудь новенькое, и они ужинали, когда бы Митч ни возвращался домой. Эбби составляла в уме меню, штудировала поваренные книги, экспериментировала с соусами. Неизвестно по какой причине, но Митч любил итальянскую кухню, и, после того как спагетти и свинина по-монастырски были апробированы и одобрены, настало время для пикантной телятины.

Эбби отбила до необходимой толщины куски телятины, обваляла их в муке с солью и перцем. Поставила на огонь кастрюльку с водой для соуса, налила в стакан сухого вина и включила радио. Дважды после обеда она звонила Митчу, а он так и не выбрал времени хотя бы на один звонок. Эбби собралась было позвонить еще раз, но тут же передумала: теперь была его очередь. Ужин она приготовит, а съедят они его, когда Митч вернется.

К семи ужин был готов: бекон и салат из помидоров, телятина, хлеб с чесноком в духовке. Он так и не позвонил. Прихватив бокал с вином, Эбби вышла во внутренний дворик и осмотрелась. Навстречу ей из-под кустов выскочил Херси. Вместе обошли они весь двор, разглядывая травяной газон и делая остановки у двух старых огромных дубов. В толстых ветвях самого большого из них виднелись обломки скворечника. На стволе - чьи-то вырезанные инициалы, на другом - обрывок веревки. Эбби нашла старый резиновый мячик, швырнула его под кусты и развлекалась тем, что смотрела на рыщущего в поисках мяча пса. Она напряженно вслушивалась в вечернюю тишину: не раздастся ли телефонный звонок. Телефон молчал.

Херси вдруг замер, напрягся и тьякнул, повернувшись в сторону участка соседа. Аккуратно подстриженная живая изгородь из самшита раздалась в стороны, обнаружив за собой мистера Райса, соседа. Лицо его покрылось капельками пота, рубашка была насквозь мокрой. Он снял длинные зеленого цвета перчатки и только тут заметил стоящую под дубом Эбби. Улыбнулся. Опустил глаза вниз, на ее загорелые ноги, и улыбнулся еще шире. Утерев потной рукой лоб, подошел к разделяющей два участка ограде.

- Как поживаете? - Дыхание его было прерывистым, редкие седые волосы намokли от пота.

- Отлично, мистер Райс. А как вы?

- Жара. Должно быть, градусов сто.

Эбби неторопливо подошла к ограде поболтать.

- Газон у вас просто замечательный, - сказала она соседу.

Он еще раз утер пот, сплюнул.

- Вы называете это “замечательный”? Да это можно отсылать в журнал. Я не видел еще газона лучше, он должен был стать газоном месяца, но меня обошли. Где ваш муж?

- На работе. Он засиживается допоздна.

- Уже почти восемь. По-моему, он умчался еще до восхода. В полседьмого утра я вышел прогуляться, так его уже не было. Что это с ним?

- Он любит свою работу.

- Имей я такую жену-красавицу, я сидел бы дома. Ни за что бы не вышел.

Эбби улыбнулась комплименту.

- Как поживает миссис Райс? Он нахмурился, швырнул пучок сорняков за забор.

- Боюсь, не очень. Не очень-то хорошо. Он отвел взгляд, поджал губы. Его жена медленно умирала от рака. Детей у них не было. Врачи давали ей год, как максимум. Удалили почти весь желудок, но опухоль перекинулась на легкие. Весила она сейчас едва ли девяносто фунтов и почти не поднималась с постели. Когда Эбби вместе с Митчем впервые зашли к нему на участок, в глазах его стояли слезы, едва только он заговорил о жене и о том, каким одиноким он станет после того, как пятьдесят один год они прожили вместе.

- И вот, видите ли, моя работа не заслужила того, чтобы называться газоном месяца! Просто я живу не в той части города. Призы достаются богачам, которые нанимают мальчиков, делающих всю черную работу, в то время как сами они сидят у бассейна с коктейлем в руках. Но ведь и вправду это красиво, да?

- Просто глазам не верится. Сколько раз в неделю вы его стрижете?

- Три или четыре, это зависит от дождей. Хотите, подстригу и ваш газон?

- Спасибо, я подожду, пока этим займется муж.

- Похоже, у него туговато со временем. Буду посматривать и, если понадобится стрижка, загляну к вам.

Обернувшись, Эбби посмотрела на кухонное окно.

- Вы не слышите телефон? - спросила она уже на ходу.

Сосед показал ей на свой слуховой аппарат. Попрощавшись, она побежала к дому. Телефон смолк, как только она дотронулась до трубки. Была уже половина девятого, почти совсем стемнело. Она набрала его номер, но на том конце никто не подходил. Наверное, он уже выехал домой.

За час до полуночи зазвонил телефон. Если не считать этого звонка, то тишину кабинета на втором этаже нарушало только легкое похрапывание. Покоившиеся на новом столе скрещенные ноги затекли, но телу, развалившемуся в мягком кожаном кресле, было удобно. Митч склонился во сне на сторону, он устал и ничего не слышал, но чувствовал. Листы папки Кэппса были раскиданы по всему столу, а один из наиболее угрожающе выглядящих документов Митч крепко прижимал к животу. Ботинки стояли на полу, рядом с кучей бумаг. Между ботинками валялся опустошенный пакетик из-под жареного картофеля.

После десятка звонков Митч пошевелился, потянулся рукой за трубкой. Звонила жена.

- Почему ты не позвонил мне? - спросила она прохладно и все же с тревогой в голосе.

- Прости, пожалуйста, я заснул. Сколько сейчас времени? - Протерев глаза, он попытался рассмотреть стрелки часов.

- Одиннадцать вечера. Жаль, что ты не позвонил.

- Я звонил, но ты не подходила.

- Во сколько?

- Между восемью и девятью. Где ты была?

Она не ответила. Подождала. Затем спросила сама:

- Ты собираешься домой?
- Нет. Я буду работать всю ночь.
- Всю ночь? Но ты не можешь сидеть там до утра, Митч!
- Почему же? Могу, здесь это обычное дело. В этом нет ничего нового, я этого ожидал.
- А я ожидаю тебя, Митч. Уж позвонить-то ты мог, во всяком случае. Ужин ждет тебя на плите.

- Прости. У меня выходят все сроки, я потерял счет времени. Прости, Эбби.
В трубке наступило молчание - она соображала, простить или не прощать?
- Это может превратиться в привычку, Митч.
- Может.
- Понимаю. Когда, по твоим расчетам, ты сможешь быть дома?
- Тебе страшно?
- Нет, мне не страшно. Я собираюсь спать.
- Я заеду к семи утра, мне нужно будет принять душ.
- Вот и хорошо. Если я буду спать, не буди меня. Она повесила трубку. Митч долго смотрел на телефон, прежде чем положить на рычаг свою. На пятом этаже человек в наушниках хихикнул. "Не буди меня. Ну и дела!" - сказал он сам себе, нажимая кнопку магнитофона, подключенного к компьютеру. Затем он нажал одну за другой три кнопки и негромко сказал в микрофон:

- Эй, Датч, просыпайся там!
Датч, видимо, проснулся, из интеркома донеслось:
- Да, в чем дело?
- Это Маркус, сверху. По-моему, наш мальчик собирается остаться здесь на ночь. - Что у него за проблемы?

- В настоящее время - его жена. Он забыл позвонить ей, а она приготовила ему вкусненький ужин.

- О, ужас какой! Все это мы уже слышали, нет?
- Да, все новички в первую неделю такие. В общем, он сказал ей, что до утра не придет, можешь продолжать спать.

Нажав на пульте еще несколько кнопок, Маркус вновь принялся листать отложенный было журнал.

Когда между дубами показался край солнечного диска, Эбби сидела и ждала мужа, время от времени отпивая кофе, посматривая на собаку и внимательно вслушиваясь в негромкие звуки просыпающейся вокруг жизни. Спала она плохо, усталости не снял даже горячий душ. На ней был белый махровый халат, один из его халатов, и больше ничего; влажные волосы зачесаны назад.

Хлопнула дверца автомобиля, пес в доме встрепенулся. Она услышала, как Митч ключом возится в замке кухонной двери, еще мгновение, и она распахнулась, открыв проход во внутренний дворик. Митч положил пиджак на скамейку рядом с дверью, подошел к жене.

- Доброе утро! - сказал он, садясь за плетеный стол напротив нее.
Эбби натянуто улыбнулась.
- И тебе доброго утра.
- Рановато ты поднялась. - Голос его звучал подчеркнута заботливо, но это не сработало. Глоток кофе и та же улыбка.

Митч вздохнул и посмотрел через двор.

- Все еще дуешься из-за этой ночи?
- Вовсе нет. Я не обиделась.
- Я не сказал тебе, что сожалею об этом, и это правда. Я пробовал тебе звонить.
- Мог бы попробовать еще раз.
- Пожалуйста, не разводишься со мною, Эбби. Клянусь, больше этого никогда не повторится. Только не покидай меня.

Теперь она улыбалась уже по-настоящему.

- Вид у тебя ужасный, - сказала она.
- Под халатом что-нибудь есть?

- Ничего.
 - Дай-ка посмотрю.
 - Почему бы тебе не вздремнуть, на тебе же лица нет.
 - Спасибо. Но в девять у меня встреча с Эйвери. И в десять - тоже с ним.
 - Они что, хотят убить тебя в первую неделю?
 - Да, но у них ничего не выйдет. Я - мужчина. Пойдем в душ!
 - Я только что там была.
 - Голенькая?
 - Да.
 - Расскажи мне об этом. Расскажи как можно подробнее.
 - Ты бы не чувствовал себя таким обделенным, если бы возвращался домой вовремя.
 - Думаю, что это будет еще не раз, немало ночей я еще просижу там. Но ведь когда я сутками учился, ты же не жаловалась?
 - Тогда было совсем другое дело. Я могла с этим мириться, потому что знала, что скоро конец. Но теперь-то ты уже работаешь, и мы здесь надолго. Так будет всегда? Скажи, ты теперь все время будешь работать по тысяче часов в неделю?
 - Эбби, это моя первая неделя. - Вот это-то меня и волнует. Боюсь, что дальше будет хуже.
 - Будет, но это неизбежно, Эбби. Это жестокий бизнес, где слабых съедают, а сильные становятся богатыми. Это марафон: кто его выдерживает, получает золото.
 - И умирает на финише.
 - Я в это не верю. Мы приехали всего неделю назад, а ты уже беспокоишься о моем здоровье.
- Она попивала кофе и тормошила рукой собаку. Выглядела она сейчас очень красивой - с уставшими глазами, без всякой косметики, с влажными волосами. Митч поднялся, подошел сзади и поцеловал ее в щеку.
- Я люблю тебя, - прошептал он.
- Она сжала его руку, лежавшую на ее плече.
- Пойди прими душ. Я приготовлю завтрак. Накрытый стол был великолепен. Эбби вытащила из шкафа бабушкин фарфор - впервые за время их приезда. Зажгла свечи в серебряных подсвечниках. В хрустальных стаканах - грейпфрутовый сок. На тарелках свернутые салфетки с тем же рисунком, что и на скатерти.
- Выйдя из душа, Митч завернулся в новый шотландский плед и вошел в столовую. От удивления присвистнул.
- По какому поводу?
 - Особенный завтрак для особенного мужа. Он сел, восхищаясь фарфором. Посреди стола стояло большое серебряное блюдо под крышкой.
 - Что ты приготовила? - спросил Митч, облизывая губы.
- Она указала на блюдо, и он снял крышку, уставившись взглядом вовнутрь.
- Что это?
 - Пикантная телятина.
 - Какая телятина?
 - Пикантная.
- Митч посмотрел на часы.
- А я-то думал, что у нас завтрак.
 - Я приготовила это вчера к ужину, но ты попробуй.
 - Пикантную телятину на завтрак?
- Она ответила мужу улыбкой и утвердительным наклоном головы. Митч еще раз бросил взгляд на содержимое блюда и быстро проанализировал ситуацию.
- Пахнет хорошо, - наконец сказал он.

В субботу он отсыпался и прибыл на фирму только к семи утра. Бриться не стал, надел джинсы, старую рубашку и мягкие кожаные мокасины на босу ногу. Так он одевался в

университете.

Соглашение для Кэппса печаталось и перепечатывалось в пятницу поздно вечером. Он все вносил в него поправки, и окончательный вариант был готов с помощью Нины в восемь. Митч понял, что других забот, кроме работы, у нее не было, или почти не было, и поэтому не колеблясь попросил ее задержаться. Она ответила, что не против переработок, и он тут же предложил ей поработать в субботу утром.

Нина появилась в девять, затянутая в джинсы, которые подошли бы и слону. Митч вручил ей соглашение, все двести шесть страниц, с последними уточнениями и попросил перепечатать его в четвертый раз. В десять он должен был встретиться с Эйвери.

По субботам фирма выглядела несколько иначе. Все сотрудники были на местах, так же, впрочем, как и почти все компаньоны; пришли также несколько секретарш. Поскольку клиентов не было, в одежде допускались побрякушки. Почти каждый был в джинсах. Никаких галстуков. Кое на ком были бейсболки и так туго накрахмаленные рубашки, что казалось, они хрустят при каждом движении.

Но в атмосфере чувствовалось напряжение. Во всяком случае, Митчел И. Макдир, новый сотрудник, ощущал его на себе совершенно явно. Он отменил свои встречи с консультировавшими его по курсу подготовки к экзамену в четверг, в пятницу и в субботу. Все пятнадцать томов материалов пылились на полке, напоминая, что у него появилась реальная возможность провалиться на экзамене.

К десяти часам окончательный вариант был готов, и Нина церемонно положила его перед Митчем, отправившись затем к кофеварке. В последнем варианте насчитывалось уже двести девятнадцать страниц. Митч прочел их все четырежды, а пункты, относящиеся к налогообложению, вообще выучил наизусть. Он встал и, взяв папку с соглашениями, отправился в кабинет Толара. Тот разговаривал по телефону, а секретарша набивала бумагами огромный портфель.

- Сколько страниц? - спросил Эйвери, кладя трубку.

- Больше двухсот.

- Внушительно. Сыро получилось?

- Не очень. Это четвертый вариант в течение суток. Он почти идеален.

- Посмотрим. Я прочту его в самолете, а после меня его прочтет Кэппс через увеличительное стекло. Если он обнаружит хоть одну ошибку, то устроит скандал и будет угрожать, что не заплатит. Сколько у тебя ушло на эту работу времени?

- Пятьдесят четыре с половиной часа, начиная со среды.

- Прошу извинить за то, что все время подгонял тебя. Первая неделя вышла у тебя тяжелой. Но клиенты иногда и не так гонят, и это далеко не последний раз, когда нам пришлось ломать себе шеи по желанию человека, который платит двести долларов в час. Таков наш бизнес.

- Я не жалуясь. Немного отстал с подготовкой к экзамену, но у меня еще есть время.

- Этот прохвост Хадсон не действует тебе на нервы?

- Нет.

- Дай мне знать, если будет. Он всего пять лет в фирме, ему нравится разыгрывать из себя профессора. Считает себя теоретиком. Я от него не в восторге.

- У меня с ним никаких проблем. Эйвери положил соглашение в чемоданчик.

- Где деловая записка и другие документы?

- Я подготовил их в самом общем виде. У нас же еще двадцать дней.

- Да. Но не стоит откладывать. Кэппс начинает требовать своего задолго до конца им же установленных сроков. Ты завтра работаешь?

- Я не собирался. Жена настаивает на том, чтобы сходить в церковь.

Эйвери покачал головой.

- Умеют жены встревать в наши дела, верно? - Ответа он не ждал. Митч промолчал.

- Давай-ка закончим с Кэппсом к следующей субботе.

- Отлично. Без труда.

- Мы говорили о Кокер-Хэнксе? - спросил Эйвери, копаясь в папке.

- Нет.

- Вот оно. Кокер-Хэнкс - крупный подрядчик из Канзас-сити. По всей стране у него

контрактов на сто миллионов. Группа “Хэллоуэй Бразерс” из Денвера предлагает перекупить его. Они намереваются добавить ценных бумаг, кое-чего из имущества, контрактов и определенную сумму в наличных деньгах. Довольно сложная сделка. Познакомься с материалами, а во вторник утром, когда я вернусь, поговорим.

- Сколько у нас времени?

- Тридцать дней.

На этот раз папка была не такой толстой, как по делу Кэппса, но тем не менее она впечатляла.

- Тридцать дней, - негромко повторил Митч.

- Это сделка на восемьдесят миллионов, мы загребем двести тысяч в качестве гонорара. Неплохо, а? Каждый раз, когда ты хотя бы посмотришь на эту папку, пиши себе в счет один час. Занимайся ею каждую свободную минуту. Если ты вспомнишь о Кокер-Хэнксе за рулем автомобиля, когда едешь на работу, ставь в счет еще один час. Это бездонная бочка.

Эйвери принялся смаковать в голове мысль о клиенте, который заплатит столько, сколько с него потребуют. Митч попрощался с ним и вернулся к себе в кабинет.

Примерно в то время, как они, покончив с коктейлями, изучали карту вин и выслушивали Оливера Ламберта, сравнивающего и анализирующего различия, оттенки и особенности французских вин, тогда, когда Митч и Эбби начали понимать, что лучше бы они остались дома, поедая пиццу и смотря телевизор, в это самое время двое мужчин открыли ключом дверцу блестящего “БМВ” на стоянке рядом с рестораном. Мужчины были в галстуках и пиджаках, вид их никаких подозрений не вызывал. С невинным видом усевшись внутрь, они тронули машину с места и, проехав через Центр города, остановились перед воротами гаража нового дома мистера и миссис Митчел И. Макдир. “БМВ” был загнан в гараж, водитель достал из кармана Другой ключ, открыл дверь в дом, и вместе со своим спутником вошел. Херси был сразу заперт в туалете.

В темноте на стол был положен маленький кожаный чемоданчик, из него мужчины извлекли резиновые перчатки, надели их; каждый взял в руки по крошечному фонарику.

- Сначала телефоны, - сказал один из них. Работали они быстро. Телефонная трубка была снята, микрофон ее выкручен и изучен. Затем в чашечку трубки был посажен на клей миниатюрный, размером не более изюминки, передатчик. Когда клей подсох, вновь был установлен микрофон, трубка собрана и возвращена на свое место, а телефон повешен на кухонную стену, откуда его три минуты назад сняли. Звуки, или, точнее, сигналы, будут передаваться в небольшой приемник, установленный на чердаке, а более мощный передатчик рядом с приемником отправит сигналы через весь город антенне, установленной на крыше Бендини-билдинга. Используя линию переменного тока в качестве источника питания, “жучки”, установленные в телефонных аппаратах дома, будут работать безотказно.

- Займемся комнатами.

Чемоданчик перенесли на диван. Чуть выше его спинки в стенную панель был забит небольшой гвоздь и тут же извлечен. В образовавшееся отверстие вставлен тонкий черный цилиндр, толщиной около двух миллиметров и длиной примерно двадцать пять миллиметров. Капелька эпоксидной смолы прочно закрепила его. Микрофон был абсолютно невидим. Провод, не толще человеческого волоса, пропущен по шву обоев. Он свяжет микрофон с приемником на чердаке.

Такие же точно приспособления были спрятаны в стенах каждой спальни. Найдя в прихожей лестницу-стремянку, пришедшие забрались на чердак. Один из них достал приемник и передатчик из чемоданчика, а другой в это время тщательно протягивал тончайшие проводки. Скрутив их и перетянув изоляцией, он протянул их в угол, где его напарник поставил передатчик в старом ящичке из-под картотеки. Проводок переменного тока был отделен и затем прикреплен к передатчику. Между черепицами крыши на пару сантиметров поднялась антенна.

Тщательно уничтожив следы своей работы, они через десять минут закончили выполнение задания. Херси был выпущен; мужчины прошли в гараж. Сев в “БМВ”, они быстро скрылись в ночной темноте.

В то время как Оливеру Ламберту и его гостям подавали жареные морские гребешки, на стоянке у ресторана тихо остановился “БМВ”. Сидевший за рулем нашел у себя в кармане ключи от темно-красного “ягуара”, собственности мистера Кендалла Махана, адвоката. Оба техника перебрались из “БМВ” в “ягуар”. Махан жил гораздо ближе, чем Макдир, и, судя по плану дома, работа будет сделана быстро.

На пятом этаже фирмы Бендини Маркус смотрел на панель с помигивающими лампочками, ожидая сигнала из дома 1231 по Ист-Медоубрук. Ужин в ресторане закончился полчаса назад, можно было начинать прослушивание. Слабо вспыхнула маленькая желтая лампочка, и Маркус надел наушники. Нажал кнопку записи, вслушиваясь. В ряду под надписью “Макдир 6” замигал зеленый огонек. Это была спальня. Цвет его стал более интенсивным, голоса, сначала едва слышимые, звучали уже отчетливо. Он увеличил громкость.

- Джил Махан - сука, - раздался женский голос, принадлежавший миссис Макдир. - И чем больше она пьет, тем большей сукой становится.

- Мне кажется, она просто была в плохом настроении, - отозвался мужской голос, видимо, принадлежавший мистеру Макдиру.

- Муж у нее нормальный, а она - просто хамка, - сказала миссис Макдир.

- Ты пьяна? - спросил ее мистер Макдир.

- Почти. Я готова к неистовой любви. Маркус еще добавил громкости и склонился над панелью.

- Снимай одежду, - потребовала миссис Макдир.

- Мы уже целую вечность этим не занимались, - сказал мистер Макдир.

Маркус поднялся и дугообразно завис над тумблерами и лампочками.

- И чья в этом вина? - спросила она.

- Я уже не помню. Ты прекрасна.

- В постель, - скомандовала она.

Маркус повернул рукоятку громкости до отказа. Он улыбался; дыхание его стало тяжелым. Ему нравились новые сотрудники, недавние выпускники, полные неукротимой энергии. Раздававшиеся в наушниках звуки наполняли радостью его сердце. Он закрыл глаза и дал волю воображению.

9

Прошло две недели. Кэппс заключил удачную сделку, главным образом благодаря череде восемнадцатичасовых рабочих дней самого молодого сотрудника фирмы, сотрудника, еще даже не сдавшего экзамен на звание адвоката и бывшего слишком занятым практической деятельностью, для того чтобы беспокоиться об этом. В июле он закрывал своими счетами по пятьдесят девять часов в неделю, что было рекордом фирмы для человека, пока еще не сдавшего экзамен. На ежемесячном совещании Эйвери с гордостью проинформировал компаньонов о том, что для новичка Макдир справляется просто замечательно. Дело Кэппса было завершено на три дня раньше планируемого, и это благодаря Макдиру.

Оливер Ламберт высказал озабоченность по поводу подготовки к экзамену: до него оставалось менее трех недель, и каждому было ясно, что Макдир не успевает. В июле он отменил половину встреч с консультантами, отметив в своем дневнике только двадцать учебных часов. Эйвери успокоил присутствующих, заявив, что парень все сделает.

За пятнадцать дней до экзамена Митч все же взбунтовался. Экзамен почти наверняка будет провален, объяснял он Эйвери за обедом в Манхэттен-клубе. Ему нужно время для занятий. Много времени. Он может поднатаскаться за оставшиеся две недели и как-нибудь сдать, но для этого он должен быть предоставлен самому себе. Никаких цейтнотов. Никаких чрезвычайных обстоятельств, никаких ночей напролет, он умоляет. Эйвери внимательно выслушал его и извинился за имевшую место гонку. Он обещал Митчу забыть о нем на ближайшие две недели. Митч поблагодарил.

В первый понедельник августа в главном зале библиотеки на первом этаже собрались все члены фирмы. Этот самый большой из библиотечных залов был предназначен как раз

для подобного рода собраний. Часть присутствовавших сидели за уникальной работы столом вишневого дерева. Остальные расположились вдоль стеллажей, тесно уставленных обтянутыми кожей юридическими справочниками, которыми десятилетиями никто не пользовался. Здесь были все работавшие в фирме, пришел даже Натан Лок. Он немного опоздал и теперь в одиночестве стоял у двери. Он не сказал никому ни слова, и никто, кроме Митча, бросавшего украдкой на мистера Черные Глаза взгляды, не смотрел в его сторону.

Атмосфера в зале была печальной. Ни одной улыбки. В сопровождении Оливера Ламберта вошли Лаура Ходж и Бет Козински. Их усадили напротив стены, где висели два забранных траурной вуалью портрета. Женщины держались за руки и старались улыбаться. Мистер Ламберт стоял спиной к стене и обводил глазами присутствующих.

Он заговорил своим мягким, глубоким баритоном, полным симпатии и сочувствия. Заговорил негромко, почти шепотом, но мощь его голоса доносила каждое сказанное слово до стоящих в самых дальних углах зала людей. Ламберт смотрел на двух вдов и говорил о том, какую глубокую печаль испытывает вся фирма, какой заботой будут окружены родственники погибших все то время, что будет существовать фирма. Говорил о Марти и Джо, о первых годах работы, о том, как необходимы были их общему делу эти два молодых человека, чья смерть нанесла фирме столь тяжелый урон, говорил о их преданности и любви к своим семьям.

Ламберт был красноречив. Он говорил, ни на мгновение не задумываясь о содержании следующего предложения. Вдовы тихонько плакали и вытирали слезы. Начинали сопеть и другие: Ламар Куин и Дуг Терни.

Выговорившись, Ламберт подошел к портрету Мартина Козински и снял покрывавшую его тонкую вуаль. В этот напряженный момент в глазах у многих стояли слезы. В Чикагской юридической школе будет учреждена стипендия его имени. Фирма берет на себя обязательства по обучению его детей. Семья его будет пользоваться постоянной поддержкой. Бет прикусила нижнюю губу, однако рыдания ее стали еще громче. Несгибаемые, закаленные профессионалы-юристы великой фирмы Бендини нервно сглатывали и избегали поднимать друг на друга глаза. Только Натан Лок хранил невозмутимое спокойствие. Уставившись в стену своими пронизательными глазами-лазерами, он не обращал на происходящее особого внимания.

Затем наступил черед портрета Джо Ходжа. Подобная биография, такая же стипендия, тот же фонд в пользу детей и семьи. Митч слышал, что за четыре месяца до гибели Ходж застраховал свою жизнь на два миллиона долларов.

Когда речи закончились, Натан Лок, не привлекая ничьего внимания, вышел. Окружив вдов, юристы выражали им искренние соболезнования и сжимали их в своих дружеских объятиях. Митч знаком с женщинами не был, говорить ему было нечего. Он подошел к стене и стал изучать портреты. Рядом с изображением Козински и Ходжа висели еще три, поменьше, но тоже великолепно выполненные. Внимание его привлекло женское лицо. На табличке из бронзы имя: "Элис Наусс, 1948-1977".

- Это была ошибка, - едва слышно сказал Эйвери, подойдя к Митчу.

- Как это следует понимать? - спросил он.

- Типичная женщина-юрист. Пришла к нам из Гарварда, закончила первой на курсе, но, будучи женщиной, несла на себе печать первородного греха. Каждого мужчину она считала женоненавистником и смысл своей жизни видела в борьбе с половой дискриминацией. Суперсука. Через полгода ее здесь все возненавидели, но никак не могли избавиться. Два компаньона из-за нее ушли на пенсию раньше, чем предполагали это сделать. Миллиган до сих пор винит ее в своем сердечном припадке. Она была приставлена к нему.

- А юристом она была хорошим?

- Очень хорошим, но ее достоинствам было совершенно невозможно воздать должное.

Она по любому поводу демонстрировала свою сварливость и вздорность.

- Что с ней случилось?

- Автомобильная катастрофа. В ее машину врезался какой-то пьяный. Это было ужасно.

- Она была первой женщиной в фирме?

- Да, и последней, по крайней мере, до тех пор, пока нас не принудят решением суда. Митч кивнул на соседний портрет.

- А это?

- Роберт Лэмм. Был моим другом. Учился в Атланте, он пришел за три года до меня.

- Что произошло?

- Никто не знает. Он был страстным охотником. Как-то зимой мы вместе охотились на лося в Вайоминге. В 1970-м он отправился пострелять в Арканзас и там пропал. Его обнаружили через месяц в овраге, с дырой в голове. Вскрытие показало, что пуля вошла в заднюю часть скулы и снесла почти все лицо. Предполагают, что выстрел был произведен с большого расстояния из мощного ружья. Похоже на несчастный случай, но точно никто не знает. Не представляю, чтобы кто-то хотел убить Бобби Лэмма.

“Джон Микел, 1950 - 1984” было написано под последним портретом.

- А что с ним? - прошептал Митч.

- Пожалуй, самый трагический случай. У него было не все в порядке со здоровьем, сказывалось постоянное напряжение. Он много пил и уже перешел на наркотики. Жена ушла от него, был безобразный развод. Фирма в шоке. После десяти лет работы он начал бояться, что не станет компаньоном, выпивки участились. Мы потратили целое состояние на лечение и психиатров, но ничто не помогло. Он впал в депрессию, начал думать о самоубийстве. Написал на семи страницах прощальное письмо и сунул дуло в рот.

- Это ужасно.

- Еще бы.

- Где его нашли?

Эйвери откашлялся, повел глазами по залу.

- В твоём кабинете.

- Что?!

- Да, но потом все было вычищено.

- Ты смеешься!

- Я говорю серьезно. Уже прошли годы, и кабинетом твоим пользовались неоднократно. Все нормально. Митч потерял дар речи.

- Ты ведь не суеверен? - спросил Эйвери с неприятной ухмылкой.

- Конечно, нет.

- Может, мне стоило сказать тебе об этом раньше, но мы как-то не заговаривали на эту тему.

- Я могу поменять кабинет?

- Безусловно. Провались на экзамене, и мы переведем тебя к младшему персоналу в подвал.

- Если я провалюсь, то только благодаря вам.

- Согласен, но ты же не провалишься, так?

- Если его сдавали до меня, то и я сдам.

С пяти до семи утра в доме Бендини было тихо и пустынно. Натан Лок прибыл около шести, но сразу же прошел в свой кабинет и закрыл дверь. В семь начали приходить сотрудники, стали слышны голоса. К половине восьмого почти все были на местах, за исключением нескольких секретарш, а в восемь кабинеты и залы были полны, кругом стоял привычный хаос. Сосредоточиться становилось все труднее, отрывали от работы постоянно, телефоны звонили непрерывно. В девять все юристы, младший персонал, клерки и секретарши сидели за своими столами, или, по крайней мере, считались приступившими к работе.

На утро следующего после печальной церемонии дня Митч зашел в зал библиотеки на первом этаже в поисках какого-то учебника, и вновь его внимание привлекли пять портретов. Стоя перед ними, он вспоминал краткие некрологи, услышанные от Эйвери. За пятнадцать лет пять погибших юристов. Эта фирма - опасное место для работы. В блокноте он записал их имена и даты смерти. Была половина шестого утра.

В коридоре послышалось какое-то движение, Митч резко повернулся. В темноте стоял мистер Черные Глаза и смотрел на него.

- Что вы тут делаете? - требовательно спросил он. Митч развернулся и заставил себя

улыбнуться.

- Доброе утро. Получается так, что я здесь готовлюсь к экзамену.

Лок перевел взгляд на портреты, затем - опять на Митча.

- Понятно. А что вы нашли интересного в них?

- Обыкновенное любопытство. Я вижу, в фирме случались и трагедии.

- Все они уже мертвы. А трагедия произойдет, когда вы не сдадите экзамен.

- Я рассчитываю сдать его.

- А я слышал об обратном. Ваша подготовка беспокоит компаньонов.

- А подписанные счета, которые я в избытке приношу фирме, компаньонов не беспокоят?

- Не стоит острить. Вам говорили, что экзамен для вас важнее всего остального.

Работник, не имеющий лицензии адвоката, фирме не нужен.

У Митча на языке вертелось несколько достойных ответов, но он оставил их при себе.

Лок отступил и растворился в темноте. Придя к себе в кабинет, Митч спрятал листок с именами и датами в ящик и раскрыл учебник по конституционному праву.

10

В субботу после экзамена Митч не поехал в фирму, а, выйдя из дома, принялся копать в клумбах с цветами и ждать. После окончательного обустройства в дом не стыдно было приглашать гостей, а первыми, конечно, станут родители жены. Всю неделю Эбби занималась чисткой и наведением блеска, теперь наступало ее время. Она обещала, что родители приедут ненадолго, максимум на несколько часов. Он обещал быть предельно вежливым.

Митч вымыл и отдраил оба новеньких автомобиля, и они выглядели как в демонстрационном зале. Газон был вычищен соседским мальчишкой. Мистер Райс целый месяц удобрял его, и теперь трава “начала набирать рост”, как он выразился.

Они приехали в полдень, и Митч неохотно отошел от клумб. Улыбнувшись, он приветствовал их и, извинившись, отправился переодеться. Было видно, что чувствуют они себя неловко, как ему и хотелось. Пока Эбби показывала им обстановку и каждый сантиметр обоев, Митч все стоял под душем. На Сазерлендов самое большое впечатление произвели мелочи. Мелочи всегда производят впечатление. Ее родители рассуждали в основном о том, что было в их доме такого, чего нет у других. Отец - президент небольшого окружного банка, который уже лет десять балансировал на грани краха. Мать была “слишком порядочной” для того, чтобы работать, и всю свою сознательную жизнь провела в поисках какой-нибудь значимой социальной деятельности, для которой в их городке и места не было. Она проследила свою родословную, выведя ее из королевского дома какой-то европейской страны, что, безусловно, производило неотразимое впечатление на шахтеров из Дэйнсборо, штат Кентукки. С таким количеством голубой крови в венах судьба предназначила ей пить горячий чай, играть в бридж, болтать о мужниных деньгах, порицать менее удачливых и не покладая сил работать в клубе садоводов. Ее супруг был обыкновенной марионеткой, вскакивающей, как только она начинала рывкаться на него; он жил в постоянном страхе вызвать в ней гнев. С рождения дочери они неумолимо вбивали ей в голову, что главное в жизни - быть лучше всех, добиваться больше всех, а самое главное - выйти замуж удачнее всех. Дочь взбунтовалась и вышла за бедного парня, у которого вся семья состояла из полусумасшедшей матери и брата-преступника.

- Неплохое у вас тут местечко, Митч, - произнес мистер Сазерленд, пытаясь сломать лед молчания.

Они сидели за столом и передавали друг другу блюда.

- Спасибо.

Больше ничего, только “спасибо”. Он не отрывал головы от тарелки. Его улыбки они за обедом не увидят.

Чем меньше он будет говорить, тем более неловко они будут себя чувствовать. А он хотел, чтобы они ощутили себя не в своей тарелке, ощутили свою вину, свои ошибки. Он

хотел, чтобы они истекали потом и кровью. Это же они сами решили бойкотировать свадьбу. Камень брошен ими, а не им.

- Здесь так уютно, - произнесла мать, обращаясь неизвестно к кому.
- Спасибо.

- Мы так гордимся всем этим, мама, - пришла на помощь матери Эбби.

У них тут же завязался разговор о внутреннем убранстве дома. Мужчины ели в молчании, а женщины рассуждали о том, во что декоратор превратил эту комнату, во что - другую. Иногда Эбби от отчаяния была готова заполнять паузы любой пришедшей в голову чушью. Митчу становилось жаль ее в такие мгновения, но он упрямо не отрывал глаз от скатерти. Сгущавшийся над столом воздух, казалось, можно было резать ножом.

- Так значит, тышла работу? - задала вопрос миссис Сазерленд.

- Да. Я приступаю в следующий понедельник. Буду учить третьеклассников в епископальной школе при церкви Святого Андрея.

- Преподаванием много не заработаешь, - буркнул ее отец.

“Он безжалостен”, - подумал Митч.

- Меня не очень беспокоят деньги, пап. Я учитель, и эта профессия мне кажется самой важной в мире. Если бы я думала о деньгах, я бы выучилась на врача.

- Третьеклассники - самый бойкий возраст. Тебе и самой скоро захочется детей, - заметила мать.

- Может быть, через несколько лет, мама. “Может быть, когда вы умрете”, - подумал Митч.

- Ты же хочешь детей, Митч? - спросила теща.

- Может, через несколько лет.

Мистер Сазерленд отодвинул тарелку и зажег сигарету. Вопрос о курении неоднократно обсуждался до их приезда. Митч настаивал на том, чтобы в доме вообще не курили, а они - в особенности. Спор этот выиграла Эбби.

- А как твой экзамен? - спросил тесть.

“Это уже интереснее”, - подумал Митч и ответил:

- Изнурительный.

- Но ты его сдал?

- Надеюсь.

- Когда это станет известно?

- Через месяц-полтора.

- Сколько он длился?

- Четыре дня.

- После того как мы переехали сюда, он был занят только учебой и работой, больше ничем, - сказала Эбби. - Этим летом я его почти не видела.

Митч улыбнулся жене. Его постоянное отсутствие стало больной темой всех их разговоров, и теперь ему было забавно слышать эти слова, в которые она облакала свое прощение.

- Что будет, если ты не сдал его? - спросил ее отец.

- Не знаю. Я об этом не думал.

- А если сдашь, оклад повысят? Митч решил быть вежливым, как и обещал. Но удавалось ему это с трудом.

- Да, будет повышение оклада и неплохая премия.

- Сколько всего юристов в фирме?

- Сорок.

- Боже мой, - воскликнула миссис Сазерленд, закуривая. - Это больше, чем у нас в округе.

- Где она расположена? - спросил мистер Сазерленд.

- В центре.

- Мы можем поехать посмотреть? - спросила теща.

- Может быть, в другой раз. По воскресеньям фирма закрыта для посетителей. - Митч сам изумился своему ответу. “Закрыта для посетителей”! Как будто это музей.

Эбби почувствовала надвигающуюся катастрофу и быстро перевела разговор на

церковь, в которую они с Митчем ходят. В церкви четыре тысячи прихожан, есть гимнастический зал и кегельбан. Она поет в хоре и учит восьмилеток в воскресной школе. Митч ходит в церковь, когда он не на работе, а ему приходится работать почти каждое воскресенье.

- Я рад узнать, что ты посещаешь церковь, Эбби, - благочестиво сказал ее отец.

Вот уже многие годы он руководил хором по воскресеньям в Первой методистской церкви в Дэйнсборо, а остальные шесть дней в неделю безраздельно отдавал жадности и финансовым махинациям. Кроме того, он столь же упорно, но еще более осмотрительно увлекался виски и женщинами.

В беседе случилась заминка, наступило неловкое молчание. Он закурил другую сигарету. "Кури, старина, - подумал Митч, - кури больше".

- А для десерта давайте перейдем во внутренний дворик, - предложила Эбби, начиная убирать со стола.

Они стали расхваливать подстриженную зелень и Митча - такого умелого садовода. Митчу оставалось только проглотить эту похвалу. Тот же соседский мальчишка подрезал деревья, выполол сорняки, подровнял живые изгороди, выложил камешки по периметру внутреннего дворика. Сам Митч научился пока лишь выдергивать сорную траву и убирать за Херси. Мог разве что еще управиться с дождевальными установками, но, как правило, предоставлял это мистеру Раису.

Эбби принесла слоеный торт с земляникой и кофе. С беспомощным видом она посматривала на мужа, но тот хранил полную невозмутимость.

- У вас действительно здесь очень и очень неплохо, - произнес ее отец вот уже в третий раз, обводя глазами прилегающий к дому двор. Митч ясно представил себе, как в голове его проворачиваются шестеренки: он сравнивал размеры их дома с домами соседей и умирал от желания узнать, во сколько же это все обошлось? Каков был первый взнос? Сколько платить в месяц, черт побери? Вот что ему нужно знать. Он так и будет водить своим носом, поджидая момент, чтобы спросить напрямик.

- Чудное местечко, - заметила мать раз, наверное, десятый.

- Когда дом был построен? - задал вопрос отец.

Митч поставил чашку на стол и кашлянул. Он чувствовал, что долго не продержится.

- Ему около пятнадцати лет, - ответил он.

- А площадь?

- Примерно три тысячи квадратных футов, - несколько нервно вступила Эбби.

Митч бросил на нее взгляд. Самообладание его улетучивалось.

- У вас хорошие соседи, - сказала мать, надеясь поддержать иссякающий разговор.

- Новый заем или вы взяли всю сумму на себя? - отец говорил так, как будто опрашивал человека, желающего получить ссуду, о его дополнительных источниках доходов.

- Новый заем, - ответил Митч и замолчал в ожидании.

Эбби молча молилась и тоже ждала чего-то. Мистер Сазерленд не ждал, не мог ждать.

- Сколько вы за него заплатили?

Митч набрал полную грудь воздуха и был уже готов ответить: "Слишком много", но его опередила Эбби.

- Не очень много, папа, - чуть нахмурившись, твердо сказала она. - Мы уже научились обращаться с деньгами.

Митч улыбнулся, прикусив язык.

Миссис Сазерленд поднялась.

- Давайте прокатимся, а? Я хочу посмотреть на реку и на ту новую пирамиду, что они построили на берегу. Поехали, Гарольд.

Гарольду хотелось получить побольше информации о доме, но на его руке уже повисла супруга.

- Отличная идея, - согласилась Эбби. Усевшись в сверкающий "БМВ", все поехали любоваться рекой. Эбби попросила родителей не курить в новом автомобиле. Митч за рулем молчал и очень старался быть вежливым.

Нина ворвалась в кабинет с пачкой бумаг и вывалила их Митчу на стол.

- Мне нужны ваши подписи, - потребовала она, вручая ему перо.
- Что это? - спросил Митч, покорно расписываясь.
- Не спрашивайте. Доверьтесь мне.
- Я обнаружил опечатку в соглашении компании "Лэндмарк Партнерс".
- Это компьютер.
- Хорошо. Отремонтируйте компьютер.
- Как долго вы собираетесь сегодня работать?

Митч окинул взглядом документы, вздохнул.

- Не знаю. А в чем дело?
- У вас усталый вид. Идите-ка домой пораньше и отдохните. Ваши глаза все больше становятся похожими на глаза Натана Лока.

- Очень смешно.
- Звонила ваша жена.
- Я перезвоню ей через минуту.

Когда он поставил последнюю подпись, Нина собрала письма и документы.

- Пять часов. Я ухожу. В библиотеке первого этажа вас ждет Оливер Ламберт.
- Оливер Ламберт? Ждет меня?
- Именно это я и сказала. Он звонил минут пять назад. Сказал, что это очень важно.

Митч подтянул галстук и направился по коридору, затем вниз по лестнице и небрежной походкой вошел в библиотеку. За столом сидели Ламберт, Эйвери и почти все остальные компаньоны фирмы. Стоя за их спинами, присутствовали также все сотрудники. Место во главе стола было пустым - кого-то ждали. Тишина в зале стояла почти торжественная. Никаких улыбок. Ламар стоял неподалеку, но избегал его взгляда. Эйвери выглядел застенчиво и смущенно. Уолли Хадсон крутил конец своего галстука-бабочки и медленно покачивал головой.

- Садись, Митч, - мрачно начал мистер Ламберт. - Нам нужно кое-что обсудить с тобой. Дуг Терни закрыл дверь.

Митч сел и обвел глазами присутствующих, рассчитывая встретить хоть один приободряющий взгляд. Ни одного. Сидя в креслах на колесиках, компаньоны приближались к нему, сжимая круг. Обступали сотрудники, опустив головы и глядя в пол.

- Что происходит? - спросил он, в беспомощности уставившись на Эйвери. Капельки пота стали проступать на его лбу, сердце стучало, как отбойный молоток, дыхание стало затрудненным.

Опершись о стол, Ламберт снял очки. Он чуть нахмурился, как бы испытывая какую-то боль.

- Нам только что звонили из Нэшвилла, Митч, и мы хотим поговорить с тобой об этом.

Экзамен. Экзамен на адвоката. Экзамен. Он вошел в историю. Сотрудник великой фирмы Бендини провалил-таки экзамен на адвоката. Он не сводил глаз с Эйвери, ему хотелось кричать: "Это твоя вина!" Тот потирал виски и брови, как бы мучаясь мигренью, избегая зрительного контакта. Ламберт подозрительным взглядом обвел компаньонов и повернулся к Митчу.

- Мы этого опасались, Митч.

Митчу захотелось сказать что-то, объяснить им, что он заслужил еще одну попытку, что через шесть месяцев он сдаст его с блеском, что уж во второй-то раз он их никак не подведет. Он почувствовал тупую боль в животе.

- Да, сэр, - покорно выговорил он, совершенно опустошенный.

Ламберт сделал еще один шаг к нему, чтобы нанести последний удар.

- Мы не знаем деталей, но люди из Нэшвилла сообщили нам, что по итогам экзамена у тебя высший балл. Поздравляем вас, господин адвокат!

В зале загремел смех и приветственные возгласы. Ему жали руки, хлопали по спине, хохотали вместе с ним. Растолкав всех, к Митчу прорвался Эйвери, своим носовым платком он стал вытирать ему мокрый лоб. Кендалл Махан со стуком выставил на стол три бутылки шампанского и стал открывать их. По кругу пошли пластиковые стаканчики.

Наконец Митч отдышался, к нему вернулась его улыбка. Он залпом выпил шампанское, и ему тут же налили еще.

Оливер Ламберт, мягким движением положив руку ему на шею, сказал:

- Митч, мы гордимся тобой. Это заслуживает маленького поощрения. У меня с собой чек от имени фирмы, на сумму в две тысячи долларов. Я вручаю тебе этот чек как скромную награду за твои достижения.

Вновь раздались одобрителльные свистки и выкрики.

- Безусловно, это не более чем дополнение к оощутимому повышению оклада, ты его заслужил.

Опять одобрителльный шум. Митч принял чек, даже не посмотрев на него.

Мистер Ламберт поднял вверх руку, требуя тишины.

- Фирма уполномочила меня сделать следующий подарок.

Ламар подал ему завернутый в коричневую бумагу пакет. Мистер Ламберт сорвал ее и бросил на стол.

- Этот памятный знак мы приготовили специально к такому дню. Как видишь, это покрытая бронзой точная копия канцелярского стола нашей фирмы, а на крышке его - имена всех здесь присутствующих. И сам можешь убедиться, чье имя наверху - Митчел И. Макдир.

В смущении Митч встал и неловко принял подарок. Он уже окончательно пришел в себя - шампанское помогло.

- Благодарю вас, - негромко сказал он.

Через три дня городская газета опубликовала имена тех, кто сдал экзамен. Эбби вырезала заметку, а родителям и Рэю послала по экземпляру.

В трех кварталах от фирмы, между Фронт-стрит и набережной, Митч обнаружил небольшой ресторанчик. Это было темноватое помещение с немногочисленными посетителями, подавали здесь сосиски с острым томатным соусом. Ему понравилось это местечко, где можно было за едой лишний раз просмотреть тот или иной документ. Теперь, когда Митч стал полноправным сотрудником, он мог позволить себе есть сосиски на обед и выписывать счета, исходя из ставки в сто пятьдесят долларов в час.

Через неделю после того, как его имя появилось в газете, Митч сидел в самом темном углу зальчика и поедал сосиски с острейшим соусом. Кроме него, в ресторане никого не было. Митч пролистывал папку с деловым предложением, а владелец ресторанчика, грек, сидел за кассой и дремал.

Вошедший с улицы прохожий остановился рядом со столом Митча и начал разворачивать пластинку жевательной резинки, стараясь произвести при этом как можно больше шума. Убедившись в том, что за ним никто не наблюдает, мужчина сделал еще один шаг и сел напротив Митча. Подняв голову, Митч посмотрел на незнакомца и положил документ рядом с чашкой ледяного чая.

- Я вам могу чем-то помочь? - спросил он. Сидящий перед ним человек бросил взгляд на посапывающего грека, на пустые столики, обернувшись, посмотрел на ту часть зала, что была у него за спиной.

- Вы - Макдир, так?

Его явный бруклинский акцент нельзя было спутать ни с каким иным. Митч внимательно рассматривал вошедшего. Лет сорока, с короткой армейской стрижкой и седой прядью, падавшей чуть не до бровей. Одет в темно-синий костюм-тройку, причем ткань процентов на девяносто была из синтетики, а галстук - дешевая подделка под шелк. Выглядело это вес не ахти, но аккуратно. Было в его облике что-то петушиное.

- Да. А вы кто?

Он сунул руку в карман и вытащил значок.

- Тарранс. Уэйн Тарранс, специальный агент ФБР.

Он чуть приподнял брови, ожидая, какая будет реакция.

- Присаживайтесь, - сказал ему Митч.

- Если вы не будете против.

- Хотите меня обыскать?

- Может быть, позже. Я просто хотел с вами встретиться. Прочел ваше имя в газете и

узнал, что вы недавно пришли в фирму “Бендини, Ламберт энд Лок”.

- И чем это заинтересовало ФБР?
- Нас весьма интересует фирма.

У Митча пропал вдруг аппетит, он отодвинул от себя тарелку. Добавил сиропа в большой пластиковый стакан с чаем.

- Выпьете чего-нибудь?
- Нет, спасибо.
- Почему вас интересует фирма Бендини? Тарранс улыбнулся и посмотрел на дремлющего хозяина.

- Пока я вам этого сказать не могу. Наш интерес достаточно обоснован, но с вами я хотел говорить о другом. Я пришел сюда, чтобы найти и предупредить вас.

- Предупредить меня?
- Да. Предупредить вас о фирме.
- Слушаю вас.

- Есть три момента. Первое: не верьте никому. В фирме нет ни одного человека, которому вы могли бы доверять. Помните это. Позже это станет еще более важным. Второе. Каждое произносимое вами слово - дома, в кабинете или в любом другом помещении фирмы - записывается. Они могут прослушивать вас даже в вашей машине.

Митч ловил каждое слово, Таррансу это доставляло наслаждение.

- А третье?
- И третье: деньги не растут на деревьях.
- Могу я попросить вас развить эту тему?
- Не сейчас. Думаю, мы с вами сойдемся. Я хочу, чтобы вы верили мне, и я знаю, что должен завоевать ваше доверие. Поэтому мне нельзя спешить. Мы не можем встречаться в вашем или моем офисе и по телефону общаться тоже не можем. Так что время от времени я буду сам находить вас. Пока же запомните эти три вещи и будьте осторожны.

Тарранс поднялся и вытащил из кармана бумажник.

- Вот моя карточка. Домашний телефон на обороте. Звоните только из телефона-автомата.

Митч изучал карточку.

- Зачем я буду вам звонить?
- Пока нужды в этом нет, но карточку сохраните.

Митч опустил ее в нагрудный карман рубашки.

- И еще кое-что. Мы видели вас на похоронах Козински и Ходжа. Жаль, жаль. Их гибель не была случайной.

Он стоял, засунув руки в карманы, смотрел сверху вниз на Митча и улыбался.

- Не понимаю, - произнес Митч. Тарранс уже направлялся к двери.
- Звякните мне как-нибудь. Только осторожно. Помните, они слушают.

В начале пятого раздался автомобильный гудок, и Датч вскочил. Он выругался и вышел в свет фар.

- Черт побери, Митч. Четыре часа. Что ты тут делаешь?
- Извини, Датч. Не спится. Дурная ночь.

Ворота распахнулись.

До половины восьмого он успел наговорить на диктофон столько, что Нине хватило бы на два дня работы. Когда она сидела, уткнувшись носом в экран компьютера, она меньше ворчала. Ближайшей целью Митча было стать первым в фирме сотрудником, которому бы требовалась вторая секретарша.

В восемь часов он явился в кабинет Ламара и устроился ждать. Он сидел, листал контракты, пил кофе и говорил секретарше Ламара, чтобы та не обращала на него внимания. Куин пришел в восемь пятнадцать.

- Нам нужно поговорить, - обратился к нему Митч, как только за Ламаром закрылась дверь.

Если верить Таррансу, то в кабинете были “жучки” и беседа их записывалась. Митч колебался.

- Похоже, у тебя что-то серьезное, - сказал Ламар.

- Ты слышал что-нибудь о парне по фамилии Тарранс? Уэйн Тарранс.

- Нет.

- Он из ФБР.

Ламар прикрыл глаза, негромко повторил: "ФБР..."

- Именно. У него значок и все такое.

- Где ты с ним встретился?

- Он нашел меня в ресторанчике Лански. Он знает, кто я, знает, что я недавно принят.

Говорит, что знает все о нашей фирме. ФБР очень нами интересуется.

- Ты говорил об этом с Эйвери?

- Нет. Тебе - первому. Я не знаю, что делать. Ламар поднял телефонную трубку.

- Нужно сказать Эйвери. По-моему, такое уже бывало.

- В чем дело, Ламар?

Ламар сказал секретарше Эйвери, что у него срочное дело, та тут же соединила его с Толаром.

- Возникла небольшая проблема, Эйвери. Вчера агент ФБР разговаривал с Митчем.

Митч сейчас у меня в кабинете.

Выслушав Толара, он повернулся к Митчу.

- Говорит, чтобы я не вешал трубку, звонит Ламберту.

- Похоже, что все это очень серьезно.

- Да, но ты не волнуйся. Все объяснится. Такое уже случалось.

Он прижал трубку к уху и внимательно выслушал инструкции. Положил трубку.

- Через десять минут нас ждут в кабинете у Ламберта.

В офисе сидели Эйвери, Рейс Макнайт, Оливер Ламберт, Гарольд Окейн и Натан Лок. Они заметно нервничали, но старались, чтобы входящий в кабинет Митч этого не заметил.

- Садитесь, - произнес Натан Лок с короткой неестественной улыбкой. - Мы хотим, чтобы вы рассказали нам все.

- Что это? - Митч указал на небольшой магнитофон, стоящий в центре стола.

- Чтобы ничего не упустить, - пояснил Лок, делая рукой жест в сторону стула.

Митч уселся, пристально глядя на сидящего напротив мистера Черные Глаза. Эйвери сидел рядом. В комнате стояла тишина.

- Так вот. Вчера я обедал в ресторанчике Лански. Подходит этот парень и садится напротив. Называет меня по имени. Достает значок, говорит, что является специальным агентом ФБР, зовут его Уэйн Тарранс. Я посмотрел, значок был настоящий. Он говорит, что хотел встретиться со мной, поскольку нам необходимо познакомиться. ФБР очень интересуется фирмой, а я не должен здесь никому доверять. Я спросил почему, и он сказал, что у него нет времени объяснять мне, что он сделает это позднее. Я не знал, что мне на это ответить, поэтому просто молчал и слушал. Он сказал, что сам найдет меня позже. Уже собираясь уходить, он добавил, что смерть Ходжа и Козински была не случайной. Вот и все. Это заняло не более пяти минут.

Черные Глаза внимательно смотрел на Митча, впитывая каждое слово.

- Раньше вы не встречались?

- Никогда.

- Кому-нибудь рассказывали?

- Только Ламару. Это первое, что я сделал сегодня утром.

- А жене?

- Нет.

- Он не оставил вам свой телефон?

- Нет.

- Мне нужно знать каждое сказанное вами или им слово, - потребовал Лок.

- Я сказал вам все, что помнил. Слово в слово воспроизвести разговор я не в состоянии.

- Вы уверены?

- Дайте мне подумать.

Кое о чем Митч хотел умолчать. Он смотрел на Черные Глаза, понимая, что Лок его подозревает.

- Да, вот еще: он сказал, что увидел мое имя в газете, прочитал, что меня недавно приняли. Вот все. Я не упустил ничего. Разговор был совсем коротким.

- Постарайтесь еще припомнить, - продолжал настаивать Лок.

- Я спросил, не хочет ли он глоток холодного чая. Он отказался.

Магнитофон выключили, напряжение компаньонов, казалось, чуть спало. Лок подошел к окну.

- Митч, у нас были проблемы с ФБР, равно как и с Национальным налоговым управлением. Это тянется уже на протяжении нескольких лет. Кое-кого из наших клиентов можно назвать птицами высокого полета. Это состоятельные люди, которые зарабатывают миллионы, тратят миллионы и платят минимальные налоги, а то и вовсе не платят. Они готовы платить тысячи долларов нам, с тем чтобы мы помогли им на законных основаниях избежать уплаты налогов. Наша фирма зарекомендовала себя как очень энергичная, и мы не против рискнуть, когда клиент поручает нам это. Я говорю сейчас о весьма хитроумных и изощренных бизнесменах, которые понимают, что такое риск. Такие люди высоко оценивают нашу изобретательность и находчивость. Кое-какие наши уловки и прикрытия вызывают сомнения в Национальном налоговом управлении, и вот уже на протяжении двадцати лет мы выигрываем предъявленные по этим спорным поводам судебные иски. Мы не нравимся чиновникам, а они не нравятся нам. Отдельные наши клиенты не всегда придерживаются высших этических норм, поэтому случается, к ним начинает проявлять интерес ФБР. А последние три года ФБР тревожило и нас. Тарранс - возмнивший о себе новичок. Он здесь меньше года, а надоел всем хуже колючки в ботинке. Вы больше не будете с ним разговаривать. Очень может быть, ваша вчерашняя беседа записывалась. Он опасен, в высшей степени опасен. Это нечестная игра, и скоро вы сами убедитесь в том, что большинство в ФБР ведут нечестную игру.

- Много наших клиентов были осуждены?

- Ни один. И мы выигрывали все иски налогового управления.

- А Ходж и Козински?

- Хороший вопрос, - вступил Оливер Ламберт. - Точно мы так и не знаем, что там произошло. Поначалу нам представлялось, что это несчастный случай, теперь же мы в этом не уверены. В катере с Марти и Джо был и местный житель - инструктор по подводному плаванию и моторист. Как нам сообщили местные власти, он был связным звеном в цепочке по доставке наркотиков с Ямайки, и взрыв предназначался ему. Безусловно, он тоже погиб.

- Не думаю, что мы когда-нибудь узнаем правду, - добавил Ройс Макнайт. - Там не очень-то квалифицированные полицейские. Мы предпочли оказать помощь семьям. Для нас в настоящий момент это несчастный случай. Честно говоря, мы плохо представляем себе всю ситуацию.

- Никому обо всем этом ни слова, - проинструктировал Митча Лок. - Держитесь подальше от Тарранса, а если он сам установит с вами контакт, сразу же дайте нам знать об этом. Вам все понятно?

- Да, сэр.

- Ни слова даже жене, - добавил Эйвери.

Митч кивнул головой.

Лицо Ламберта вновь приняло выражение отеческой доброты, он улыбался и крутил очки.

- Митч, мы знаем, что это может напугать, но мы уже привыкли к этому. Предоставь нам этим заниматься. Верь нам. Мы не боимся мистера Тарранса, ФБР, налогового управления или кого-то еще, так как мы не совершали никаких преступлений. Энтони Бендини создал нашу фирму благодаря своим способностям, неустанному тяжелому труду и высочайшим моральным качествам. Все это наследие он передал в наши руки. Да, некоторые наши клиенты не святые, но никогда еще юристы не читали поучений своим клиентам. Мы бы не хотели, чтобы ты переживал из-за всего этого. Просто держись подальше от этого человека - он весьма, весьма опасен. Если дать ему повод, он совсем обнаглеет и сядет на голову.

Лок наставил на Митча свой кривой палец.

- Дальнейший контакт с Таррансом поставит под угрозу ваше будущее в фирме.
- Понимаю.
- Он понимает, - поддержал его Эйвери. Лок посмотрел на Толара.
- Вот все, что мы хотели сказать тебе, Митч, - заключил Ламберт. - Будь осторожен. Митч с Ламаром вышли из кабинета и направились к лестнице.
- Позвони Де Вашеру, - сказал Лок Ламберту, уже державшему в руке трубку.
- Не прошло и двух минут, как оба пожилых джентльмена, пройдя мимо охранника за железной дверью, вошли в кабинет До Вашера.
- Ты слушал?
- Конечно, я слушал, Нат. Я слышал каждое его слово. Вы здорово обработали парня. Я думаю, он перепуган, он будет бежать от Тарранса со всех ног.
- Как быть с Лазаревым?
- Я должен буду поставить его в известность. Он - босс. Не можем же мы притворяться, что ничего не произошло.
- Что они предпримут?
- Ничего серьезного. Понаблюдаем за Макдиром круглосуточно, поставим на прослушивание все его телефоны. И будем ждать. Первого шага сам он не сделает. Это дело Тарранса. Тарранс найдет его снова, и на этот-то раз мы будем в курсе событий. Старайтесь, чтобы он уходил отсюда как можно позже. Когда он будет покидать рабочее место, дайте нам знать. По правде говоря, не думаю, что все так уж плохо.
- Почему они остановили свой выбор на Макдире? - задал вопрос Лок.
- Наверное, отрабатывают новую стратегию. Вы же помните, Козински и Ходж сами к ним пришли. Возможно, они сказали им больше, чем мы думаем, я не знаю. Может, они считают, что Макдир быстрее с ними сойдется, потому что он только что с университетской скамьи и полон юношеского идеализма. И высокой морали, как наш столь этичный Олли. Это было неплохо, Олли, это было здорово.
- Заткнись, Де Вашер.
- Улыбка исчезла с лица Де Вашера, он прикусил нижнюю губу. Но ничего. Бросил взгляд на Лока.
- Вы знаете, что будет следующим шагом, не так ли? Если Тарранс начнет активничать, этот идиот Лазарев в один прекрасный день вызовет меня и прикажет убрать его. Заставить его замолчать. Забить в бочку и швырнуть ее в залив. А когда это будет сделано, все вы, почтенные господа, оформите себе ранние пенсии и рванете из страны.
- Лазарев не прикажет убрать агента ФБР.
- О, конечно, это будет дурацким поступком, но Лазарев и есть дурак. Он слишком беспокоится о положении дел здесь. Он все время звонит и задает всякие вопросы. Я даю на них всякие ответы. Иногда он выслушивает их, иногда начинает сыпать ругательствами, иногда говорит, что должен побеседовать с правлением. Но если он скажет мне покончить с Таррансом, мы покончим с Таррансом.
- От этого у меня начинает ныть в желудке, - сказал Ламберт.
- Хочешь прихворнуть, Олли. Если твой юноша в ботиночках от Гуччи подружится с Таррансом и начнет говорить, ты получишь нечто гораздо более худшее, чем боль в желудке. В общем, я предлагаю вам, парни, заваливать Макдира работой так, чтобы у него не оставалось времени на мысли о Таррансе.
- Боже, Де Вашер, он работает по двадцать часов в сутки. В первый же день он вспыхнул как порох, но все еще продолжает гореть.
- Не выпускайте его из виду. Прикажите Ламару Куину сойтись с ним еще ближе, так, чтобы если у
- Макдира созреет что-нибудь в голове, ему было бы перед кем облегчить душу.
- Неплохая мысль, - заметил Лок и повернулся к Олли. - Давай-ка хорошенько поговорим с Куином. Он дружен с Макдиром и, может, станет еще дружнее.
- Смотрите, парни, - продолжал Де Вашер, - Макдир сейчас напуган. Он не будет ничего предпринимать. Если Тарранс найдет его снова, Макдир поступит так же, как и сегодня. Он побежит прямо к Ламару Куину. Он показал нам сегодня, кому он доверяет.
- А жене он не проговорился ночью? - спросил Лок.

- Сейчас мы прослушиваем записи. Это займет примерно час. Мы напихали по городу столько “жучков”, что требуется шесть компьютеров, чтобы найти хоть что-то.

Стоя у окна в кабинете Ламара, Митч тщательно выбирал слова. Говорил он совсем немного. А если Тарранс был прав? Если все записывается?

- Тебе стало лучше? - спросил его Ламар.

- Да, по-моему. В этом есть логика.

- Это было и раньше, Лок так и сказал. - К кому подходили до меня?

- Не помню. Где-то три или четыре года назад.

- Но ты не помнишь к кому?

- Нет. Почему тебе это так важно?

- Просто мне хотелось бы знать. Не могу понять, почему они выбрали меня, нового здесь человека, единственного из сорока юристов, который знает о фирме и ее клиентах меньше всех. Почему меня?

- Не знаю, Митч. Слушай, почему бы тебе не сделать так, как советовал Лок? Забудь обо всем и беги от этого Тарранса. Ты не обязан с ним разговаривать, пока тебя не вынудят к этому в официальном порядке. Скажешь ему, чтобы убирался, если он подвернется тебе где-то еще раз. Он опасен.

- Пожалуй. Думаю, ты прав. - Митч выдавил из себя улыбку и направился к двери. - Приглашение на завтрашний ужин не отменяется?

- Ну что ты. Кэй хочет приготовить мясо в гриле, а есть его мы будем у бассейна. Приходите попозже, скажем, около половины восьмого.

- До встречи.

12

Охранник выкликнул его имя, обыскал и провел в значительное по размерам помещение, разделенное на две половины рядом небольших кабинок, занятых говорящими и шепчущими сквозь толстую и частую металлическую решетку посетителями.

- Номер четырнадцать, - палец указывал на одну из кабинок.

Митч прошел вовнутрь и сел. Через минуту по ту сторону перегородки показался Рэй; он подошел и уселся напротив брата. Если бы не шрам на лбу и морщинки вокруг глаз, они с Митчем могли бы сойти за близнецов. Оба одинакового роста - шести футов двух дюймов, одинакового веса - ста восьмидесяти фунтов, у обоих светлые каштановые волосы, голубые глаза, высокие скулы и прямоугольные подбородки. Братьям не раз приходилось слышать, что в их жилах течет и индейская кровь, но за долгие годы работы их предков в угольных шахтах темный оттенок кожи сошел на нет.

Последний раз Митч приезжал в тюрьму “Браши Маунтин” на свидание с братом три года назад. Три года и три месяца. Дважды в месяц они писали друг другу письма на протяжении уже восьми лет.

- Как твой французский? - спросил наконец Митч. Армейские тесты Рэя указывали на его поразительные способности к языкам. Он отслужил два года в качестве переводчика с вьетнамского. После перевода его части в Западную Германию за полгода овладел немецким. Испанский потребовал четырех лет, но он был вынужден учить язык, имея под рукой лишь словари из тюремной библиотеки. Новым увлечением стал французский.

- По-моему, говорю довольно бегло, - ответил брату Рэй. - Находясь здесь, трудно судить. Не хватает практики. Видишь ли, здесь у них нет курсов французского, поэтому большинство местных парней обходятся только английским. А французский, несомненно, самый прекрасный из всех.

- Легко учится?

- Не так, как немецкий. Конечно, с немецким было проще: ведь я жил там, слышал, как говорят люди вокруг. А ты знаешь, что половина нашей лексики пришла из немецкого через древнеанглийский?

- Ну, откуда мне знать?

- Это точно. Английский и немецкий - двоюродные братья.

- Ну, а какой у тебя на очереди?

- Может, итальянский. Это тоже романский язык, так же как и французский, испанский и португальский. Может, русский. А может, греческий. Я тут читал о Греции и ее островах. Собираюсь побывать там в скором будущем.

Митч улыбнулся. До освобождения брату оставалось около семи лет.

- Ты думаешь, я шучу с тобой? - спросил Рэй. - Я собираюсь выбраться отсюда, Митчел, и это не должно занять много времени.

- Что у тебя за план?

- Сказать ничего не могу, сейчас я как раз над этим работаю.

- Не делай этого, Рэй.

- На свободе мне понадобится кое-какая помощь и деньги, чтобы выбраться из страны. Где-нибудь с тысячу. Тебе это по силам, не так ли? Замешан ты ни во что не будешь.

- Нас кто-нибудь здесь слушает?

- Иногда.

- Давай-ка поговорим о чем-нибудь еще.

- Хорошо. Как Эбби?

- Отлично.

- Где она?

- Сейчас в церкви. Она хотела приехать, но я сказал, что ее к тебе не пропустят.

- Я был бы рад повидаться с ней. Из твоих писем следует, что дела у вас идут совсем неплохо. Новый дом, машина, членство в клубе. Я горжусь тобой. В нашем роду ты первый, кто так преуспел, черт побери.

- У нас были хорошие родители, Рэй. Им просто не представился случай, и пережили они немало. Для нас они делали все, что могли.

Рэй улыбнулся, отвел глаза в сторону.

- Да, пожалуй, что так. Ты говорил с мамой?

- Довольно давно.

- Она по-прежнему во Флориде?

- Думаю, да.

Они молчали, каждый занятый рассматриванием собственных ладоней. Вспоминали мать. Воспоминания были большей частью печальными.

Рэй поднял руку и стал водить пальцем по прутьям разделяющей их решетки.

- Давай сменим тему.

Митч согласно кивнул. Они так о многом могли бы поговорить, но все это было в прошлом. Общим у них сейчас было только прошлое, и лучше всего не тревожить его здесь.

- В одном из писем ты упоминал бывшего своего сокамерника, который стал частным детективом в Мемфисе.

- Эдди Ломакс. Он девять лет проработал полицейским в Мемфисе, а потом его посадили за изнасилование.

- Изнасилование?

- Ну. Ему здесь пришлось нелегко. Тут не очень-то жалуют насильников, а копов просто ненавидят. Его почти забили до смерти, когда я за него вступился. Он вышел почти три года назад. Мы переписываемся. В основном он копает информацию для тех, кто хочет развестись.

- В телефонной книге есть его номер?

- 969-3838. Зачем он тебе?

- У меня есть знакомый, тоже юрист, у него пошаливает жена, а он никак не может поймать ее. Этот Ломакс хороший детектив?

- Сам он говорит, что очень хороший. Он неплохо зарабатывает.

- И я могу доверять ему?

- Смеешься. Скажи ему, что ты мой брат, и он за тебя перегрызет глотку. Он поможет мне выбраться отсюда, только пока еще он сам этого не знает. Можешь дать ему это понять.

- Ты бы лучше помолчал об этом. За спиной Митча прошел охранник.

- Три минуты, - услышал Митч его голос.
- Что мне прислать тебе? - спросил брата Митч.
- Я бы попросил тебя об одолжении, если ты не против.
- Что угодно.
- Сходи в книжный магазин и посмотри там кассеты. “Как выучить греческий за двадцать четыре часа”. И еще неплохо было бы купить греческо-английский словарь.
- Вышлю на следующей неделе.
- А если еще и итальянский?
- Без проблем.
- Я пока не решил, куда мне отправиться - на Сицилию или в Грецию. Прямо на две части разрываюсь. Советовался с тюремным начальником, но ничего путного не услышал. Уже подумывал о том, чтобы побеседовать с охраной. А ты что думаешь?

Митч хмыкнул и покачал головой.

- Почему бы тебе не поехать в Австралию?
 - Великолепная идея. Пришли мне записи на австралийском и словарик.
- Они оба рассмеялись, а потом смотрели друг на друга в молчании, ожидая, что охранник рявкнет им, что время свидания истекло. Митч не сводил глаз со шрама на лбу брата и думал о его бесчисленных драках и схватках, которые неизбежно когда-нибудь должны были закончиться смертью. Рэй называл это самозащитой. Митч годами собирался объяснить Рэю, насколько вес это бессмысленно, но сейчас вся его злость прошла. Единственное, чего ему хотелось в этот момент, - обнять брата, привезти его домой и помочь найти работу.

- Не надо меня жалеть, - сказал Рэй.
- Эбби хочет написать тебе.
- Неплохо бы. Я едва помню ее - маленькую девчонку из Дэйнсборо, которая все бегала вокруг банка на Мэйн-стрит, где работал ее отец. Скажи ей, чтобы она прислала мне свое фото. И фотографию вашего дома. Никто еще из Макдиров не становился собственником.
- Мне пора идти.
- Я хочу тебя попросить, Митч. По-моему, тебе стоит разыскать маму, просто убедиться, что она еще жива. Это было бы здорово, если бы ты нашел ее сейчас, когда ты уже закончил университет.

- Я сам подумывал об этом.

- Подумай еще раз, договорились?
- Будь уверен. Я отыщу ее через месяц или около того.

Де Вашер затаился “Руатаном” и с шумом выпустил струю дыма в сторону кондиционера.

- Мы нашли Рэя Макдира, - с гордостью заявил он.

- Где? - спросил Олли.

Марка дорогих сигар.

- В нашем штате, в тюрьме “Браши Маунтин”. Осужден за убийство второй степени в Нэшвилле восемь лет назад, на пятнадцатилетний срок без права на амнистию. Полное имя - Раймонд Макдир. Тридцать один год. Семьи нет. Три года в армии, уволен за дискредитирующее поведение. Суший неудачник.

- Как вы его обнаружили?
- Вчера к нему на свидание приезжал его родной брат. Ну, а мы последовали за ним. Двадцатичетырехчасовое наблюдение, ты же помнишь.
- Обвинительный акт по его делу хранится в свободном доступе, у вас была возможность найти его гораздо раньше.
- Мы и нашли бы раньше, если бы это было так важно. А это не важно. Мы справляемся со своей работой.

- Пятнадцать лет, а? Кого же он убил?

- Обычная история. Несколько пьяных в баре дерутся из-за женщины. И без всякого оружия. Полиция и акт медицинской экспертизы утверждают, что он дважды ударил свою жертву кулаком и пробил череп.

- А что за дискредитирующее поведение?

- Грубейшее нарушение субординации. Плюс нападение на офицера. Не знаю, как он избежал военного трибунала. Характер, по-видимому, не из легких.

- Ты прав, это неважно. Что еще вы узнали?

- Не очень много. Мы поставили дом на прослушивание, так? Он ни словом не обмолвился своей жене о Таррансе. Фактически мы слушаем парня круглые сутки, Тарранса он не упоминал ни разу.

Олли улыбнулся, одобрительно покачивая головой. Он гордился Макдиром. Какой юрист!

- А секс?

- Все, что мы делаем, - это слушаем, Олли. Но слушаем мы внимательно, и я не думаю, что за две недели они хоть раз занимались этим. Конечно, он проводит по шестнадцать часов в конторе, пробиваясь через рутину, в которую вы окунаете каждого своего новобранца-трудоголика. Сдается мне, что она начинает от этого уставать. Видимо, синдром жены неопита. В его отсутствие она часто звонит матери, он об этом не знает. Жалуетса на то, что он начинает меняться и все прочее. Опасается, что он загнетса от такой работы. Вот все, что мы слышим. У нас нет никаких снимков, Олли, мне очень жаль, поскольку я знаю, как ты их любишь. При первом удобном случае мы тебе их предоставим.

Ламберт сидел, уставившись в стену, и молчал.

- Слушай, Олли, думаю, нам стоит послать парня в командировку на Кайманы, вместе с Эйвери. Ты сможешь что-нибудь предпринять в этом направлении?

- Это будет нетрудно. Могу я спросить, зачем это нужно?

- Не сейчас. Ты узнаешь об этом позже.

Здание располагалось в той части центра Мемфиса, где арендная плата была не очень высокой, несколько в стороне от современных башен из стекла и стали, громоздящихся настолько тесно, что можно было подумать, что земли в городе не хватает. Табличка на двери извещала о том, что вверх по лестнице находится контора Эдди Ломакса, частного детектива. Прием только по предварительной договоренности. На другой двери, ведущей непосредственно в контору, - дополнительная информация о характере проводимых расследований: разводы, несчастные случаи, поиск пропавших родственников, наблюдение. Помещенная в телефонной книге реклама упоминала полицейскую экспертизу, но список этим далеко не исчерпывался. Среди оказываемых услуг были подслушивание и меры защиты от него, запросы в детские приюты, фотографирование, свидетельские показания в суде, анализ акустических характеристик голоса, обнаружение пропавшей собственности, иски по страховкам, сбор информации о противоположной стороне для готовящихся вступить в брак. Лицензия на частную детективную деятельность, юридические и страховые гарантии, обслуживание клиентов круглосуточно. Все этично, надежно и конфиденциально.

Митч был ошеломлен таким изобилием доверительной информации. Встреча была назначена на пять часов дня, он прибыл на несколько минут раньше. Платиновая блондинка с безукоризненной фигурой в поскрипывающей кожаной юбке и в черных, в тон ей, туфлях осведомилась о его имени и указала на оранжевое виниловое кресло у окна. Эдди освободится через минуту. Изучив внимательным взглядом кресло, Митч заметил на нем тонкий слой пыли и какие-то жирные пятна; он отказался от предложения сесть, сославшись на боли в спине. Блондинка, ее звали Тэмми, пожала плечами и вернулась к жевательной резинке и какому-то документу, заправленному в пишущую машинку. Митч строил догадки относительно того, был ли это отчет для заключения брачного контракта, справка по наружному наблюдению или, может быть, предлагаемый клиенту план контрмер. Пепельница на ее столе была полна окурков со следами губной помады. Печатающая левой рукой, Тэмми протянула правую к пачке сигарет, уверенно вытащила одну, поднесла ее к накрашенным губам. Тут же с безошибочной координацией она щелкнула зажигалкой в левой руке и поднесла ее пламя к элегантно, неправдоподобно длинной сигарете. Когда пламя погасло и губы инстинктивно сомкнулись вокруг фильтра, она затянулась - всем телом. В то время как она безуспешно пыталась наполнить свои легкие дымом, буквы на листе бумаги складывались в слова,

слова в предложения, а те выстраивались в параграфы. Наконец, когда кончик сигареты по меньшей мере уже на дюйм превратился в пепел, Тэмми сделала глотательное движение, подхватила изящную бумажную палочку двумя ослепительно красными ноготками и сделала мощный выдох. Дым поднялся к покрытым пятнами панелям потолка, смешался с уже плавающим там облаком и закружился вокруг свисавшей лампы дневного света. Тэмми закашлялась сухим раздраженным кашлем, отчего лицо ее покраснело, а впечатляющая грудь заходила ходуном, чуть ли не выпадая на клавиатуру машинки. Секретарша схватила стоявшую рядом чашку, глотнула какой-то жидкости и снова вставила в рот сигарету.

Через пару минут Митч подумал, что он может запросто отравиться окисью углерода. В тот момент, когда он почувствовал себя совершенно больным и несчастным, стук машинки смолк, а воздух в комнате вдруг начал проясняться.

- Вы юрист?

Митч повернулся к секретарше. Теперь она уже сидела на краешке стола, скрестив ноги, ее черная кожаная юбка была намного выше коленей, в руке - стакан с диетической пепси.

- Да.

- Из большой фирмы?

- Да.

- Я так и подумала. Поняла по вашему костюму, Рубашечке и галстуку из чистого шелка. Сразу видно Шишку из приличней юридической фирмы, это не то что неудачники, крутящиеся у городского суда.

Дым постепенно расходился, и дышать Митчу становилось легче. Ему понравились ее ноги, занимавшие в данный момент самое выгодное положение и действительно заслуживавшие восхищения. Теперь Тэмми разглядывала его ботинки.

- Костюм понравился, да?

- Он влетел вам в изрядную сумму, как и галстук. Насчет рубашки и ботинок я не так уверена.

Митч окинул взглядом ее туфельки, ее ноги, юбку, тугий свитер, обтягивающий высокую полную грудь, пытаясь придумать что-нибудь колкое в ответ. Тэмми наслаждалась ею оценивающими взорами и потягивала пепси. Решив, наконец, что полученного удовольствия ей уже хватит, она кивнула на дверь босса, произнеся:

- Теперь можете входить, Эдди ждет вас. Детектив разговаривал по телефону, пытаясь убедить какого-то беднягу в том, что его сын на самом деле гомосексуалист. Очень активный гомосексуалист. Эдди ткнул пальцем на деревянный стул, и Митч сел. Два широких окна напротив него были распахнуты, и он почувствовал явное облегчение.

Эдди с отворачиванием прикрыл трубку рукой.

- Плачет, - шепотом сообщил он Митчу, на что тот улыбнулся с вежливым удивлением.

Ломакс был одет в джинсы "левис" и накрахмаленную персикового цвета рубашку, расстегнутую достаточно для того, чтобы явить взору его заросшую волосами грудь с двумя золотыми цепочками и еще одной, сделанной, по-видимому, из черепашьего панциря. На ногах - ботинки из кожи ящерицы; носки их украшены медными пластинками. Похоже было, что он поклонник Тома Джонса, или Хампердинка, или кого-нибудь из тех заросших волосами темноглазых певцов с бакенбардами и мощными челюстями.

- У меня есть фотография, - сказал он, отрывая от уха трубку с доносившимися из нее причитаниями. Он извлек из папки штук пять глянцевого поблескивавших карточек крупного формата и подтолкнул их через стол Митчу. На снимках действительно были запечатлены гомосексуалисты, кем бы они там еще ни являлись Эдди с гордостью улыбнулся. Мужчины на фотографиях находились на чем-то вроде сцены в каком-то клубе сексуальных меньшинств. Митч положил их на стол и перевел взгляд в окно. Фотографии были цветными, отличного качества. Тот, кто их делал, наверняка должен был видеть происходившее своими глазами. Митч вспомнил об обвинении в изнасиловании. Полицейский, осужденный за изнасилование. Ломакс положил трубку.

- Итак, вы - Митчел Макдир. Рад знакомству. Они обменялись рукопожатием через

стол.

- Взаимно, - ответил Митч. - Я виделся с Рэем в воскресенье.

- У меня такое впечатление, что мы уже давно знакомы. Вы с братом абсолютно похожи. Он говорил мне про это. Он мне много о вас рассказывал. Видимо, и вам рассказал обо мне. Бывший полицейский. Осужден. Изнасилование. Он объяснил вам, что это было изнасилование по определению, что ей было семнадцать лет, а выглядела она на двадцать пять, что меня просто загнали в угол?

- Упоминал что-то в этом роде. Рэй не очень разговорчив, вы знаете.

- Он отличный парень. Я обязан ему жизнью, на самом деле. Меня чуть не убили в тюрьме, когда узнали, что я - коп. А он вышел вперед, и даже цветные отступили. Уж он-то может ударить, если захочет.

- Рэй - это все, что осталось от нашей семьи.

- Да, я знаю. Когда несколько лет проведешь с человеком в камере размером восемь на двенадцать футов, поневоле узнаешь о нем много. О вас он мог говорить часами. Я освободился, когда вы еще только собирались податься на юридический.

- Я закончил университет в июне этого года и работаю сейчас на фирму "Бендини, Ламбертэнд Лок".

- Никогда о них не слышал.

- Это на Фронт-стрит, мы занимаемся налогами.

- У меня немало работы по поганым делам о разводах юристов. Слежка, фотографии вроде этих, в общем, собираю грязь для судебных процессов.

Эдди говорил быстро, экономя на длине слов и предложений. Его ковбойские ботинки покачивались на крышке стола из стороны в сторону, как бы выставленные на обозрение.

- К тому же, - продолжал он, - я веду кое-какие Дела по заказам отдельных юристов. Если я вдруг откапываю что-нибудь интересное об автомобильной аварии или, к примеру, об оскорблении личности, я обычно рыскаю по сторонам в поисках того, кто мне больше заплатит. Так мне и удалось купить это здание. Оскорбление личности - самое выгодное дело. Юристы забирают себе сорок процентов компенсации. Сорок процентов! - Он с негодованием покачал головой, как бы гоня от себя саму мысль о том, что в городе могут жить и работать такие жадные юристы.

- У вас оплата почасовая?

- Тридцать долларов в час плюс издержки. Прошлой ночью я шесть часов просидел в своем фургончике около "Холидэй Инн" в ожидании, пока муж моей клиентки выйдет из отеля со своей шлюхой - мне нужны были дополнительные фотографии. Шесть часов. Это сто восемьдесят долларов за просиживание задницы, ожидание и пролистывание дешевых журнальчиков. Стоимость своего ужина я тоже поставил ей в счет.

Митч слушал своего собеседника с таким интересом, как будто ему самому не терпелось заняться тем же.

Тэмми, сунув в дверь головку, сообщила, что уходит. Из-за ее спины тянулись полосы дыма, Митч сразу же повернулся к окну. Дверь захлопнулась.

- Она хорошая баба, - заметил Эдди. - У нее проблемы с мужем. Водитель грузовика и вообразил себя Элвисом Пресли. Отрастил гриву, взбил кок, отпустил баки. Нацепил на себя темные очки в золотой оправе, такие же, как носил Элвис. Когда он не в пути, то сидит где-нибудь рядом со своим грузовиком и заслушивается его альбомами, а то отправляется смотреть эти отвратительные фильмы. Они перебрались сюда из Огайо, специально для того, чтобы этот помешанный был поближе к могиле своего кумира. Попробуйте угадать, как его зовут.

- Ни малейшего представления.

- Элвис. Элвис Аарон Хэмфил. Он официально сменил свое имя после смерти Пресли. Выступает в его ампула в дешевых ночных клубах по всему городу. Я видел его как-то вечером. Одет в обтягивающую белую рубашку, расстегнутую до самого пупа, что было бы еще ничего, если бы не висящий живот, похожий на перезрелую дыню. Довольно жалкое зрелище. А голос радостный и ликующий, как у индейского вождя, пляшущего вокруг костра.

- Ну, и в чем проблемы?

- Женщины. Вы не поверите, сколько фанатов Пресли сюда приезжает. Они слетаются, чтобы посмотреть на этого клоуна в роли их звезды. Бросают ему на сцену свои трусики, свои трусы и трусищи, сшитые на заказ для их огромных задниц, а он вытирает ими пот со лба и бросает назад. Выкрикивают ему номера комнат, в которых они остановились, и, мы подозреваем, он сшивается где-нибудь поблизости, мечтая сыграть по-крупному, ну прямо как Элвис. Но пока я его не поймал.

Митч не знал, как ему стоит на это отреагировать. Он улыбнулся глупой улыбкой, как будто услышанное было действительно какой-то невообразимой историей. Ломакс легко читал его мысли.

- У вас неприятности с женой?

- Нет. Ничего подобного. Мне нужна информация о четырех людях. Трое уже мертвы, один жив.

- Интересно. Я вас слушаю.

Митч вытащил из кармана несколько листков.

- Это в высшей степени конфиденциально.

- Конечно, конечно. Все так же конфиденциально, как и в вашей работе с клиентом.

Митч кивнул ему, хотя в голове его мелькнула мысль: зачем Эдди нужно было рассказывать ему про Тэмми и Элвиса?

- Это должно быть конфиденциально, - повторил он.

- Я сказал вам, что так и будет. Можете мне доверять.

- Тридцать долларов в час?

- Для вас двадцать. Ради Рэя.

- Это мне по душе.

- Кто эти люди?

- Те трое, которых уже нет в живых, были когда-то юристами в нашей фирме. Роберт Лэмм погиб в результате несчастного случая на охоте где-то в Арканзасе, в горах. Его искали две недели и нашли с пулей в черепе, так гласил акт медицинской экспертизы. Это все. Элис Наусс погибла в 1977 году здесь, в Мемфисе, в автокатастрофе. Предполагают, что виной тому был пьяный водитель. Джон Микел покончил жизнь самоубийством в 1984-м. Тело обнаружено в его кабинете, рядом валялись пистолет и записка.

- Это все, что вам известно?

- Все.

- Что вы хотите выяснить?

- Я хочу знать все, что только возможно, о том, как погибли эти люди. Обстоятельства каждой смерти. Кто проводил расследование. Вопросы, оставшиеся без ответов.

Подозрения.

- А что подозреваете вы сами?

- В настоящий момент ничего. Пока мною движет только любопытство.

- По-моему, это больше, чем любопытство.

- Хорошо, пусть будет больше, чем любопытство. Но пока остановимся на этом.

- Убедительно. А кто четвертый?

- Человек по имени Уэйн Тарранс. Агент ФБР в Мемфисе.

- ФБР!

- Вас это беспокоит?

- Да, это меня беспокоит. За полицейских я беру сорок в час.

- Устраивает.

- Что вам нужно?

- Проверьте его. Как долго он здесь? Сколько времени является агентом? Какова его репутация?

- Это нетрудно.

Митч сложил листочки и сунул в карман.

- Сколько это займет времени?

- Около месяца.

- Годится.

- Как, вы сказали, называется ваша фирма?
- “Бендини, Ламберт энд Лок”.
- Те двое парней, что погибли летом...
- Они работали у нас.
- Какие-нибудь подозрения?
- Нет.
- Я спросил просто так.
- Послушайте, Эдди, вам нужно быть очень осторожным. Не звоните мне домой или в офис. Я сам позвоню вам где-нибудь через месяц. Думаю, что за мной внимательно следят.
- Кто?
- Если бы я знал.

13

Глядя в компьютерную распечатку, Эйвери улыбался.

- За октябрь месяц ты покрывал счетами в среднем шестьдесят один час в неделю.
 - Мне казалось, что шестьдесят четыре, - ответил Митч.
 - Шестьдесят один тоже неплохо. У нас пока такого не было, чтобы у сотрудника первого года работы были столь высокие месячные показатели. И все это на законных основаниях?
 - Никаких подбивок. Вообще-то, я мог бы нагнать и выше.
 - Сколько часов ты работаешь в неделю?
 - Восемьдесят пять - девяносто. При желании можно было оформить счета на семьдесят пять часов.
 - Я бы этого не рекомендовал, во всяком случае, пока. Это может вызвать некоторую ревность - наши молодые сотрудники внимательно тебя изучают.
 - Вы хотите, чтобы я сбавил темпы?
 - Безусловно, нет. Мы с тобой уже отстаем на месяц. Я беспокоюсь лишь из-за количества рабочих часов. Немного беспокоюсь, вот и все. Почти все новые сотрудники поначалу вспыхивают огнем: восемьдесят, девяносто часов в неделю, но через пару месяцев они выгорают. Средним показателем считается шестьдесят пять - семьдесят часов. Но у тебя, похоже, необычный запас сил.
 - Мне не требуется много времени на сон.
 - А что об этом думает твоя жена?
 - Почему вы считаете это важным?
 - Она недовольна тем, что у тебя столько времени уходит на работу?
- Митч посмотрел на Эйвери, и в памяти всплыл спор с Эбби предыдущей ночью, когда он явился домой за три минуты до полуночи. Это была настоящая схватка, самая ожесточенная из всех, а за ней ведь последуют и Другие? Ни одна из сторон не пошла на уступки. Эбби сказала, что их сосед мистер Райс становится ей ближе, чем муж.
- Она понимает меня. Я обещал ей сделаться компаньоном через два года, а на пенсию уйти еще до тридцати.
 - Похоже, что ты всерьез пытаешься это сделать.
 - Но ведь у вас нет ко мне претензий, не так ли? Каждый час, указанный в счете, ушел у меня на одну из ваших папок, и вы не слишком переживали, когда я перерабатывал.
- Уже выпущенные шасси, казалось, вот-вот коснутся поверхности лагуны, однако в самое последнее мгновение из воды появилась узенькая асфальтовая полоса - она-то и успела подхватить самолет. Спустившиеся с трапа пассажиры проходили неизбежный таможенный контроль. Темнокожий мальчишка подхватил вещи Митча и отправил их вслед за сумками Эйвери в багажник “форда” выпуска 1972 года. Митч наградил его щедрыми чаевыми.
- Пляж “Седьмая миля”, - скомандовал таксисту Эйвери, выливая в себя остатки пунша из полученной на борту лайнера крошечной бутылочки.
 - О’кей, дружище, - не спеша прогудел тот.

Машина тронулась в направлении Джорджтауна. Из приемника лились звуки регги. В такт музыке таксист подергивал головой и поводил плечами, пальцы, лежащие на руле, отбивали непрерывный ритм. Автомобиль несся по левой стороне, но и все другие ехали так же. Митч, расставив ноги, развалился на потрепанном сиденье; кондиционера не было, и влажный тропический воздух, врываясь в окна, ласкал его лицо, ерошил волосы. Это было приятно.

Поверхность острова была плоской, и дорога в Джорджтаун представляла собой бесконечный поток маленьких и пыльных европейских автомобилей, мотоциклов, велосипедов. По обеим сторонам стояли небольшие одноэтажные домики под жестяными крышами, аккуратная яркая раскраска стен радовала глаз. Маленькие газоны были покрыты низкорослой травкой, мусор тщательно выметен. По мере приближения к городу стали появляться магазины, сверкающие побелкой двух- и трехэтажные каркасные здания, около которых в тени брезентовых навесов прятались от лучей палящего солнца туристы. Машина резко повернула, и внезапно они очутились в деловой суеде центра, застроенного современными зданиями банков.

Эйвери взял на себя роль гида.

- Здесь представлены банки со всего мира: Германия, Франция, Великобритания, Канада, Испания, Япония, Дания. Даже Саудовская Аравия и Израиль. Всего более трехсот, по последним подсчетам. Здесь можно укрыться от налогов. Местные банкиры исключительно выдержанны. Швейцарцы по сравнению с ними - настоящие говоруны.

В бесконечной веренице автомобилей таксист вынужден был сбросить скорость, движения встречного воздуха совсем не ощущалось.

- Я вижу, здесь немало канадских банков, - произнес Митч.

- Здание вон там справа - это Монреальский "Королевский банк". Мы должны быть в нем завтра, в десять утра. Почти все наши дела здесь связаны с канадскими банками.

- Этому есть особая причина?

- Они очень надежны и спокойны.

Оживленная улица заворачивала и вливалась в другую. Сразу за перекрестком по горизонту разлилась блистающая голубизна Карибского моря. В заливе на якоре стояло пассажирское судно.

- Это Поросычий залив, - сказал Эйвери. - Триста лет назад здесь стояли корабли пиратов. Хозяин здесь был Блэкберд, тут-то он и зарыл свои сокровища. Кое-что из них было найдено несколько лет назад в пещере к востоку отсюда, неподалеку от Боддентауна.

Митч кивнул, сделав вид, что поверил легенде. В зеркальце было видно, что таксист улыбается.

Эйвери утирал пот на лбу.

- Эти места всегда привлекали пиратов. Раньше - Блэкберда, а теперь - современных, слившихся в корпорации и прячущих здесь свои денежки. Так, дружище?

- Так, дружище, - отозвался таксист.

- А вот пляж "Седьмая миля", - продолжал Эйвери. - Один из самых красивых и известных в мире. Верно, дружище?

- Верно, дружище.

- Песок белый, как сахар. Теплая, прозрачная вода. Теплые, прекрасные женщины.

Правда, дружище?

- Правда, дружище.

- А по вечерам у "Пальм" все так же готовят под открытым небом?

- Да, дружище. Начиная с шести.

- Это по соседству с нашим бунгалом. "Пальмы" - популярный отель, самое оживленное место на берегу.

Их коттедж располагался в самом центре пляжа "Седьмая миля", неподалеку от другого подобного же комплекса и "Пальм". Как и другие, принадлежащие фирме, эти коттеджи были просторными и роскошно обставленными. Эйвери сказал, что каждый можно было бы продать не менее чем за полмиллиона, но продавать их никому не приходило в голову. Их также не сдавали в аренду. Это были священные прибежища для

восстановления сил изнуривших себя работой юристов фирмы “Бендини, Ламберт энд Лок”. И узкого круга избранных клиентов.

С балкона спальни на втором этаже Митч следил за небольшими лодочками, беззаботно покачивающимися в искрящемся море. Солнце медленно катилось к горизонту, и маленькие волны посылали отраженные последние его лучи во всех направлениях. Пассажирское судно неторопливо удалялось от острова. Множество людей прогуливались по пляжу, играли в песке, брызгали друг на друга водой, гонялись за песчаными крабами или пили пунш с ромом и ямайское пиво “Род Страйп”. Со стороны “Пальм” доносилась ритмичная карибская музыка; туда, где под открытым небом располагался бар, как магнитом тянуло отдыхающих; в тростниковой хижине рядом можно было взять напрокат катамаран, волейбольные мячи, трубки с масками.

Эйвери подошел к балкону в ярких оранжево-желтых шортах. Тело его было мускулистым и гибким, без всяких признаков дряблости. В Мемфисе он был совладельцем спортивного клуба и каждый день являлся туда поработать на снарядах. Глядя не него, можно было догадаться и о том, что в клубе не составляло труда загореть под ультрафиолетовой лампой. На Митча все это произвело впечатление.

- Как тебе мой туалет? - спросил Эйвери.

- То, что надо. Вам идет.

- Если захочешь, у меня есть еще одна пара.

- Нет, спасибо. Я привык к своим спортивным, еще из Кентукки.

Эйвери отпил из стакана и вышел на балкон.

- Я здесь, наверное, уже в десятый раз, и все-таки мне не надоело. Иногда подумываю перебраться сюда, как удалюсь от дел.

- Было бы неплохо. Гулять по пляжу, довить песчаных крабов.

- Играть в домино и пить “Ред Страйп”. Пробовал его?

- Не припомню такого.

- Пойдем промочим горло.

Бар на открытом воздухе назывался “Румхедс”. Он был заполнен изнывающими от жажды туристами, там же вокруг деревянного стола сидели несколько местных жителей и играли в домино. Эйвери пробрался через людское столпотворение и вернулся к Митчу с двумя бутылками пива. Они уселись недалеко от играющих.

- Вот этим-то я и займусь, когда выйду на пенсию. Обоснуюсь здесь и буду зарабатывать себе на жизнь игрой в домино. И попивать “Ред Страйп”.

- Хорошее пиво.

- А надоест домино, займусь игрой в дартс. Он кивнул головой в сторону группы подвыпивших англичан, метавших стрелки в центр размеченного круга и переругивавшихся между собой.

- А надоест дартс - ну, тогда я и не знаю, что буду делать. Извини.

Эйвери поднялся и направился к столику, за который только что уселись две молодые женщины в узеньких бикини. Он представился, и женщины предложили ему сесть рядом. Митч заказал себе еще одну бутылку пива и пошел на пляж. В отдалении, в центре Джорджтауна, виднелись здания банков. Именно в эту сторону и шагал Митч.

Блюда были расставлены на складывающихся столиках, окружавших бассейн. Шашлыки из акульего мяса, жареные креветки, черепашки, устрицы, крупный омар, жареный морской окунь, другие столь же изысканные деликатесы. Все эти дары моря были только что выловлены. Туристы толпились у столиков, наполняя свои тарелки всякой всячиной, взад и вперед сновали официанты, успевая разносить целые галлоны ромового пунша. Выбрав еду по вкусу, люди усаживались где-нибудь в тени, во внутреннем дворике, лицом к морю. Группа музыкантов наигрывала регги; солнце скрылось сначала за облачком, а потом и вовсе упало за горизонт.

С тарелками в руках Митч проследовал за Эйвери от буфета к столику, где сидели две женщины. Они оказались сестрами, обеим не было еще тридцати, обе развелись с мужьями, обе были наполовину пьяными. Одна из них, Кэрри, уже всюю заигрывала с Эйвери, Другая, Джулия, тут же начала строить глазки Митчу. Интересно, подумал он, что Эйвери успел им наговорить?

- Я вижу, ты уже женат, - прошептала Джулия, придвигаясь к Митчу.

- Да, и я счастлив.

Она улыбнулась, как бы принимая вызов. Эйвери и ее сестра сидели, обняв друг друга. Митч поднял стакан с пуншем и одним глотком осушил его.

Склонившись над тарелкой, он не мог заставить себя не думать ни о ком, кроме Эбби. Объяснить все происходящее было бы трудно, если бы такие объяснения вдруг потребовались. Ужин в компании двух привлекательных, едва одетых женщин. Объяснить такое было бы невозможно. Разговор за столиком смолк, и Митч не собирался его продолжать. Подошедший официант поставил рядом с ним большой кувшин, который очень быстро опустел. Эйвери становился все более оживленным. Начал сочинять какую-то басню о том, что Митч играл за "Нью-Йорк Джайэнтс", дважды награждался высшими призами и зарабатывал миллион долларов в год, пока травма колена не разрушила его спортивную карьеру. Митч только качал головой и продолжал пить. Джулия смотрела на него во все глаза и придвигалась все ближе.

Музыканты заиграли громче - наступило время танцевать. Люди потянулись к деревянной площадке, находившейся под пальмами между бассейном и пляжем.

- Танцевать! - прокричал Эйвери и потянул свою девушку за руку. Они побежали между столиков и быстро затерялись в толпе веселящихся туристов.

Митч почувствовал, что Джулия уже сидит вплотную к нему; ее рука легла на его колено.

- Ты не хочешь потанцевать? - услышал он ее голос.

- Нет.

- Вот и отлично. Я тоже. А чего тебе хочется? Ее грудь ходуном ходила по руке Митча, в нескольких дюймах от своего лица он видел ее призывную улыбку.

- Мне ничего не хочется, - сказал он ровным голосом и убрал ее руку.

- Ну, брось. Давай побалуемся. Твоя жена ничего не узнает.

- Послушай-ка, ты очень красива, но сейчас ты зря стараешься. Еще довольно рано, и у тебя достаточно пока времени, чтобы найти парня получше.

- А ты остряк!

Рука ее вновь вернулась на прежнее место, и Митч глубоко вздохнул.

- Почему бы тебе не убраться отсюда?

- Прости. - Она убрала руку.

- Я сказал. Убирайся.

Она отшатнулась от него.

- Что с тобой?

- У меня отвращение к болезням, вызываемым чрезмерной общительностью. Убирайся.

- Почему бы тебе самому не убраться?

- Отличная мысль. Думаю, мне пора. Благодарю за компанию.

Допив пунш, Митч встал и, пробравшись через танцующую толпу, подошел к бару. Заказал пиво, уселся в темном уголке внутреннего дворика. Расстилавшийся перед ним пляж был совершенно пуст. Над самой поверхностью воды плавно скользили огоньки небольших суденышек и катеров. За спиной теплый карибский вечер был полон звуков смеха и музыки, которую извлекали из своих инструментов местные "Босоногие ребята". Неплохо, подумал Митч, неплохо, но с Эбби было бы еще лучше. Может, они приедут сюда вместе следующим летом. Им необходимо было побыть вместе, и подальше от дома, от его кабинета. Какая-то полоса, какой-то барьер отделил их друг от друга, он еще не мог понять, что это. Просто было что-то такое, чего ни один из них не мог объяснить словами, но что оба чувствовали. Это пугало его.

- Что ты там увидел? - Неожиданно раздавшийся рядом голос заставил его вздрогнуть.

Она подошла к столику, села рядом. Темнокожая островитянка с голубыми или серыми - в темноте невозможно было определить - глазами. Глаза эти, глубокие и теплые, были прекрасны. Темные волнистые волосы зачесаны назад, свисая свободно, они скрывали почти всю спину. В девушке, похоже, смешалась кровь не только черной и белой рас, было в ней что-то и от латиноамериканки. И еще что-то, наверное, тоже было. Белая полосочка бикини едва скрывала ее тугую полную грудь, а яркая Длинная юбка с

разрезом почти до пояса тоже открыла взору почти все, когда девушка уселась, скрестив ноги. Обуви никакой.

- Ничего особенного, - ответил Митч.

Она была совсем юной; блеснувшие в детской улыбке зубы походили на жемчужины.

- Ты откуда? - спросила она.

- Из Штатов.

Она едва слышно рассмеялась.

- Это и так ясно. Откуда из Штатов? Речь ее была спокойной и ясной, настоящий карибский английский.

- Мемфис.

- Сюда многие приезжают из Мемфиса. Нырятьщики и аквалангисты.

- А ты живешь здесь? - поинтересовался Митч.

- Да. всю жизнь. Моя мать - местная жительница. Отец - из Англии. Он давно ушел от нас, вернулся туда, откуда приехал.

- Не хочешь чего-нибудь выпить?

- Хочу. Рому с содовой.

Митч стоял у стойки бара и ждал, пока приготовят напитки. Какое-то нервное ожидание разливалось у него в желудке. Еще можно было скользнуть в темноту, исчезнуть в толпе и пробраться в безопасность, в бунгало. Можно было бы запереть дверь и почитать что-нибудь об этом налоговом убежище. Скука! Да к тому же там сейчас был Эйвери вместе со своей пылкой подружкой. "Эта девушка безопасна", - подсказывали ему выпитый ром и пиво. Один-два коктейля, и они пожелают друг другу спокойной ночи.

Со стаканами в руках Митч вернулся к столику и сел напротив девушки, стараясь держаться подальше. Вокруг них никого не было.

- Ты тоже нырятьщик?

- Нет. Не поверишь, но я приехал по делу. Я юрист, завтра утром у меня встреча кое с кем из банкиров.

- Долго ты здесь пробудешь?

- Дня два.

Митч старался быть вежливым, но кратким. Чем меньше он скажет, тем безопаснее будет. Она поменяла положение ног, беззащитно улыбнулась. Митч почувствовал в себе какую-то слабость.

- Сколько тебе лет? - спросил он.

- Мне двадцать лет, зовут Эйлин. Я уже взрослая.

- Митч.

Ощущение тяжести в желудке пропало, голова прояснилась. Он сделал несколько больших глотков пива. Посмотрел на часы.

Она наблюдала за ним с той же мягкой улыбкой.

- Ты очень красив.

Как она торопится. Остынь, говорил он себе, не горячись.

- Спасибо.

- Ты спортсмен?

- Что-то вроде этого. А почему ты спрашиваешь?

- Ты выглядишь как спортсмен, такой мускулистый и надежный.

То, как она произнесла последнее слово, снова заставило его сердце биться учащенно. Он восхищался ее телом и пытался придумать такой комплимент, который не звучал бы как приглашение. Забудь об этом, приказывал он себе.

- Где ты работаешь? - попытался Митч перевести разговор в более безопасное русло.

- В городе, в ювелирном магазине.

- А живешь?

- В Джорджтауне. А ты где остановился?

- В соседнем бунгало. - Митч кивнул налево, и она повернула голову. Он видел, что она не прочь пойти посмотреть.

Девушка поднесла к губам свой бокал.

- Почему ты не веселишься со всеми?

- Я не очень люблю большие сборища.
- Пляж понравился?
- Просто великолепный.
- При луне он еще лучше. - Та же улыбка. Он промолчал.
- Бар в миле отсюда, дальше, по пляжу, будет получше. Давай пройдемся.
- Не знаю, мне уже пора идти. До утра нужно успеть кое-что сделать.

Она встала и рассмеялась.

- На Кайманах никто так рано не уходит с пляжа. Пойдем, я должна тебе коктейль.
- Нет. Пожалуй, нет.

Она схватила его за руку, и Митч направился за ней в сторону пляжа.

Они шли и молчали; "Пальмы" уже скрылись из виду, музыка была едва слышна.

Поднявшаяся луна светила все ярче, пляж был совершенно пуст. Она отстегнула какой-то крючок и сняла юбку. На теле ее кроме узенькой ленточки вокруг груди и такой же узенькой, бежавшей между ног, ничего не было. Свернув юбку, она повесила ее ему на шею. Взяла его за руку.

Что-то внутри него говорило: беги. Забрось пивную бутылку в море. Швырни юбку на песок. И беги изо всех сил. Беги в бунгало. Закрой дверь на замок. Закрой окна. Беги. Беги. Беги.

И что-то говорило: расслабься. Это просто безобидное развлечение. Выпей пару коктейлей. Если уж что-то происходит, наслаждайся этим. Никто ничего не узнает. До Мемфиса отсюда тысячи миль. Эйвери тоже ничего не будет знать. Да и потом, что ему Эйвери? Что он сможет сказать? Так делают все. Такое уже случилось с ним раньше, в колледже, когда он не был еще женат, но уже был помолвлен. Тогда он обвинил в случившемся лишнюю кружку пива и не мучил себя переживаниями. Эбби так ничего и не узнала, да и время взяло свое.

Беги. Беги. Беги.

Они прошли примерно с милю, а бара все не было видно. На пляже потемнело. Случайное облако очень удачно прикрыло собой луну. На всем своем пути они так никого и не встретили. Она потянула его за руку к стоящим у самой воды двум пластиковым пляжным креслам.

- Давай отдохнем. Он допил пиво.
- Не очень-то ты разговорчив.
- Что ты хочешь, чтобы я сказал?
- Как по-твоему, я красива?
- Ты очень красива. У тебя очень красивое тело. Она сидела на самом краешке кресла и болтала ногами в воде.
- Пойдем искупаемся.
- Я, гм-м... У меня нет настроения.
- Брось, Митч. Я так люблю воду.
- Иди, а я посмотрю на тебя.

Она опустила перед ним на колени, подняла свое лицо навстречу ему. Медленным движением завела свою руку за спину, развязала полоску, прикрывавшую грудь. Ленточка материи плавно соскользнула на песок. Ее грудь, как бы сразу увеличившись в размерах, легла на его левую руку.

- Подержи, пожалуйста. - Она подняла с песка и подала ему в руки верхнюю часть своего купальника. Это было что-то мягкое, белое и совершенно не имевшее веса. Митч сидел и не мог пошевелиться; его дыхание, всего минуту назад прерывистое и тяжелое, казалось, совсем прекратилось.

Она неторопливо вошла в воду. Едва видимая полоска белой ткани сзади не скрывала ничего. Длинные темные замечательные волосы падали до пояса. Когда вода дошла до колен, она обернулась.

- Давай же, Митч, вода просто прелесть! Улыбка ее была ослепительной, Митч не мог этого не видеть. Он сжал в кулаке невесомый лоскуток, осознавая, что остался последний шанс спастись бегством. И тут же по всему его телу растеклась слабость. Для бегства потребовалось бы гораздо больше сил, чем он мог сейчас собрать. Ему хотелось

просто сидеть в кресле, а она? Она, может, уйдет. Может, она утонет. Может, внезапным приливом ее унесет в море. Давай, Митч.

Он снял с себя рубашку и шагнул в воду. По-прежнему улыбаясь, она не сводила с него взгляда, и, когда он приблизился, она взяла его за руку, повела туда, где вода глубже. Обняла за шею; они поцеловались. На ее бедрах он пальцами ощутил тоненькую ниточку купальника. Они снова поцеловались.

Внезапно она отпрянула и, ни слова не говоря, устремилась к берегу. Он не спускал с нее глаз. Усевшись прямо на песок между двумя креслами, она сняла с себя остатки своего бикини. Митч глубоко нырнул, задержав дыхание, как ему показалось, на целую вечность. Когда голова его показалась на поверхности, она уже полулежала на спине, упираясь локтями в песок. Митч еще раз посмотрел по сторонам и, конечно же, никого не увидел. В этот самый момент луна опять спряталась за новым облачком. На поверхности воды не было ни лодок, ни катамаранов, ни пловцов, ни водных лыжников - никого и ничего движущегося.

- Я не могу, - пробормотал он сквозь стиснуты зубы.

- Что ты сказал, Митч?

- Я не могу! - прокричал он.

- Но я хочу этого.

- Не могу.

- Ну же, Митч, никто никогда не узнает. Никто никогда не узнает. Никто никогда не узнает.

Он медленно подошел к ней. Никто никогда не узнает.

На заднем сиденье такси, мчащего обоих мужчин в Центр города, царило молчание. Они опаздывали. Они проспали и пропустили завтрак. Ни один из них не чувствовал себя достаточно бодро, а Эйвери выглядел просто изможденным: глаза налились кровью, лицо бледное. Он даже не побрился.

У здания Монреальского банка таксист остановил машину. Жара и влажность едва давали возможность дышать.

Рэндольф Осгуд, банкир, оказался мужчиной британского склада, одетым в синий двубортный пиджак, с высоким гладким лбом; на чуть вздернутом носу поблескивала тонкая металлическая оправа очков. Он как старого друга поприветствовал Эйвери и представился Митчу, после чего провел их обоих в большой кабинет на втором этаже, откуда открывался вид на залив. В кабинете их уже ждали два клерка.

- Что именно тебе требуется, Эйвери? - спросил Осгуд; голос его звучал чуть в нос.

- Давай-ка начнем с кофе. Мне нужны итоговые отчеты по всем счетам Сонни Кэппса, Эла Косциа, Долфа Хеммбы, "Рацлафф Партнерс" и "Грин Групп".

- Хорошо, за какой период?

- Шесть месяцев. По всем счетам.

Осгуд щелкнул пальцами в сторону одного из своих служащих, это была женщина. Она вышла из кабинета и тут же вернулась с подносом, на котором стоял кофейник и тарелочка с пирожными. Другой клерк писал в блокноте.

- Но нам, Эйвери, конечно, потребуется на это одобрение адвокатов каждого из клиентов, - заметил Осгуд.

- Все это в папке, - ответил ему Эйвери, вытаскивая документы из своего чемоданчика.

- Да, но их сроки уже вышли. Нам нужны новые подтверждения ваших полномочий по каждому из счетов.

- Отлично. - Эйвери через стол подтолкнул ему папку. - Здесь. Текущие.

Он подмигнул Митчу.

Клерк взял в руки папку и разложил все документы на столе. Каждый листок был внимательнейшим образом изучен обоими служащими, а после них - самим Осгудом. Эйвери и Митч ждали, попивая кофе.

Осгуд улыбнулся и произнес:

- Здесь все в полном порядке. Нужные вам бумаги принесут сюда. Что вы еще хотели?

- Мне нужно учредить три корпорации. Две для Сонни Кэппса и одну для "Грин Групп". Процедура будет обычной. Банк в качестве зарегистрированного агента и так далее.

- Я обеспечу все необходимые документы, - сказал Осгуд и посмотрел на клерка. - Что еще?

- Пока все.

- Отлично. Отчеты будут здесь через тридцать минут. Не пообедать ли нам вместе?

- Мне очень жаль, Рэндольф, но я вынужден отказаться от приглашения. Мы с Митчем уже связаны предварительной договоренностью. Может быть, завтра.

Ни о какой предварительной договоренности Митч не слышал, во всяком случае, с ним лично не договаривался никто.

- Может быть, - отозвался Рэндольф. Вместе со своими служащими он покинул комнату.

Эйвери закрыл за ним дверь и снял пиджак. Подошел к окну, сделал глоток кофе из чашечки.

- Послушай, Митч, я должен извиниться перед тобой за эту ночь. Мне действительно очень жаль. Я напился и не понимал, что делаю. Не стоило мне вешать на тебя ту бабенку.

- Извинения принимаются. Думаю, больше такого не произойдет.

- Нет, обещаю тебе.

- А твоя была ничего?

- Надеюсь. Я не очень-то помню. Чем ты занимался с ее сестренкой?

- Она велела мне убираться. Я так и сделал. Пошел шляться по пляжу.

Эйвери откусил пирожное и вытер рот.

- Ты же знаешь, мы с женой живем отдельно. Может быть, разведемся через год или около этого. Чувствую себя не очень спокойно - эти разводы такая грязная штука. В фирме есть неписаное правило: что мы делаем вне Мемфиса, остается вне Мемфиса. Ты понимаешь?

- Брось, Эйвери, ты знаешь, что я никому не скажу.

- Я знаю. Знаю.

Митч был рад узнать о новом неписаном правиле, поскольку проснулся утром в полной уверенности, что совершил настоящее преступление. Он думал об Эйвери в постели, под душем, в такси, да и сейчас он так и не мог ни на чем сконцентрировать свои мысли. Он поймал себя на том, что рассматривал витрины ювелирных магазинов, когда такси катило по улицам Джорджтауна.

- У меня вопрос, - сказал Митч.

Занятый пирожными, Эйвери только кивнул.

- Когда несколько месяцев назад меня вербовали Ламберт и Макнайт, в голову мне вбивалась мысль о том, как фирма недовольна разводами, флиртом, пьянством, наркотиками и всем прочим, что мешает работать стабильно и получать за это хорошие деньги. Однако теперь я вижу вещи в несколько ином свете. Где ты, - Эйвери, сбился с пути? Или в фирме все поступают так, как ты?

- Мне не нравится твой вопрос.

- Я знал, что он тебе не понравится. Но ответ мне все же хотелось бы услышать. Я заслуживаю ответа. У меня такое ощущение, что меня ввели в заблуждение.

- Ну, и что ты собираешься делать? Уехать? Из-за того, что я напился и переспал со шлюхой?

- Я не думал о том, чтобы уехать.

- Уже хорошо. Не делай этого.

- Мне нужен ответ.

- Ну что ж, это справедливо. Я больше других в фирме люблю приударить за женщинами, и все они там еще как взбеленятся, когда я только заведу речь о разводе. Женщины нужны мне постоянно, но об этом никто не знает. Или, во всяком случае, они никак не могут меня поймать. Уверен, что другие компаньоны не намного от меня отличаются в этом, но их невозможно уличить. Не все, конечно, но кое-кто. У большинства стабильные семьи, они очень преданы своим женам. Я же всегда был разбитным парнем, но они терпели меня, поскольку я такой одаренный. Они знают, что я не против спиртного за обедом и иногда выпиваю прямо в офисе, они осведомлены о том, что я нарушаю и некоторые другие их священные правила, но они сделали меня

компаньоном, потому что я им нужен. А теперь, когда я стал компаньоном, что они могут со мной сделать? В конце концов, Митч, не такой уж я и плохой.

- А я этого и не говорил.

- Конечно, я небезупречен. А некоторые из них - идеальны, поверь мне. Это машины, роботы. Они живут, едят и спят только ради "Бендини, Ламберт энд Лок". Я люблю иногда немного развлечься.

- Так значит, ты - исключение?

- Да уж, никак не правило. И за это я не собираюсь просить прощения.

- Я и не требовал извинений. Мне нужна была только ясность.

- Теперь тебе достаточно ясно?

- Да. Меня всегда восхищала твоя прямота.

- А меня - твоя дисциплинированность. Только очень сильный мужчина может сохранить верность своей жене, устояв перед искушениями, которые выпали на твою долю этой ночью. Я не настолько силен. Да и не хотел бы таким стать.

Искушения. В настоящий момент Митч думал о том, как во время обеда обойти все ювелирные магазины в центре.

- Послушай, Эйвери, я вовсе не святоша, и меня ничто не шокировало. И не мне судить - судили всю жизнь меня. Я просто запутался в правилах, вот и все.

- Правила не меняются никогда. Они отлиты из бетона. Выбиты в граните, вырезаны в камне. Нарушишь слишком много - и тебя вышвырнут вон. Или - нарушай сколько угодно, но не давай себя поймать.

- Понимаю.

.В кабинет вошел Осгуд с группой клерков, принесших простыни компьютерных распечаток и папки с документами. Все это было разложено аккуратными стопками на столе в алфавитном порядке.

- На все это у вас уйдет примерно день, - заметил Осгуд, выдавив из себя улыбку.

Он щелкнул пальцами, и клерки удалились.

- Если вам еще что-то понадобится - я у себя в кабинете.

- Да, благодарю, - ответил Эйвери, принимаясь за первую стопку документов.

Митч снял пиджак и ослабил узел галстука.

- Что конкретно нам предстоит сделать? - задал он вопрос.

- Две вещи. Первое, мы просмотрим исходные данные каждого из этих счетов. К примеру, Долф Хеммба шлет свои проценты в девять различных банков на Багамах. Это глупо, но он чувствует себя счастливым. И совершенно немыслимо, чтобы кто-нибудь, кроме меня, за этим уследил. В этом банке у него около двенадцати миллионов, поэтому здесь стоит покопаться. Он мог бы сделать это сам, но считает, что будет лучше, если вместо него это сделаю я. Я не против - за двести пятьдесят долларов в час.

Второе - нам необходимо зарегистрировать три компании под местной юрисдикцией. Это совершенно нетрудная и абсолютно законная вещь, и сделать это можно было в Мемфисе. Но клиенты считают, что мы должны были прилететь сюда. Не забывай, мы имеем дело с людьми, которые распоряжаются миллионами. Потратить несколько тысяч на наши гонорары - для них совершенный пустяк.

Митч всматривался в колонки цифр на распечатке Хеммбы.

- Кто такой этот Хеммба? Я никогда не слышал о нем.

- У меня немало таких клиентов, о которых ты никогда не слышал. Хеммба - крупный фермер из Арканзаса, один из крупнейших землевладельцев штата.

- Двенадцать миллионов долларов?

- Только в этом банке.

- Значит, у него немало хлопка и соевых бобов.

- У него, скажем так, есть и другие предприятия.

- Например?

- Даже затрудняюсь сказать.

- Легальные или нет?

- Ну, скажем просто, он прячет двадцать миллионов плюс проценты в нескольких банках Карибского бассейна от Национального налогового управления.

- И мы ему помогаем?

На одном конце стола Эйвери разложил необходимые ему бумаги и начал сверять исходные данные. Митч смотрел на него и ждал ответа. Молчание в кабинете делалось гнетущим, становилось ясно, что ответа он не услышит. Можно было бы попробовать надавить на Эйвери, но для одного дня Митч задал уже немало вопросов. Он засучил рукава и окунулся в работу.

О предыдущей договоренности Эйвери он узнал в полдень - в бунгало тот назначил свидание женщине. Эйвери предложил Митчу прерваться на пару часов и порекомендовал ему кафе в центре города, где можно было пообедать.

Вместо кафе в четырех кварталах от банка Митч разыскал городскую библиотеку. На втором этаже его направили в отдел периодики, и там, на стеллажах, он обнаружил подшивку островной газеты “Дейли Кэймэниэн” за несколько лет. Покопавшись в подшивке полугодовой давности, он вытащил номер, датированный 27 июня, и перенес его на небольшой столик у окна, выходившего на улицу. Бросил взгляд наружу, подошел к окну вплотную: там он заметил человека, которого видел несколько минут назад у дверей банка. Человек этот сидел за рулем желтого “шевроле”, припаркованного в узкой улочке напротив здания библиотеки. Это был плотного телосложения темноволосый мужчина, непохожий на местного жителя, одетый в кричащую оранжевую с зеленым рубашку, на лице его были дешевые солнцезащитные очки.

Этот же “шевроле” с этим же водителем стоял и у витрины магазинчика сувениров, что соседствовал с банком, а теперь, несколько минут спустя, он оказался уже здесь. У дверцы автомобиля остановился на велосипеде какой-то местный, взял у сидящего за рулем сигарету. Мужчина в очках указал ему на библиотеку. Местный слез с велосипеда и начал пересекать улицу.

Митч сложил газету и сунул ее в карман пиджака, быстро подошел к полкам, взял номер журнала “Нэшнл Джиогрэфик” и уселся за стол. Он листал журнал и напряженно вслушивался в каждый звук: поднимается по лестнице, входит в зал, приближается. Шаги за спиной смолкли. Ага, это он остановился посмотреть, что именно изучает Митч с таким интересом; затем звук шагов начал удаляться, пока не стих совсем. Выждав секунду-другую, Митч бросился к окну: стоя у “шевроле”, местный тянул руку за сигаретой и говорил что-то водителю. Закурив, он пошел прочь, толкая перед собой велосипед.

Митч разложил перед собой газету и быстро пробежал глазами заметку о двух американских юристах и их местном инструкторе подводного плавания, погибших при загадочных обстоятельствах Днем ранее. Запомнить нужную ему информацию, он вернул газету служителю.

“Шевроле” стоял на прежнем месте. Митч прошел мимо, свернул за угол и направился в сторону банка. Путь туда проходил через торговый район, прижатый к берегу залива кварталом банковских учреждений.

Узенькие улочки забиты туристами: идущими пешком, на мотоциклах, во взятых напрокат малолитражках. Митч снял пиджак и, повесив его на руку, вошел в магазин спортивной одежды, где на втором этаже был небольшой бар. Он поднялся по ступенькам, заказал себе кока-колу и уселся на балконе, поглядывая вниз, на уличную суету.

Местный с велосипедом появился почти тут же. Чуть повернув голову, Митч видел, как тот вошел в бар, взял банку пива, уселся и стал разглядывать написанное от руки меню, время от времени рассеянно поводя глазами по сторонам.

Митч потягивал кока-колу. “Шевроле” поблизости он пока не замечал, но знал, что машина где-то здесь, рядом. Зато Митч быстро засек мужчину на противоположной стороне улицы - того явно интересовал сидящий на балконе бара с банкой колы человек. Внезапно мужчина исчез, а место его заняла женщина. Да уж не паранойя ли это, подумал Митч и увидел, как из-за угла вырывается “шевроле”.

Митч спустился на первый этаж и купил пару темных очков. Вышел на улицу, не торопясь дошел до узенькой тенистой аллеи и, выпав на мгновение из поля зрения следовавших за ним, рванул что было сил на параллельную улицу, где вбежал в какую-то

сувенирную лавку, выбрался через заднюю дверь на другую улочку. Прямо перед собой он увидел большой магазин одежды, рассчитанный, видимо, на туристов, и вошел в него через неприметный боковой проход. Прилавки магазина были забиты шортами и рубашками всех мыслимых цветов и раскрасок - одеждой, которую не покупали местные жители, но которую так любили американцы. Митч подошел к витрине, внимательно оглядел улицу, но не увидел ничего настораживающего. После этого повернулся к продавщице.

Он решил остаться верным своим консервативным привычкам: белые шорты и красный вязаный пуловер. Прихватил и пару соломенных сандалий, таких, что подошли бы к его любимой шляпе. Продавщица, хихикнув, указала ему кабинку, где можно было переодеться. Митч еще раз бросил быстрый взгляд в окно. Никого. Покупки пришлось в пору и он спросил девушку, нельзя ли оставить костюм и туфли где-нибудь здесь на пару часов. Без проблем, ответила та. Митч расплатился наличными, прибавил десять долларов на чай и попросил вызвать такси. Продавщица охотно согласилась, назвав его красавчиком.

Пока машина не подошла, Митч нервно посматривал на улицу. В один прыжок он пересек тротуар и рванул на себя заднюю дверцу.

- В секцию подводного плавания Эбанка.

- Это недалеко, дружище.

Митч бросил на сиденье водителя двадцатку.

- Трогай. И посматривай в зеркальце. Увидишь кого-нибудь за нами - дай мне знать.

Рука таксиста проворно сгребла купюру.

- О'кей, дружище.

Митч постарался опуститься на сиденье как можно ниже, чтобы над спинкой возвышалась только его новая шляпа. По загруженной Шедден-роуд таксист уже выбрался из торговых кварталов, машина огибала Поросячий залив, оставляя позади себя Джорджтаун, устремляясь на восток, мимо Красной лагуны, к Боддентауну.

- От кого спасаешься, дружище?

Митч рассмеялся и опустил стекло.

- От Национального налогового управления.

Ему ответ показался остроумным, однако водитель был сбит с толку, ведь он-то знал, что на острове нет ни налогов, ни налоговых инспекторов. Вопросов больше не последовало.

Согласно газетной заметке, инструктора по подводному плаванию звали Филип Эбанк, он был сыном Бэрри Эбанка, владельца секции. Он погиб девятнадцатилетним. Все трое утонули в результате какого-то взрыва на их катере. Очень непонятного взрыва. Тела погибших в полном снаряжении были обнаружены на глубине восьмидесяти футов. Не было никаких свидетелей взрыва, равно как и никаких объяснений тому, почему он мог произойти в двух милях от берега, в районе, где никто подводным плаванием не занимался. В заметке говорилось, что на многие вопросы ответов все еще нет.

Боддентаун оказался маленькой деревушкой в двадцати минутах езды от Джорджтауна. Секция подводного плавания занимала огороженный участок берега у южной оконечности поселка.

- За нами кто-нибудь следовал? - спросил Митч.

Таксист покачал головой.

- Неплохо сработано. Вот еще сорок долларов. - Митч посмотрел на часы. - Сейчас почти час. Сможешь быть здесь ровно в полтретьего?

- Конечно, дружище.

Дорога упиралась в разбитую на берегу моря автостоянку, обнесенную обломками белых скал и затененную растущими вокруг нее королевскими пальмами. Основной постройкой здесь было двухэтажное здание секции под жестяной крышей, на второй этаж вела наружная лестница. Здание называлось Большим домом, оно было выкрашено светло-голубой краской с пропущенной по углам белой аккуратной полосой, часть фасада увивал дикий виноград и ползучие лилии. Резные наличники окон выкрашены в розовый цвет, прочные деревянные ставни - в оливково-зеленый. В здании располагалась контора

и столовая секции подводного плавания Эбанка. С правой стороны Большого дома, где пальмы расступались, огибая здание, вилась узкая подъездная дорожка, спускавшаяся вниз, к широкой расчищенной площадке из белого камня. На площадке размещалось около десятка хижин из тростника, где жили ныряльщики. От хижин к Большому дому вел также лабиринт узеньких деревянных лестниц, а совсем у кромки воды был оборудован небольшой бар.

Митч направился к бару под уже знакомые ему звуки регги и смеха. Похоже на "Румхедс", подумал он, но нет той толпы. Через пару минут Генри, бармен, поставил перед Митчем "Ред Страйпо."

- Где сейчас Бэрри Эбанк? - спросил Митч. Генри кивнул головой в сторону моря и отправился к себе за стойку. На расстоянии примерно полумили в море был виден катер, неторопливо скользящий по волнам, направляющийся сюда, к Большому дому. Поедая бутерброд с сыром, Митч смотрел на играющих в домино.

Катер ткнулся носом в пирс, воткнутый в море между баром и хижиной побольше, над окном которой от руки было намалевано: "СНАРЯЖЕНИЕ". Держа в руках свои сумки, из катера посыпались ныряльщики, и все как один направились в бар. Невысокого роста, заросший волосами человек стоял рядом с катером и орал какие-то команды палубным, выгружавшим отработавшие ресурс акваланги на пирс. Одежды на нем было весьма немного: белая бейсбольная шапочка и черные плавки, узкие спереди и пошире сзади. Судя по дубленой коричневой коже, последние полстолетия не очень-то потрепали его. Заглянув в хижину со снаряжением, прокричав что-то инструкторам и палубным, коренастый человек двинулся к берегу. Не обратив никакого внимания на толпу, он подошел к холодильнику, достал банку "Хейникена", сорвал крышку и сделал большой глоток.

Бармен наклонился к его уху, что-то проговорил, кивая в сторону Митча. Человек открыл вторую банку пива и подошел к столику, где сидел Митч.

- Это вы меня искали? - без намека на улыбку спросил он; в голосе - едва ли не насмешка.

- Вы мистер Эбанк?

- Я. Что вам угодно?

- Мне нужно несколько минут вашего внимания.

Эбанк отпил из банки, глядя на океан.

- Я занят. Катер отойдет через сорок минут.

- Меня зовут Митч Макдир. Я юрист из Мемфиса.

Эбанк смерил его быстрым взглядом маленьких карих глаз. Митч заинтересовал его.

- Ну и что?

- А то, что те двое, что погибли вместе с вашим сыном, были моими друзьями. Наш разговор не займет много времени.

Эбанк уселся на табурет, упершись локтями в стол.

- Для меня это не самая лучшая тема.

- Да, я знаю. Мне очень жаль.

- В полиции меня предупредили, чтобы я ни с кем не говорил об этом.

- б нашей беседе никто не узнает, даю вам слово.

Эбанк прищурился, повернув голову в сторону. сверкавшей солнечными бликами голубизны. Лицо и руки его несли на себе те отметины, что может оставить долгое пребывание на шестидесятифутовой глубине, где любопытным новичкам показывают коралловые рифы и затонувшие посудины.

- Что вы хотите узнать? - спросил он уже гораздо мягче.

- Можем мы поговорить в другом месте?

- Конечно. Может, пройдемся?

Он махнул рукой бармену и уже на ходу сказал что-то сидевшим за столиком ныряльщикам. Они направились к пляжу.

- Я хочу поговорить о несчастном случае, - сказал Митч.

- Можете спрашивать. Но в ответ я могу промолчать.

- Что было причиной взрыва?

- Не знаю. Возможно, воздушный компрессор. А может, топливо. Точно мы не знаем. Катер был очень сильно поврежден, ответы на многие вопросы остались в огне.

- Катер принадлежал вам?

- Да, это был один из моих небольших катеров, футов тридцати. В то утро его наняли ваши друзья.

- Где были обнаружены тела?

- На глубине восьмидесяти футов. Вроде бы ничего подозрительного, за исключением того, что на телах не было ни ожогов, ни ран, ничего такого, что могло бы указывать на то, что был взрыв. По-моему, это как. раз очень подозрительно.

- По данным экспертизы, смерть наступила от попадания воды в легкие. Другими словами, они утонули.

- Да, утонули. Но ваши друзья были в полном снаряжении, а его позже обследовал один из моих инструкторов. Все было в полном порядке, а парни были хорошими ныряльщиками.

- А ваш сын?

- Акваланга на нем не было, но плавал он как рыба.

- Где произошел взрыв?

- Предполагалось, что они будут нырять вдоль рифовой гряды Роджер Рэк. Вы знакомы с островом?

- Нет.

- Это вдоль побережья Восточного залива, ближе к северо-востоку. Ваши друзья до этого там еще не были, и мой сын предложил им попробовать понырять в том месте. Мы хорошо знали ваших друзей. Это были опытные ныряльщики, и к воде они относились серьезно. Всегда нанимали катер и не скупилась на плату. И всегда требовали Филипа в качестве инструктора. Мы до сих пор так и не знаем, было ли у них там хоть одно погружение. Катер был обнаружен в открытом море, в двух милях от того места, уже весь в пламени, на значительном расстоянии от обычных наших районов деятельности.

- Может, катер снесло течением?

- Это невозможно. Если бы что-то случилось с двигателем, Филип связался бы с нами по радио - оборудование мы используем самое современное, и все инструкторы поддерживают постоянную связь с берегом. Не могу себе представить, чтобы взрыв случился у Роджер Рэк. Его никто не видел, никто не слышал, а ведь там всегда есть народ. К тому же неуправляемый катер не смог бы сам продрейфовать две мили в том направлении. И самое главное, ведь тел на борту его не было, не забываете. Предположим, катер действительно отнесло, а как же тогда тела? Их нашли на глубине в восемьдесят футов, в радиусе двадцати метров от катера.

- Кто их нашел?

- Мои люди. Мы услышали сообщение по радио, и я тут же послал людей. Нам было ясно, что это наш катер, мои парни тут же начали нырять. И обнаружили их через несколько минут.

- Я понимаю, об этом трудно говорить.

Эбанкс допил пиво и швырнул пустую банку в деревянный ящик для мусора.

- Вы правы. Но время излечивает боль. А вы почему так в этом заинтересованы?

- У их семей множество вопросов.

- Мне жаль их. Я видел их жен в прошлом году. Они провели здесь неделю. Такие приятные люди.

- Не могло ли случиться так, что они просто исследовали новый район, когда все это произошло?

- Могло, но вряд ли. С катера докладывают о перемещениях из одного района в другой, это обычная практика. Исключений не бывает. Я уволил инструктора, который не предупредил о перемене места стоянки. Мой сын был лучшим инструктором на острове. Он вырос в этих водах. Уж он-то ни разу не позабыл доложить о перемещении катера. Это же так просто. Полиция верит тому, что все произошло именно так, но ведь и полиция должна во что-то верить. Это единственная версия, которую они имеют.

- Но как они объясняют состояние тел?

- Никак. По их разумению, это просто еще один несчастный случай, и все.

- Несчастный случай?

- Мне кажется, нет.

К этому времени сандалии уже натерли ему ноги, и Митч сбросил их. Вслед за Эбанксом он развернулся, и оба зашагали назад, в секцию.

- А если это не несчастный случай, то что же это?

Эбанкс шел и смотрел, как волны лениво лижут берег. Впервые за время разговора улыбнулся.

- Есть еще какие-нибудь предположения?

- В Мемфисе ходит слух, что тут могли быть замешаны наркотики.

- Расскажите мне об этом.

- Я слышал, что ваш сын активно помогал доставке наркотиков и что в тот день он, скорее всего, должен был на катере выйти в море, чтобы встретиться со своим напарником, что у них вспыхнула ссора, а мои друзья попали под горячую руку.

Эбанкс вновь улыбнулся и покачал головой.

- Только не Филип. Насколько я знаю, он никогда не употреблял наркотиков и не связывался с их доставщиками. Его не интересовали деньги. Только женщины и спорт.

- И никакой возможности?..

- Ни малейшей. Я ни разу не слышал ничего подобного и здорово сомневаюсь, что в Мемфисе осведомлены лучше. Остров у нас небольшой, и пусть даже с опозданием, но хотя бы сейчас я что-то бы знал, Это явная фальшивка.

Сказано, похоже, было все. Мужчины остановились около бара.

- Сделайте мне одолжение, - обратился к Митчу Эбанкс. - Не говорите ничего этого их семьям. Доказать правду я не могу, так пусть лучше о ней и не знают, Тем более в семьях.

- Я не скажу никому. А вас тоже попрошу не упоминать о нашем разговоре. Тут может кто-нибудь появиться после меня и начать расспрашивать о моем приезде. Скажите, что мы говорили о подводном плавании.

- Как вам будет угодно.

- Мы с женой собираемся провести здесь отпуск будущей весной. Я обязательно увижу вас.

14

Епископальная школа Святого Андрея располагалась позади одноименной церкви на засаженном деревьями, ухоженном участке земли размером в пять акров в центре жилого района Мемфиса. Там, где плющ по ему одному известной причине чуть расступался, взору открывались стены, сложенные из белого и желтого кирпича. Симметричные ряды стриженного кустарника обрамляли дорожки и небольшую площадку для игр. Одноэтажное, в виде латинской буквы "L" здание чувствовало себя очень уютно в тени вековых дубов. Известная своей аристократичностью, школа св. Андрея была самой дорогой частной школой в городе. Процесс обучения начинался в школе с групп детского сада и продолжался до шестого класса. Влиятельные родители записывали своих отпрысков в очередь на поступление уже с пеленок.

Митч остановил "БМВ" на стоянке между церковью и школой. Цвета красного вина "пежо" Эбби стоял чуть дальше, метрах в пяти. Она наверняка не ждет его в этот час. Самолет приземлился раньше, ч Митч успел даже заскочить домой переодеться. Сейчас он обнимет жену, а потом - в офис, где его ждет работа, по сто пятьдесят долларов в час.

Ему захотелось увидеть Эбби здесь, в школе, без предупреждения. Упасть, так сказать, с неба. Контрманевр. Он скажет ей: привет! Я соскучился по тебе, я не мог ждать, поэтому и заехал сюда. Он будет краток. Лишь бы дотронуться до нее, почувствовать ее, услышать голос ее после того, что было там, на пляже. Вдруг она догадается, как только увидит его? В глазах прочтет? Услышит напряжение в его голосе? Нет, если удивить ее. Нет, если польстить этим неожиданным визитом.

Он сжал в руках руль и неподвижным взглядом уставился на ее машину. Идиот! Тупица! Почему он не убежал? Швырнул бы юбку в песок и бежал бы изо всех сил. Но он этого не сделал. Никто никогда не узнает! Теперь ему оставалось только пожать плечами и сказать: черт побери, все так делают.

Сидя в кресле самолета, он строил планы. Во-первых, дождаться ночи и рассказать ей правду. Ему не хотелось лгать, не хотелось жить во лжи. С этим нужно смириться и рассказать ей все, как было. Может, она поймет его. Ведь почти каждый мужчина - нет, практически любой мужчина на его месте сделал бы то, что сделал он. Его второй шаг зависел бы от ее реакции. Если она сдержится и проявит к нему хоть чуточку сочувствия, он раскается и даст слово, что подобное больше никогда не повторится. Если же она придет в ярость, он станет молить, нет, вымаливать прощение и клясться на Библии, что это была ошибка, что он никогда не повторит се. Он скажет ей, как он ее любит и боготворит, он будет упрашивать дать ему шанс исправиться. А если она начнет собирать вещи, то тут он, видимо, осознает, что не следовало ничего говорить.

Отрицай. Отрицай. Отрицай. Московец, радикал-профессор из Гарварда, читавший лекции по уголовному праву и сделавший себе имя, защищая в суде террористов, убийц и похитителей детей, имел одну-единственную теорию защиты своих подопечных: отрицай. Отрицай. Не признавай ни одного факта, ни одного свидетельства, которые указывали бы на вину.

Он вспомнил Московца после того, как самолет приземлился в Майами, и тут же начал готовить новый план, согласно которому следовало удивить ее приездом в школу и поздним романтическим ужином в ее любимом ресторане. И ни слова ни о чем, кроме изнурительной работы на Кайманах. Он открыл дверцу автомобиля, представил себе ее лицо, прекрасное и полное доверия, и ощутил, как тошнота подкатывает к горлу. В желудке запульсировала тупая тянущая боль. Медленным шагом он направился к двери школы, подгоняемый в спину ласковым осенним ветерком.

В вестибюле было пусто и тихо. Справа от него находился кабинет директора. Он помедлил немного, надеясь, что его заметят, но никто так и не появился. Тогда он тихонько пошел вперед и у третьей по счету классной двери услышал восхитительный голос жены. Когда он просунул улыбающуюся голову в дверь, Эбби как раз объясняла премудрости таблицы умножения. Она увидела его, замерла, а затем хихикнула. Извинившись перед учениками, велела сидеть им тихо и читать следующую страницу. Прикрыв за собой дверь, вышла к нему.

- Что ты здесь делаешь?

Он заключил ее в объятия, прижал к стене. Эбби обеспокоенно посмотрела по сторонам.

- Я соскучился по тебе, - сказал Митч виновато.

Не меньше минуты он обнимал и тискал ее, как медведь. Целовал в шею, вдыхая сладкий запах духов. И тут вдруг в памяти возник образ той, на берегу. Что же ты не убежал, подлец, а?

- Когда ты вернулся? - спросила она, поправляя волосы и оглядывая вестибюль.

- Где-то час назад. Ты выглядишь замечательно.

Глаза ее чуть увлажнились. Удивительно честные глаза.

- Как съездил?

- Нормально. Соскучился. Не очень-то это радостно - когда тебя нет рядом.

Она улыбнулась, отведя взгляд немного в сторону.

- Я тоже скучала по тебе.

Они пошли к выходу, держась за руки.

- На вечер я хочу назначить тебе свидание, - сказал Митч.

- Ты сегодня не работаешь?

- Нет. Не работаю. Сегодня я иду со своей женой в ее любимый ресторан. Мы будем есть изысканные блюда и пить дорогие вина и будем сидеть до закрытия. А потом вернемся домой и снимем с себя одежду, всю-всю.

- Ты и вправду соскучился!

Она вновь поцеловала его и вновь с опаской посмотрела по сторонам.

- Но сейчас тебе лучше уйти, пока нас никто не заметил.

Так и не уличенные никем, они быстро прошли к двери.

Митч глубоко вдохнул в себя прохладный воздух и пошел к машине. Удалось. Он смотрел в ее глаза, обнимал и целовал ее, как прежде. Она ничего не заподозрила. Она была тронута, даже растрогана.

Де Вашер мерил шагами кабинет и нервно сосал свою сигару. Сел в кресло, попытался сосредоточиться на записях в блокноте, но тут же вскочил, заходил снова. Бросил взгляд на часы. Вызвал секретаршу. Затем секретаршу Оливера Ламберта. Опять стал расхаживать вдоль стола.

Наконец с семнадцати минутным опозданием Олли прошел через железную дверь мимо охраны и переступил порог его кабинета.

Де Вашер стоял у стола и в упор смотрел на вошедшего.

- Опаздываешь!

- Я занят, - ответил Ламберт, усаживаясь в потертое кресло. - Что за спешка?

Лицо Де Вашера тут же превратилось в злобную ликующую гримасу. Актерским жестом он открыл ящик стола и с гордостью шнырнул Олли на колени большой конверт из плотной бумаги.

- Нечасто нам удавалось сработать лучше.

Ламберт раскрыл конверт и изумленно уставился на черно-белые фотографии размером восемь на десять дюймов. Один из снимков он поднес к самому носу, впитывая в себя, запоминая каждую деталь. Де Вашер взирал на него с чувством превосходства.

Ламберт еще раз бегло просмотрел фотографии и, тяжело дыша, проговорил:

- Не могу поверить.

- Да, мы так и думали.

- Кто девушка? - Олли не сводил с изображения глаз.

- Местная проститутка. Неплохо выглядит, а? Мы ее ни разу до этого не использовали, но готов спорить, что теперь будем.

- Я хочу увидеть ее, и побыстрее.

- Без проблем. Я, так сказать, это тоже вычислил.

- Но я не могу поверить. Как ей удалось?

- Поначалу вес представлялось довольно трудным. Первой он сказал, чтобы она убиравась. Со второй был занят Эйвери, но ваш парень не захотел иметь дело с ее подружкой. Ушел в небольшой бар на берегу. Вот там-то эта его и подцепила. Она профессионалка.

- Где располагались ваши люди?

- Повсюду. Вот эти картинки сняты из-за ствола пальмы, всего в восьми футах от них. Неплохое качество, так?

- Отличное. Фотографу премируйте. И долго они катались по песку?

- Порядочно. Они чудо как подошли друг другу.

- Думаю, он действительно получил удовольствие.

- Нам повезло: на берегу никого не оказалось, да и время было рассчитано с точностью до секунды.

Ламберт поднял снимок на уровень глаз.

- Для меня вы сделали набор отпечатков? - спросил он, лицо скрыто за карточкой.

- Безусловно, Олли. Я же знаю, как ты любишь такие штучки.

- Мне казалось, Макдир окажется более стойким.

- Он стоек, но он человек, а не чучело. Мы не уверены, но похоже на то, что на следующий день, во время перерыва на обед, он понял, что за ним наблюдают. Вид у него был очень подозрительный, он начал метаться по торговому кварталу и потом исчез. Опоздал на час на встречу с Эйвери в банке.

- Где он был?

- Мы не знаем. За ним наблюдали просто из любопытства, ничего серьезного. Может, сидел где-нибудь в баре. Он просто испарился.

- Будьте с ним повнимательнее. Он беспокоит меня.

Де Вашер помахал в воздухе другим конвертом.

- Не надо беспокоиться, Олли. Теперь он принадлежит нам весь. Он пойдет убивать за нас, когда узнает об этом. - Де Вашер потряс конвертом.

- Что о Таррансе?

- Ни намека. Макдир ни с кем не обмолвился о нем. Во всяком случае, ни с кем из тех, кого мы слушаем. За Таррансом иногда трудно уследить, но, по-моему, он пока держится в стороне.

- Не спускайте с него глаз.

- За мои дела не переживай, Олли. Ты - юрист, адвокат, владелец недвижимости, у тебя есть твои штучки размером восемь на десять дюймов. Ты руководишь фирмой. Безопасностью руковожу я.

- Как дела у Макдира дома?

- Не очень. Она весьма прохладно отнеслась к поездке.

- Чем она занималась, пока его не было?

- От одиночества не скучала. Пару вечеров вместе с женой Куина она провела в этих ресторанчиках, где собирается молодежь. Ходила в кино. Один раз ужинала в городе с коллегой из школы. Ну, и магазины. Часто звонила матери. Ясно, что наш парень и ее родители не сгорают от взаимной любви, и ей хочется как-нибудь сблизить их. Она сама очень любит мать, вот и боится, что большой счастливой семьи может и не получиться. На Рождество ей хотелось бы поехать к родителям в Кентукки, но она не уверена, что его это устроит. В общем, там большие трения. Завязано множество деталей. Она жалуется матери на то, что он работает слишком много, а мать отвечает, это потому, что он хочет утереть им нос. Мне не нравится все это, Олли. Слишком много шума.

- Продолжай слушать. Мы пытались притормозить его, но он ни в какую. Это машина.

- Я знаю, что вы хотите, чтобы он сбавил темп. Еще бы, всего за сто пятьдесят в час! Почему бы вам не посадить всех сотрудников на сорок часов в неделю? Больше времени доставалось бы семьям. Ты мог бы урезать свой оклад, продать пару своих "ягуаров", заложить бриллианты супруги. Продать, наконец, свой особняк и купить небольшой домик в пригороде.

- Заткнись, Де Вашер.

Ламберт вышел, хлопнув в раздражении дверь. Де Вашера так душил смех, что он покраснел от натуги. Оставшись один, он уложил снимки в папку, поставил ее на стеллаж. "Митчел Макдир, - сказал он самому себе с довольной улыбкой, - теперь ты - наш".

15

За две недели до Рождества, днем в среду, Эбби пожелала своим ученикам в школе св. Андрея веселых каникул. В час дня она уже остановила машину на стоянке, забитой "вольво", "БМВ", "саабами" и "пежо", и под каплями холодного дождя вошла в ресторан, Представлявший собой огромный живой уголок, где молодые люди из хороших семей собирались, чтобы попробовать чего-нибудь экзотического вроде испанских пирожков с чудовищно острой начинкой или супа из черных бобов, сидя в окружении клеток с рептилиями и зеленых растений. Это было очередное любимое местечко Кэй Куин. В этом месяце они с Эбби всего второй раз собрались вместе пообедать. Как всегда, Кэй опаздывала.

Дружба их, в общем-то, только начала складываться. Осторожная по натуре, Эбби никогда не бросалась в объятия незнакомому человеку. За три года в Гарварде она так и не нашла себе друзей, зато научилась держать себя независимо. Прожив в Мемфисе полгода, Эбби присмотрела несколько кандидатур в церкви, одну в школе, но развивала отношения она неторопливо.

Кэй Куин поначалу ошеломила ее своим натиском. Она была гидом, консультантом по покупкам и декоратором сразу. Однако и с нею Эбби не поддавалась спешке, извлекая из каждой их встречи что-то для себя новое и с осторожностью делая очередной шаг навстречу. Несколько раз Куины приглашали их на обед или ужин к себе, иногда женщины виделись на банкетах, устраиваемых фирмой, или на проводимых там общих

мероприятиях, словом, все это было на людях. И всего четыре раза они имели возможность насладиться собственной компанией в тех заведениях, которые почитались самыми модными среди молодых и прекрасных жительниц Мемфиса, счастливых обладательниц “Голд Мастер Кард”. Наблюдательная Кэй обращала внимание на автомобили, дома, одежду человека, но притворялась, что это ее несколько не интересует. Кэй хотела быть другом, близким другом, которому доверяют все. Эбби держалась в стороне, медленно и неспешно идя на сближение.

Чуть ниже столика, где сидела Эбби, там, где толпа крутилась возле стойки бара в ожидании свободных мест, стояла точная копия старого, 50-х годов, музыкального ящика. Прошло минут десять. Рой Орбисон успел спеть две свои песни, когда наконец появилась Кэй. Войдя, она сразу, подняв голову, рассмотрела в сложном интерьере Эбби, и та улыбнулась ей и помахала рукой.

Молодые женщины нежно соприкоснулись щеками при встрече, не желая оставлять друг на друге следы помады.

- Прости, что опоздала.

- Чепуха, я привыкла к этому.

- Да тут все битком набито! - Кэй с удивлением повела головой. - И так, у тебя каникулы?

- Да, начались час назад. Я свободна до шестого января.

Обе отдали должное туалетам друг друга и немного посудачили о том, как вообще изящны, красивы и молоды они были.

Главной темой беседы тотчас стали рождественские покупки, и они проговорили о магазинах, распродажах и детишках вплоть до того момента, когда официант поставил перед ними бокалы с вином. Эбби заказала тушеного в сковороде зайца, а Кэй предпочла проверенное, надежное блюдо: спаржу с побегими папоротника.

- Какие у тебя планы на Рождество? - спросила она.

- Пока никаких. Хочется съездить к родителям в Кентукки, но, боюсь, Митч будет против. Я пару раз ему намекала, он даже ухом не повел.

- Ему по-прежнему не нравятся твои родители?

- Никаких перемен. Фактически мы и не говорим про них. Не знаю, можно ли тут что-нибудь сделать.

- Могу представить, какой осторожной тебе приходится быть.

- Да, и какой терпеливой. Они были не правы, но это все же мои родители. Больно, когда единственный мужчина, которого ты любишь, не выносит твоих родителей. Я каждый день молюсь о чуде, пусть маленьком.

- Тут, похоже, потребуется большое. Он что, так и работает, как мне рассказывает Ламар?

- Не думаю, чтобы кто-нибудь мог работать больше него. С понедельника по пятницу это восемнадцать часов в день, в субботу восемь, а поскольку воскресенье у него все же день отдыха, то он проводит на работе всего пять или шесть часов. В воскресенье немного времени резервируется для меня.

- Мне слышатся нотки усталости и безразличия?

- Усталость и безразличие, Кэй. Я была очень терпеливой, но ведь становится все хуже. Начинаю чувствовать себя вдовой. Я устала уже спать на кушетке, ожидая, когда он вернется.

- Чтобы накормить его и - в постель?

- Если бы. Он слишком устает для секса. Теперь для него это совершенно неинтересно. А ведь раньше его просто невозможно было успокоить. Могу сказать тебе, что, пока он учился в университете, мы по ночам едва ли не убивали друг друга любовью. Теперь - раз в неделю, да и то, если мне повезет. Он приходит, если есть силы, ест, и тут же падает в постель. Я считаю себя счастливой, когда он успевает сказать мне несколько слов перед тем, как заснуть. Я жутко изголодалась по нормальной беседе взрослых людей, Кэй. Семь часов в день я провожу с восьмилетними малышами и, наверное, скоро просто не выговорю слово больше чем из трех слогов. А когда я пытаюсь это объяснить ему, он уже храпит. Вы с Ламаром тоже прошли через все это?

- Да, что-то похожее. В течение первого года он работал по семьдесят часов в неделю. Наверное, они все так. Это как бы приобщение к братству. Обряд, в котором мужчина должен доказать, что он - мужчина. Но через год большинство из них успокаиваются и ограничивают себя шестьюдесятью-шестьюдесятью пятью часами. Конечно, они работают много, но все-таки перестают быть камикадзе, как в самом начале.

- Ламар тоже работает каждую субботу?

- Почти каждую, по несколько часов. Но по воскресеньям - никогда. На этом я смогла настоять. Конечно, когда они выбиваются из графика, или в период сбора налогов - тогда уж все работают сутками. Да, задал им Митч задачу.

- Он ничуть не сбавил темпа. Он просто одержимый. Иногда не приходит домой до рассвета. Придет, залезет под душ - и тут же назад, в офис.

- Ламар говорит, о нем уже легенды ходят. Эбби пригубила вино и посмотрела поверх металлических поручней, ограждавших приподнятую площадку, где они сидели, в сторону бара.

- Здорово. Я вышла замуж за легенду.

- Вы уже думали о детишках?

- Для этого нужен секс, не забывай!

- Брось, Эбби, не может быть все так плохо.

- Я еще не готова к детям. Не смогу быть одинокой матерью. Я очень люблю мужа, но в самый ответственный момент он, боюсь, вспомнит о каком-нибудь страшно важном совещании и оставит меня в рабочем положении ждать те несколько сантиметров его плоти, без которых ничего не выйдет. Он думает только о своей чертовой фирме.

Кэй осторожно положила свою ладонь на руку Эбби.

- Все будет нормально, - проговорила она с улыбкой, в глазах - сама мудрость. - Первый год всегда самый тяжелый, потом все будет намного проще, обещаю тебе.

Эбби улыбнулась.

- Прости меня.

Официант принес их заказ, они потребовали еще вина. Сковорода с тушеным зайцем едва слышно шипела, распространяя вокруг себя тонкий аромат чесночного соуса. Холодная вареная спаржа, лежавшая на широких листьях салата-латука, была обильно полита кетчупом.

Кэй положила кусочек в рот, пожевала и обратилась к подруге:

- Знаешь, Эбби, в фирме весьма приветствуют рождение каждого ребенка.

- Мне это безразлично. В данный момент я не люблю эту контору. Я вынуждена вступить с ней в соревнование, и пока я проигрываю. А посему меня уже не так интересует, чего им хочется. Свою семью я буду планировать сама. И вообще, мне непонятно, почему их так беспокоят вещи, не имеющие к ним ни малейшего отношения. Это место внушает мне страх, Кэй. Не могу сказать ничего более определенного, но люди в фирме пугают меня так, что мурашки по коже.

- Они хотят видеть своих юристов счастливыми в семье.

- А я хочу получить назад своего мужа. Они его у меня отбирают, поэтому наша семья не может быть счастливой. Если мне его вернут, может, мы и станем еще такими же, как все, и двор у нас будет полон ребятшек. Но только не сейчас.

Принесли вино, заяц уже остыл. Эбби принялась за него, делая иногда глоток вина. Кэй была занята подыскиванием более нейтральной темы для беседы.

- Ламар говорил, что месяц назад Митч летал на Кайманы?

- Да. Вместе с Эйвери он провел там три дня. Исключительно по делу, во всяком случае, так он говорит. Ты бывала там?

- Мы бываем там ежегодно. Это прекрасное место с дивными пляжами и теплой водой. Мы ездим туда в июне, когда заканчиваются занятия в школе. У фирмы там два больших бунгало, прямо на пляже.

- Митч хочет съездить туда со мной в марте, когда у нас будут весенние каникулы.

- Поезжайте обязательно. Пока мы не завели детишек, мы только и делали, что валялись на пляже, пили ром и занимались любовью. Собственно говоря, именно для всего этого, фирма и обустроивала эти бунгало. А если вам повезет, то и полетите вы

туда на самолете фирмы. Работают они все, действительно, много, но зато понимают необходимость хорошего отдыха.

- Не говори мне о фирме, Кэй. Я не хочу слышать о том, что им нравится, что не нравится, что они делают, а что нет, что поощряют, а что, наоборот, не поощряют.

- Дела пойдут на лад, Эбби, вот увидишь. Тебе нужно понять, что и твой, и мой мужья - отличные юристы, но таких денег они больше нигде не заработают. И мы с тобой сидели бы сейчас за рулем в лучшем случае нового "бьюика", а не "пежо" или "мерседеса".

Поддев кусочек мяса вилкой, Эбби возила им по донышку тарелки, размазывая чесночный соус. Отправив мясо в рот, отодвинула от себя тарелку. Бокал из-под вина был пуст.

- Я знаю, Кэй, я знаю это. Но в жизни есть гораздо более важные вещи, чем большой двор у дома и "пежо". А здесь, похоже, никто об этом и не подозревает. Клянусь, мне кажется, мы чувствовали себя более счастливыми, живя в двухкомнатной студенческой квартирке в Кембридже.

- Вы здесь всего несколько месяцев. Митч постепенно выпустит пар, и жизнь у вас войдет в нормальную колею. А уж потом появятся маленькие Макдиры, будут бегать по двору, и не успеешь ты оглянуться, как Митч станет компаньоном. Поверь мне, все очень скоро наладится. Просто у вас сейчас такой период, через который прошли мы все. И, как видишь, живы.

- Спасибо, Кэй. От души надеюсь, что ты права.

Парк был очень небольшим, два-три акра над речным обрывом. Две бронзовые фигуры и ряд пушек хранили вечную память о храбрецах-конфедератах, боровшихся за эту реку и этот город. Под памятником какому-то генералу и его коню прятался нищий. Картонная коробка и потрепанное одеяло служили слабой защитой от холода и замерзающих на лету мелких капелек дождя. Пятьюдесятью ярдами ниже по набережной Риверсайд-драйв несея вечерний поток автомашин. Темнело.

Митч подошел к ряду орудий и встал, глядя на реку, на пересекавшие ее мосты, которые соединяли два штата, Теннесси и Арканзас. Он застегнул куртку, поднял повыше воротник, посмотрел на часы. Он ждал.

Часть крыши Бендини-билдинга едва виднелась в шести кварталах отсюда. Митч оставил машину в центре, в гараже, а до реки добрался на такси. Он был уверен, что за ним никто не увязался. Он ждал. Дувший с реки ледяной ветер активизировал кровообращение, лицо Митча покраснелось. Ветер напомнил ему зимы в Кентукки, полные одиночества, когда родителей рядом уже не было. Холодные, печальные зимы. Тоскливые, полные отчаяния. Ему приходилось донашивать чужие пальто - подарки друзей или родственников, - никогда ему не было тепло в тех одеждах. Ношенные вещи. Усилием воли он отогнал от себя эти мысли.

Дождь со снегом перешел просто в мелкий снег, и крошечные льдинки застревали в его волосах, кружась, падали на землю. Еще раз он поднес к глазам руку с часами.

Послышались шаги, чья-то фигура возникла из сгущавшейся тьмы и стала приближаться к месту, где он стоял. На мгновение человек остановился, затем снова двинулся вперед, но гораздо медленнее.

- Митч? - Это был Эдди Ломакс, одетый в джинсы и длинное пальто на кроличьем меху. Усы и широкополая белая ковбойская шляпа делали его похожим на плакатное изображение подтянутого мужчины, рекламирующего популярные сигареты. Парень из страны Мальборо.

- Да, я.

Ломакс подошел ближе, теперь их разделяла только пушка. Стоя по ее бокам, мужчины походили на часовых, бдительно следящих за берегом реки.

- За вами никто не шел? - спросил Митч.

- Нет, не думаю. А вы?

- Тоже чист.

Митч следил взглядом за несущимися внизу автомобилями, затем повернул голову к реке. Ломакс засунул руки поглубже в карманы.

- Вы виделись в последнее время с Рэем? - услышал Митч его вопрос.

- Нет.

Ответ прозвучал очень кратко, как бы давая собеседнику понять, что он, Митч, пришел сюда, в эту слякоть, не для того, чтобы поболтать о том о сем.

- Что вам удалось узнать? - спросил он детектива. Ломакс закурил и превратился в настоящего парня из Мальборо.

- По трем юристам информации немного. Элис Наусс погибла в автокатастрофе в 1977 году. В полицейском рапорте говорится, что виновным признан пьяный водитель, но вот что странно: этого водителя так и не нашли. Произошло все в среду, около полуночи. Она допоздна работала у себя в кабинете, а потом села в машину и отправилась домой. Жила она на востоке от центра, в Сикамор-Вью; и примерно в миле от дома в нее врезался однотонный пикап. На Нью-Лондон-роуд. У нее был крошечный "фиат", он просто развалился на части. Свидетелей не оказалось. Когда приехала полиция, пикап уже был пуст, водителя и след простыл. По номерному знаку они установили, что машину угнали из Сент-Луиса тремя днями раньше. Ни отпечатков пальцев, ничего.

- Они искали отпечатки?

- Да. Я знаком с парнем, который как раз этим и занимался. Были всякие подозрения, но информации - ноль. А поскольку на полу кабины нашли разбитую бутылку виски, было решено, что это дело рук пьяного шофера, и дело благополучно закрыли.

- А медицинское освидетельствование?

- Оно не проводилось. Причина смерти была совершенно очевидна.

- Все это звучит подозрительно.

- Весьма. И остальные два - тоже. Роберт Лэмм отправился на оленью охоту в Арканзас. Он вместе с несколькими друзьями разбил свой лагерь на Озарских холмах, это округ Изард. Обычно они туда приезжали два-три раза в год, во время охотничьего сезона. Утром они все разошлись по лесам, а вернувшись в охотничий домик, обнаружили, что Лэмма нет. Его искали две недели и нашли в овраге, полузасыпанным листьями. Он был убит одиночным выстрелом в голову - это все, что они знают. Они сочли это за самоубийство, и ни у кого просто не возникло никаких причин потребовать назначить расследование.

- Значит, он был убит?

- По-видимому, да. Экспертиза установила, что пуля вошла в нижнюю часть черепа, выходного отверстия нет - снесена половина лица. Самоубийство исключается.

- Может, это был несчастный случай?

- Возможно. В него могла попасть пуля, предназначавшаяся оленю, но это весьма сомнительно. Нашли его довольно далеко от лагеря, в районе, который редко посещается охотниками. Друзья его утверждают, что не видели и не слышали никаких других охотников в то утро, когда он пропал. Я разговаривал с шерифом, теперь уже бывшим, он убежден, что это было убийство. Он считает, есть все основания утверждать, что тело было заброшено листьями совершенно сознательно.

- Это все?

- О Лэмме - да.

- А Микел?

- Грустная история. Покончил с собой в семьдесят четвертом году в возрасте тридцати четырех лет. Выстрелил себе в правый висок из "смит-и-вессона" калибра 0,357. Оставил длинное прощальное письмо, в котором выражал надежду, что бывшая жена простит его, и тому подобное. Попрощался с детьми и матерью. Все очень трогательно.

- Написано его рукой?

- Не совсем. Оно было напечатано, что само по себе не удивительно - он печатал все. В кабинете у него стояла "ИВМ-Селектрик", письмо напечатано на ней. А почерк у него был отвратительный.

- Что подозрительного здесь?

- Оружие. Никогда в жизни он не покупал оружия. Никто не знает, откуда оно у него взялось. Не зарегистрированное, без серийного номера. Один из его друзей говорил, что Микел якобы как-то сказал, что обзавелся револьвером для защиты. По-видимому,

добавил его друг, тот находился тогда в эмоционально неуравновешенном состоянии.

- А что вы думаете?

Ломакс бросил окурок в подернувшуюся ледком лужу у себя под ногами. Поднес руки ко рту, подышал на них, согревая.

- Не знаю. Не могу поверить, чтобы занимающийся налогами юрист, ничего не понимая в оружии, пошел бы и добыл себе пистолет, без всякой регистрации и даже без серийного номера. Если такому человеку, как он, требуется оружие, то чего проще: пойти в оружейную лавку, подписать какие-то там бумаги и стать владельцем новенькой блестящей вещицы. Его же пушке было по крайней мере лет десять, а номер уничтожен профессионалом.

- Полиция проводила расследование?

- В общем, нет. Дело открыли и закрыли.

- Письмо он подписал?

- Да, но я не знаю, кто удостоверил его подпись. С женой он был уже год как в разводе, она переехала в Балтимор.

Митч застегнул на куртке верхнюю пуговицу и стряхнул налипший на воротник лед. Мелкий снег усилился, на тротуаре он уже не таял. С дула пушки начали свисать крошечные сосульки. Движение по набережной замедлилось: колеса пробуксовывали, машины заносило.

- Так какое мнение у вас сложилось о нашей маленькой фирме? - задал вопрос Митч, глядя на уползающую в темноту реку.

- Опасное место для работы. За пятнадцать лет они потеряли пятерых юристов. Не очень-то это хороший показатель.

- Пятерых?

- Если считать Ходжа и Козински. У меня есть один источник, он утверждает, что и в деле с ними не на все вопросы получены ответы.

- Я не нанимал вас расследовать еще и это.

- А я и не требую с вас за это денег. Это уже мое личное любопытство.

- Сколько я вам должен?

- Шестьсот двадцать.

- Плачу наличными. И никаких записей, договорились?

- Годится. Я предпочитаю наличные. Митч повернулся к реке спиной и стал изучать взглядом высокие здания кварталах в трех от парка. Он уже замерз, но уходить не спешил. Ломакс краем глаза следил за ним.

- У вас какие-то проблемы, не правда ли? - обратился он к Митчу.

- Вы так думаете?

- Я бы не стал там работать. Я хочу сказать, что не знаю всего того, что знаете вы, и мне кажется, что вы знаете гораздо больше того, что говорите. Но ведь мы же стоим здесь, в этой мерзости, потому, что не хотим, чтобы нас видели. Мы не можем говорить по телефону. Не можем встретиться у вас в кабинете. А теперь вы не хотите встречаться и у меня в офисе. Вы уверены, что за вами постоянно следят. Вы говорите мне, чтобы я был осторожнее, берег свою задницу, так как и за мной тоже могут следить, кто бы они там ни были. В вашей фирме пять юристов погибли при весьма подозрительных обстоятельствах, а вы ведете себя так, как будто следующий в очереди - вы. Да, я бы все же сказал, что у ваг; проблемы. Серьезные проблемы.

- А что Тарранс?

- Это один из их лучших агентов. Переведен сюда около двух лет назад.

- Откуда?

- Из Нью-Йорка.

Пьяный нищий выбрался из-под бронзовой фигуры лошади и растянулся на тротуаре. Хрюкнув что-то, он поднялся, подобрал свою коробку и одеяло и заковылял по направлению к центру. Ломакс насторожился и проследил за ним встревоженным взглядом.

- Это всего лишь бродяга, - сказал Митч. Оба с облегчением вздохнули.

- От кого мы прячемся? - спросил Ломакс.

- Хотел бы я сам знать.

Эдди внимательно смотрел на его лицо.

- Мне кажется, что вы знаете. Митч молчал.

- Послушайте, Митч, вы не платите мне за то, что я сам втягиваюсь в вашу игру. Я понимаю это. Но все мои инстинкты подсказывают мне, что вы в беде. Думаю, вам нужен друг, кто-нибудь, кому бы вы могли доверять. Если у вас будет нужда, я смог бы быть вам полезным. Не знаю, от кого мы скрываемся, но уверен, что это опасные люди.

- Благодарю вас, - негромко ответил Митч, глядя в сторону так, как будто Ломаксу пора уже было уйти и оставить его здесь одного поразмышлять под дождем и снегом.

- За Рэя Макдира я готов прыгнуть в эту реку, и, уж конечно, я могу помочь его младшему брату.

Митч легонько кивнул, не произнеся ни слова. Ломакс закурил другую сигарету и носком своего щегольского ботинка стал ковырять лед.

- Звоните мне в любое время. И будьте осторожны. Они начали действовать и не остановятся ни перед чем.

16

В центре, на перекрестке Мэдисон и Купер-стрит, в старых, но отреставрированных заново двухэтажных зданиях были открыты небольшие бары, закусочные, сувенирные лавки и несколько неплохих ресторанов. Перекресток был известен под названием Овертон-сквер, он являлся средоточием ночной жизни Мемфиса. Театр и книжный магазин приносили сюда дыхание высокой культуры. По центру Мэдисон-стрит тянулась неширокая полоса деревьев. В конце недели здесь шумели студенты и моряки с кораблей ВМС, однако вечерами в будни здесь было тихо, рестораны хотя и полны, но не забиты до предела. "Полетта", изысканный французский ресторанчик, помещавшийся в сверкающем свежей штукатуркой здании, пользовался популярностью благодаря объемистой карте вин, оригинальным десертам и проникновенному голосу мужчины, сидевшего за "Стейнвеем". Столь желанный достаток принес с собой и коллекцию кредитных карточек, и супруги Макдир уже привыкли пользоваться своими, посещая по вечерам лучшие рестораны города. "Полетта" на данный момент времени оставался излюбленным местом.

Митч сидел в уголке бара, отпивал глоток за глотком кофе из чашечки и посматривал на входную дверь. Он пришел чуть раньше, как и собирался. Три часа назад он позвонил ей и спросил, успеет ли она к семи. Она захотела узнать, в чем дело, и он обещал ей объяснить это позже. С того дня на Кайманах он знал, что кто-то следует за ним по пятам, кто-то следит за ним, слушает его. На протяжении последнего месяца по телефону он разговаривал очень осторожно, несколько раз он ловил себя на том, что неотрывно смотрит в зеркало заднего вида и даже дома говорит, выбирая слова.

Кто-то подсматривает и подслушивает, в этом он был уверен.

Решительно распахнув дверь, с холода вошла Эбби и в поисках мужа повела головой. Они встретились у самого бара, Митч коснулся щекой ее лица. Эбби сняла пальто, и они проследовали за метрдотелем к небольшому столику. Такие же столики вокруг были полны народа, слышно было каждое сказанное слово. Митч посмотрел по сторонам, но других свободных мест не оказалось. Отпустив метрдотеля, он уселся напротив жены.

- По какому поводу? - подозрительно спросила Эбби, уже начавшая отвыкать от знаков внимания.

- Неужели нужно искать повод для ужина с собственной женой?

- Безусловно. Сегодня понедельник, сейчас всего семь вечера, а ты - не на работе.

Воистину это что-то поразительное.

Между столиками протиснулся официант, спросил, будут ли они пить, и если да, то что именно. Два бокала белого вина, ответил ему Митч и обведя глазами зал, успел заметить устремленный на него взгляд джентльмена, сидящего в одиночестве через пять столиков от них. Лицо его показалось Митчу знакомым, а когда он вновь скосил на мужчину глаза, то увидел, что тот уже уткнулся носом в меню.

- В чем дело, Митч?

Он взял ее руку в свою и нахмурил брови.

- Эбби, нам необходимо поговорить.

Ее рука чуть вздрогнула, улыбка пропала.

- О чем?

Он понизил голос.

- О чем-то очень серьезном.

Она сделала глубокий выдох и сказала:

- Может, дождемся вина? Оно мне, похоже, понадобится.

Еще раз Митч посмотрел на скрывающееся за меню лицо.

- Мы не можем говорить здесь.

- Тогда зачем мы сюда пришли?

- Слушай, Эбби, ты знаешь, где здесь туалетные комнаты, прямо через зал и направо, так?

- Да, знаю.

- В том конце зала есть боковой выход, он ведет на улочку позади ресторана. Я хочу, чтобы ты прошла в туалетную комнату, а оттуда через этот выход - на улицу. Я буду ждать тебя там, неподалеку.

Она слушала его молча; глаза сузились, брови сошлись к переносице, голова чуть наклонилась вправо.

- Верь мне, Эбби. Я все объясню позже. Встретимся, на улице и разыщем другое местечко, где можно поужинать. Здесь я разговаривать не могу.

- Ты меня пугаешь.

- Прошу тебя, - сказал он твердым голосом, продолжая держать ее за руку. - Все нормально. Я принесу твою пальто.

Она встала, подхватила свою сумочку и направилась в дамскую комнату. Немного повернув голову, Митч через плечо наблюдал за джентльменом со знакомым лицом, который вдруг неожиданно поднялся, приглашая за свой столик какую-то пожилую особу. Ухода Эбби мужчина не заметил.

На улочке позади "Полетты" Митч набросил пальто на плечи жены и махнул рукой куда-то на восток.

- Я все тебе объясню, - твердил он.

Пройдя метров сто, они свернули в сторону, миновали два высоких здания и оказались перед входом в "Бомбей Байсикл клуб", где был бар с кабинками на двоих, неплохая еда и группа музыкантов, наигрывавших блюзы. Митч высмотрел официанта, оглядел два небольших зальчика и указал на столик в самом дальнем углу.

- Вон там, - сказал он официанту.

Он уселся: спиной к стене и лицом к залу и входной двери. В углу был полумрак, стол освещался свечами. Они вновь заказали вина.

Эбби сидела совершенно неподвижно, следя за каждым его движением, и ждала.

- Ты помнишь такого Рика Эклина из Западного Кентукки?

- Нет, - ответила она, не пошевелив губами.

- Он играл в бейсбол и жил в общешитии. Думаю, ты его раз-другой встречала.

Привлекательный, с четкими чертами лица, способный студент. По-моему, он из Боулинг Грин. Особыми друзьями мы с ним не были, но друг друга знали.

Она отрицательно покачала головой и продолжала слушать.

- Ну, ладно. Он закончил на год раньше нас и отправился в юридическую школу в Уэйк Форесте. Сейчас он работает в ФБР. И работает здесь, в Мемфисе.

Он внимательно следил за выражением ее лица, стараясь заметить реакцию на "ФБР". Реакции не было никакой.

- И вот сегодня, - продолжал он, - я обедаю в забегаловке Облио на Фронт-стирт, и тут откуда ни возьмись заходит Рик и говорит мне: "Привет!" Ну как бы чистой воды случайная встреча. Мы проболтали несколько минут, и появляется еще один, по имени Тарранс. Подходит, садится. Уже второй раз этот Тарранс ловит меня с тех пор, как я сдал экзамен.

- Второй?..
- Да. С августа.
- Они... агенты ФБР?
- Да, со значками и прочим. Тарранс - опытный шпик из Нью-Йорка. Здесь он уже года два. Эклин - новичок, приехал месяца три назад.
- И чего же они хотят?

Принесли вино, Митч вновь оглянулся по сторонам. В противоположном углу тихонько наигрывали музыканты на небольшой сцене. В баре толпились хорошо одетые профессионалки, переговаривающиеся друг с дружкой и без устали хихикающие. Официант сделал знак в сторону забытого меню.

- Позже, - грубо отмахнулся Митч и после паузы заговорил опять: - Эбби, я не знаю, чего они хотят. Впервые я встретился с ними в августе, после того как мое имя было напечатано в газете в числе тех, кто прошел экзамен.

Он сделал глоток вина и детально, слово в слово повторил Эбби свою первую беседу с Таррансом в ресторанчике Лански, его предостережения относительно того, кому доверять, а кому нет, где говорить, а где лучше молчать. Рассказал он также и о встрече с Локом, Ламбертом и другими компаньонами, объяснил ей, почему, по их версии, ФБР так интересовалось фирмой, вспомнил, что обсуждал все это с Ламаром и после этого обсуждения поверил каждому произнесенному Локом и Ламбертом слову.

Эбби впитывала в себя услышанное, но пока еще удерживалась от вопросов.

- И вот сегодня, когда я, никому не мешая, поедаю свои сосиски с луком, входит этот парень, с которым я когда-то учился в колледже, и заявляет мне, что они, то есть ФБР, знают наверное, что мои телефоны прослушиваются, дом напичкан микрофонами и кто-то в здании фирмы "Бендини, Ламберт энд Лок" слышит каждый мой чих. Подумай-ка, Эбби, - ведь Рик Эклин был переведен сюда после того, как я сдал экзамен. Миленькое совпадение, а?

- Но что же они хотят?

- Они не говорят. Не могут пока сказать. Они хотят, чтобы я доверял им и все в этом роде. Не знаю, Эбби. Не имею ни малейшего понятия, за чем или за кем они гонятся. Но почему-то они выбрали меня.

- Ты сказал Ламару об этой встрече?

- Нет. Никому и ничего, кроме тебя. И не собираюсь говорить.

Она отпила из бокала.

- Наши телефоны прослушиваются?

- Если верить ФБР. Но откуда они сами могут знать?

- Там не дураки, Митч. Если бы мне ФБР сказало, что мои телефоны слушаются, я бы им поверила. Ты нет?

- Я не знаю, кому верить. Лок и Ламберт были так искренни и убедительны, когда объясняли мне, как фирма борется с происками Национального налогового управления и ФБР. Мне хочется им верить, но уж слишком много несоответствий. Давай посмотрим с такой стороны: допустим, у фирмы есть некий клиент, сомнительная личность, достойная внимания ФБР. Зачем же им в таком случае понадобился я, новичок, который знает меньше всех, для чего им меня преследовать? Что я знаю? Я работаю с делами, которые мне вручает кто-то другой. Своих клиентов у меня нет. Я делаю так, как мне говорят. Почему бы им не обратиться к кому-нибудь из компаньонов?

- Может, они хотят, чтобы ты поделился с ними информацией о клиентах?

- Это невозможно. Я юрист, и я приношу клятву не предавать интересы клиента. Все, что я знаю о клиенте, - в высшей степени конфиденциально. Фэбээровцы знают об этом. Никто и не может ждать от юриста, чтобы тот стал болтать о своих клиентах.

- Ты видел документы по каким-нибудь незаконным сделкам?

Митч хрустнул суставами пальцев, в который раз повел головой по сторонам. Улыбнулся. Вино было выпито и начинало понемногу действовать.

- Мне бы не следовало отвечать на этот вопрос, даже если задаешь его ты, Эбби. Но ответ будет "нет". Я работал по делам двадцати клиентов Эйвери плюс еще некоторые другие и нигде не обнаружил ничего внушающего подозрение. Может, несколько

рискованных налоговых прикрытий, но в любом случае ничего противозаконного. У меня есть некоторые вопросы по банковским счетам, что я видел на Кайманах, но и это не бог весть что.

Кайманы! Желудок Митча как бы завис в пустоте, когда он вспомнил девушку на берегу. Тошнота опять подступила к горлу.

Официант крутился рядом, посматривая не меню.

- Еще вина. - Митч указал ему на стаканы. Эбби подалась вперед, почти накрывая собою свечи, и обескураженно спросила:

- Ну хорошо, а кто же нас слушает?

- Если слушает, Эбби. Не знаю. В августе, на первой встрече, Тарранс убеждал меня в том, что этим занимается кто-то в фирме. Так я его, во всяком случае, понял. Он сказал, чтобы в фирме я никому не доверял и что все мною сказанное подслушивается и записывается. Мне кажется, он имел в виду фирму.

- И что сказал по этому поводу мистер Лок?

- Ничего. Я ничего ему не говорил. Кое о чем я умолчал, оставил это для себя.

- Значит, кто-то прослушивает наши телефоны и напичкал “жучками” наш дом?

- Автомобиль, может быть, тоже. Сегодня об этом долго распространялся Рик Эклин. Советовал не говорить в машине о том, что не предназначено для чужих ушей.

- Этому невозможно поверить, Митч. Почему юридическая фирма занимается такими вещами?

Он покачал головой, глядя на пустой стакан из-под вина.

- Не имею представления, детка. Ни малейшего.

Официант поставил на столик два новых бокала и встал, сложив руки за спиной.

- Вы будете что-нибудь заказывать? - не выдержал он.

- Через несколько минут, - ответила ему Эбби.

- Мы позовем вас, - добавил Митч.

- Ты веришь всему этому? - спросила она.

- Думаю, что-то в этом есть. Могу рассказать тебе продолжение истории.

Медленно она скрестила на столе руки и сидела так, слушая его с выражением бесконечного ужаса в глазах. Митч рассказал ей о Ходже и Козински, начав со встречи с Таррансом в ресторанчике Лански, о Кайманах, где обнаружил за собой слежку, и о беседе с Эбанксом, повторив ее чуть ли не дословно. Затем пришел черед Эдди Ломакса и загадочных смертей Элис Наусс, Роберта Лэмма и Джона Микела.

- У меня пропал всякий аппетит, - сказала Эбби, когда он закончил.

- Как и у меня. Но теперь, когда и ты знаешь, я чувствую себя лучше. - Почему ты молчал раньше?

- Надеялся, что все утрясется как-нибудь. Думал, Тарранс оставит меня и найдет кого-то другого. Но нет, он вцепился в меня. Поэтому-то и Эклина перебросили в Мемфис - тоже на меня. ФБР отобрало меня для какой-то миссии, о которой я абсолютно ничего не знаю.

- Мне становится дурно.

- Нам нужно быть очень осмотрительными, Эбби. Мы должны продолжать жить так, как будто ничего не подозреваем.

- Не верю. Сижу и слушаю тебя, но не верю тому, что слышу. Это же нереально, Митч. Ты соглашаешься жить в доме, нашпигованном микрофонами, где все телефоны прослушиваются и кто-то где-то сидит и слушает каждое наше слово?

- Ты можешь предложить что-нибудь иное?

- Да. Давай найдем этого Ломакса, и пусть он обследует наш дом.

- Об этом я уже думал. Ну, а если он что-то найдет? Подумай об этом. Если мы наверняка будем знать, что весь дом прослушивается? Что тогда? А что, если он вдруг повредит какой-нибудь из “жучков”? Тогда те, кем бы они, черт их побери, ни были, поймут, что мы знаем. Это слишком опасно, по крайней мере, сейчас. Может быть, позже.

- Но это же сумасшествие, Митч. Боюсь, теперь нам придется бежать из дома на задний двор, как только мы захотим поболтать.

- Вовсе не обязательно. Можем выйти и на газон перед домом.
- В данный момент я не в восторге от твоего чувства юмора.
- Извини. Слушай, Эбби, давай на время наберемся терпения и будем вести себя как ни в чем не бывало. Тарранс убедил меня, что он настроен серьезно, он теперь не оставит меня в покое. Остановить его я не могу. Он разыщет меня сам, помни об этом. Думаю, они будут следить за мной и устроят неожиданную встречу в засаде, типа сегодняшней. Пока для нас самое главное - жить, как и жили раньше.
- Раньше? Подумай сам, много ли мы с тобой говорим в доме последнее время? Мне их даже жалко становится, если они намереваются услышать что-нибудь важное. Да я больше с Херси разговариваю.

17

Снег сошел задолго до Рождества, оставив после себя мокрую землю и проложив дорогу традиционной для Юга зиме: низкому серому небу и холодным дождям. За прошедшие девяносто лет Мемфис видел всего две снежные зимы, и третья в этом столетии не ожидалась.

В Кентукки снег лежал, но дороги были чистыми. Эбби позвонила родителям на следующее утро после Рождества, уже упаковав свои вещи. Она сказала, что приедет, но одна. В ответ она услышала, что они разочарованы, что ей, может, лучше остаться, если отъезд вызовет какие-нибудь осложнения. Эбби стояла на своем. На машине это займет у нее всего десять часов. Движение сейчас небольшое, она доберется еще до темноты.

Митч был очень немногословен. Сидя на крыльце с утренней газетой в руках, он делал вид, что увлечен какой-то статьей, а она в это время загружала вещи в багажник. Херси прятался под стулом, как бы в ожидании взрыва. На кушетке лежали рождественские подарки: одежда, парфюмерия, альбомы и, для нее, - длинная шуба из лисьего меха. Впервые за все время женитьбы у них были деньги на достойную встречу Рождества.

Повесив шубу на руку, она подошла к газете.

- Ну, я поехала, - сказала она мягко, но с решимостью в голосе. Он медленно выпрямился и посмотрел на жену. - Жаль, что ты не можешь поехать со мной.
- Может, в следующем году. Это была ложь, и оба знали об этом. Но звучало это прилично. Как обещание.
- Будь осторожна.
- Присмотри за моим псом.
- У нас с ним все будет отлично.

Он обнял ее, поцеловал в щеку, затем осмотрел с ног до головы и улыбнулся. Как же красива она была! Намного красивее, чем в то время, когда они поженились. В свои двадцать четыре года она на них и выглядела, но эти прожитые годы только прибавили ей обаяния.

Они подошли к гаражу, он помог ей усесться в машину, и они вновь поцеловались. Задним ходом она выгнала "пежо" на подъездную дорожку и выехала на магистраль.

"Веселого Рождества!" - пожелал он самому себе.

- Веселого Рождества! - пожелал он собаке.

Через два часа, одурев от созерцания стен дома, он бросил в "БМВ" кое-какую, одежду, посадил Херси на переднее сиденье и выехал из города. Он отправился на юг по 55-му шоссе, к Миссисипи. Дорога была пустынная, но все же он поглядывал иногда в зеркальце заднего вида. Через каждые шестьдесят минут пес начинал скулить, и Митчу приходилось тормозить прямо на подъеме, в лучшем случае на верхушке холма. Там он находил какое-нибудь дерево или куст, откуда, спрятавшись, рассматривал проезжавшие мимо автомобили, в то время как Херси делал свои собачьи дела. Ни разу он не увидел ничего подозрительного. После пяти таких остановок он был абсолютно уверен, что за ним никто не следует. Видимо, они тоже решили отдохнуть на Рождество.

Через шесть часов он был в Мобайле, а еще через пару часов пересек залив у Пенсаколы и направил машину к Изумрудному берегу Флориды. Автострада 98 проходила через прибрежные городки Наварру, Форт Уолтон-бич, Дестин и Сандестин. Навстречу

летели жилые дома, мотели, длинные здания торговых центров, серые от скуки городки аттракционов, дешевые лавки, где торговали спортивными майками, и на всем этом сейчас лежала печать уныния и тоски. На смену городкам и постройкам приходили пустынные километры шоссе: ни перекрестков, ни пробок, только вызывающий оторопь вид пустынных белоснежных пляжей и сверкающие изумрудной зеленью воды залива. К востоку от Сандестина лента дороги сужалась, бежала в сторону от воды, и в течение часа ему пришлось тащиться по двухрядному шоссе, по сторонам которого не было ничего, кроме каких-то зарослей, попадавших то там то здесь автозаправочных станций и мелочных лавок.

В сумерках он спустился с высокого холма и увидел на обочине справа знак, предупреждающий, что до городского пляжа Панама-сити осталось всего восемь миль. Дорога снова вернулась на берег моря - в развилку, предлагавшую на выбор крюк в сторону от побережья или красочный маршрут по так называемой Полосе Чудес. Он выбрал последнее. Лента дороги на протяжении пятнадцати миль бежала вдоль полосы прибоя и была застроена бунгало, дешевыми мотелями, домиками на колесах, небольшими коттеджами, забегаловками и ресторанчиками, лавками с пляжной одеждой. Это и был пляж Панама-сити.

Подавляющее большинство бунгало и хижин стояли пустыми, но у некоторых из них виднелись автомобили, из чего он сделал вывод, что кое-кто все же проводил Рождество на пляже. Не очень-то морозное, правда, Рождество. Зато они все вместе, сказал себе он. Херси опять подал голос, и он остановил машину неподалеку от пирса, на котором сидели, судя поговору, приезжие из Пенсильвании, Огайо и Канады и ловили рыбу, всматриваясь в темные воды.

“БМВ” неторопливо двигался вперед по Полосе Чудес. Пес стоял на задних лапах, упираясь передними в дверцу и высунув морду в окно, и время от времени лаял на вспышки неона у какого-нибудь мотеля, хвастающегося своими доступными ценами. Рождество прикрыло на Полосе Чудес все заведения, за исключением, пожалуй, горстки неунывающих кофеен и дешевых мотелей.

Он притормозил, чтобы долить в бак бензина, у круглосуточной заправки “Тексако”, где служащий показался ему необычно дружелюбным.

- Сан-Луи-стрит? - обратился к нему Митч.

- Да-да, - с акцентом отозвался паренек, указывая куда-то рукой. - Второй поворот направо. Затем налево. Это и будет Сан-Луи.

Строения вокруг представляли собой никак не упорядоченное скопище древних домиков на колесах. На колесах, да, но было совершенно очевидно, что миновали многие годы с тех пор, когда эти обиталища в последний раз двигались. Дачки-прицепы стояли вплотную друг к другу, как костяшки домино. Узкие проезды между ними были забиты маленькими грузовичками-пикапами, разбитыми и старыми, и проржавевшей садовой мебелью. Весь квартал казался уставленным битыми, брошенными и - изредка - еще годными на что-то машинами. По бокам домиков стояли мотоциклы и велосипеды, и из-под каждого обитаемого прицепа торчали ручки газонокосилок. Надпись на табличке гласила, что это местечко называлось “Уединенный поселок Сан-Педро - полмили от Изумрудного берега”. Больше всего это походило на труппы на колесах или на уставленную вагончиками рабочих стройплощадку.

Он разыскал Сан-Луи-стрит и вдруг почувствовал себя неуверенно. Улица оказалась узкой и насквозь продуваемой ветром, домики-прицепы были еще меньше и в худшем состоянии, чем по соседству. Он медленно продвигался вперед, внимательно всматриваясь в номера домиков и удивляясь про себя обилию машин из самых разных штатов. Улица была абсолютно пуста, если не считать мертвых автомобилей.

Дом № 486 по Сан-Луи-стрит был одним из самых дряхлых и маленьких. Чуть больше, чем обыкновенная туристская палатка. Когда-то он был выкрашен в серебристый цвет, но краска давно растрескалась и начала осыпаться, отвратительная на вид плесень покрывала крышу и спускалась по стенкам до окон. Ставенки на окнах отсутствовали. Одно из стекол в верхней, выступающей вперед части прицепа змеилось трещинами, осколки удерживались серого цвета изолентой. Перед единственным входом над землей

едва поднималось крошечное крыльцо. Дверь была приоткрыта, и через неплотную ткань занавески Митч рассмотрел экран небольшого цветного телевизора и силуэт стоящего мужчины.

Это было совсем не то, что ему нужно. Волею судьбы он ни разу не встречался со вторым мужем своей матери, и сейчас время для встречи тоже было неподходящим. Он тронул машину с места, пожалев, что приехал.

На Полосе он обнаружил знакомый полосатый шатер над входом в “Холидэй Инн”. Отель, видимо, был пуст, но открыт. Убрав машину с проезжей части, он вошел и зарегистрировался под именем Эдди Ломакса из Дейнсборо, штат Кентукки. Расплатился наличными за номер с видом на морс.

В телефонной книге упоминались три “Вафельных домика”, расположенных на Полосе. Он развалился на кровати и набрал первый номер. Молчание. Набрал второй номер, попросил позвать к телефону Эву Эйнсворт. Ему сказали не вешать трубку. Он повесил. Было одиннадцать вечера, значит, он проспал часа два.

Такси потребовалось не меньше двадцати минут, чтобы добраться до “Холидэй Инн”; шофер тут же ударился в длинные объяснения того, как он сидел дома, наслаждаясь остатками индейки вместе с женой, детишками и родственниками, когда ему позвонил диспетчер и выдал заказ, а ведь сейчас Рождество, и он так надеялся пробыть весь день в семье и хотя бы раз в году позволить себе не думать о работе. Митч бросил ему на сиденье двадцатидолларовую бумажку и попросил успокоиться.

- Что тебе там понадобилось, в “Вафельном домике”, парень? - спросил водитель.

- Поезжай.

- Вафель захотелось, а? - Он захохотал и принялся бормотать себе что-то под нос.

Затем прибавил громкости радио, отыскал свою любимую станцию и стал насвистывать, высовываясь немного из окна. Потом ему это наскучило, он уставился в зеркальце на своего пассажира и задал новый вопрос:

- Что привело тебя сюда на Рождество?

- Я разыскиваю человека.

- Кого?

- Женщину.

- Как и все мы. Или у тебя что-то особенное?

- Это мой старый друг.

- И она сейчас в “Вафельнице”?

- Я так думаю.

- А ты не частный сыщик или вроде него?

- Нет.

- Что-то все это мне кажется подозрительным, ты темнишь.

- Почему бы тебе не заткнуться?

“Вафельный домик” представлял собой небольшое прямоугольное строение, смахивавшее на ящик. Внутри - десяток столиков и длинная стойка напротив гриля, в котором в этом заведении готовилось все. Одна из стен была почти из сплошного стекла, так что посетители могли любоваться Полосой и бунгало вдаль, ублажая себя вафлями с орехами и беконом. Небольшая автостоянка рядом едва вместила в себя такси: все места уже были заняты.

- Ты не собираешься выходить?

- Нет. Счетчик пусть работает.

- Парень, странно мне что-то.

- Тебе будет уплачено.

- Ну, твое дело.

Митч подался вперед, опершись руками о спинку переднего сиденья. Он принялся изучать посетителей ресторанчика, счетчик в это время тихонько пощелкивал. Таксист, сполз вниз по сиденью, только качал головой, с любопытством поглядывая на Митча.

В углу зала, рядом с автоматом по продаже сигарет, вокруг столика расположилась компания жирных туристов - в длинных рубахах, белоногих, в черных носках. Они пили кофе и говорили все разом, уставясь каждый в свою карточку меню. Их, по-видимому,

руководитель, сидевший в расстегнутой донизу рубашке, с тяжелой золотой цепью на заросшей курчавыми волосами груди, длинными серыми баками и в бейсбольной шапочке, все поглядывал в сторону гриля, пытаясь высмотреть официантку.

- Видишь ее? - спросил таксист.

Митч промолчал, еще больше наклонившись вперед и чуть изменившись в лице. Она появилась непонятно откуда и стояла уже у столика с карандашом и блокнотом в руках. Старший сказал что-то смешное, и толстяки за столом рассмеялись. Она же даже не улыбнулась, продолжая писать в блокноте. Выглядела она очень хрупкой и худенькой. А может, даже слишком худенькой. Ее форменный костюм - белый верх, черный низ - плотно облегал фигуру, подчеркивая линии маленькой груди. Серые волосы высоко подобраны и спрятаны под белоснежным беретом с надписью "Вафельный домик". Ей был пятьдесят один год, и на таком расстоянии ей вполне можно было дать этот возраст, но не больше. Выглядела она очень изящно. Приняв заказ, она забрала у туристов меню, сказала что-то вежливое, слегка улыбнулась им и исчезла. Потом вновь появилась, легко двигаясь между столиками, разливая кофе, подавая бутылочки с кетчупом и передавая заказы на кухню.

Напряжение ушло, Митч расслабился. Счетчик продолжал мерно тикать.

- Это она? - спросил его таксист.

- Да.

- Ну, и что теперь?

- Не знаю.

- Но мы же нашли ее, так?

Митч не спускал глаз с фигурки и молчал. Вот она налила кофе сидящему в одиночестве мужчине. Он произнес какую-то фразу, она улыбнулась. Мягкой, изящной улыбкой. Улыбкой, которую он видел тысячи раз, уставясь в темноте в потолок. Улыбкой его матери.

Легкий туман начал опускаться на землю, едва слышно зашуршали дворники, каждые десять секунд убиравшие влагу с ветрового стекла. Была почти полночь. Рождество.

Водитель ерзал у себя на сиденье и нервно барабанил пальцами по ободу руля. Он еще ниже сполз в кресле, начал вертеть ручку настройки, разыскивая какую-то мелодию.

- И долго мы будем здесь сидеть?

- Не долго.

- Ну и наказание!

- Тебе заплатят.

- Послушай, приятель, деньги это еще не все. Сегодня Рождество. У меня дома дети, родственники пришли, меня ждет индейка и вино, а я сижу здесь у этой "Вафельницы", жду, пока ты насмотришься на эту уже пожилую женщину.

- Это моя мать.

- Твоя кто?

- Ты меня слышал.

- Ну, приятель! Много я повидал на своем веку.

- Заткнись, а?

- О'кей. И ты не подойдешь поговорить с ней? Сегодня же Рождество, и ты нашел свою мамочку, тебе же нужно с ней встретиться, не так ли?

- Нет. Не сейчас.

Митч откинулся на спинку сиденья, посмотрел на темнеющий через дорогу пляж.

- Поехали.

На рассвете он натянул на себя джинсы и майку и, свистнув Херси, босиком отправился на прогулку по пляжу. Не спеша они продвигались на восток, туда, где над горизонтом растекалось оранжевое пятно нового дня. Волны лениво отползали метров на тридцать и так же неторопливо возвращались. Песок был прохладным и мокрым. Небо уже совершенно очистилось от облачности, и в воздухе стоял неумолчный гомон переругивавшихся между собою чаек. Херси мужественно бросался за откатывающейся волной и со страхом улепетывал, когда к нему приближался новый вал пены. Бесконечная полоса - граница песка и воды - требовала от домашнего пса пробуждения

его природных инстинктов, манила непреодолимо. Он на добрую сотню метров опередил хозяина.

Миля через две они приблизились к пирсу, массивной бетонной полосе, футов на двести уходящей от берега в океан. Херси, теперь уже совершенно бесстрашный, бросился обнюхивать ведро с наживкой, стоящее рядом с двумя неподвижными мужчинами, неотрывно смотревшими на поверхность воды. Митч, следуя за ним, дошел до конца пирса, где около десятка рыбаков сидели и время от времени переговаривались, наблюдая за поплавами. Пес прижался к ноге Митча и застыл. Из-за волн появился край солнечного диска, и на многие мили вперед водная гладь заблестала, на глазах меняя свой цвет с черного на зеленый.

Митч облокотился на металлические перила, подрагивая от порывов холодного ветра. На шероховатой поверхности бетона босым ногам было неуютно и зябко. По обе стороны от пирса вдоль берега тянулись отели и бунгало, тихие и мирные в ожидании дня. Пляж был пуст. Где-то вдалеке в воду уходил еще один бетонный язык.

Рыбаки обменивались фразами четкими и отрывистыми, как могут делать только жители северных штатов. Митч вслушивался в слова достаточно долго, чтобы уяснить себе, что рыба не клевала. Взгляд его, ни на чем не задерживаясь, скользил по волнам. Повернув голову куда-то на юго-восток, он думал о Кайманах и об Эбанксе. На мгновение в памяти всплыла девушка, но только на мгновение. Он поедет на Кайманы еще раз в марте, в отпуск, вместе с женой. К черту тот случай. Конечно, он никогда больше не увидит ее. Он будет нырять вместе с Эбанксом, они станут друзьями. Будут пить у него в баре “Хейникен” и “Ред Страйп” и говорить о Ходже и Козински. Он проследит за теми, кто следит за ним. Теперь у него был сообщник - Эбби. Она поможет ему.

Мужчина стоял в темноте около “линкольна” и ждал. Нервным движением поднес к лицу часы, посмотрел на циферблат, затем перевел взгляд на слабо освещенную пешеходную дорожку, которая у самого здания терялась из виду. Свет в окнах второго этажа погас. Минутой позже из дома вышел частный детектив и направился к автомобилю. Мужчина сделал два шага навстречу.

- Вы Эдди Ломакс? - с треногой в голосе спросил он.

Ломакс замедлил шаг, остановился. Они оказались лицом к лицу.

- Да. А вы кто?

На улице было холодно и сыро. Мужчина держал руки в карманах и подрагивал.

- Эл Килбери. Мне нужна помощь, мистер Ломакс. Дело мое совсем плохо. Я заплачу вас сейчас же, наличными, только назовите сумму. Помогите мне.

- Уже поздно, приятель.

- Прощу вас. У меня есть деньги. Скажите сколько. Вы должны мне помочь, мистер Ломакс.

Из левого кармана брюк он вытащил тугую пачку банкнот и, держа ее в руке, был готов начать отсчитывать деньги.

Ломакс посмотрел на купюры, обернулся, бросил взгляд через плечо.

- Что у вас стряслось?

- Жена. Через час она должна встретиться со своим любовником в мотеле в Южном Мемфисе. Я знаю номер комнаты и все прочес. Мне нужно, чтобы вы поехали со мной и сделали снимки: как они приходят и уходят.

- Откуда вам это стало известно?

- Я поставил “жучки” в телефоны. Они вместе работают, и я их заподозрил. Я состоятельный человек, мистер Ломакс, я должен выиграть дело о разводе. Готов заплатить вам тысячу долларов немедленно.

Он тут же отсчитал десять бумажек и протянул их Ломаксу.

Эдди принял деньги.

- Хорошо. Сейчас я схожу за своей камерой.

- Пожалуйста, поторопитесь. Я плачу наличными, так? Не надо никаких записей.

- Меня это устраивает, - ответил Ломакс и зашагал к дому.

Через двадцать минут “линкольн” медленно вползал на переполненную стоянку у “Дэйс Инн”. Килбери указал ему на окна комнаты на втором этаже, а затем на свободное

местечко рядом с седаном “шевроле”. Эдди, осторожно пятясь, поместил машину чуть ли не вплотную к “шевви”. Еще раз Килбери указал ему на окна, еще раз сверился со своими часами, еще раз напомнил Ломаксу, как он ценит его услуги. Эдди подумал о деньгах: тысяча долларов за два часа работы. Недурно. Он вытащил фотоаппарат, зарядил пленку, проверил выдержку и диафрагму. Килбери нервно следил за его манипуляциями, глаза его метались от камеры к окнам комнаты на втором этаже. На него было больно смотреть. Он начал говорить о своей жене, о том, как ладно они жили. Почему, ну почему ей было нужно связываться с тем типом?

Ломакс слушал его и не сводил глаз с ряда машин, стоявших перед ним. В руках он держал камеру.

Дверцы стоявшего рядом “шевроле” он не замечал. Дверца эта медленно и бесшумно приоткрылась всего в трех футах позади него. Мужчина в черном свитере с высоким воротником и в черных перчатках сидел скрючившись в “шевроле” и ждал. Когда на автостоянке наступила полная тишина, он прыжком выскочил из машины, рванул на себя левую заднюю дверцу “линкольна” и трижды выстрелил в беззащитный затылок Эдди. Глушитель на стволе не дал звукам выстрелов вырваться наружу.

Эдди Ломакс навалился на руль. Он был мертв. Килбери выбрался из “линкольна”, пересел в “шевроле” и вместе с убийцей укатил в ночь.

18

После трех дней изгнания из своих келий, дней, которые невозможно поставить в счет, дней, полных рождественской индейки, ветчины и клюквенного соуса, отдохнувшие и помолодевшие юристы фирмы “Бендини, Ламберт энд Лок” возвратились в свою крепость на Фронт-стрит, горя желанием мстить. Мстить праздности, оторвавшей их от самого святого - от работы. К половине восьмого утра стоянка рядом со зданием была плотно уставлена машинами. С привычным комфортом расположившись за своими тяжелыми столами, люди галлонами поглощали кофе, размышляли над деловой перепиской и документами, яростно и неразборчиво бормотали в свои диктофоны. Лающими голосами отдавали приказы секретаршам, клеркам, младшему персоналу, лаяли друг на друга. Можно, конечно, было услышать вежливое “Как Рождество?” в коридорах или около кофеварок, но такая ни к чему не обязывающая болтовня считалась дешевой, к счету ее не подобишь. Стрекот пишущих машинок, телефонные звонки, голоса секретарш - все сливалось в победный рокот чеканящего свою звонкую продукцию монетного двора, освободившегося наконец от цепких чар Рождества. Оливер Ламберт шел по коридорам и с удовлетворением улыбался, вслушиваясь в мощное крещендо крепнущего с каждым часом благосостояния фирмы.

В полдень Ламар вошел в кабинет и склонился над столом - Митч с головой ушел в изучение условий сделки по нефти и газу в Индонезии.

- Пообедаем?

- Нет, спасибо. Я выбился из графика.

- Как и все мы. Я-то думал, мы сбегает в ресторанчик на Фронт-стрит, перехватим чего-нибудь поострее.

- Я воздержусь. Спасибо.

Ламар скосил глаза на дверь, наклоняясь ниже к Митчу с таким видом, будто хотел сообщить ему нечто исключительной важности.

- Ты ведь помнишь, какое сегодня число?

Прежде чем ответить, Митч все же посмотрел на часы.

- Двадцать восьмое.

- Именно. А ты знаешь, что происходит каждый год в двадцать восьмой день декабря?

- Ты опорожняешь кишечник?

- Да. А что еще?

- Хорошо, я сдаюсь. Что еще?

- Сейчас, в это самое время, все компаньоны сидят на пятом этаже в столовой, готовясь отобедать жареной уткой и французским вином.

- Вином? В обед?

- Да. Это чрезвычайный случай.

- Ну-ну?

- Они будут обедать час. А потом, когда Рузвельт и Джесси Фрэнсис уйдут, Ламберт запрет дверь. Соберутся все компаньоны. Только компаньоны, видишь ли. И Ламберт подведет финансовый итог года. Прозвучит имя каждого компаньона и общая сумма заработанных им для фирмы денег. Затем будет названа сумма чистой прибыли фирмы, оставшейся после вычета всяких издержек. Затем они поделают весь пирог с учетом вклада каждого компаньона.

Митч был весь внимание.

- И?

- И в прошлом году средний кусок пирога весил триста тридцать тысяч долларов. Предполагают, что в этом году он будет еще весомее. Пирог увеличивается из года в год:

- Триста тридцать тысяч, - медленно повторил Митч.

- Да. Это в среднем. Лок получит что-то около миллиона, Виктор Миллиган - чуть поменьше.

- А что слышно насчет нас?

- Нам тоже отрежут по кусочку. По маленькому. В прошлом году это составило около девяти тысяч, в среднем. Зависит от того, как долго ты здесь работаешь, и от твоих показателей.

- Можно нам пойти и посмотреть?

- На это зрелище они не продали бы билет и президенту. Считается, что они проводят секретное совещание, но в фирме давно уже все знают об этом. После обеда информация уже начнет просачиваться.

- Когда происходит голосование? Я имею в виду, когда они будут выбирать в новые компаньоны?

- При прочих нормальных условиях это должно произойти сегодня. Но, как говорят, в этом году нового партнера может и не быть - из-за Марта и Джо. По-моему, первым на очереди стоял Марти, а за ним шел Джо. Так что теперь они могут год-другой подождать.

- А кто следующий в списке?

Ламар выпрямился и гордо улыбнулся.

- Ровно через год, начиная с сегодняшнего дня, мой друг, я стану компаньоном фирмы "Бендини, Ламберт энд Лок". Следующий в списке - я; так что не становись у меня на пути!

- А я слышал, что это будет Мэссинджил, выпускник Гарварда, кстати говоря.

- У Мэссинджила нет ни шанса. Я намерен следующие пятьдесят две недели закрывать счета по сто сорок часов еженедельно, и эти птички сами слетятся ко мне, чтобы умолить меня стать их компаньоном. Я переберусь на четвертый этаж, а Мэссинджил - в подвал, к клеркам.

- А я бы поставил на Мэссинджила.

- Он зануда. Я загоню его под землю. Пойдем съедим чего-нибудь, и я раскрою тебе свой замысел.

- Спасибо, но мне нужно работать.

С важным видом Ламар вышел из кабинета, прошел мимо Нины, которая несла пачку бумаг. Она положила их на расчищенный угол своего стола.

- Иду обедать. Вам прихватить что-нибудь?

- Нет. Спасибо. Да, банку диетической коки. Во время обеда гул в коридорах смолкал: секретарши бежали по лестницам и направлялись куда-нибудь в центр - в небольшое кафе или закусочную неподалеку. И пока сильные мира сего были заняты на пятом этаже подсчетом своих богатств, ласковый шум печатного станка чуть стихал.

На столе у Нины Митч увидел яблоко, схватил его, потер ладонью. Открыл справочник с последними документами Национального налогового управления, положил его на копировальную машину позади стола и нажал на зеленую кнопку "ПЕЧАТАТЬ". Тревожно вспыхнула красная лампочка, высвечивая надпись:

"СООБЩИТЕ НОМЕР ПАПКИ". Митч отступил на шаг и посмотрел на аппарат. Да, это

была новая модель. Рядом с кнопкой “ПЕЧАТАТЬ” была другая, с надписью “ОБХОД”. Митч ткнул ее пальцем. Из недр машины вырвался пронзительный вой сирены, и целая панель лампочек запылала красным. Митч беспомощно крутил головой из стороны в сторону, не видя никого вокруг. В состоянии близком к помешательству он схватил руководство по эксплуатации.

- Что здесь происходит? - услышался сквозь стенания машины чей-то требовательный голос.

- Не знаю, - завопил Митч, размахивая руководством.

Лела Пойнтер, секретарша слишком уж солидного возраста для того, чтобы покидать здание ради обеда, приблизилась сзади к машине и выключила сирену.

- Какого черта! - выругался Митч с тяжелым вздохом.

- Вам что, ничего не сказали? - тем же строгим голосом спросила она, выхватывая у него руководство и укладывая его на прежнее место. Глаза ее так и сверлили Митча, впечатление, было такое, что она застала его копающимся в ее сумочке.

- Видимо, нет. А в чем дело?

- У нас теперь новая система копирования документов, - протяжным голосом в нос начала она читать ему лекцию. - Ее установили на следующий день после Рождества. Прежде чем начать копирование, мы должны сообщить машине номер папки, из которой вы берете документ. Ваша секретарша должна была вам все объяснить.

- Вы хотите сказать, что эта штука не будет работать, пока я не впихну в нее номер из десятка цифр?

- Совершенно верно.

- А как насчет вообще копий, если это не документ из дела?

- Это сделать невозможно. Мистер Ламберт говорит, что у нас слишком много денег уходит на копии, которые все делают бесплатно. Так что теперь каждая копия автоматически ставится в счет, предъявляемый клиенту. Сначала вы набираете номер папки или дела вашего клиента. Машина сама подсчитывает количество копий и отправляет всю информацию на главный терминал, а там она включается в общий счет клиента.

- А копия для себя лично?

Лела покачала головой с видом полного недоумения.

- Просто не могу поверить, что ваша секретарша вам всего этого не объяснила.

- Нет, не объяснила, но почему бы вам не помочь мне?

- У вас есть ваш личный четырехзначный номер. В конце месяца вам будет выписан счет за те копии, что вы сделали для себя.

Митч смотрел на машину и только качал головой.

- А для чего чертова сирена?

- Мистер Ламберт говорит, что через тридцать дней сирену отключат. Сейчас же она необходима - для таких, как вы. Он очень озабочен этим. Говорит, что на бесплатных копиях мы теряем тысячи.

- Понятно. Видимо, в здании заменены все копирующие машины?

Она удовлетворенно улыбнулась.

- Да. Все семнадцать.

- Благодарю вас.

Митч вернулся в кабинет, чтобы найти номер папки.

К трем часам пополудни празднество на пятом этаже подошло к радостному завершению. Компаньоны, ставшие более богатыми и менее трезвыми, неторопливо покидали столовую и спускались в свои кабинеты. Эйвери, Оливер Ламберт и Натан Лок, сделав только несколько шагов, подошли к глухой бетонной стене и остановились перед дверью. Де Вашер их уже ждал.

Он указал вошедшим рукой на кресла, приглашая, таким образом, сесть. Ламберт пустил по кругу ящичек со скрученными вручную сигарами. Все закурили.

- Я вижу, у вас праздничное настроение. - На лице Де Вашера была ухмылка. - Ну и как? В среднем триста девяносто тысяч?

- Именно так, Де Вашер, - ответил Ламберт. - Год был очень хорошим.

Он выдохнул немного дыма и теперь оставшийся выпускал кольца к потолку.

- И Рождество все справили чудесно?
- Куда ты клонишь? - требовательно спросил Лок.
- Счастливого тебе Рождества, Нат. Всего пара вопросов. Два дня назад я виделся с Лазаревым в Новом Орлеане. Он не отмечает день рождения Христа, вы знаете об этом. Я объяснил ему складывающуюся у нас здесь ситуацию, сделав, в частности, упор на Макдира и ФБР. Я уверил его в том, что после первой встречи с Таррансом других контактов не было. Он не очень этому поверил и предупредил, что сверится со своими источниками внутри Бюро. Не знаю, что это может значить, но кто я такой, чтобы задавать ему вопросы? Он предложил мне не спускать с Макдира глаз двадцать четыре часа в сутки на протяжении следующих шести месяцев. Я ответил ему, что мы, в общем-то, так и делаем. Ему вовсе не нужно повторения того, что было с Ходжем и Козински. Тогда это его весьма огорчило. Отныне Макдир не может покинуть город по делам фирмы без того, чтобы по крайней мере двое наших людей не следовали за ним по пятам.

- Через две недели он едет в Вашингтон, - сказал Эйвери.
- Это еще зачем?
- В Институт налогообложения. Он должен будет присутствовать на четырехдневном семинаре, мы требуем этого от каждого нового сотрудника. Ему говорили об этом уже давно, и, если сейчас он получит отказ, он может что-нибудь заподозрить.
- Место там для него было заказано еще в сентябре, - добавил Олли.
- Посмотрю, можно ли будет это уточнить с Лазаревым. Мне нужны даты, номера рейсов, номера в гостиницах. Ему это не понравится.
- Что случилось на Рождество? - спросил Лок.
- Ничего особенного. Его жена отправилась к своим родителям в Кентукки, она все еще там. Макдир вместе с собакой отправился во Флориду, на пляж Панама-сити. Похоже, ездил проведать мамочку, но мы в этом не уверены. Провел ночь в "Холидэй Инн", что на берегу. Только он и собака, больше никого. Скука. После этого он поехал в Бирмингем, где остановился тоже в "Холидэй Инн". Вчера утром он был в "Браши Маунтин", виделся с братом. Вполне безобидная поездка.
- Что он сказал жене? - задал вопрос Эйвери.
- Ничего, насколько можно об этом судить. Довольно трудно слышать каждое слово.
- Кто еще у вас над наблюдением? - Это вновь был Эйвери.
- Мы слушаем их всех время от времени. Подозреваемых, кроме Макдира, нет, да и он-то главным образом из-за Тарранса. Сейчас все спокойно.
- Он должен поехать в Вашингтон, До Вашер, - настойчиво напомнил Эйвери.
- О'кей, о'кей. Я уточню это с Лазаревым. Увидите, он заставит нас послать еще пять человек за ним приглядывать. Ну и идиот.

Принадлежавший Эрни бар "Аэропорт" действительно находился рядом с аэропортом. Митч разыскал его с третьей попытки. Он втиснул свою машину между двумя какими-то болотоходами с засохшей грязью на шинах и фарах. Стоянка была полна подобными агрегатами. Осмотревшись по сторонам, Митч прямо-таки инстинктивно снял галстук. Было почти одиннадцать. Бар представлял собой длинное темное помещение, в глубине которого ярко светились таблички с названиями сортов пива.

Он еще раз посмотрел на записку, просто чтобы увериться.

"Дорогой мистер Макдир,

Пожалуйста, приезжайте в бар Эрни на Винчестер-роуд сегодня вечером, попозднее. Мне нужно с вами встретиться по поводу Эдди Ломакса. Это очень важно. Тэмми Хэмфил, его секретарша".

Он обнаружил записку на двери кухни, когда вернулся домой. Вспомнил ее он сразу, хотя видел только однажды, во время визита в офис Ломакса еще в ноябре. Вспомнил обтягивающую кожаную юбку, ошеломляющую грудь, обесцвеченные химией волосы, ярко-красный рот и табачный дым, окутывавший ее всю. Вспомнил он и историю с ее мужем, Элвисом.

Дверь легко повернулась на петлях, и он проскользнул внутрь. Левую часть помещения занимал ряд сдвоенных столов. Сквозь мрак и клубы дыма он рассмотрел в глубине

небольшую площадку для танцев. Справа находилась длинная стойка бара, вдоль которой сидели настоящие ковбои и их подруги, и все как один из горлышек больших бутылок пили пиво “Будвайзер”. На его приход никто не обратил внимания. Быстро пройдя к стойке бара, он опустился на высокий табурет.

- Бутылку “Буда”, - обратился он к бармену. Тэмми он увидел раньше, чем перед ним поставили пиво. Она сидела на длинной скамье, идущей вдоль столов. На ней были вареные джинсы в обтяжку, рубашка из потертой джинсовой ткани и ярко-красные туфли на высоком каблуке. Свежеобесцвеченные волосы поблескивали.

- Спасибо за то, что пришли, - сказала она ему. - Я сижу и жду здесь уже четыре часа. Другого способа встретиться с вами я не придумала.

Митч наклонил голову и улыбнулся, как бы говоря:

“Все нормально, вы сделали правильно”.

- Ну, что случилось? - спросил он. Она обвела взглядом бар.

- Нам необходимо поговорить, но только не здесь.

- Что вы предлагаете?

- Может, поедем где-нибудь здесь рядом?

- Можно. Только не в моем автомобиле. Это, ну, как бы сказать, было бы не самым удачным решением.

- У меня есть машина. Правда, старая, но сойдет.

Митч расплатился за пиво и последовал за ней к дверям. Человек в одежде ковбоя, сидевший у двери, заметил:

- Вы только посмотрите! Входит парень в костюме и через полминуты выходит уже с девушкой.

Митч улыбнулся и поспешил прочь. Сгорбившись, в ряду огромных землеройных машин стоял дряхленький “фольксваген”-жук. Она открыла дверцу ключом, Митч сложился вдвое и протиснулся на потертое сиденье. Пять раз пришлось ей нажать на педаль акселератора и повернуть ключ, Митч даже задержал дыхание. Наконец мотор завелся.

- Куда бы нам отправиться? - спросила она. “Туда, где нас бы не видели”, - подумал Митч и сказал:

- Вам виднее.

- Вы женаты, да?

- Да. А вы?

- Замужем, и мой муж отказался бы понять, что сейчас здесь происходит. Поэтому-то я и выбрала этот сарай. Мы тут никогда не бываем.

Прозвучало это так, как будто она вместе с мужем была непримиримым противником сидящей в баре деревенщины.

- Не думаю, что и моя жена с готовностью приняла бы эту ситуацию. Хотя ее сейчас нет в городе.

Тэмми правила в сторону аэропорта.

- Мне пришла в голову мысль. - Пальцы ее вцепились в руль, голос звучал нервно. - Ну, говорите.

- Вы ведь слышали об Эдди.

- Да.

- Когда вы видели его последний раз?

- Мы встретились дней за десять до Рождества. Это было нечто вроде конспиративной встречи.

- Так я и думала. Он не делал никаких записей по тому делу, что вел для вас. Сказал, что вы так хотите. Он вообще сказал мне очень немного. Но мы с Эдди... мы, ну... мы были с ним близки.

Митч не знал, что сказать.

- Я имею в виду, очень близки. Вы меня понимаете?

Митч ухмыльнулся и хлебнул пива из горлышка бутылки.

- И он иногда говорил мне то, что, по-видимому, говорить был не должен. Он сказал, что ваш случай действительно загадочный, что несколько юристов из вашей фирмы погибли при довольно-таки подозрительных обстоятельствах. И что вы считаете, что за

вами постоянно следят и слушают ваши телефоны. Для юридической фирмы все это очень странно.

“Вот тебе и конфиденциальность, - подумал Митч. - Вот так-то”.

На подъезде к аэропорту она свернула, направляясь на огромную стоянку.

- И после того, как он закончил ваше дело, он сказал мне однажды - однажды! - в постели, что за ним, как ему кажется, следят. Это было за три дня до Рождества. Я спросила его - кто? Он ответил, что не знает, но упомянул о вашем деле и сказал, что, возможно, это как-то связано с теми людьми, что следят за вами. В общем-то, он сказал немного.

Она остановила машину на стоянке у здания аэропорта.

- До этого за ним следил кто-нибудь?

- Никто. Он был хорошей ищейкой и следов не оставлял. То есть, я хочу сказать, что он был бывшим полицейским и бывшим заключенным. Очень ловок в уличной суете. Ему платили за то, чтобы он следил за людьми и собирал всякую грязь. Но за ним не следил никто. Никогда.

- Так кто же его убил?

- Тот, кто его выследил. Газеты подали дело так, что он якобы шантажировал какого-то состоятельного ловкача и тот нашел на него управу. Но все это ложь.

Из ниоткуда она вдруг вытащила длинную сигарету с фильтром, щелкнула зажигалкой. Митч опустил вниз стекло.

- Вы не будете возражать? - спросила она.

- Нет, только выдыхайте туда. - Он указал на окно.

- Как бы то ни было, я боюсь. Эдди был убежден в том, что люди, которые следуют за вами, чрезвычайно опасны и чрезвычайно ловки. Очень хитроумны, вот как он сказал. И если эти люди убили его, то как теперь быть со мной? Вдруг они думают, что я знаю что-то. Я не была в офисе с того самого дня, как его убили. И не собираюсь идти туда.

- На вашем месте и я бы не пошел.

- Не так уж я глупа. Я работала на него два года и кое-чему научилась. Разных ловчил повидала достаточно.

- Как он был застрелен?

- У него был друг в отделе убийств, он рассказал мне по секрету, что Эдди был убит тремя выстрелами в затылок, почти в упор, из оружия двадцать второго калибра. И никаких улик. Еще он сказал мне, что это была очень чистая, профессиональная работа.

Митч допил пиво и положил бутылку на пол кабины, где перекачивалось штук пять пустых пивных банок. Очень чистая, профессиональная работа.

- Это какая-то бессмыслица, - повторила она дважды. - Ну как мог кто-то пробраться за его спину, спрятаться на заднем сиденье и трижды выстрелить ему в голову? А ведь он даже не собирался туда ехать.

- Может, он заснул, и его застали врасплох?

- Нет. Когда ему приходилось работать поздно ночью, он старался закончить все как можно быстрее, в такие моменты он всегда был очень возбужден.

- В конторе есть какие-нибудь записи?

- Вы имеете в виду - по вашему делу?

- Да, обо мне.

- Сомневаюсь в этом. Я, во всяком случае, никаких записей не видела. Он говорил, что вы так хотели.

- Это правда. - Митч почувствовал облегчение. Они сидели и следили за взлетом “Боинга-727”. От рева двигателей земля, казалось, дрожала.

- Я действительно боюсь, Митч. Могу я звать тебя Митч?

- Конечно, почему бы нет?

- Я думаю, что его убили за ту работу, что он выполнил для тебя. Это единственное, что можно предположить. И если его убили за то, что он что-то узнал, то, возможно, они посчитают, что и я тоже кое-что знаю. Как ты думаешь?

- Не хочу строить догадки.

- Я могла бы скрыться на время. Мой муж подрабатывает в ночном клубе, и при

необходимости нам не составит труда сняться с места. Я ни о чем этом ему не говорила, но думаю, что придется. Как ты на это смотришь?

- Куда вы направитесь?

- Литл Рок, Сент-Луис, Нэшвилл. Он сейчас без работы, поэтому мы можем где-нибудь покрутиться, я думаю.

С этими словами она сделала последнюю затяжку и тун же прикурила новую сигарету.

Очень чистая, профессиональная работа, повторил про себя Митч. Он посмотрел на Тэмми и увидел слезинку на ее щеке. Тэмми не была уродиной, но годы в барах и ночных клубах начинали брать свое. Черты ее лица были правильными, и, если бы не цвет волос и избыток косметики, ее даже можно было бы назвать привлекательной для со возраста. Ей где-то около сорока, подумал Митч.

Она сделала чудовищную затяжку, из всех щелей “фольксвагена” потянулись струйки дыма.

- Сдается мне, Митч, что мы с тобой в одной лодке. То есть они идут и по твоему, и по моему следу. Они убрали тех юристов, потом Эдди, и теперь приходит наш черед.

Не копи это в себе, девочка, выкладывай, станет легче.

- Послушай, - сказал он, - давай сделаем так. Нам нужно поддерживать связь. Звонить ты мне не можешь, и нельзя, чтобы нас видели вместе. Моя жена в курсе всего происходящего, я расскажу ей и об этой нашей с тобой встрече. За нее не беспокойся. Пиши мне раз в неделю и сообщай, где ты находишься. Как имя твоей матери?

- Дорис.

- Хорошо. Это будет и твоим именем. Любые свои послания мне подписывай “Дорис”.

- Они и почту твою читают?

- Может быть, Дорис, может быть.

19

В пять часов дня Митч выключил у себя в кабинете свет, подхватил оба чемоданчика и остановился перед Нининым столом. Она печатала на машинке, каким-то удивительным образом прижимая телефонную трубку плечом к уху. Увидев Митча, она сунула руку в ящик стола и извлекла оттуда конверт.

- Это ваша бронь в отель “Кэпитал Хилтон”, - сказала она в трубку.

- Диктовка у меня на столе, - в свою очередь проинформировал ее Митч. - До понедельника!

По лестнице он поднялся на четвертый этаж в занимаемый Эйвери угловой кабинет, где разворачивалась очередная баталия. Одна из секретарш укладывала папки в объемистый чемодан. Другая повышенным тоном говорила что-то Эйвери, который тоже не очень сдерживал себя, брызгая слюной в телефонную трубку. Какой-то тип из младшего персонала приказным голосом обращался к первой секретарше.

Эйвери с размаху опустил телефонную трубку.

- Готов? - обрушился он на Митча.

- Жду, - коротко ответил тот.

- Не могу найти папку Гринмарка, - пробрюзжала секретарша типу.

- Она была рядом с папкой Роккони, - ответил тот.

- Мне не нужен никакой Гринмарк! - заорал Эйвери. - Сколько раз вам повторять?! Вы что, оглохли?!

Секретарша уперлась взглядом в Эйвери.

- Нет, я слышу очень хорошо. Я ясно слышала, как вы сказали: “Упакуйте дело Гринмарка”.

- Лимузин ждет вас, - вступила другая секретарша.

- Мне не нужен чертов Гринмарк!

- А Роккони? - спросил тип.

- Да! Да! Уже десятый раз говорю: да, мне нужен Роккони!

- И самолет тоже вас ждет, - напомнила все та же женщина.

Один чемодан захлопнули и кое-как наконец закрыли. Эйвери копался в грудe бумаг у

себя на столе.

- Где дело Фендера? Где вообще все мои папки? Почему я никогда ничего не могу найти?

- Фендер у меня, - сказала первая секретарша, втискивая папку в чемоданчик.

Эйвери уставился в листок бумаги, который он держал в руках.

- Отлично. Итак, у меня здесь Фендер, Роккони, "Кэмбридж Партнере", "Грин Груп", переписка Сонни Кэппса и Отаки, "Бсртон Бразерс", Галвестон Фрейт и Маккуэйд?

- Да, да, да, - подтвердила первая.

- Все они здесь, - поддержал ее тип.

- Не верю. - Эйвери подхватил свой пиджак. - Пошли!

Он вынес свое тело из кабинета, сопровождаемый Митчем, секретаршами и типом. Два чемоданчика нес Митч, два тащил тип, один был в руке у секретарши. Другая на ходу писала в блокнот то, что ее босс рыкающим голосом приказывал и требовал сделать за время его отсутствия. Живописная группа едва уместилась в кабине лифта и спустилась на первый этаж. На улице на помощь им бросился шофер - он распахивал двери и дверцы, укладывал чемоданы в багажник.

Митч и Эйвери упали на заднее сиденье.

- Передохни, Эйвери, - сказал Митч. - Ты на три дня отправляешься на Кайманы. Расслабься.

- Да-да. Я беру с собой работы на целый месяц. Мои клиенты уже криком исходят, требуя с меня шкуру спустить, угрожая судом за профессиональную некомпетентность. Я опаздываю на два месяца, а ты в это время сбегаешь в Вашингтон, чтобы четыре дня задышаться от тоски на этих семинарах. Ты отлично рассчитал время, Макдир. Просто отлично.

Протянув руку, Эйвери открыл бар, смешал себе коктейль. Митч отказался. Лимузин вырулил на Риверсайд-драйв в самый час пик. После трех глотков почти чистого джина Эйвери задышал глубже.

- Для продолжения обучения! Какая издевка, - пробурчал он.

- Ты тоже прошел через это, когда был новичком. К тому же, если я не ошибаюсь, не так давно ты провел неделю в Гонолулу на таком же, но международном семинаре. Или ты забыл?

- То была работа. Только работа. Ты берешь свои папки с собой?

- Конечно, Эйвери. Восемь часов в день у меня будут уходить на семинар, где я должен постигать глубину последних поправок Конгресса к налоговому законодательству, ну а в оставшееся время я рассчитываю закрывать по пять часов в день.

- По шесть, Митч, если сможешь. Мы очень отстаем.

- А мы всегда отстаем, Эйвери. Налей себе еще. Тебе необходимо расслабиться.

- Я расслаблюсь в "Румхедсе".

Митч увидел перед глазами бар с пивом "Ред Страйп", игроков в домино, стрелки и - узенькие! - бикини. И девушку.

- Ты первый раз летишь на "Лире"? - спросил Эйвери, уже более спокойно.

- Да. Я здесь уже семь месяцев и только сейчас его увижу. Если бы я знал все это в марте прошлого года, я пошел бы в фирму на Уолл-стрит.

- Ты из другого теста, Митч. Ты знаешь, что они там, на Уолл-стрит, делают? У них в фирме триста юристов, так? И ежегодно они набирают еще тридцать сотрудников, если не больше. Каждый хочет у них работать - ведь это же Уолл-стрит, так? И вот примерно через месяц всех этих новичков собирают вместе и говорят им, что на протяжении пяти лет они будут работать по девяносто часов в неделю, а когда пять лет пройдут, половины новичков в фирме уже нет. Текучесть там невообразимая. Они просто стараются выжать из новичков все, давая им ставку в сто - сто пятьдесят долларов в час и загоняя чуть ли не до смерти, а потом их просто вышвыривают на улицу. Вот что такое Уолл-стрит. И ребятам даже увидеть не удастся самолет их фирмы. Или лимузин. Тебе действительно повезло, Митч. Ты каждый день должен благодарить Бога за то, что тебя приняли в нашу старую добрую фирму.

- Девяносто часов в неделю - это мелочь. Зато остальное время принадлежало бы мне.

- Тебе за это воздается. Ты знаешь, какую премию получил я по итогам года?
- Нет.
- Четыреста восемьдесят пять тысяч. Неплохо, а? И ведь это только премия.
- Я получил только часть.
- Держусь меня, и скоро ты тоже переберешься в высшую лигу.
- Да, но сначала мне нужно продолжить свое образование.

Через десять минут лимузин выехал на бетонную полосу, ведущую к ангарам. Высокие двери каждого были помечены знаком “Мемфис Аэро”. Изящных пропорций серебристый “Лир-55” медленно подруливал к зданию аэровокзала.

- Вот он, - сказал Эйвери.

Багаж был быстро погружен на борт, и через несколько минут им разрешили взлет. Затянув ремень безопасности, Митч восхищенным взглядом окинул отделанный кожей и медью салон. Интерьер был оформлен с отменным вкусом и роскошью, иного Митч и не ожидал. Эйвери приготовил себе новую порцию джина и щелкнул застежкой ремня.

Они находились в полете час и пятнадцать минут, когда “Лир” начал снижаться для посадки в международном аэропорту Балтимор-Вашингтон. Закончив пробег, самолет остановился, Эйвери с Митчем спустились по трапу и открыли дверцу багажного отделения. Эйвери кивнул головой в сторону человека в униформе, стоявшего около ворот.

- Это твой шофер. Лимузин рядом, он проведет тебя к нему. До твоего отеля сорок минут езды.

- Еще один лимузин?
- Так точно. На Уолл-стрит ты бы этого не дождался.

Они пожали друг другу руки, и Эйвери вновь поднялся на борт. Дозаправка топливом потребовала получаса, так что, когда “Лир” взлетел и взял курс на юг, Эйвери уже спал.

Через три часа самолет приземлился в аэропорту Джорджтауна на Большом Каймане. Он миновал небольшое здание аэровокзала и остановился у миниатюрного ангара, где должен был простоять ночь. Сотрудник службы безопасности поджидал Эйвери и его багаж, чтобы провести через вокзал и таможню. Закончив с послеполетным обслуживанием, тоже в сопровождении охранника, в том же направлении удалились пилот и штурман.

После полуночи освещение в маленьком ангаре было выключено, и полдюжины почти игрушечных крылатых машин окружила полная темнота. В боковой стене открылась дверь, и трое мужчин, одним из которых был Эйвери, вошли и тут же направились к “Лиру”. Эйвери раскрыл багажное отделение, и втроем они быстро выгрузили двадцать пять тяжелых картонных коробок. В душной тропической жаре ангар изнутри представлял собой раскаленную печь. Мужчины были мокрыми от пота, но ни один не проронил ни слова, пока коробки не оказались на земле.

- Должно быть двадцать пять. Пересчитайте их, - сказал Эйвери, повернувшись к местному жителю, мускулисту человеку в пробковом шлеме и с пистолетом на бедре. Другой стоял рядом с пломбиром в руке и внимательно наблюдал за происходящим с таким видом, будто он был приемщиком груза на складе. Первый, роняя капли пота, торопливо пересчитал коробки.

- Да, двадцать пять.
- Сколько здесь? - спросил человек с пломбиром.
- Шесть с половиной миллионов, - ответил Эйвери.
- Наличными?
- Наличными. Долларами США. В сотнях и двадцатках. Давайте грузить.
- Куда они направятся?
- В “Квебек Банк”. Там их уже ждут.

Каждый из них взял по коробке и направился к двери, у которой стоял четвертый, с “узи” в руках. Все было погружено в неприметный фургончик, с коряво выполненной надписью на борту: “ПРОДУКЦИЯ КАЙМАНОВЫХ ОСТРОВОВ”. Вооруженные охранники уселись, и похожий на кладовщика, вырулив от ангара, погнал машину в центр Джорджтауна.

Регистрация началась в восемь утра в бельэтаже, у входа в зал. Митч пришел чуть раньше, записал свое имя, взял полагающийся каждому участнику семинара толстый фолиант с рабочими материалами, на обложке которого была аккуратно напечатана его фамилия и прошел вовнутрь. Он постарался сесть поближе к центру этого довольно большого помещения. Участников должно было собраться человек двести. Официант разносил чашечки с кофе. Митч сидел и просматривал “Вашингтон пост”. Новости дня были представлены серией очерков о его любимой команде, “Редскинз”, выигравшей очередной приз.

Зал медленно наполнялся юристами, прибывшими со всех концов страны, чтобы узнать о последних уточнениях к налоговому законодательству, претерпевавшему изменения, большие и малые, чуть ли не ежедневно. За несколько минут до девяти рядом с Митчем сел мальчишеского вида адвокат с приятными чертами лица. Он не проронил ни слова, проходя и усаживаясь. Митч бросил на него взгляд и вновь уткнулся в газету. Когда зал заполнился, ведущий семинара встал, поприветствовал собравшихся и представил им первого выступающего, конгрессмена такого-то из штата Орегон, члена бюджетной подкомиссии палаты представителей. В тот момент, когда он поднялся на трибуну для того, чтобы сделать свой часовой, как предполагалось, доклад, сидевший слева от Митча адвокат чуть наклонился в его сторону и протянул ему руку.

- Привет, Митч, - прошептал он, - я Грант Хэрбисон, ФБР.

Он сунул Митчу свою карточку.

Свое выступление конгрессмен начал с шутки, которой Митч уже не слышал. Он внимательно изучал карточку, поднеся ее к груди. Не далее чем в трех футах от него сидели еще пять человек. Никого из участников семинара Митч не знал, но тем не менее он почувствовал бы себя неловко, если бы кто-то из окружающих его людей увидел бы, как он рассматривает визитную карточку агента ФБР. Прошло пять минут, прежде чем он решил повернуть голову и чистым, наивным взглядом посмотреть на соседа.

Хэрбисон прошептал ему:

- Мне нужно встретиться с вами на несколько минут.

- А что, если я окажусь занят? - тихо спросил Митч.

Из сборника материалов для семинара Хэрбисон вытащил, обыкновенный белый конверт и передал его Митчу. Поднеся его, как и карточку, к груди, Митч заглянул внутрь. Лежавший там листок был исписан от руки. Только по самому верху мелким изящным шрифтом шли очень простые слова: “Кабинет директора ФБР”. В записке было следующее:

“Дорогой мистер Макдир.

Я хотел бы встретиться с вами во время перерыва на обед и побеседовать. Прошу вас следовать всем инструкциям агента Хэрбисона. Много времени я у вас не отниму.

Приветствуем вашу готовность сотрудничать.

Благодарю вас, Ф. Дентон Войлс, директор”.

Сложив листок, Митч опустил его в конверт и сунул в свой блокнот. Приветствуем готовность сотрудничать. Директор ФБР. В этот момент Митч хорошо осознавал необходимость полного самообладания, контроля за выражением лица. Как будто это было так просто! Он не удержался, сжал виски пальцами, чуть массируя, глаза опустил вниз. Закрыв их, почувствовав головокружение. ФБР. Сидит рядом! И ждет. Директор и Бог еще знает кто. Тарранс тоже, наверное, неподалеку.

Внезапно аудитория разразилась смехом, видимо, докладчик приступил к изложению кульминационного момента. Хэрбисон опять едва заметно наклонил голову и прошептал:

- Туалетная комната за углом. Встретимся там через десять минут.

Он оставил свой блокнот на столе и среди взрывов хохота вышел.

Митч раскрыл сборник и сделал вид, что изучает документы. Конгрессмен продолжал увлекательный рассказ о том, как он, изыскивая новые уловки, помогающие состоятельным людям не платить казне налогов, в то же время был озабочен серьезной проблемой облегчения тяжелого налогового бремени, падавшего на плечи рабочего класса. Под его бесстрашным руководством подкомиссия, оказывается, отказалась одобрить законопроект, запрещающий сокращение рабочих мест в нефтяной и газовой

промышленности. Было видно, что он и в одиночку выиграет битву у любого противника.

Митч выжидал пятнадцать минут, потом еще пять, а потом на него напал кашель. Глоток воды! Прикрыв рот рукой, он пробрался между стульями к задней двери. В туалетной комнате Хэрбисон уже десятый раз мыл под краном руки.

Митч подошел к соседней раковине, открыл холодную воду.

- Что вы намереваетесь предпринять, парни? - спросил он.

Хэрбисон смотрел на отражение Митча в зеркале.

- Я действую согласно приказу. Директор Войлс хочет встретиться с вами лично, и меня послали за вами.

- А что ему от меня нужно?

- Мне бы не хотелось отвечать за него, но думаю, что что-то очень серьезное.

Митч опасливо посмотрел вокруг. Они были одни.

- А если я буду слишком занят для того, чтобы с ним встретиться?

Хэрбисон выключил воду и встряхнул руками.

- Встреча неизбежна, Митч. Не будем играть в прятки. Когда объявят перерыв на обед, то слева от главного входа вас будет ждать такси, запомните номер: 8667. Вас отвезут к Мемориалу вьетнамских ветеранов, мы встретимся возле него. Вам необходимо быть осторожным. Двое следуют за вами из Мемфиса.

- Двое кто?

- Двое юношей из Мемфиса. Поступайте как вам говорят, и они ни о чем не узнают.

Председательствующий поблагодарил второго докладчика, профессора Нью-Йоркского университета, и объявил перерыв на обед.

Таксисту Митч не сказал ни слова. Тот рванул с места, и скоро их машина затерялась в безумных улицах города. Минут через пятнадцать она остановилась неподалеку от Мемориала.

- Пока не выходите из машины, - властно сказал ему водитель.

Митч сидел не двигаясь. Ни слова, ни жеста в течение десяти минут. Наконец мимо них на небольшой скорости проехал белый "форд эскорт" и, уже обогнав их, просигналил.

Глядя прямо перед собой, таксист скомандовал:

- Так. Идите к Стене. К вам подойдет в течение пяти минут.

Митч выбрался на тротуар, и такси тут же отъехало. Он засунул руки поглубже в карманы своего шерстяного пальто и не спеша направился к Мемориалу. Пронизывающий северный ветер гонял сухие листья. Митч вздрогнул и поднял воротник.

Один-единственный, кроме него, одинокий посетитель Мемориала неподвижно сидел в инвалидном кресле на колесиках и смотрел на Стену. Под огромным, не по размеру беретом десантника авиационные очки скрывали его глаза. Он сидел у самого конца Стены, там, где были имена погибших в 1972-м. Завороженный датами, Митч двинулся в том же направлении, пока не остановился у самого кресла. Внезапно он перестал замечать сидящего в нем человека - он видел перед собой только столбики фамилий.

Он задышал глубже, почувствовав вдруг, как тяжестью налились ноги и желудок. Вот. Почти в самом низу. Аккуратными, сдержанными буквами, такими же, как чуть выше или чуть ниже, было выбито имя: Расти Макдир.

Прямо под этим именем рядом со Стеной стояла корзиночка с уже замерзшими, поникшими цветами. Митч поправил рукой их упавшие головки и встал на колени. Провел пальцами по буквам в граните. Расти Макдир, восемнадцати лет. Навсегда. Он пробыл во Вьетнаме всего семь недель, когда наступил ногой на пехотную мину. Им передали, что смерть была мгновенной. Если верить Рэю, они всегда так говорят. Митч вытер крошечную каплю со щеки и поднялся, глядя вдоль Стены. Он думал о пятидесяти двух тысячах семей, которым сообщили, что смерть была мгновенной и никто из погибших не страдал.

- Митч, они ждут.

Он повернулся и посмотрел на человека в инвалидном кресле, единственного, кого вообще видел здесь. Лицо в уродливых очках было обращено к Стене. Митч озирался по сторонам.

- Успокойся, Митч. Весь Мемориал под нашим наблюдением. Их здесь нет.

- Кто вы? - спросил Митч.

- Я просто один из. Ты должен верить нам, Митч. У директора есть что сказать тебе. Возможно, его слова спасут твою жизнь.

- Где он?

Мужчина в кресле повернул голову и стал смотреть вдоль дорожки.

- Ступай туда. Тебя найдут.

Митч еще раз бросил взгляд на имя брата и прошел мимо кресла.

Он шел очень медленно, сунув руки в карманы. Слева остались бронзовые фигуры трех солдат. Когда он отошел от монумента метров на пятьдесят, из-за дерева внезапно выступил Тарранс и зашагал рядом.

- Идем, идем, - подбодрил он.

- Почему, интересно, я не удивлен нашей встречей? - сказал Митч.

- Идем, идем, Митч. Мы знаем по крайней мере о двух головорезах, прибывших из Мемфиса еще до тебя. Они живут в том же отеле, что и ты, в соседнем номере. Но сюда они не добрались. По-моему, мы их потеряли.

- Что здесь, черт возьми, происходит, Тарранс?

- Вот-вот ты все уяснишь себе. Идем. Только расслабься, за тобой никто не следит, кроме, конечно, человек двадцати наших агентов.

- Двадцати?

- Да, около. Нам ведь нужно перекрыть здесь все. Должна быть уверенность в том, что эти выродки из Мемфиса не объявятся вдруг. Но я их и не жду.

- Кто они?

- Директор объяснит.

- Для чего нужно было привлекать к этому директора?

- Слишком много вопросов, Митч.

- Слишком мало ответов, Тарранс.

Тарранс указал направо. Они сошли с дорожки и двинулись к массивной бетонной скамье у мостика, ведущего в небольшую рощу. Вода в пруду под мостиком превратилась в лед.

- Садись.

Они сели оба. И тут же Митч увидел, что по мостику к ним приближаются двое мужчин. В том, что был пониже ростом, Митч сразу признал Войлса. Ф. Дентона Войлса, директора ФБР при трех президентах. Это был резкий в словах мужчина с тяжелой рукой, классический борец с преступностью, человек, если верить тому, что о нем говорили, абсолютно лишенный жалости.

Из уважения Митч встал, когда эти двое остановились у скамьи. Войлс протянул ему свою холодную руку. На Митча смотрело крупное круглое лицо, известное всему миру. Обменявшись рукопожатием, они назвали друг другу свои имена. Войлс указал на скамью. Тарранс вместе с другим агентом отошли к мосту. Митч посмотрел через пруд и увидел еще двоих, явно тоже сотрудников ФБР, в одинаковых черных плащах, с похожей стрижкой - они стояли у дерева метрах в ста.

Войлс сел вплотную к Митчу, колени их соприкасались. Шляпа из коричневого меха съехала немного набок на его большой лишенной волос голове. Ему было не меньше семидесяти, но взгляд его оставался исполненным силы и не упустил ничего.

Оба сидели на холодной скамье совершенно неподвижно и не вынимая рук из карманов.

- Это хорошо, что вы пришли, - начал Войлс.

- Не похоже, чтобы у меня был выбор. От ваших людей не отвяжешься.

- Да. Потому что это чрезвычайно важно для нас.

Митч сделал глубокий вдох.

- Имеете ли вы хоть малейшее представление о том, как я сбит с толку и напуган? У меня все перемешалось в голове. Мне бы хотелось получить объяснения, сэр.

- Мистер Макдир, могу я называть вас Митч?

- Конечно.

- Отлично. Митч, я человек немногословный. И то, что я скажу сейчас, поразит тебя.

Ты ужаснешься. Ты можешь не поверить мне. Но спешу уверить тебя: все, что ты услышишь, - это правда, и с твоей помощью мы еще можем спасти твою жизнь.

Митч обхватил плечи руками и ждал.

- Митч, ни один юрист не ушел из твоей фирмы живым. Трое пытались и были убиты. Двоим это почти удалось, но прошлым летом погибли и они. Юрист, пришедший в фирму "Бендини, Ламберт энд Лок", может уйти из нее только на пенсию, да и то лишь при условии, что будет держать рот на замке. А к тому времени человек становится уже слишком повязанным и не может позволить себе говорить. На пятом этаже вашей фирмы находится мощная служба наблюдения. Твой дом и твоя машина напичканы "жучками". Телефоны прослушиваются. Твой рабочий стол и кабинет - тоже. Фактически каждое слово записывает аппаратура на пятом этаже. За тобой следят. Иногда следят и за твоей женой. И сейчас, когда мы с тобой разговариваем, они находятся здесь, в Вашингтоне. Так что, Митч, как видишь, твоя фирма это больше чем фирма. Это лишь подразделение в очень большом и очень прибыльном предприятии. И в очень противозаконном. Фирмой владеют вовсе не компаньоны.

Митч повернулся и внимательно посмотрел на директора. Тот говорил, не сводя глаз со льда в замерзшем пруду.

- Видишь ли, Митч, фирма "Бендини, Ламберт энд Лок" принадлежит преступному клану Моролто в Чикаго. Это мафия. Это банда. Это они посылают наемных убийц. И это из-за них мы сейчас с тобой беседуем здесь.

Он положил свою тяжелую руку на колено Митча, заглянул в глаза.

- Это мафия, Митч, и она дьявольски опасна.

- Я не верю этому, - ответил Митч, не в состоянии пошевелиться от охватившего его страха, голос его сорвался.

Директор улыбнулся.

- Нет, ты веришь этому, Митч, веришь. Ты и до этого уже начал что-то подозревать. Именно поэтому ты разговаривал с Эбанксом на Кайманах. Именно поэтому ты нанял неумеху-детектива, которого убрали ребята с пятого этажа. Ты уже понял, что это за фирма, Митч.

Митч наклонился вперед, упираясь локтями в колени; не в силах оторвать глаза от земли между носками своих ботинок.

- Я не верю этому, - слабым голосом повторил он.

- Насколько мы можем сейчас судить, около двадцати пяти процентов их, или, вернее, вашей клиентуры, люди вполне законопослушные. У вас работают несколько хороших юристов, они занимаются налогами и ценными бумагами по поручению своих богатых клиентов. Это очень хорошая крыша. Большинство дел, по которым работал до сих пор ты, тоже чисты. Вот как они действуют. Они принимают новичка, швыряют в него деньги, покупают "БМВ", дом, прочую мишуру, приглашают на роскошные ужины, шлют на Кайманы и заставляют набивать мозоли на заднице, просиживая дни и ночи над абсолютно чистыми с точки зрения закона делами. Живая клиентура, работа для настоящего юриста. Так продолжается несколько лет, и новичок ни о чем не подозревает. Отличная фирма, славные парни. Хорошие деньги. Да что там, все просто великолепно. Затем, лет через пять или шесть, когда ты действительно получаешь уже немалые деньги, когда они являются фактическими владельцами твоего дома, а у тебя жена, детишки появились, и все кажется таким незыблемым, они бросают на тебя бомбу и говорят тебе правду. И это не оставляет тебе никакого выхода. Это мафия, Митч. Эти люди не играют в игрушки. Они убьют твоего ребенка или жену - им все равно. Ты зарабатываешь больше, чем смог бы заработать в любом другом месте. Ты становишься объектом шантажа, потому что у тебя есть семья, на которую им наплевать. И что же ты делаешь, Митч? Ты остаешься. Ты не можешь уйти. Если ты останешься, то будешь зарабатывать по миллиону в год, уйдешь на пенсию молодым, и ничто не разлучит тебя с семьей. Если же ты захочешь уйти, то тебе в этом помогут, а потом повесят твой портрет в зале библиотеки на первом этаже. По-своему они очень убедительны.

Митч массировал писки; его начинала бить дрожь.

- Я знаю, Митч, сейчас у тебя тысяча вопросов. Хорошо. Тогда я просто продолжу и

расскажу все, что я знаю. Все пять погибших юристов хотели вырваться оттуда после того, как узнали правду. Мы не общались с первыми тремя, так как, честно говоря, только семь лет назад начали представлять, что это за фирма. Работают они отлично - тихо, не оставляя никаких следов. Первая троица просто хотела выйти наружу, ну и вышла. В гробах. С Хеджем и Козински было все по-другому. Они сами вышли на нас, и в течение года мы смогли несколько раз встретиться. Козински они огорошили правдой после того, как пошел восьмой год его работы в фирме. Тот рассказал все Ходжу. Где-то год они шептались между собой. Козински должен был вот-вот стать компаньоном, и он хотел уйти до этого. И они с Хеджем приняли роковое решение об уходе. Они и не подозревали, что первые трое были убиты, во всяком случае, нам они никак об этом не обмолвились. Мы послали в Мемфис Уэйна Тарранса, чтобы он установил с ними контакт. Тарранс - специалист по организованной преступности из Нью-Йорка. Он и двое его коллег были близки к цели, когда случилось то самое на Кайманах. Эти парни в Мемфисе действительно умеют работать, Митч. Никогда не забывай об этом. У них есть деньги, они могут позволить себе нанять лучших. Так вот, после того как Ходжа и Козински убили, я принял решение добраться наконец до фирмы. Если мы сможем взломать эту шкатулку, то у нас появится возможность предъявить самые серьезные обвинения каждому мало-мальски значимому члену семейства Моролто. Подготовить более пятисот обвинительных заключений! Уклонение от уплаты налогов, отмывание грязных денег, рэкет, да все, что хочешь. Клан Моролто просто перестал бы существовать, а уже одно это стало бы самым разрушительным ударом по организованной преступности за последние тридцать лет. И все это, Митч, находится в папках маленькой тихой фирмы Бендини в Мемфисе.

- Почему они выбрали Мемфис?

- А, грамотный вопрос. У кого вызовет подозрения небольшая фирма в Мемфисе, штат Теннесси? Это не район действия мафии. Тихий, приятный, мирный город на берегу реки. На его месте мог бы быть Дарэм, или Топека, или Уичита-Фоллс. Но они выбрали Мемфис. Достаточно большой город, чтобы спрятать в нем фирму из сорока человек. Самый удачный выбор.

- Вы имеете в виду, что каждый компаньон... - он не договорил.

- Да. Каждый компаньон знает все и играет по правилам. Мы считаем, что большинство сотрудников тоже в курсе, но об этом судить труднее. Мы очень многого еще не знаем, Митч. Я не могу объяснить, как фирма проворачивает свои операции, кто стоит во главе. Но мы полностью убеждены в обширной противозаконной деятельности фирмы.

- Например?

- Мошенничество с налогами. Они взяли на себя все налоговые операции семейства Моролто. Ежегодно они оформляют красивые, аккуратные, идеально правильные налоговые декларации, в которых указана ничтожная доля общих доходов. Они безостановочно отмывают деньги. Вкладывая грязные доллары, открывают абсолютно легальные предприятия. Как называется банк в Сент-Луисе, ваш крупный клиент?

- "Коммершиэл Гэрэнти".

- Вот-вот. Принадлежит мафии. Всеми его легальными операциями занимается фирма. Моролто имеет в год примерно триста миллионов на азартных играх, наркотиках, подпольных лотереях и прочем. Все это наличные, так ведь? Большая их часть идет в банк на Кайманах. Каким образом деньги переправляются из Чикаго на острова? У тебя есть предположения? Мы считаем, самолетом. Этот позолоченный "Лир", на котором ты сюда прибыл, раз в неделю летает в Джорджтаун.

Митч выпрямился и стал следить взглядом за Таррансом, стоявшим теперь на мосту.

- Так почему бы вам сейчас не выдвинуть обвинения и не покончить с ними со всеми? - спросил директора Митч.

- Не можем. Но мы сделаем это, уверяю тебя. Для этого я направил в Мемфис пять человек. Трое работают здесь, в Вашингтоне. Я до них доберусь, Митч, обещаю тебе. Но нам нужен человек там, внутри. Уж очень они ловки. И денег у них много. А еще они очень осторожны и не делают ошибок. Я убежден, что нам нельзя без помощи - твоей или кого-нибудь еще в фирме. Нам требуются копии дел, копии банковских записей, копии

тысяч и тысяч документов. Это можно сделать, только находясь внутри. В противном случае это невозможно.

- И вы выбрали меня.

- И мы выбрали тебя. Ты можешь отказаться и идти своей дорогой, зарабатывать хорошие деньги и вообще быть удачливым юристом. Но и мы своих попыток не оставим. Подождем следующего сотрудника, попробуем привлечь на свою сторону его. Если и в следующий раз не выйдет, что ж, придется обратиться к кому-нибудь из сотрудников постарше, к тому, у кого еще сохранилась совесть, решимость, мужество помочь правому делу. Однажды мы найдем такого человека, Митч, и, когда это произойдет, мы и тебе, наравне с другими, предъявим обвинение и твоя удачливо разбогатевшая задница окажется в камере. Так и будет, сынок, ты уж верь мне.

В этот самый момент, сидя на этой самой скамье у Мемориала, Митч поверил ему.

- Мистер Войлс, я продрог. Не могли бы мы пройтись?

- Безусловно, Митч.

Неспешным шагом они приближались по дорожке к Мемориалу. Митч поглядывал через плечо: Тарранс вместе с напарником следовали за ними в отдалении. Несколько впереди на скамье сидел с подозрительным видом третий.

- Кем был Энтони Бендини? - задал вопрос директору Митч.

- Он женился на одной из дочерей Моролто в 1930-м. Зять, так сказать. В то время они промышляли в Филадельфии, и он обосновался там. Позже, в сороковые, его по какой-то причине перебросили в Мемфис, где он и основал фирму. Юристом он был очень хорошим, насколько мы знаем.

Голова Митча распухала от вопросов, все требовали ответов, но он старался выглядеть спокойным, выдержанным и скептически настроенным.

- А Оливер Ламберт?

- О, это принц. Аристократ. Идеальный старший компаньон. Он знал все о Ходже и Козински и о планах их устранения. Когда ты в следующий раз увидишь его, постарайся вспомнить, что мистер Ламберт является хладнокровным убийцей. Конечно, у него не было выбора. Если бы он отказался сотрудничать, его бы тоже нашли где-нибудь - мертвого. Они все таковы, Митч. Все начинали, как и ты. Молодые, блестящие, полные планов, в один прекрасный день они вдруг оказывались по уши в таком дерьме, что отмыться было уже невозможно, и они оставались. И принимали правила игры, и работали, работали, не щадя себя, придавая респектабельный вид фасаду маленькой фирмы. Каждый год или что-то около этого они находят способного молодого студента-юриста из неблагополучной семьи, без денег, зато с женой, которая хочет побыстрее завести детишек, и начинают осыпать его банкнотами, и покупают его.

Митч подумал о деньгах; о солидной зарплате в небольшой мемфисской фирме, о машине, о низкопроцентном займе. Он стремился на Уолл-стрит, а его сбили с курса деньги. Только деньги!

- Что вы можете сказать о Натане Локе?

Директор улыбнулся.

- С Локом история другая. Он из бедной чикагской семьи и уже к десяти годам бегал на посылках у старика Моролто. Это бандит от рождения. Наспех изучил курс наук в юридической школе, и старик послал его на Юг - поработать вместе с Энтони Бендини в том подразделении клана, которое занималось интеллигентной преступной деятельностью. Лок всегда был любимчиком у Моролто.

- Когда Моролто умер?

- Одиннадцать лет назад, в возрасте восьмидесяти восьми лет. После него остались два сына: Микки, которого зовут Говоруном, и Джой, или Священник. Микки живет в Лас-Вегасе и в семейном бизнесе играет скромную роль. Джой же управляет всем.

Дорожка, по которой шли директор и Митч, пересекалась с другой. Слева, в отдалении, ввысь устремлялся монумент Вашингтону, направо виднелась Стена. Ледяной ветер не ослабевал. У Стены появилась горстка людей, разыскивающих имена своих сыновей, мужей или друзей. Митч развернулся, и оба мужчины неторопливо зашагали в обратном направлении.

Митч заговорил очень сдержанно.

- Не пойму, как фирма может заниматься столь обширной противозаконной деятельностью и быть столь тихой и неприметной. Ведь у нас работает столько секретарш, клерков, всякой мелочи.

- Хорошее замечание, полностью я на него ответить и не смогу. Мы считаем, что на самом деле там две фирмы: одна - легальная, с новыми сотрудниками, большей частью секретарш и вспомогательного персонала. И другая - где сотрудники с солидным стажем вместе с компаньонами выполняют всю невидимую работу. Ходж и Козински уже были готовы дать нам массу информации, но они не успели. Однажды Ходж сказал Таррансу, что в подвале работает какая-то группа младшего юридического персонала, о которой он почти ничего не знает. Эта группа работала непосредственно на Лока, Миллигана и Макнайта, ну, может, еще на нескольких компаньонов, и никто в фирме не знал точно, чем они занимаются. Секретарши знают все, и нам кажется, что некоторые из них тоже могут быть в деле. Если это так, то я уверен, что деньги и страх заставляют их держать язык за зубами. Подумай сам, Митч: ты работаешь за хорошие деньги и всякие льготы и знаешь, что если ты начинаешь задавать слишком много вопросов или болтать, то очень скоро твой труп вытащат из реки. Как ты поступаешь в данной ситуации? Ты держишь рот на замке и берешь деньги.

Они подошли к самому началу Стены, туда, откуда черные гранитные панели, как бы вырастая из земли, тянулись на 246 футов до точки, где под тупым углом они почти смыкались с другим рядом своих близнецов. Футах в шестидесяти от директора ФБР и его спутника у Стены стояла пожилая супружеская пара, муж и жена беззвучно плакали. Они стояли обнявшись, поддерживая друг друга и делясь друг с другом теплом. Пожилая женщина, видимо мать, наклонилась, поставила на плиту черно-белую фотографию в металлической рамке. Рядом отец поместил коробку из-под обуви, полную трогательных мелочей, окружавших сына, пока он учился: футбольные программки, групповые фото, любовные записки, брелоки для ключей, золотая цепочка. До слуха Митча донеслись сдерживаемые рыдания.

Он повернулся спиной к Стене, не сводя глаз теперь уже с монумента Вашингтону. Директор ждал.

- Итак, что мне нужно делать? - спросил Митч.

- Прежде всего - молчать. Если ты начнешь задавать вопросы, ты тем самым подвергнешь свою жизнь серьезной опасности. И жизнь своей жены тоже. Не вздумайте заводить детей в ближайшем будущем, они будут слишком удобной мишенью. Лучше всего прикинуться простачком, для которого жизнь прекрасна и который больше всего на свете желает стать первым юристом мира. Второе: тебе необходимо принять решение. Не сейчас, но скоро. Ты должен решить, станешь ты с нами сотрудничать или нет. Если да, то мы, безусловно, оценим это должным образом. Если нет, то мы продолжим наблюдать за фирмой, изучая нашу следующую кандидатуру. Как я тебе уже говорил, наступит день, и мы найдем такого человека, и он поможет нам покончить с этим осиным гнездом. И клан Моролто прекратит свое существование, по крайней мере, в том виде, в котором мы его знаем. Если ты согласишься, Митч, мы сможем защитить тебя, и тебе уже не придется больше работать, никогда в жизни.

- В какой жизни? Это будет жизнь в постоянном страхе. Если я останусь жив. Мне приходилось слышать о свидетелях, которых якобы прятало ФБР. Через десять, скажем, лет вдруг взрывается автомобиль, и свидетель, отправившийся на работу, попадает прямым ходом на небеса, а кусочки его тела разбросаны в радиусе трех кварталов. Мафия ничего не забывает, директор. Уж вы-то знаете об этом.

- Ничего не забывает, Митч. Но обещаю тебе, ты и твоя жена, вы оба будете под нашей защитой. - Войлс посмотрел на часы. - Тебе пора возвращаться, иначе они начнут что-нибудь подозревать. Тарранс найдет тебя. Можешь доверять ему, Митч. Он изо всех сил старается спасти твою жизнь. Он облечен всеми полномочиями действовать от моего имени. Когда он тебе будет что-то говорить, знай, что это исходит от меня. Ты можешь вести с ним переговоры.

- Переговоры о чем?

- Об условиях, Митч. О том, что мы должны дать тебе в обмен на то, что ты дашь нам. Нам нужно семейство Моролто, и в твоих силах обеспечить доставку. Ты назовешь свою цену, и наше правительство, посредством ФБР, обеспечит платеж. В разумных пределах, конечно. Это я тебе гарантирую, Митч.

Пройдя вдоль Стены, они остановились рядом с агентом в кресле. Выбросив вперед руку, Войлс сказал:

- Видишь такси, там же, где ты выходил из него? У этого номер 1073, водитель тот же. Тебе пора. Мы с тобой больше не встретимся, но через пару недель с тобой свяжется Тарранс. Пожалуйста, подумай о том, что я сказал. Не стоит убеждать себя в том, что фирма непобедима и будет существовать вечно. Я этого не допущу. Действовать мы начнем очень скоро, обещаю тебе. Надеюсь, ты будешь на нашей стороне.

- Я не понимаю, в чем моя роль.

- Тарранс составил план игры. Многие будут зависеть от тебя и от того, что ты сможешь узнать после того, как тебя посвятят.

- Посвятят?

- По-другому это не назовешь, Митч. Став посвященным, ты отрежешь дорогу назад. Они могут быть более безжалостными, чем любая другая организация на земле.

- Почему вы выбрали меня?

- Мы должны были кого-то выбрать. Нет, не так. Мы выбрали тебя, потому что у тебя есть мужество порвать с ними. Самое дорогое для тебя - это жена. Ни друзей, ни семьи, ни привязанностей. Все, о ком ты заботился, доставляли тебе только боль, все, кроме Эбби. Ты сам вышел в люди, и в результате этого ты научился полагаться только на себя и быть независимым. Тебе не нужна эта фирма. Ты можешь уйти. Ты не по годам крепок и закален. И ты достаточно умен, Митч, чтобы справиться с этим. Ты не дашься им. Вот почему мы выбрали тебя. Всего хорошего, Митч. Спасибо за то, что пришел. Тебе пора.

Войлс развернулся и быстрым шагом пошел прочь. У конца Стены его ожидал Тарранс, он махнул Митчу рукой, как бы говоря: "Пока! До встречи!"

20

После неизбежной посадки в Атланте DC-9 компании "Дельта" приземлился в международном аэропорту Мемфиса. Капал холодный дождь. Самолет подрулил к месту высадки, и с озабоченным видом по трапу стали быстро спускаться пассажиры с сумками и чемоданчиками в руках. У Митча в руках не было ничего, кроме брифкейса и журнала "Эсквайр". Он заметил стоящую около телефонов-автоматов Эбби и начал выбираться из толпы. Отшвырнув в сторону чемоданчик с журналом, он сжал жену в объятиях. Четыре дня в Вашингтоне показались ему месяцем. Они целовались и целовались, шепча что-то друг другу.

- Отпразднуем встречу? - спросил Митч.

- Стол уже накрыт, вино охлаждается, - ответила она.

Держась за руки, они шли по наполненному людьми залу к ленте багажного транспортера. Он негромко проговорил:

- Нам необходимо побеседовать, а дома это невозможно.

Эбби чуть крепче сжала его руку.

- О!

- Да. Разговор получится длинный.

- Что случилось?

- Не здесь.

- Я почему-то начинаю волноваться.

- Успокойся. Улыбнись. За нами наблюдают. Она улыбнулась и повернула голову вправо.

- Кто наблюдает?

- Я тебе все объясню.

Внезапно он потянул ее влево. Вырвавшись из бесконечного потока мужчин, женщин, детей, они нырнули в полуосвещенную пещеру бара, заполненного делового вида

людьми, пьющими пиво и смотрящими на экран телевизора в ожидании своих рейсов. Небольшой круглый столик, уставленный пустыми пивными кружками, только что освободился, и они сели - лицом к стойке и залу. Придвинулись поближе друг к другу: соседний столик был не далее чем в трех футах. Митч то и дело посматривал на вход в бар, изучая лицо каждого входящего человека.

- Мы долго здесь пробудем? - спросила Эбби.

- А что?

Она сбросила с себя лисью шубку, сложила ее на спинке стула.

- Кого ты все высматриваешь?

- Не забывай про улыбку. Сделай вид, что ты действительно по мне соскучилась. Ну, поцелуй же меня.

Он прижался к ее губам, встретился взглядом. Потом поцеловал жену в щеку и вновь повернул голову ко входу. Подошедший официант быстро убрал со стола. Они заказали вина.

Она улыбнулась.

- Как поездка?

- Скучища. Восемь часов в день занятия, и так четыре дня. На второе же утро я еле нашел силы выйти из номера. Полугодовой курс лекций они умудрились втиснуть в тридцать два часа.

- И ты не видел никаких достопримечательностей?

Он улыбнулся и с нежностью посмотрел на нее.

- Я скучал по тебе, Эбби. Ни по кому еще в своей жизни я так не скучал. Я люблю тебя. Ты великолепна. Ты просто бесподобна. Мне не доставляет никакого удовольствия разъезжать одному, в одиночестве просыпаться в постели дурацкой гостиницы. И приготовься, я должен буду сказать тебе по-настоящему страшную вещь.

Улыбка ее пропала. Медленным взглядом Митч обвел помещение бара. У игровых автоматов суетились три смутные фигуры, покрякивая друг на друга. В баре было довольно шумно.

- Сейчас я тебе все расскажу, - начал он, - но очень может быть, что за нами здесь кто-то наблюдает. Слышать они не могут, но зато могут все хорошо видеть, так что улыбайся время от времени, хотя это и будет трудно.

Принесли вино, и Митч приступил к изложению событий. Он не упустил ничего. Эбби только один раз прервала его. Он рассказал ей об Энтони Бендини, о старом Моролто, о мальчике Натане Локе из Чикаго, об Оливере Ламберте и о парнях на пятом этаже.

Эбби в волнении прихлебывала из бокала вино и геройскими усилиями заставляла себя играть роль нормальной жены, соскучившейся по мужу и наслаждающейся сейчас его рассказом о том, как проходил семинар по налоговому законодательству. Она поводила глазами в сторону людей у стойки, делала глоток-другой и улыбалась, в то время как Митч негромким голосом говорил об отмывании денег, об убитых юристах. Эбби сидела, объятая болью от страха, грудь ее вздымалась, как у загнанного животного. Но она слушала и играла, слушала и играла.

Принесли еще вина, толпа в баре начала редеть. Проговорив около часа, Митч уже шепотом сообщал Эбби последние детали.

- И Войлс сказал, что Тарранс свяжется со мной через пару недель, чтобы узнать, согласен я или нет. Потом он попрощался и ушел.

- Это было во вторник?

- Да, в первый же день.

- А что ты делал в оставшееся время?

- Немножко спал, немножко ел, а большую часть времени ходил и мучился головной болью.

- Вот и у меня сейчас начинается.

- Прости меня, Эбби. Мне сразу захотелось полететь домой и тут же тебе все рассказать. Оставшиеся три дня я чувствовал себя напрочь выбитым из колеи.

- Именно так я сейчас себя и чувствую. Не могу этому поверить, Митч. Это как дурной сон, только еще хуже.

- А ведь это только начало. ФБР настроено в высшей степени серьезно. Иначе с чего бы самому директору встречаться со мной, ничего не значащим юристом-первогодком из Мемфиса, да еще сидя на бетонной скамье парка в мороз? Этим делом заняты пять агентов в Мемфисе и трое в Вашингтоне, и еще он сказал, что готов пойти на любые затраты, лишь бы заполучить фирму в свои руки. Так что если я решу промолчать, проигнорировать их и остаться честным и преданным сотрудником фирмы "Бендини, Ламберт энд Лок", то однажды к нам придут люди с ордерами на аресты и на этом вес кончится. Если же я приму решение сотрудничать, то нам с тобой придется бежать из Мемфиса глухой ночью сразу же после того, как я сдам фэбээровцам фирму. Будем жить с тобой где-нибудь в Бойсс, штат Айдахо, под именем мистера и миссис Уилбур Гейтс. Мы будем богаты, но нам придется работать, чтобы не вызвать подозрений. После пластической операции я устроюсь водителем автопогрузчика на складе, а ты сможешь часть дня работать в детском саду. У нас будет двое-трое детишек, и каждую ночь мы с тобой будем возносить Богу молитвы о том, чтобы люди, которых мы в глаза не видели, держали бы свои рты на замке и позабыли бы про нас. Каждый день и каждый час мы будем жить в жутком страхе быть вот-вот раскрытыми.

- Это предел, Митч, это просто конец всему. - Она едва удерживалась от слез.

Улыбнувшись, он посмотрел по сторонам.

- Есть третий вариант. Мы выйдем сейчас с тобой через эту дверь, купим два билета до Сан-Диего, переберемся через границу и будем питаться черепаками до конца дней своих.

- Пошли.

- Но за нами, скорее всего, последуют. С моим-то везением в Тихуане нас будет ждать Оливер Ламберт со взводом своих головорезов. Не выйдет. Ты только подумай об этом.

- А Ламар?

- Не знаю. Он работает уже шесть или семь лет и, по-видимому, знает. Эйвери - тот вообще компаньон, а значит, не последнее среди них всех лицо.

- И Кэй?

- Кто знает? Получается так, что вряд ли кто из жен знает. Я размышлял обо всем этом четыре дня, Эбби, прикрытие у них превосходное. Фирма выглядит так, как и должна выглядеть. Они надуют кого угодно. То есть я хочу сказать, как я, ты или любой другой человек, претендент на место, может хотя бы даже представить себе возможность такого? Это верх совершенства. С одним исключением - теперь об этом знает ФБР.

- И теперь ФБР хочет, чтобы ты за них делал их грязную работу. Почему они остановились на тебе, Митч? В фирме сорок юристов.

- Именно потому, что я ничего не знаю. Я - подсадная утка. ФБР не знает, когда происходит посвящение сотрудника в секреты их кухни, поэтому они не могут попытаться склонить на свою сторону кого-то еще. В прошлом году новичком оказался я, вот они и расставили свои капканы сразу после того, как я сдал экзамен на адвоката.

И на этот раз Эбби, поджав губы, смогла удержаться от слез. Совершенно пустым взглядом она уставилась на входную дверь.

- И они слышат каждое наше слово, - задумчиво проговорила она.

- Нет. Только телефонные разговоры и то, о чем мы говорим дома или в машине. Но мы спокойно можем беседовать здесь, в большинстве ресторанов, а потом, всегда есть возможность выйти во двор. Конечно, в последнем случае нам нужно держаться подальше от двери, а еще лучше шептаться за гаражом.

- И ты еще пытаешься шутить? Сейчас не время для этого. Я в страхе, я зла и сбита с толку, я схожу с ума и не знаю, что делать. В собственном доме я боюсь слово сказать, боюсь отвечать по телефону, даже когда ошибаются номером. Каждый раз, когда раздается звонок, я подпрыгиваю. А теперь еще и это.

- Тебе нужен еще бокал вина. - Мне нужно десять бокалов. Митч схватил ее за кисть руки, сжал.

- Подожди. Я вижу знакомое лицо. Не смотри по сторонам.

Она задержала дыхание.

- Где?

- У конца стойки. Улыбайся и гляди на меня. На высоком стуле у стойки, с интересом следя за экраном телевизора, сидел загорелый блондин в бело-голубом свитере, какие носят горнолыжники. Видно, прямо со склона. Где он оставил свои лыжи? Этот загар, эти светлые усы Митч уже видел где-то в Вашингтоне. Он не сводил с мужчины глаз. Голубоватый свет телеэкрана падал на его лицо. Митч прятался в темноте. Блондин поднял бутылку пива, как бы раздумывая, сделать ли глоток, и - вот! - бросил быстрый взгляд в угол, где, прижавшись друг к другу, сидели Митч и Эбби.

- Ты уверен? - спросила она, стиснув зубы.

- Да. Он был в Вашингтоне, только не припомню где. В общем, я видел его там дважды.

- Он один из них?

- Откуда мне знать?

- Давай уйдем отсюда.

Митч положил на стол бумажку в двадцать долларов, и они направились к выходу.

Сидя за рулем ее "пежо", он пересек стоянку, расплатился со служителем и погнал машину в центр города. После пяти минут, прошедших в полном молчании, она подалась к нему и прошептала в ухо:

- Мы можем разговаривать?

Он отрицательно покачал головой.

- Ну, как здесь было с погодой?

Эбби подняла голову, посмотрела в окно.

- Холодно. К вечеру обещали слабый снег.

- В Вашингтоне всю неделю было ниже нуля. Эбби в изумлении подняла брови.

- Со снегом? - У нее даже глаза расширились, видимо, слова Митча ее поразили.

- Нет. Просто чертовски холодно.

- Какое совпадение! И здесь холод, и там. Митч беззвучно хихикнул. Какое-то время они ехали в молчании.

- Как ты думаешь, кто выиграет кубок? - спросил он жену.

- Юйлерс"?

- Ты так думаешь? По-моему, "Редскинз". В Вашингтоне только об этом и говорят.

- Боже, да там, видимо, только и знают, что развлекаться.

Опять тишина. Эбби поднесла ко рту тыльную сторону ладони и попыталась сосредоточиться на задних огнях идущей впереди машины. В данный момент, полностью дезориентированная, она бы все-таки попыталась счастья в Тихуане. Ее муж, третьим закончивший курс (в Гарварде!), перед кем Уолл-стрит расстилала красный ковер, кто мог устроиться где угодно, в любой фирме, ее муж связался с мафией! И если к поясу этих людей уже были приторочены скальпы пятерых юристов, они не будут колебаться, когда речь пойдет о том, чтобы присоединить к имеющимся и шестой. Ее мужа!

В голове Эбби пролетали обрывки разговоров с Кэй Куин. Фирма приветствует рождение детей. Фирма разрешает женам работать, правда, не все время. Фирма не принимает никого с деньгами родителей. Фирма требует преданности. У фирмы самый низкий в стране показатель текучести кадров. Неудивительно.

Митч наблюдал за ней. Через двадцать минут после того, как "пежо" покинул аэропорт, Митч уже ставил его в гараж, рядом с "БМВ". Держась за руки, они прошли по бетонной дорожке до заборчика.

- Этого не может быть, Митч.

- Да, но это так. От этого никуда не денешься.

- Что нам делать?

- Не знаю, детка. Но делать что-то нам нужно быстро, и мы не можем ошибаться.

- Мне страшно.

- Я сам в ужасе.

Тарранс не заставил себя долго ждать. Прошла всего неделя с того дня, как у Мемориала он махнул Митчу на прощание рукой.

Быстрым от холода шагом Митч приближался к зданию федеральных служб в северной части Мэйн-стрит, в восьми кварталах от фирмы Бендини. Некоторое время Тарранс следовал за ним, а потом быстро юркнул в маленькую кофейню, расположенную почти

напротив, с окнами, выходящими на улицу, или, как ее еще называли, Аллею. Автомобильное движение здесь было запрещено. Поверх асфальта уложена плитка, а проезжая часть уже давно перестала быть таковой, превратившись в бульвар. Однако деревьев на нем было мало: одинокие и случайные, они тянули свои уродливые ветви к окнам зданий. По бульвару из конца в конец слонялись нищие и городские бродяги, выпрашивая у прохожих деньги или еду.

Тарранс уселся у окна и заказал себе кофе и шоколадное пирожное. В окно он видел, как Митч, поднявшись по ступенькам, исчез внутри здания. Посмотрел на часы - было ровно десять утра. Если верить вывешенному в вестибюле здания списку назначенных на рассмотрение сегодня дел, Макдир сейчас присутствовал на слушании в Налоговом суде. Чиновник уведомил Тарранса, что слушание это очень короткое. Он сидел и ждал.

Коротких слушаний в суде не бывает. Через час Тарранс все так же сидел у окна и разглядывал через стекло спешащих куда-то людей. Он допивал уже третью чашку кофе. Но вот он внезапно поднялся, положил на стол два доллара, направился к выходу и замер там у двери. Увидев на противоположной стороне Митча, кинулся к нему. При виде Тарранса Митч на мгновение замедлил шаг.

- Привет, Митч. Ты не против, если я пройду с тобой рядом?

- Нет, я против, Тарранс. Тебе не кажется это опасным?

Оба ускорили шаг, избегая смотреть друг на друга.

- Видишь вон там магазинчик? - спросил Тарранс, указывая куда-то вправо. - Хочу купить себе пару обуви.

Они вошли в принадлежащий корейцу магазин. Тарранс прошел в самый дальний угол тесного помещения и остановился между двумя полками, забитыми подделкой под кроссовки фирмы "Рибок" по цене четыре доллара девяносто девять центов две пары. Митч проследовал за ним и взял в руки теннисные туфли десятого размера. Продавец, а может, владелец магазина смерил их подозрительным взглядом, но ничего не сказал. Стоя у полка, оба наблюдали за входной дверью.

- Вчера мне позвонил директор, - произнес Тарранс, почти не двигая губами. - Он спрашивал про тебя, Митч. Сказал, что пришло время принимать решение.

- Скажи ему, что я все еще думаю.

- А своим коллегам ты говорил что-нибудь?

- Нет. Я думаю.

- Это хорошо. По-моему, тебе не стоит говорить им.

Он протянул Митчу визитную карточку.

- Держи. На обороте два телефона. Звони по любому из них из автомата. На том конце провода будет автоответчик, и ты просто продиктуешь свое сообщение и скажешь точно, когда и где мы в следующий раз встретимся.

Митч положил карточку в карман. Внезапно Тарранс резко пригнул голову.

- В чем дело? - требовательно спросил Митч.

- Похоже, нас засекли. Только что какая-то темная личность прошла мимо витрины и заглянула внутрь. Слушай, Митч, слушай меня внимательно. Сейчас мы с тобой выйдем на улицу, и в тот момент, когда мы окажемся в дверях, ты отпихнешь меня и заорешь, чтобы я убирался к чертовой матери. Я сделаю вид, что хочу ударить тебя, и ты побежишь в сторону фирмы.

- Ты хочешь, чтобы меня убили, Тарранс.

- Делай, что я говорю. Как только ты вернешься в фирму, ты тут же расскажешь о случившемся компаньонам. Скажешь им, что я загнал тебя в угол и ты почел за благо унести ноги.

Митч толкнул его даже сильнее, чем требовалось, крича:

- Убирайтесь к дьяволу! Оставьте меня в покое!

Изо всех сил он бросился бежать по Юнион-авеню и только у самого здания фирмы перешел на шаг. Зашел в туалет на первом этаже, чтобы перевести дух. Пройдя к зеркалу, Митч смотрел на свое отражение и тяжело дышал.

Эйвери разговаривал по телефону, на панели которого мигали две лампочки. На диванчике устроилась секретарша с блокнотом, готовясь принять на себя лавину команд.

Митч посмотрел на нее и произнес:

- Пожалуйста, выйдите. Мне необходимо поговорить с Эйвери наедине.

Она поднялась; Митч проводил ее до выхода и запер дверь.

Эйвери окинул Митча внимательным взглядом и положил трубку.

- В чем дело?

Митч стоял у диванчика, на котором только что сидела секретарша.

- Меня подкараулило ФБР, когда я выходил из Налогового суда.

- Дьявол! Кто это был?

- Тот же самый агент. Тарранс.

Эйвери вновь поднял трубку, продолжая говорить.

- Где это случилось?

- На Аллее, точнее, в северной части Мэйн-стрит. Я шел по тротуару, занятый мыслями...

- Это впервые после той встречи?

- Да. Я и узнал-то его не сразу.

Эйвери заговорил в трубку.

- Это Эйвери Толар. Мне необходимо немедленно поговорить с Оливером Ламбертом. Меня не интересует, что он разговаривает по телефону. Соедините меня с ним, и немедленно.

- Что происходит, Эйвери? - спросил его Митч.

- Привет, Оливер. Это Эйвери. Извини за то, что перебил твой разговор. У меня здесь сидит Митч Макдир. Несколько минут назад, когда он возвращался из здания суда, на Аллее к нему прицепился фэбээровец... Что? Да, он пришел ко мне в кабинет и рассказал мне об этом... Хорошо, будем через пять минут. - Он положил трубку. - Успокойся, Митч. Такое случилось и прежде.

- Я знаю, Эйвери, но это же бессмыслица! Почему они вцепились в меня? Я же здесь самый неопытный.

- Это запугивание, Митч. Примитивное и явное. Обыкновенное запугивание. Садись.

Митч подошел к окну и стал смотреть на видневшуюся вдали реку. Эйвери - хладнокровный лжец. Сейчас начнется кропотливое выяснение всех обстоятельств. Успокойся, Митч! Успокойся? В то время как фирмой занимаются восемь агентов, и сам директор ФБР мистер Дентон Войлс ежедневно лично справляется о ходе операции? Успокойся? Тебя только что поймали беседующим с агентом ФБР в мелочной лавке. Шепчущимся! А сейчас тебе придется прикинуться ничего не замечающей пешкой, за которой охотятся самые темные силы федерального правительства. Запугивание? Тогда зачем от фирмы до суда тебя сопровождал еще один тип? Ответь-ка на это, Эйвери.

- Ты напуган, не так ли? - Эйвери положил свою руку ему на плечо.

- В общем-то, не очень. В прошлый раз Лок мне все объяснил. Мне просто хочется, чтобы они оставили меня в покое.

- Все это гораздо серьезнее, Митч. Не стоит их недооценивать. Давай-ка зайдём к Ламберту.

Следом за Эйвери Митч отправился в угловой кабинет, принадлежавший Ламберту и находившийся в противоположном конце коридора. Дверь им открыл незнакомый человек в черном костюме. У небольшого стола стояли Ламберт, Натан Лок и Рейс Макнайт. Как и в прошлый раз, на столе находился магнитофон. Митчу предложили сесть поближе к нему. Напротив уселся мистер Черные Глаза.

Лицо его несло в себе угрозу, когда он заговорил. Улыбок в комнате вообще не было.

- Митч, виделся ли ты с Таррансом или еще с кем-либо из ФБР после первой встречи в августе?

- Нет.

- Ты в этом уверен?

Митч хлопнул ладонью по столу.

- Черт побери! Я сказал - нет! Может, вы приведете меня к присяге?

Лок был поражен. Все были поражены. Тяжелая, гнетущая тишина стояла в кабинете по меньшей мере минуту. Митч в упор смотрел на Черные Глаза, который отступил не

упорствуя, как ни в чем не бывало качнув головой.

Ламберт, тонкий дипломат, опытный посредник, позволил себе вмешаться.

- Послушай, Митч, мы знаем, как это неприятно.

- Чертовски неприятно! Не нравится мне все это. Я занимаюсь только своим делом, девяносто часов в неделю усиленно изнашивая свою задницу, стараясь стать хорошим юристом и компаньоном фирмы, и вот по неизвестной мне причине ко мне начинают цепляться эти парни из ФБР. Нет, сэр. Мне нужны хоть какие-то объяснения.

Протянув руку к магнитофону, Лок нажал на красную кнопку.

- Мы вернемся к этому, но сначала ты расскажешь нам все, что на самом деле произошло.

- Все произошло очень просто, мистер Лок. К десяти часам я отправился в здание федеральных служб по требованию судьи Кофера на слушание дела Малькольма Делани. Примерно через час я закончил там все свои дела. Я вышел из здания и направился сюда, причем быстрым шагом, могу добавить. На улице довольно холодно. Я прошел всего один или два квартала, и вдруг откуда-то вылетает Тарранс, хватая меня за руку и заталкивает в какой-то магазинчик. Я чуть было не набросился на него с кулаками, но ведь он, в конце концов, агент ФБР, да и скандала мне хотелось избежать. В лавке он мне сказал, что хочет минутку-другую со мной поговорить. Я вырвался и подскочил к двери, но он последовал за мной, попытался схватить меня, я его оттолкнул и побежал сюда. Пришел к Эйвери, рассказал ему все, вот и все. Абсолютно все.

- О чем он хотел поговорить?

- Я не дал ему даже начать, мистер Лок. У меня нет никакого желания разговаривать с ФБР иначе, чем по судебной повестке.

- Ты уверен, что это был тот же самый агент? Думаю, да. Сначала я не узнал его, я ведь видел его в августе. А в лавке он показал мне значок и вновь назвал свое имя. Тут я от него и рванул.

Лок привстал, чтобы нажать другую кнопку, и снова уселся. Позади него сидел Ламберт и дружески улыбался.

- Послушай, Митч, мы уже говорили об этом в прошлый раз. Эти парни из ФБР становятся все наглее. Месяц назад они пристали к Джеку Олдричу, когда он обедал в маленьком гриле на Секонд-стриг. Мы не можем сказать, чего они добиваются, но Тарранс явно спятил. Это просто запугивание.

Митч не спускал глаз с его губ, но почти ничего не слышал. Пока Ламберт говорил, Митч вспоминал похороны Ходжа и Козински, их вдов и маленьких детей.

Черные Глаза откашлялся.

- Все это очень серьезно, Митч. Но нам скрывать нечего. Уж если они подозревают какие-то злоупотребления законностью, пусть лучше займутся нашими клиентами. Мы юристы. Мы и в самом деле можем представлять интересы людей, которые, скажем, флиртуют с законом, но сами мы совершенно чисты. Происходящее сбивает нас с толку.

Митч улыбнулся и развел руками.

- Что, по-вашему, я должен делать? - искренне спросил он.

- Ты ничего не можешь сделать, Митч, - ответил Ламберт. - Просто держись подальше от этого типа, увидишь его - беги. Даже если он только посмотрит на тебя - докладывай нам немедленно.

- Он так и сделал, - взял его под защиту Эйвери. Митч стоял с самым жалобным видом.

- Можешь идти, Митч, - отпустил его Ламберт. - И держи нас в курсе.

Митч вышел из кабинета один.

Де Вашер расхаживал вдоль своего стола, не обращая внимания на компаньонов.

- Он врет, говорю я вам. Он врет. Этот сукин сын врет, я знаю.

- Что видел твой человек? - спросил Лок.

- Мой человек видел кое-что другое. Чуть-чуть другое. Но другое. Он говорит, что Макдир и Тарранс вошли в лавку с невозмутимыми лицами. Никакого физического воздействия со стороны Тарранса. Ни малейшего. Тарранс подходит к нему, они обмениваются какими-то фразами и оба ныряют в магазин. Мой человек говорит, что они прошли в самый дальний угол, а появились на улице минуты через три, может, четыре.

Другой наш человек прошел мимо витрины, заглянул в нее и ничего не увидел. Очевидно, они его заметили, потому что через несколько секунд Макдир вылетел оттуда как ошпаренный, крича и размахивая руками. Что-то здесь не так, могу вас уверить.

- А Тарранс хватал его за руку, впихивал в лавку? - медленно, взвешенным голосом задал вопрос Лок.

- Нет, черт возьми. В этом-то и дело. Макдир пошел за ним добровольно, и, когда он говорит, что его схватили за руку, он лжет. Мой человек говорит, что, как ему кажется, они бы еще задержались внутри, если бы не заметили нашего.

- Но ты в этом не уверен?

- Не уверен. Меня же они с собой не пригласили. Де Вашер продолжал мерить шагами кабинет, в то время как другие, опустив головы, смотрели в пол. Он развернул сигару и вставил ее в свой жирный рот. Наконец раздался голос Ламберта.

- Вот что, Де Вашер. Очень может быть, что Макдир говорит правду, а ваш человек ошибся. Это вполне возможно. Я считаю, что все сомнения могут толковаться в его пользу.

Де Вашер ухмыльнулся, но промолчал.

- С августа были у него еще какие-нибудь контакты? - спросил Ройс Макнайт.

- Нам это не изустно, но это вовсе не значит, что они не встречались, не так ли? О Ходже и Козински мы тоже не знали до тех пор, пока не стало поздно.

Просто невозможно уследить за каждым их шагом. Невозможно.

Он зашагал вдоль стеллажа, погрузившись в размышления.

- Мне нужно поговорить с ним, - выдал он наконец.

- С кем?

- С Макдиром. Настало время нам с ним немного побеседовать.

- О чем? - несколько нервно спросил Ламберт. - Предоставьте это мне. Не вмешивайтесь.

- По-моему, еще рано, - вставил Лок.

- А мне наплевать, что там по-твоему. Если бы вы, шуты гороховые, отвечали за безопасность, вы бы все давно уже сидели по камерам.

Митч сидел за закрытой дверью своего кабинета и смотрел в стену. Голова раскалывалась от боли, его мучило. Послышался стук в дверь.

- Войдите, - сказал он негромко. Дверь распахнулась, вошел Эйвери.

- Как насчет обеда, Митч? - Нет, спасибо, я не голоден. Эйвери сунул руки в карманы брюк и тепло улыбнулся.

- Митч, я знаю, ты взволнован. Давай-ка прервемся. Я сейчас должен мчаться в центр, у меня встреча. Почему бы нам не встретиться в "Манхэттене", в час? Мы пообедаем, обговорим все. Я заказал тебе лимузин, он будет ждать у входа без четверти час.

Митч вымучил из себя улыбку, как бы тронутый такой заботой.

- Договорились, Эйвери. В самом деле, почему бы и нет?

- Отлично. Встретимся в час.

Без четверти час Митч вышел из дверей фирмы и направился к лимузину. Водитель распахнул перед ним дверцу, и Митч забрался внутрь. Его уже ждали.

На заднем сиденье в углу сидел неизвестно как попавший в машину лысый толстяк с выпирающей из воротника рубашки бычьей шеей. Он протянул Митчу Руку.

- Де Вашер, Митч. Рад встрече.

- Я не ошибся машиной? - произвольно выговорил Митч.

- Все верно, не волнуйся.

Водитель тронул машину с места.

- Чем я могу вам помочь? - спросил Митч.

- Ты можешь выслушать меня. Нам нужно поболтать немного.

Лимузин свернул на Риверсайд-драйв и покатил в сторону моста Эрнандо Де Сото.

- Куда мы направляемся?

- Небольшая прогулка. Успокойся, сынок. Итак, я стал шестым, пронеслось в голове у Митча. Вот оно. Нет, подожди, они всегда были более изобретательны, чем такое примитивное убийство.

- Митч, могу я называть тебя Митч?
- Называйте.
- Замечательно. Митч, я отвечаю за безопасность фирмы и...
- Зачем фирме служба безопасности?

- Слушай меня, сынок, я все тебе объясню. Фирма выработала детальную программу обеспечения безопасности, это благодаря еще старику Бендини. Он был просто помешан на безопасности и скрытности. Моя работа заключается в защите фирмы, и, честно говоря, мы все чрезвычайно озабочены интересом, проявляемым к нам ФБР.

- Я тоже озабочен.

- Да. Мы считаем, что ФБР намерено проникнуть в фирму для того, чтобы собрать информацию о некоторых наших клиентах.

- Каких клиентах?

- Отдельных богачах, чьи налоговые прикрытия вызывают вопросы.

Митч кивнул, глядя на реку. Лимузин уже находился на территории штата Арканзас, изрезанная зданиями Мемфиса линия горизонта отступала все дальше назад. Де Ваше? решил сделать перерыв. Он сидел как жаба, сложив руки на животе. Митч ждал продолжения, пока ему не стало ясно, что паузы между фразами и неловкое молчание ничуть не беспокоят его спутника. Отъехав на несколько миль от реки, водитель свернул с автострады на неширокую дорогу, по длинной дуге уходящую на восток. Затем он сделал еще один поворот, машину затрясло на полузасыпанных гравием ухабах. Примерно с милю они ехали через засаженное фасолью поле вдоль реки. На противоположном берегу вновь показались крыши города.

- Куда мы едем? - с некоторой тревогой спросил Митч.

- Расслабься. Я хочу тебе кое-что показать.

Карьер с гравием, подумал Митч. Лимузин остановился над обрывом метра в три высотой. Внизу была песчаная площадка, а чуть дальше начинался берег реки. Отсюда открывался прекрасный вид на Мемфис. Можно было видеть верхние этажи фирмы Бендини.

- Давай пройдемся, - пригласил Де Вашер.

- Куда?

- Пойдем. Все будет хорошо.

Де Вашер распахнул дверцу, выбрался и начал обходить машину сзади. Митч неохотно последовал за ним.

- Как я уже говорил, Митч, нас беспокоит твой контакт с ФБР. Как только начинаешь с ними говорить, они наглеют, и уж сам Бог не скажет, каким будет их следующий шаг. Самое важное для тебя сейчас - это не вступать с ними в разговоры. Никогда. Это понятно?

- Да. Я понял это еще после первой встречи, в августе.

Де Вашер внезапно резко развернулся, оказавшись лицом к лицу с Митчем. Он злобно усмехался.

- У меня есть с собой кое-что, что заставит тебя быть с нами честным.

Он опустил руку в карман своей спортивной куртки и извлек оттуда конверт из плотной бумаги.

- Взгляни-ка, - он с ухмылкой подал конверт Митчу и отошел в сторону.

Митч прислонился к багажнику автомобиля и дрожащими пальцами вскрыл конверт. Внутри лежали четыре черно-белые фотографии восемь на десять дюймов, очень четкие. Пляж. Девушка.

- О Господи! Кто их сделал?

- Какая разница? Ведь на них ты, не так ли?

Не могло быть никаких сомнений в том, кто запечатлен на снимках. Он разорвал карточки в клочья и швырнул их в Де Вашера.

- У меня в кабинете их еще достаточно, - голос Де Вашера был спокоен. - Целая пачка. Нам бы не хотелось ими воспользоваться, но еще одна маленькая встреча с Таррансом или другим фэбээровцем, и мы отошлем их по почте твоей жене. Как тебе это понравится, Митч? Представляю, как твоя очаровательная жена идет к почтовому ящику

за своими журнальчиками и каталогами и вытаскивает странный конверт, адресованный именно ей. Подумай об этом, Митч. Когда вы с Таррансом в следующий раз захотите пройтись по дешевым обувным лавкам, подумай и о нас, Митч. Потому что мы будем где-нибудь рядом.

- Кто еще об этом знает?

- Я и тот, кто делал снимки. Теперь вот еще ты. В фирме не знает никто, и я никому не собираюсь говорить об этом. Но если ты еще раз попытаешься нас надуть, боюсь, что снимки пойдут за обеденным столом на пятом этаже по рукам. Я люблю жесткую игру, Митч.

Митч сел на пыльный багажник, стиснув голову ладонями. Де Вашер подошел почти вплотную.

- Послушай, сынок. Ты очень способный, блестящий молодой человек. Ты на пути к большому деньгам. Не обмани самого себя. Делай свое дело, играй с нами, а не против, покупай себе машины, строй дома. Как все остальные. Не старайся стать героем. Мне бы не хотелось воспользоваться этим. - Он кивнул на клочки бумаги.

- О'кей, о'кей.

21

В течение семнадцати дней и семнадцати ночей жизнь четы Макдиров протекала довольно спокойно: ни сам Уэйн Тарранс, ни его коллеги не давали о себе знать. Все вошло в свою обычную колею. Митч работал по восемнадцать часов в день и выходил из здания фирмы по одной-единственной причине - съездить домой. Обедал он за рабочим столом. На судебные слушания или просто с каким-нибудь поручением Эйвери посылал теперь других сотрудников. Митч почти не выходил из своего кабинета, этой кельи пятнадцать на пятнадцать футов, в которой для Тарранса он был недостижим. Он старался держаться по возможности дальше от залов, туалетных комнат, кухоньки с кофеваркой. Чувство, что за ним наблюдают, не покидало его ни на мгновение. Он плохо представлял себе, кто именно, но было несомненно, что какая-то группа людей проявляла исключительный интерес ко всем его передвижениям. Поэтому Митч предпочитал большую часть времени проводить за своим столом, при закрытой двери, усердно работая, исступленно оформляя счета и пытаясь выбросить из головы, что в здании был пятый этаж с отвратительным жирным подонком Де Вашером, в распоряжении которого была коллекция снимков, способная его, Митча, уничтожить.

С каждым таким тихим, проходившим без всяких событий днем Митч все более укреплял в себе веру в то, что сцена в обувном магазине послужила уроком Таррансу, что его, возможно, даже уволили из ФБР. А вдруг Войлс просто забыл обо всей операции, и Митчу вновь можно продолжить свое плавное восхождение на вершину богатства к заветному слову - Компаньон. Но все это были только мечты.

Для Эбби ее дом превратился в тюрьму, хотя она и могла позволить себе приходить и уходить когда вздумается. Но и она стала задерживаться в школе, больше проводить времени в прогулках по городу и по меньшей мере раз в день наведываться в небольшой магазин, торгующий бакалейными товарами. Она обращала внимание на каждого смотрящего на нее человека, особенно если тот оказывался мужчиной в темном костюме. Глаза ее постоянно были скрыты за темными стеклами солнцезащитных очков, которые она не снимала, даже когда шел дождь. Поздними вечерами, после ужина в одиночестве, сидя в ожидании прихода мужа, Эбби ходила по комнатам, разглядывая стены и борясь с искушением заняться ими вплотную. Телефоны можно исследовать с помощью увеличительного стекла, а провода и микрофоны не могут же быть невидимыми, говорила она себе. Не раз ей в голову приходила мысль найти книгу, где описывались бы подобные штучки, - это помогло бы в поисках. Но Митч запретил ей и это. "Жучки" в доме есть, уверил он ее, и любая попытка их обнаружить может привести к непредсказуемым последствиям.

Поэтому в своем собственном доме она старалась двигаться беззвучно, чувствовала себя оскорбленной и знала, что долго так продолжаться не может. Оба знали: делать

вид, что все в полном порядке, для них является жизненной необходимостью. Они старались поддерживать обычные разговоры о том, как прошел день, о его работе и ее учениках, о погоде, о том и о другом. Но голоса их звучали не очень выразительно, порою казалось, что они заставляют себя говорить, иногда в них слышалось явное напряжение. Когда Митч учился, они занимались любовью каждую ночь, неистово отдавая себя друг другу. Теперь они практически лишили себя этого. Их кто-то слушал.

В привычку вошли полночные прогулки по кварталу, где они жили. Поздним вечером, съев по сандвичу, Митч и Эбби обходились двумя-тремя фразами о пользе прогулок на свежем воздухе и устремлялись за дверь. Они шагали, держась за руки и делясь мыслями о фирме, о ФБР, о том, какой может быть выход. Они постоянно сходились в одном: выхода нет. Никакого. Все это продолжалось семнадцать дней и семнадцать ночей.

Восемнадцатый день внес некоторое разнообразие. К девяти вечера Митч почувствовал себя обессиленным и решил отправиться домой. Он работал без перерыва пятнадцать с половиной часов. По двести долларов в час. Как обычно, он прошел по коридорам второго этажа, поднялся по лестнице на третий. Он обходил кабинеты просто так, чтобы посмотреть, есть ли еще кто-нибудь в здании работающий. На третьем не было никого. Он поднялся на четвертый: света не было нигде, за исключением офиса Ройса Макнайта - тот работал допоздна. Митч бесшумно проскользнул мимо его двери к кабинету Эйвери, нажал на ручку замка. Замок был заперт. Митч прошел в библиотеку на этом же этаже, как бы в поисках какой-то книги.

Такими ночными обходами он занимался уже две недели и убедился в том, что скрытых камер в кабинетах и библиотеках, равно как и в коридорах, нет. Значит, они только слушают, решил Митч. Видеть они не могут.

У ворот Митч пожелал Датчу Хендриксу спокойной ночи, завел машину и направился к дому. Эбби наверняка удивится столь раннему возвращению. Он тихонько открыл ключом дверь, соединяющую гараж с кухней, и вошел, включив свет. Эбби была в спальне. На пути туда нужно было пройти через прихожую, где на высоком бюро Эбби оставляла полученную за день почту. Положив на крышку бюро свой чемоданчик, Митч сразу увидел его - большой конверт из плотной коричневой бумаги, на котором черным фломастером был написан адрес и имя его жены. Обратного адреса не было. Поперек конверта шла надпись крупными буквами: ФОТОГРАФИИ - НЕ СГИБАТЬ. Сердце у него обмерло, дыхание перехватило. Он протянул руку - конверт был распечатан.

На лбу выступили крупные капли пота, рот пересох, горло свело - не глотнуть. В груди сердце отозвалось вдруг ударами отбойного молотка, каждый вдох и выдох вызывали боль, давались с трудом. Он почувствовал тошноту. С конвертом в руке он осторожно попятился от бюро. Она в постели, подумал он. Оскорбленная, больная, опустошенная и злая до безумия. Он вытер пот на лбу и постарался собраться. Встреть это как мужчина, сказал он самому себе.

Эбби лежала и читала книгу, телевизор был включен. Херси таявал где-то во дворе. Митч приоткрыл дверь спальни, и Эбби подбросило в постели от ужаса. С губ ее готов был сорваться вопль, но тут она его узнала.

- Как ты напугал меня, Митч!

Глаза ее блестели, сначала от страха, теперь от удовольствия. Но слез в них не было. Они выглядели нормально: ни боли, ни гнева. Митч не мог произнести ни слова.

- Почему ты дома? - потребовала она объяснений, садясь в постели и радостно улыбаясь. Улыбаясь?

- Я здесь живу, - сообщил он слабым голосом.

- Почему ты не позвонил?

- Неужели, прежде чем идти домой, мне нужно тебе звонить?

Дыхание его почти пришло в норму. Но она - она просто великолепна!

- Да, это было бы неплохо. Подойди и поцелуй меня.

Он склонился над женой, поцеловал. Подал ей конверт.

- Что это? - спросил он небрежно.

- Я думала, ты мне объяснишь. Адресовано мне, но внутри - ничего. Просто пустота. -

Она закрыла книжку и положила ее на ночной столик рядом.

Ничего! Он улыбнулся и поцеловал жену еще раз.

- Ты ждешь от кого-нибудь фотографий? - спросил Митч как ни в чем не бывало.
- Насколько я знаю, нет. По-видимому, это ошибка.

Митчу показалось, что в этот момент он прямо-таки слышит хохот Де Вашера на пятом этаже. Эта толстая крыса стоит сейчас в какой-нибудь темной комнатке, набитой аппаратурой, стоит в наушниках на своей кочаноподобной голове и заходится от неудержимого хохота.

- Странно, - сказал он.

Эбби натянула на себя джинсы и указала ему рукой на двор. Митч кивнул. Они привыкли к языку жестов: указательный палец или просто поворот головы в сторону двора - этого было достаточно.

Митч положил конверт на прежнее место, прикоснувшись на мгновение к буквам, выведенным фломастером. Наверное, Де Вашер сам писал. Митчу опять послышался его смех, он увидел даже его лицо с омерзительной усмешкой. А фотографии действительно, наверное, компаньоны рассматривали за обеденным столом. Митч представил себе, как гогочут за кофе и десертом Ламберт с Макнайтом и даже Эйвери.

Пусть, черт бы их побрал, повеселятся. Пусть наслаждаются последними несколькими месяцами карьеры блестящих и преуспевающих юристов.

Он схватил за руку проходящую мимо жену.

- Что у нас сегодня на ужин? - Вопрос был задан исключительно ради тех, кто сидел сейчас на пятом этаже фирмы Бендини.

- Почему бы нам не поужинать в городе? Твой ранний приход необходимо отметить.
- Неплохая мысль.

Они вышли через боковую дверь, пересекли внутренний дворик и зашагали в темноте рядом.

- В чем дело? - спросил Митч.

- Тебе сегодня пришло письмо от Дорис. Она пишет, что находится в Нэшвилле, но двадцать седьмого февраля возвращается в Мемфис. Ей необходимо увидеться с тобой. Это что-то важное. Письмо было очень коротким.

- Двадцать седьмого? Это же вчера!
- Я знаю. По-моему, она уже в городе. Интересно, что ей нужно?
- Да, а еще - где она находится?
- Она писала, что у ее мужа какое-то дело в городе.
- Отлично. Она сама нас разыщет, - ответил Митч.

Натан Лок закрыл дверь своего кабинета и указал Де Вашеру на небольшой стол у окна. Оба откровенно ненавидели друг друга и не пытались проявить хоть каплю любезности. Однако бизнес - это бизнес, ведь приказы они получают от одного хозяина.

- Лазарев велел мне переговорить с тобой один на один, - начал Де Вашер. - Последние два дня я провел рядом с ним в Вегасс, он очень обеспокоен. Они все там обеспокоены, Лок, а тебе он доверяет здесь больше, чем кому бы то ни было. Тебя он любит больше, чем меня.

- Это легко понять, - без улыбки отвечал Лок. Морщинки вокруг его глаз сузились, взгляд устремлен на Де Вашера.

- В общем, он хочет, чтобы мы кое-что обсудили.
- Слушаю.

- Макдир лжет. Ты знаешь, как Лазарев вечно хвастал тем, что в ФБР у него есть свой человек. Я-то никогда этому не верил, не верю и сейчас, по большей части. Но если верить Лазареву, то его источник сообщает, что, когда Макдир в январе был в Вашингтоне, он там тайно встретился с какими-то шишками из ФБР. Там были наши люди, и они ничего не видели, но невозможно следить за человеком двадцать четыре часа в сутки и не попасться при этом ему на глаза. Вполне допустимо, что где-то ненадолго он выпадал из поля нашего зрения.

- Ты веришь этому?
- Неважно, верю ли в это я. В это верит Лазарев - вот что нужно принимать но

внимание. Он приказал мне в любом случае заняться подготовкой предварительного плана по, так сказать, умиротворению Макдира.

- К черту, Де Вашер! Мы не можем продолжать убирать людей!

- Всего лишь предварительный план, не более. Я сказал Лазареву, что, по-моему, это несколько рановато, что это может стать ошибкой. Но они там себе места от волнения не находят, Лок.

- Так продолжаться не может, Де Вашер. В конце концов, черт побери, надо думать и о репутации фирмы. Смертность от несчастных случаев у нас выше, чем на разработках нефти. Пойдут разговоры. Мы дойдем до того, что никто из студентов-юристов, если он находится в здравом уме, не согласится у нас работать.

- Я думаю, что об этом и вовсе не стоит беспокоиться. Лазарев решил заморозить прием новых сотрудников. Он велел мне сказать тебе об этом. Ему также нужно знать, как много наших сотрудников еще не посвящены в наши дела.

- По-моему, пять. Сосчитаем: Линч, Соррел, Бантин, Майерс и Макдир.

- О Макдире забудь. Лазарев уверен, что он знает гораздо больше, чем мы предполагаем. Ты убежден, что оставшиеся четверо ни о чем не догадываются?

Лок задумался на минуту, беззвучно шевеля губами.

- Мы им ничего не говорили. Вы у себя там сидите, слушаете и смотрите. Что можете сказать вы?

- Об этих четырех - ничего. Выглядят они абсолютно несведущими и ведут себя соответственно. Их можно уволить?

- Уволить? Они - юристы, Де Вашер. Мы не увольняем юристов. Они - полноправные члены фирмы.

- Фирма меняет свой стиль работы, Лок. Лазарев хочет уволить непосвященных и прекратить прием новых сотрудников. Совершенно ясно, что фэбээровцы изменили свою стратегию, настало время менять и нам нашу. Лазарев собирается замкнуть круг и ликвидировать все утечки. Не можем же мы сидеть сложа руки и смотреть, как ФБР подбирается к нашим парням.

- Уволить, - с недоверием в голосе повторил Лок. - Ни разу еще фирма не уволила юриста.

- Очень трогательно, Лок. Мы избавились от пятерых, но ни разу не уволили ни одного. Это по-настоящему здорово. У тебя в распоряжении месяц, так что начинай обдумывать причину. Я бы советовал уволить всех четверых разом. Скажите им, что у вас большие финансовые потери, вы вынуждены сокращать штат.

- У нас нет финансовых счетов, у нас есть только клиенты.

- Ладно, замечательно. Ваш самый крупный клиент приказывает вам вышвырнуть Линча, Соррела, Бантина и Майерса. Начинайте разрабатывать планы.

- Как можно уволить их, не увольняя Макдира?

- Придумаешь что-нибудь, Нат. У тебя впереди месяц. Избавьтесь от них и не нанимайте больше никого. Лазареву нужен небольшой спаянный коллектив людей, где каждому можно доверять. Он напуган, Нат. Напуган и близок к помешательству. Мне нет нужды говорить тебе, что может случиться, если один из ваших парней выведет его из себя.

- Тебе нет нужды говорить об этом. Что он собирается делать с Макдиром?

- В настоящий момент ничего, кроме того, что сейчас делается. Мы слушаем его круглые сутки, и он ни словом не обмолвился ни о чем жене или еще кому. Ни словом! Дважды Тарранс подстерегал его, и оба раза парень докладывал вам об этом. Вторая его встреча была, что ни говори, подозрительной, поэтому мы сейчас очень осторожны. С другой стороны, Лазарев настаивает на том, что в Вашингтоне имела место тайная встреча. Он пытается найти этому подтверждение. Сказал, что источник его знает немного, но старается накопить еще информации. Если Макдир и на самом деле встречался там с ФБР и не доложил об этом, то я уверен - Лазарев отдаст приказ действовать быстро. Вот почему ему нужен сейчас предварительный план.

- Как ты его себе представляешь?

- Пока еще слишком рано. Я не думал об этом.

- Ты знаешь, что через две недели он собирается с женой в отпуск на Кайманы. Они останутся в одном из наших бунгало, как и все.
 - Повторять то, что было, не годится. Слишком подозрительно. Лазарев советовал мне попытаться сделать так, чтобы она забеременела.
 - Жена Макдира?
 - Да. Он хочет, чтобы у них родился ребенок, маленький заложник. Она пользуется таблетками, этим-то мы и воспользуемся: заменим пилюли в ее флакончике чем-нибудь безобидным.
- Мрачные черные глаза Лока в этот момент подернулись вдруг пеленой грусти, он повернулся к окну.
- Что, черт возьми, в конце концов, происходит, Де Вашер? - тихо спросил он.
 - Нас ждут перемены, Нат. Похоже, что ФБР становится все более активным, они ведь так и шныряют вокруг. В один прекрасный день кто-то из ваших парней заглочет наживку, и всем вам придется бежать из города в ночь.
 - Я не верю этому. До Вашер. Наши юристы не такие дураки, чтобы рисковать жизнью и семьей ради увещеваний ФБР. Я не верю, что такое может произойти. Наши парни слишком умны, слишком хорошие деньги они у нас получают.
 - Надеюсь, что ты окажешься прав.

22

Прислонившись к стенке лифта, служащий конторы, сдававшей в аренду помещения, упивался созерцанием кожаной мини-юбки. Глаза скользнули до самого ее края, приходившегося намного выше коленей, и начали продвигаться вниз, вдоль шва черных шелковых чулок. Шов нырял в туфельки на высоком каблуке, изящные черные туфельки с красной полосой на носке. Уже упирившийся в пол взгляд с восхищением пустился в обратный путь: по туфельке, шву, с него - на край юбки; отдохнул несколько мгновений на ее выразительных выпуклостях и вновь устремился вверх - по свитеру из красного кашемира, который, как заметил мужчина еще в вестибюле, мало что скрывал, а спереди так просто ошеломлял своим содержимым. Волосы спускались чуть ниже плеч и на красном фоне свитера смотрелись очень приятно. Мужчине было ясно, что волосы крашенные, но их соседство с кожаной юбкой, черными швами, туфельками на высоком каблуке, обтягивающим свитером и двумя изумительными полусферами внутри говорило ему о том, что от такой женщины он бы не отказался. Прямо здесь. Не в лифте, конечно, нет. В конторе. Она пришла, чтобы снять помещение под офис. О цене можно было столкнуться.

Лифт остановился. Дверь отошла в сторону, и он проследовал за женщиной по узкому коридору.

- Туда, - сделал он жест рукой, включая свет. Подходя к двери в углу коридора, он обогнал ее и вставил ключ в замочную скважину старой деревянной двери.
- Вот, две комнаты, - сказал он, нащупав рукой еще один выключатель. - Около двухсот квадратных футов.

Она прошла к окну.

- А вид неплохой.

Тэмми стояла у окна и смотрела вдаль.

- Да, хороший вид, - с готовностью подхватил клерк. - И ковер на полу новый. Ремонт был прошлой осенью. Вход во вторую комнату через прихожую. Отличное место. Все здание целиком было отреставрировано лет восемь назад.

Сообщая Тэмми все это, он не сводил глаз с черных швов на ее чулках.

- Неплохо.

Одобрение вовсе не относилось к тому, что она слышала. Она все так же стояла у окна и смотрела вниз.

- Как называется здание?
- Это "Хлопковая биржа", одно из самых старых зданий Мемфиса. Очень престижное место.

- А насколько престижна плата?

Он кашлянул и раскрыл папку, которую держал в руках. Уперся глазами а ее каблуки.

- Офис такой маленький... Для чего, вы сказали, его снимаете?

- Для секретарской работы. Я - независимая секретарша, предоставляю услуги тому, кто в них нуждается.

Не обращая на него никакого внимания, она приблизилась к другому окну. Он следовал за ней.

- Понятно. На какой срок хотите снять помещение?

- На полгода с возможным последующим продлением на год.

- О'кей, на полгода цена составит триста пятьдесят в месяц.

Она остановилась, не дойдя до окна. Небрежным движением сбросив правую туфельку, она кошачьим движением провела ступней по икре левой ноги. Мужчина успел заметить, что шов продолжался и вдоль всей ступни, а ногти на пальцах ног были... красными! Чуть оттопырив свою задорную попку, Тэмми уселась на подоконник. Папка в руках клерка затряслась мелкой дрожью.

- Я буду платить вам двести пятьдесят в месяц, - авторитетно заявила она.

Он закашлялся. Какой смысл жадничать? Крошечные комнатки были ни на что не пригодны, годами их не снимал никто. А независимая секретарша могла понадобиться и конторе. Ему самому могла понадобиться независимая секретарша.

- Триста, и это мое последнее слово. На здание огромный спрос. Девяносто процентов площади уже сданы. Триста в месяц, и это совсем задаром. Мы едва покроем издержки.

Внезапно она повернулась к нему, и ему уже просто некуда было девать свои глаза: он стал пожирать их взглядом. Высокие и полные, туго обтянутые тонким свитером.

- В объявлении говорилось, что офисы сдаются уже с мебелью, - заметила она.

- Мебель мы можем вам предоставить, - согласился он, готовый сотрудничать. - Что вам понадобится?

Тэмми посмотрела вокруг.

- Мне будет нужен стол секретаря и этажерка для картотеки. Стеллажи для папок, несколько штук. Пару стульев для клиентов. Никакой безвкусицы. Другую комнату можно оставить пустой. Я поставлю туда ксерокс.

- Нет проблем. - Он улыбнулся.

- За все это я буду платить триста долларов в месяц.

- Договорились.

Он достал из своей папки бланк и стал его заполнять.

- Ваше имя?

- Дорис Гринвуд.

Ее мать звали Дорис Гринвуд, а ее саму Тэмми Инес Гринвуд - до того, как она вышла замуж за Бастера Хэмфила, позже официально сменившего свое имя на Элвиса Аарона Хэмфила, и с тех пор жизнь Тэмми перестала быть безоблачной. Мать жила в Эффингэме, штат Иллинойс.

- Отлично, Дорис, - сказал он свойским голосом, как если бы они давно уже называли друг друга по имени и отношения их становились все более тесными. - Домашний адрес?

- А это вам для чего? - В голосе ее послышалось некоторое раздражение.

- Ну-у, нам просто нужна какая-то информация.

- Это не ваше дело.

- О'кей, о'кей. Нет так нет.

Картинным жестом он оторвал корешок, поднес его ближе к глазам.

- Ну вот. Я оформил начиная с сегодняшнего дня, 2 марта, на шесть месяцев, то есть по 2 сентября. Нормально?

Она кивнула и закурила сигарету.

Он продолжал:

- Мы берем триста долларов задатка и плату за первый месяц авансом.

Из кармашка юбочки она извлекла пачку банкнот, отсчитала шесть стодолларовых бумажек и положила их на стол.

- Квитанцию, - потребовала она.

- Конечно. - Он продолжал что-то писать.

- На каком мы этаже? - спросила она, подойдя к окну.

- На девятом. После пятнадцатого числа каждого месяца пеня за неуплату десять процентов. Мы сохраняем за собой право в любое время войти для осмотра. Помещения не могут быть использованы для незаконной деятельности. Вы оплачиваете все издержки и страховку за площадь. За вами закрепляется место на стоянке напротив здания, и вот вам два ключа. Вопросы?

- Что, если я буду работать сверхурочно? Я имею в виду до поздней ночи?

- Это не проблема. Вы можете приходить и уходить, когда вам удобно. После наступления темноты охранник у выхода на Фронт-стрит впустит вас.

Тэмми зажала сигарету ярко накрашенными губами и подошла к столу. Поколебавшись мгновение, взяла ручку и расписалась именем Дорис Гринвуд.

Закрыв дверь на замок, они проделали обратный путь вниз.

К полудню следующего дня необходимая мебель была доставлена, и Дорис Гринвуд из "Гринвуд Сервис" уже установила на своем рабочем столе пишущую машинку и телефон. Сидя за машинкой, она могла, чуть повернув голову влево, к окну, наблюдать за проезжей частью Фронт-стрит. Ящики стола она заполнила бумагой, блокнотами, карандашами и прочими канцелярскими мелочами. На стеллажи с папками и на маленький столик между двумя креслами, предназначенными для клиентов, положила несколько журналов.

В дверь постучали.

- Кто? - прокричала она.

- Ваш ксерокс, - проговорил мужской голос. Она повернула ручку замка и открыла дверь. В комнату вкатился энергичный коротышка по имени Горди, осмотрелся и грубовато спросил:

- Ну, куда вам его поставить?

- Туда.

Тэмми ткнула пальцем в сторону маленькой комнатки, у которой даже не было двери. Двое молодых людей в голубых комбинезонах втолкнули тележку с ксероксом.

На ее стол Горди положил пачку бумаг.

- Это отличная, мощная машина. Выдаст девяносто копий в минуту, с брошюратором и автоматической загрузкой. Хорошая машина.

- Где расписаться? - спросила она, не обращая внимания на его болтовню.

Он указал ей кончиком ручки.

- На полгода, за двести сорок в месяц. За эти деньги вы еще получите обслуживание, ремонт и пятьсот листов бумаги на первые два месяца. Какой вам нужен формат: стандартный или половинного размера?

- Стандартный.

- Платить каждый месяц десятого числа. Руководство я положил на стеллаж. Будут вопросы - звоните.

Оба парня в комбинезонах таращили глаза на ее джинсы в обтяжку. Горди подал ей желтый листок копии квитанции.

- Спасибо, что обратились к нам.

Троица ушла, и она закрыла за ними дверь. Подошла к окну и стала смотреть куда-то на север, в дальний конец Фронт-стрит. На противоположной стороне улицы в трех кварталах от "Хлопковой биржи" виднелись четвертый и пятый этажи фирмы Бендини.

Он сидел в одиночестве, по уши зарывшись в книги и папки с документами. Он был занят, занят для всех, кроме Ламара. Он прекрасно сознавал, что такое его затворничество не остается незамеченным окружающими, и это заставляло его еще глубже уходить в работу. Может, они будут не так подозрительны, если ему удастся закрывать счетами по двадцать часов в день. Может, деньги отгородят его от них. Нина оставила ему картонную коробку с холодной пиццей, когда уходила вечером. Он ел пиццу и наводил порядок на столе. Позвонил Эбби, сказал, что собирается навестить Рэя и вернется в Мемфис в воскресенье вечером. После этого он вышел и направился на стоянку к машине.

Три с половиной часа он гнал автомобиль по сороковой автостраде, не сводя глаз с зеркала заднего вида. Никого. Ни разу не заметил он ни одной сомнительной машины. Видимо, уже предупредили по телефону, и его поджидают впереди по трассе. В Нэшвилле он вдруг резко свернул в центр города. Ориентируясь по схеме, которую сам же небрежно набросал, он то появлялся, то исчезал на оживленных улицах, разворачивался, где это только было возможно, и в целом вел себя за рулем как сумасшедший. В южной части города он свернул в жилой квартал и стал кружить между домами. То, что нужно. На стоянках были свободные места, люди вокруг принадлежали к белой расе. Черных он не заметил. Закрыв "БМВ" на ключ, он оставил его у муниципального здания. Телефон-автомат на стене крытого бассейна работал. Он заказал такси, назвав место в двух кварталах от него. Повесив трубку, пробежал между зданиями на соседнюю улицу и оказался на месте одновременно с такси.

- Автостанция "Грейхаунд", - бросил он водителю. - И побыстрее, у меня всего десять минут.

- Спокойно, парень, это совсем рядом.

Митч опустил н кресло пониже и поглядывал на машины вокруг. Таксист с невозмутимым видом не спеша крутил руль, и ровно через семь минут они остановились напротив автобусной станции. Митч оставил ему две пятерки и побежал к зданию автовокзала. В кассе он купил билет до Атланты на рейс в шестнадцать тридцать. Часы на стене показывали тридцать одну минуту пятого. Кассирша махнула ему рукой в сторону вращающейся стеклянной двери:

- Машина номер 454, направление - сейчас. Водитель автобуса захлопнул дверцу багажного отделения, взял его билет. В салон они поднялись вместе. Первые три ряда сидений были заняты пожилыми чернокожими парами. Там и сям сидело еще с десятков пассажиров. Митч медленно шел по проходу, разглядывая лица справа и слева от себя, но не видя никого. Он уселся у окна в четвертом от конца салона ряду. Нацепив темные очки, обернулся, посмотрел назад. Никого. Черт побери, может, это не тот автобус? Он уставился в окно, пока автобус маневрировал в потоке транспорта. Будет остановка и Ноксвиле, может, встреча произойдет там?

Когда они выехали на автостраду и водитель набрал скорость, на сиденье рядом с Митчем неожиданно опустился мужчина в голубых джинсах и полосатой рубашке. Это был Тарранс. Митч с облегчением вздохнул.

- Где ты был? - задал он вопрос.

- В туалете. Ты отвязался от них? - Тарранс говорил очень тихо, внимательным взглядом изучая виднеющиеся над спинками кресел головы пассажиров. Никто их не слушал. Никто и не мог слышать.

- Я и не видел их, Тарранс. Поэтому не могу сказать, что отвязался. Но они, должно быть, супермены, если на это раз не потеряли меня.

- Ты заметил на автостанции нашего человека?

- Да. У телефона-автомата в красной бейсбольной Шапочке. Чернокожий парень.

- Он. Если бы за тобой кто-то был, он подал бы мне сигнал.

- Он кивнул мне, мол, давай-давай.

На Таррансе были зеркальные солнцезащитные очки под длинным козырьком спортивной шапочки. До Митча доносился запах жевательной резинки.

- Нарушаешь форму одежды, - заметил Митч без всякой улыбки. - Ты получил разрешение Войлса на подобный костюм?

- Забыл его спросить. Ничего, сделаю это завтра утром.

- В воскресенье утром?

- Естественно. Ему очень хочется как можно быстрее узнать о нашей с тобой небольшой прогулке. Я уже предупредил его, примерно за час до отъезда.

- Ладно, давай-ка сначала о главном. Как быть с моей машиной?

- Наши люди подберут ее через несколько минут. К тому моменту, как она тебе понадобится, она уже будет в Ноксвиле. Не беспокойся.

- Думаешь, они нас не обнаружат?

- Каким образом? Из Мемфиса за тобой никто не последовал, и в Нэшвилле мы тоже не

заметили никого подозрительного. Ты чист, как новорожденный.

- Извини за беспокойство, но после того фиаско в обувном магазине я понял, что ваши парни далеко не гениальны.

- Хорошо, это была ошибка. Мы...

- Большая ошибка. Она могла стоить мне жизни.

- Но ты им вправил мозги. Больше такого не повторится.

- Дай мне слово, Тарранс. Дай мне слово, что никто из вас никогда больше не подойдет ко мне в публичном месте.

Глядя в проход, Тарранс кивнул головой.

- Нет, Тарранс. Мне нужно это услышать. Обещай мне.

- О'кей, о'кей. Больше такого не будет, обещаю.

- Благодарю. Теперь, может, мне удастся поесть в ресторане, не опасаясь, что кто-то схватит меня за руку.

- Я все понял, Митч.

По проходу, стуча палкой и улыбаясь, к ним приближался пожилой темнокожий джентльмен. Он прошел в конец автобуса, хлопнула дверца туалета.

Тарранс уткнулся в журнал, Митч смотрел в окно. Мужчина с тростью закончил свои дела и проковылял мимо них к своему месту в первых рядах кресел.

- А почему ты выбрал автобус? - спросил Тарранс, листая журнал.

- Не люблю самолеты. Я всегда езжу автобусом.

- Ясно. С чего ты думаешь начать?

- Войлс сказал мне, что у вас есть план.

- Есть. Мне нужно, чтобы ты сыграл в нападении.

- Хороший нападающий обойдется дорого.

- Деньги у нас есть.

- Это будет гораздо дороже, чем ты думаешь. Как мне представляется, я должен буду оставить карьеру юриста, то есть сорок лет работы по полмиллиона долларов в среднем за год.

- Это двадцать миллионов долларов.

- Да, знаю. Мы можем поторговаться.

- Рад слышать. Ты сказал, что собирался работать, или практиковать, точнее говоря, сорок лет. Вряд ли это обоснованный расчет. Смеха ради давай предположим, что в течение пяти лет мы накроем вашу фирму и ты получишь срок вместе со своими друзьями. Тебе будет предъявлено обвинение, которое обеспечит несколько лет тюрьмы. Долго тебя не продержат - ты же не уголовник, да и адвоката тебе найдут грамотного. Но в любом случае ты потеряешь свою лицензию на право заниматься юридической деятельностью, свой дом, свой маленький "БМВ". Может, и жена уйдет от тебя. Когда ты выйдешь, то сможешь, наверное, открыть частное детективное агентство, как твой старый друг Ломакс. Работа эта не трудная, разве что придется понюхать несвежее белье своих клиентов.

- Я уже сказал. Можем поторговаться.

- Хорошо, давай поторгуемся. Сколько ты хочешь получить?

- За что?

Тарранс закрыл журнал, положил его под сиденье и достал толстую книжку, сделав вид, что читает. Митч разговаривал, едва шевеля губами и не сводя глаз с прохода.

- Ты хорошо поставил вопрос. - Голос Тарранса почти заглушался шумом двигателя. - Чего мы ждем от тебя? Хороший вопрос. Во-первых, забудь о карьере юриста. Ты поделишься с нами всеми своими записями и всеми секретами своих клиентов. Уже этого достаточно для того, чтобы ты навсегда лишился лицензии, но это неважно. Нам нужно с тобой договориться, что ты принесешь нам фирму на серебряной, так сказать, тарелочке. Когда мы придем к такому соглашению, если придем, то все остальное само встанет на свои места. Во-вторых, и это самое главное, ты предоставишь в наше распоряжение достаточно документации для того, чтобы предъявить обвинение каждому члену фирмы и большей части клана Моролто. Документация эта находится в здании на Фронт-стрит.

- Откуда вам это известно?

Тарранс улыбнулся.

- Мы тратим миллионы долларов на борьбу с организованной преступностью. Семейство Моролто мы держим под наблюдением двадцать лет. Козински и Ходж успели нам кое-что сообщить перед тем, как погибнуть. Не принимай нас за недоумков, Митч, у нас есть источники.

- И вы считаете, что я смогу вынести нужную информацию из здания?

- Считаю, мистер адвокат. Действуя изнутри, ты сможешь взорвать эту чертову фирму и уничтожить одну из крупнейших группировок в организованной преступности. Ты сдашь нам фирму целиком. Кто работает в кабинетах? Как зовут секретарш, клерков, младший юридический персонал? Кто какими делами занят? У кого какие клиенты? Система руководства? Кто сидит на пятом этаже? Что там находится? Где хранятся записи? Есть ли централизованное хранилище документации? Степень компьютеризации? Как много материалов на микрофильмах? Микрофишах? И основное: всю эту информацию ты должен добыть и доставить нам. При наличии минимального предложения мы сможем войти туда официальным порядком и потребовать у них все, что нам нужно. Но это очень ответственный шаг. Потребуется солидная, прочная база для того, чтобы ворваться туда с ордерами на обыск.

- Это все, что нам нужно?

- Нет. Тебе придется выступить свидетелем против своих коллег в суде. Это может занять годы.

Митч набрал полную грудь воздуха и прикрыл глаза. Автобус сбавил скорость, сдерживаемый караваном туристских домиков на колесах. Наступили сумерки, несущиеся навстречу автомобилю уже зажгли фары. Выступить свидетелем на суде! Это ему и в голову не приходило. С теми миллионами, что пойдут на защиту, суд может никогда не кончиться.

Тарранс и в самом деле принялся за чтение - последний бестселлер Луи Ламура. У себя над головой он включил местное освещение - ни дать ни взять настоящий пассажир в настоящем путешествии. Миль тридцать они проехали в полном молчании. Наконец Митч снял свои темные очки, повернулся к Таррансу.

- А что будет со мной?

- У тебя будут деньги. Хорошие деньги. И тебе не будет стыдно смотреть людям в глаза. Ты сможешь жить, где захочешь, по новым, естественно, документам и под новым именем. Мы найдем тебе работу, изменим внешность, словом, все, что захочешь.

Митч пытался сосредоточиться взглядом на дороге, но это было невозможно. Он вновь перевел глаза на Тарранса.

- Смотреть людям в глаза? Не говори мне больше об этом, Тарранс. Я - невинная жертва, и ты знаешь это не хуже меня.

На губах Тарранса играла самодовольная ухмылка. Опять тишина разделила их на несколько миль.

- А моя жена?

- Можешь оставить ее себе, Митч.

- Очень остроумно.

- Прости. У нее будет все, что она пожелает. Что она знает?

- Все. - Он вспомнил про девушку на берегу. - Ну, почти все.

- Мы предоставим ей хорошо оплачиваемую государственную службу где-нибудь в органах социального обеспечения в том месте, которое ты выберешь. Не все так плохо, Митч.

- Все просто замечательно. До того момента, пока кто-нибудь из ваших люден не проболтается какому-то незнакомцу. Тогда вы из газет узнаете что-нибудь обо мне или моей жене. Мафия ничего не забывает, Тарранс. Они страшнее крокодилов. И секреты они умеют хранить лучше, чем вы. Вы же теряли людей, не пытайтесь отрицать.

- Я не буду этого отрицать. Я готов признать, что когда они приговаривают кого-то к смерти, то убийство совершается с удивительной изобретательностью.

- Спасибо. Куда вы меня поселите?

- На твое усмотрение. В настоящее время около двух тысяч наших свидетелей мы

обеспечили новыми именами, новыми адресами и новой работой. Все преимущества на твоей стороне.

- Так у меня еще и преимущества?

- Конечно. Либо ты получаешь хорошие деньги и уносишь ноги, либо становишься состоятельным юристом - если готов поспорить, что фирма окажется нам не по зубам.

- Замечательный выбор, Тарранс.

- Да. Я рад, что он тебе по вкусу.

Попутчица джентльмена с тростью выбралась из своего кресла и начала продвигаться навстречу им, хватаясь по пути за спинку каждого сиденья. Когда она проходила мимо, Тарранс всем телом подался в сторону Митча и замолчал. Ей было по меньшей мере девяносто, она едва передвигалась, вряд ли умела читать и чуть не придавила Тарранса своими телесами. Тот сразу же онемел.

Через пятнадцать минут дверь туалета распахнулась, послышались булькающие звуки воды, уносящейся в специальный бак, расположенный под днищем автобуса. Пожилая матрона проковыляла мимо них вперед:

- Кто такой Джек Олдрич? - спросил Митч. Он подозревал, что рассказанный в кабинете Ламберта эпизод не имел места в действительности, и сейчас внимательно наблюдал за реакцией Тарранса. Тот оторвался от книги и устался в спинку кресла перед собой.

- Имя звучит знакомо, но где я его слышал, не помню.

Митч вновь повернулся к окну. Тарранс знал. Он чуть вздрогнул, и слишком уж сузились его глаза перед тем, как он ответил. Митч смотрел на проносящиеся мимо машины.

- Ну, и кто же он? - задал в спую очередь вопрос Тарранс.

- Ты его не знаешь?

- Если бы знал, то не стал бы спрашивать. - Он работает у нас в фирме. Тебе следовало бы знать об этом, Тарранс.

- В городе полно юристов, и ты, по-видимому, знаешь каждого.

- Я знаю всех в маленькой фирме "Бендини, Ламберт энд Лок", в тихой спокойной фирме, которую вы изучаете вот уже семь лет. Олдрич работает шесть лет, и пару месяцев назад ФБР, вероятно, пыталось наладить с ним контакт. Это правда?

- Абсолютная чушь. Кто тебе это сказал?

- Неважно. Где-то слышал краем уха.

- Это ложь. С августа мы не имели дела ни с кем, кроме тебя. Могу дать тебе слово. У нас и планов таких не было, во всяком случае, до тех пор, пока ты не откажешься, и нам не придется искать кого-то еще.

- Вы ни разу не беседовали с Олдричем?

- Ни разу.

Митч кивнул и взял в руки журнал. Прошло еще полчаса. Тарранс отложил свой роман в сторону, проговорил:

- Слушай, Митч, примерно через час мы будем в Ноксвиле. Если мы хотим чего-то достичь, нам все-таки нужно договориться. У Войлса завтра утром будет куча вопросов.

- Сколько вы мне заплатите?

- Полмиллиона долларов.

Как и всякий грамотный юрист, Митч знал, что первое предложение должно быть отвергнуто. Всегда. Ему не раз приходилось видеть, как в шоке у Эйвери отвисала нижняя челюсть, а голова отрицательно качалась из стороны в сторону, выражая живейшее отвращение и недоверие первому предложению, каким бы разумным оно ни выглядело. Ведь еще будут встречные предложения, встречные предложения встречным предложениям, начнется торговля, переговоры... Но самое первое предложение всегда должно быть отвергнуто.

Поэтому Митч, покачивая головой и слегка улыбаясь, так, как будто он и предполагал это услышать, сказал "нет" предложению в пятьсот тысяч долларов.

- В моих словах было что-то смешное? - спросил Тарранс - не юрист, не торговец.

- Да это просто смехотворно, Тарранс. Не думаешь же ты, что я сбегу с золотого прииска за полмиллиона. После вычета налогов у меня, дай Бог, останется тысяч триста.

- А если мы прикроем ваш прииск и пошлем всех ваших пижонов в ботиночках от Гуччи на государственное содержание?

- Если, если, если. Если вы уж так много знаете, почему же вы ничего не делаете? Войлс говорил, что вы уже семь лет следите за ними, изучаете их. Это здорово, Тарранс. Вы всегда так быстро двигаетесь вперед?

- Хочешь попробовать, Митч? Да пусть это займет у нас еще пять лет, а потом твоя задница будет сидеть и тухнуть в камере. Не станет ли тебе безразлично в этом случае, сколько времени у нас ушло, а? Результат-то ведь один.

- Извини. Я думал, что у нас торговля, а не взаимные угрозы.

- Я свое предложение сделал.

- Это слишком мало. Вы ждете от меня, что я снабжу вас материалами, достаточными для сотни обвинительных заключений, помогу вам засадить за решетку самых изощренных преступников в стране. Мне это запросто может стоить жизни, а вы предлагаете взамен жалкие гроши. По меньшей мере, три миллиона.

Тарранс принял удар, не дрогнув. Он ответил Митчу ясным прямым взглядом, и Митч - он умел вести переговоры - понял, что сумма не ошеломила собеседника.

- Это целая куча денег, - негромко проговорил Тарранс как бы самому себе. - Не думаю, чтобы мы когда-нибудь платили такую сумму.

- Но можете заплатить, не так ли?

- Сомневаюсь. Мне нужно будет поговорить с директором.

- С директором! Мне было сказано, что ты уполномочен сам решать все проблемы. Или мы так и будем бегать от директора и к нему до тех пор, пока не договоримся?

- Что еще?

- Есть и кое-что еще, но мы не станем этого касаться, пока не разрешится вопрос с деньгами.

У джентльмена с тростью явно были слабые почки. Он поднялся и вновь начал неловко продвигаться по проходу в конец салона. Тарранс взял и руки книгу, Митч принялся листать старый журнал.

.Автобус компании "Грейхаунд" свернул с автострады в сторону Ноксвила без двух минут восемь. Тарранс наклонился к нему и прошептал:

- Подойдешь к главному входу в автовокзал. Увидишь там парня в оранжевом спортивном костюме университета штата Теннесси, он будет стоять у белого "бронко". Он узнает тебя и назовется Джеффри. Пожмите друг другу руки как старые друзья и заберетесь в "бронко". Он отвезет тебя к твоей машине.

- Где она? - также шепотом спросил Митч.

- В университетском городке, позади здания общежития.

- Ее проверили на "жучки"?

- Думаю, да. Спросишь парня в "бронко". Если из Мемфиса за тобой следовали, то сейчас у них могут возникнуть подозрения. Направишься в Куквил, это примерно в ста милях от Нэшвилла. Остановишься на ночь в "Холидэй Инн" и отправишься на свидание с братом. Мы тоже будем посматривать, и, если заметим что-нибудь настораживающее, я разыщу тебя в понедельник утром.

- Когда будет следующая поездка на автобусе?

- Во вторник день рождения твоей жены. Закажите столик у Гризанти, это итальянский ресторанчик по дороге в аэропорт. Ровно в девять вечера подойдешь к автомату по продаже сигарет в баре, опустишь шесть двадцатипятицентовиков и купишь что хочешь. Вместе с покупкой найдешь в ящичке и магнитофонную кассету. Купи себе перед этим какой-нибудь маленький плеер, с которыми не расстаются спортсмены-ходоки, и прослушай кассету в машине, в машине, а не дома, и уж ни в коем случае не в офисе. Через наушники. Дай прослушать жене. Ты услышишь мой голос, и я назову тебе нашу самую высокую цену и еще объясню пару вещей. Прослушаешь все несколько раз, а потом уничтожишь кассету.

- Все это довольно-таки сложно, нет?

- Сложно, зато недели две нам не нужно будет встречаться и разговаривать. Ведь они продолжают следить и слушать, Митч. И делают они это хорошо. Не забывай.

- Обо мне не беспокойся.
- Какой номер был у тебя на футболке, когда ты играл в университете?
- Четырнадцать.
- А в колледже?
- Четырнадцать.
- Годится. Твоим кодовым номером будет 1-4-1-4. В четверг вечером с кнопочного телефона-автомата позвони по 757-6000. Тебя попросят назвать твой кодовый номер. После того как ты удостоверишь свою личность, ты услышишь кассету с моим голосом, я задам тебе некоторые вопросы. Так мы и начнем.
- Почему бы мне просто не заниматься юриспруденцией?
- Автобус подъехал к зданию вокзала и остановился.
- Я поеду до Атланты, - обратился к нему Тарранс. - Недели две мы не будем видеться. В случае крайней необходимости звони по одному из тех номеров, что я дал тебе раньше.
- Митч стоял в проходе и смотрел на Тарранса. - Три миллиона, Тарранс. Ни цента меньше. Если вы тратите десятки миллионов на борьбу с преступностью, вы в состоянии найти три миллиона для меня. И, Тарранс, у меня есть еще один выбор. Я могу исчезнуть в ночи, раствориться в воздухе. Если так случится, вы можете сражаться с кланом Моролто до скончания века. А я в это время буду играть в домино где-нибудь в Карибском море.
- Ну конечно, Митч. Сыграй партию или две. А через неделю они тебя разыщут. Но только рядом уже не будет нас, чтобы защитить тебя. Пока, коллега.
- Митч спрыгнул с подножки автобуса и побежал к зданию автовокзала.

23

Во вторник к восьми тридцати утра Нина уже разложила аккуратными столбцами и пачками весь тот хлам, что царил на его столе. Она наслаждалась этим ритуалом наведения порядка и планирования его рабочего времени. Журнал записи его деловых встреч лежал на самом виду на углу стола. Она раскрыла его.

- Сегодня у вас очень напряженный день, мистер Макдир.
- Митч листал какую-то папку.
- У меня каждый день такой.
- В десять часов у вас встреча в кабинете мистера Махана по поводу запроса компании "Дельта Шиппинг". В одиннадцать тридцать вас ждет у себя мистер Толар по вопросу распада "Гринбрайер", его секретарша уведомила меня, что разговор продлится не меньше двух часов.
- С чего это вдруг?
- Мне не платят за то, чтобы я задавала подобные вопросы, мистер Макдир. А если я стану их задавать, меня могут выставить отсюда вон. В три тридцать с вами хочет встретиться Виктор Миллиган.
- Для чего?
- И опять же, мистер Макдир, я не могу задавать такие вопросы. А через пятнадцать минут вы должны быть в центре города, в кабинете Франка Малхолланда.
- Да, знаю. Где это?
- В здании "Хлопковой биржи". В четырех-пяти кварталах вверх по Фронт-стрит. Вы проходили мимо этого здания сотни раз.
- Отлично. Что еще?
- Принести вам что-нибудь перекусить с обеда?
- Нет, перехвачу сандвич в городе.
- Тем лучше. Для Малхолланда у вас все готово?
- Он указал на тяжелый черный чемоданчик и ни слова не произнес в ответ. Нина вышла. Через несколько секунд за ней последовал и Митч: по коридору, вниз по лестнице и на улицу. Под фонарным столбом он на мгновение замер и тут же быстрым шагом устремился в центр. В правой руке он нес тяжелый черный чемоданчик, в левой - коричневый кожаный атташе-кейс. Первый сигнал.

Перед зеленым фасадом здания, окна которого были скрыты за жалюзи, он опять замер, чуть ли не вплотную прижавшись к пожарному гидранту. Затем, резко повернувшись, начал пересекать Фронт-стрит. Еще один сигнал.

На девятом этаже “Хлопковой биржи” Тэмми Гринвуд из “Гринвуд Сервис” отошла от окна и надела свой жакет. Вышла из кабинета, закрыла его на ключ, нажала кнопку лифта. Она стояла и ждала. Ждала встречи, за которую могла поплатиться жизнью.

Митч вошел в вестибюль и прямым ходом направился к лифтам. Никаких подозрительных лиц вокруг себя он не заметил. В глаза ему бросились лишь пять-шесть джентльменов делового вида, на ходу разговаривавших между собой. Женщина говорила что-то в трубку телефона-автомата. Охранник подпирал стену у выхода на Юнион-авеню.

Митч нажал кнопку вызова. Рядом с ним никого не было. Но когда двери лифта раскрылись, первым мимо него проскользнул молодой человек в черном костюме, похожий чем-то на Меррилла Линча. Митч вздрогнул - он надеялся быть в кабинке один.

Офис Малхолланда располагался на седьмом этаже. Митч нажал кнопку, не удостоив парня в черном костюме и взглядом. Когда лифт пополз вверх, оба уставились на табло с мелькающими цифрами. Митч стоял у самой стенки, поставив тяжелый чемоданчик на пол рядом со своей правой ногой. На четвертом этаже лифт остановился, в раскрывшиеся двери вошла несколько нервничавшая Тэмми. Молодой человек окинул ее оценивающим взглядом. На этот раз Тэмми была одета классически: не очень длинное простое вязаное платье без всяких украшений. Никаких немислимых туфель на каблуках. Волосы светились чуть красноватым оттенком. Стоящий у самой двери юноша еще раз взглянул на нее и нажал на кнопку закрытия дверей.

В руках у Тэмми был большой черный чемоданчик, точная копия того, что стоял рядом с Митчем. Избегая его взгляда, Тэмми встала рядом и поставила свой чемоданчик вплотную к его. На седьмом этаже Митч подхватил тот, что внесла Тэмми, и вышел. На восьмом вышел похожий на кинозвезду парень, Тэмми же поднялась на девятый, с трудом оторвала от пола чемоданчик Митча, набитый папками из фирмы Бендини, и скрылась за своей дверью. Она не только повернула изнутри ключ, но и задвинула засов на двери. Затем сняла жакет, прошла в маленькую комнатку, где включенный ксерокс уже ждал ее. В ее распоряжении было семь папок, каждая толщиной в дюйм. Она аккуратно разложила их на складном столе рядом с машиной и взяла в руки первую, с наклейкой “Кокер-Хэнкс - Управляющему Восточно-Техасского трубопровода”. Раскрыв зажимы, Тэмми высвободила документы из обложки и осторожно поместила их в автоматический загрузчик. Нажала на кнопку “ПЕЧАТАТЬ” и стала смотреть, как из машины вылетают по две отлично исполненные копии каждого документа.

По прошествии тридцати минут все семь папок вернулись в черный чемоданчик. Новые четырнадцать папок были надежно закрыты в несгораемый ящик, стоявший в крошечной кладовой. Кладовая тоже была закрыта на ключ. Тэмми поставила чемоданчик рядом с дверью и принялась ждать.

Фрэнк Малхолланд был компаньоном в маленькой юридической фирме из десяти человек, которая главным образом занималась обеспечением банковского бизнеса и ценными бумагами. Его клиент, пожилой человек, создавший цепь магазинов “Сделай сам”, где торговали всем: начиная от гвоздей и кончая запасными частями к автомобилям и радиодеталям, успел сколотить восемнадцатимиллионное состояние, однако был отстранен от управления делами и отправлен на пенсию предавшим его советом директоров и родным сыном. Он обратился с иском в суд; компания ответила встречным иском. Так они судились полтора года, иски сменялись контрисклами, и конца тяжбе не предвиделось. Однако, изрядно набив карманы юристов деньгами и тем самым порадовав их сердца, стороны все же решили попытаться как-нибудь уладить дело. Фирма Бендини по просьбе сына и совета директоров занималась налогами компании, и вот два месяца назад Эйвери Толар представил Митча противоборствующим сторонам. Была идея предложить старому упрямцу пакет акций на пять миллионов, право на покупку дополнительных акций по льготным ценам и определенное количество облигации.

Малхолланд отнесся к идее прохладно. Его клиент не был жадным, несколько раз

объяснял он, старик отдавал себе отчет в том, что уже не вернет контроль над всем предприятием. Собственным предприятием! Но пяти миллионов было мало. Слишком мало. Любой суд присяжных, если он не будет состоять из одних только недоумков, займет сторону пожилого бизнесмена, и тут дураку станет ясно, что суд обяжет противную сторону выплатить по крайней мере... двадцать миллионов.

После часовой беседы в ходе выдвигаемых предложений и контрпредложений Митч согласился увеличить пакет акций до восьми миллионов, а Малхолланд на это ответил, что еще может согласиться подумать о пятнадцати. Митч сложил свои бумаги в атташе-кейс, Малхолланд вежливо проводил его до дверей. Они договорились встретиться через неделю и пожали друг другу руки так, будто были лучшими друзьями.

На пятом этаже кабина лифта остановилась, как ни в чем не бывало вошла Тэмми. Кроме них двоих в лифте никого не было. Когда двери закрылись, он спросил:

- Какие-нибудь трудности?
- Нет. Копии я заперла.
- Много ушло времени?
- Тридцать минут.

Лифт остановился этажом ниже, она обменялась с Митчем чемоданчиками.

- Завтра в полдень?

- Да, - ответил он.

Двери раскрылись, она вышла.

Вестибюль внизу был пуст. Только тот же самый охранник так же лениво подпирал стену. Митчел Макдир, адвокат и советник юстиции, держа в одной руке кейс, а в другой тяжелый чемоданчик, быстрым шагом вышел из здания и с достоинством отправился в свой офис.

Празднование двадцать пятого дня рождения Эбби проходило довольно скромно. Сидя при свечах в темном уголке у Гризанти, они шептались и пытались улыбаться друг другу. Удавалось это с трудом. В это самое время где-то в ресторане сидел агент ФБР с магнитофонной кассетой, которую он должен был сунуть в автомат по продаже сигарет ровно в девять часов, с тем чтобы через несколько секунд ее забрал Митч. И сделать это нужно было так, чтобы противник, кем бы он ни был и как бы в данный момент ни выглядел, не смог этого заметить. А лента на кассете поведала бы, на какую сумму наличных чета Макдиоров может рассчитывать за свидетельство в суде и всю последующую жизнь в бегах.

Они тыкали вилками в тарелки, обменивались деланными улыбками и старались поддерживать непрерывный диалог, но главным образом они беспокойно ерзали и незаметно посматривали на часы. Ужин был короток. Без четверти девять на их тарелках уже ничего не оставалось. Митч поднялся, направляясь к туалету. Проходя мимо бара, он всматривался в его темное нутро. Автомат по продаже сигарет стоял в углу, там, где и должен был стоять.

Был заказан и кофе, поэтому ровно в девять Митч прошел в бар, к автомату; он нервно стал опускать в щель монеты, затем потянул за рычаг с надписью "Мальборо Лайтс" - в память об Эдди Ломаксе. Сунув руку в окошко автомата, он нащупал там пачку сигарет и, пошевелив еще пальцами, обнаружил и кассету. На стойке бара рядом с автоматом зазвонил телефон, и Митч от неожиданности вздрогнул. Он обернулся, обвел глазами помещение бара. Двое мужчин у дальнего конца стойки смотрели телевизор, установленный позади бармена, Он услышал их пьяный смех.

Эбби не спускала с него глаз до тех пор, пока он не вернулся на свое место и не уселся напротив. Она вопросительно подняла брови.

- Ну?

- У меня. Твоя любимая кассета - черная "Сони".

Митч отпил из чашечки кофе и с улыбкой повел глазами по сторонам. За ними никто не наблюдал. Никому до них не было дела.

Подходящему официанту Митч подал свою кредитную карточку и чек.

- Мы спешим, - довольно грубо предупредил он официанта.

Тот вернулся буквально через две секунды и дал Митчу подписать счет.

“БМВ” и в самом деле был нашпигован “жучками”. Коллеги Тарранса осторожно и тщательно изучили его с помощью увеличительного стекла четыремя днями раньше, когда Митч ехал в автобусе. Нашпигован профессионально, самой дорогой аппаратурой высшего качества, способной уловить вздох. Но “жучки” только слушали, видеть они не могли. За это Митч был очень им благодарен.

Он и Эбби не сказали друг другу ни слова, когда машина тронулась со стоянки у ресторана. Эбби взяла кассету и осторожно вставила ее в плеер, передала мужу наушники, которые тот тут же надел. Она нажала на кнопку и уже не спускала глаз с его лица, пока Митч бесцельно кружил по улицам.

В наушниках зазвучал голос Тарранса.

“Привет, Митч. Сегодня вторник, девятое марта, начало десятого вечера. Поздравляю с днем рождения твою очаровательную жену. Запись продлится минут десять, прослушан ее внимательно раз-другой, а потом уничтожь. В воскресенье у меня была беседа один на один с Войлсом, я передал ему все, о чем с тобой говорили в автобусе. Кстати, поездка мне очень понравилась. Войлс удовлетворен развитием событий, но считает, что слов сказано уже достаточно. Он хочет заключить сделку, и побыстрее. В самых недвусмысленных выражениях он объяснил мне, что ФБР еще ни разу не выплачивало никому трех миллионов долларов, и ты тоже не можешь на них рассчитывать. Он сыпал проклятиями, но, чтобы не отнимать твое время, скажу сразу: мы можем заплатить наличными миллион, не больше. Деньги будут помещены в швейцарский банк, и никто, в том числе Национальное налоговое управление, не узнает об этом. Миллион долларов, и без всякого налогообложения. Это максимум того, что мы можем предложить, и Войлс сказал, что ты можешь убираться ко всем чертям, если не согласишься. Мы твердо намерены покончить с фирмой - с твоей помощью или без нее”.

Митч усмехнулся, посмотрел в окно на обгоняющие его машины при выезде на автостраду. Эбби ждала знака, сигнала, вздоха удовлетворения или стога - чего-нибудь, что помогло бы понять: хорошие вести или плохие. Она молчала. Голос Тарранса между тем продолжал:

“Мы позаботимся о тебе, Митч. Ты сможешь воспользоваться защитой ФБР в любое время, как только сочтешь это необходимым. При твоём желании, мы будем периодически проверять твоё окружение. Если через несколько лет ты захочешь перебраться в другой город, мы окажем содействие и в этом. Свое местожительство ты волен менять каждые пять лет, при желании мы оплатим все и подыщем тебе работу. Хорошую работу где-нибудь в управлении по делам ветеранов войны, или в сфере социального страхования, или в почтовом ведомстве. Войлс сказал даже, что мы в состоянии обеспечить тебе высокооплачиваемую работу в качестве частного подрядчика правительства. Словом, все, что ты сам выберешь. Мы, безусловно, снабдим тебя и твою жену новыми документами, и ты ежегодно сможешь менять их, если захочешь. Проблем с этим не будет. Или, если у тебя на уме есть нечто лучшее, мы готовы тебя выслушать. Предпочитаешь перебраться в Европу или в Австралию - только скажи об этом. К тебе будет особое отношение. Я знаю, обещаем мы много, но это очень серьезные обещания, и мы готовы подтвердить их в письменном виде. ФБР заплатит тебе миллион наличными без всяких налогов и устроит тебя там, где ты пожелаешь. Вот наши условия сделки. А ты, в свою очередь, отдашь нам фирму и семейство Моролто. Об этом мы поговорим позже. На сегодня это все. Войлс дышит мне в затылок, а это значит, действовать нам придется быстро. Позвони мне по тому номеру в четверг в девять вечера из телефона-автомата в баре Хьюстона, что на Поплар-стрит. Пока, Митч”.

Он чиркнул пальцем по горлу, и Эбби нажала на кнопку “СТОП”, а затем “ПЕРЕМОТКА”. Он передал ей наушники - был ее черед слушать.

Это была невинная прогулка влюбленных по парку: двое идут, взявшись за руки, в прохладном и чистом лунном свете. У пушек они остановились, любясь видом величественной реки, несущей свои воды к Новому Орлеану. У тех самых пушек, где стоял мрачным зимним вечером Эдди Ломакс, делая один из последних в своей жизни докладов клиенту.

Держа в руке кассету, Эбби смотрела на плавно текущую внизу воду. Она прослушала

запись дважды и отказалась оставить пленку в машине, откуда ее мог бы Бог знает кто похитить. После проходивших в молчании недель, после разговоров во дворе слова выговаривались с трудом.

- Знаешь, Эбби, - не выдержал наконец Митч, похлопывая рукой по деревянному колесу пушки, - мне всегда хотелось работать на почте. У меня был дядя, ему как-то пришлось быть сельским почтальоном. Тихое и спокойное занятие.

Этой, возможно, не совсем удачной шуткой он хотел ее раззадорить. Сработало. Поколебавшись мгновение, она легко рассмеялась. Митч мог бы поклясться, что ей действительно стало весело.

- Ну конечно, а я бы мыла полы в госпитале для ветеранов.

- Полы тебе мыть бы не пришлось. Меняла бы простыни: это более серьезная работа. Да и подозрений меньше. Жили бы мы в маленьком белом каркасном домике на Мэпл-стрит в Омахе. Я был бы Гарви, а ты Тельма, а фамилия какая-нибудь коротенькая, непритязательная.

- По, - предложила Эбби.

- Здорово! Гарви и Тельма По. Семья По. В банке у нас лежал бы миллион, но мы бы и десяти центов не смогли бы потратить без того, чтобы люди на Мэпл-стрит не узнали об этом, и мы стали бы выделяться из толпы, а уж этого-то никак нельзя допустить.

- Я бы еще изменила форму носа.

- Да твой нос - само совершенство.

- Это у Эбби нос - совершенство. А у Тельмы? Его пришлось бы чуть-чуть подправить, тебе не кажется?

- Видимо, да.

Юмор уже утомил его, он смолк. Эбби встала напротив, он положил свои руки ей на плечи. Они стояли и смотрели на буксир, натужно тянущий вереницу барж под мостом. Небольшое облачко заслонило собой луну, прохладный ветерок поднялся и тут же стих.

- Ты веришь Таррансу? - услышал он голос Эбби.

- В каком смысле?

- Предположим, ты не станешь ничего предпринимать. Ты веришь в то, что в один день ФБР удастся все же проникнуть в фирму?

- Мне страшно не верить этому.

- Значит, мы получим деньги и ударимся в бега?

- Для меня это проще, Эбби, - взять деньги и бежать. Кроме тебя у меня никого нет. У тебя же совсем другое дело. Ты никогда больше не увидишь своих родителей.

- Куда мы отправимся?

- Не знаю. Но вряд ли мне захочется остаться в этой стране. ФБР нельзя до конца верить. В другой стране я буду чувствовать себя безопаснее, но Таррансу я про это не собираюсь говорить.

- С чего же мы начнем?

- Мы заключим сделку, быстренько наберем достаточно материала для того, чтобы потопить этот пиратский корабль. Не имею ни малейшего представления о том, что именно им нужно, но я смогу им это достать. А когда Тарранс получит нужное ему количество документов, мы исчезнем. Получим наши денежки, подправим носы и исчезнем.

- Сколько будет денег?

- Побольше, чем миллион. Они играют с нами. Мы будем торговаться.

- Сколько мы получим?

- Два миллиона наличными, свободными от уплаты налогов. Ни центом меньше.

- И они заплатят?

- Да. Вопрос не в этом. Вопрос в том, стоит ли нам их брать и бежать.

Ей стало холодно, и он снял с себя пальто, накинул ей на плечи. Крепко прижал к себе.

- Дрянная это сделка, Митч, но, по крайней мере, мы будем вместе.

- Гарви. Не Митч.

- Ты думаешь, мы будем в безопасности, Гарви?

- В опасности мы находимся здесь.

- Мне здесь не нравится. Мне одиноко и страшно.
- Я уже устал быть юристом.
- Давай возьмем деньги и подставим задницы ветру.
- Договорились, Тельма.

Она отдала ему кассету. Повертев в руках, Митч швырнул ее вниз, через набережную, в воду. Держась за руки, они быстро прошли через парк к ожидавшему их на Фронт-стрит “БМВ”.

24

Второй раз за время его карьеры в фирме “Бендини, Ламберт энд Лок” Митч был приглашен в роскошную столовую на пятом этаже. Приглашение последовало от Эйвери, который объяснил, что компаньоны приятно удивлены показателями Митча за февраль: еженедельно счетами закрывался в среднем семьдесят один час; приглашение к обеду было небольшой наградой за столь самоотверженный труд. Подобное приглашение не смог бы отвергнуть ни один сотрудник, вне зависимости от его планов, встреч, клиентов и постоянного цейтнота, а также множества других чрезвычайно важных, имеющих решающее значение для карьеры в фирме факторов. Ни разу в истории почтенной юридической фирмы сотрудник не сказал “нет” такому приглашению. Их и было-то всего два в год, причем велся строгий учет.

На подготовку к обеду у Митча было два дня. Поначалу он хотел отказаться, и, когда Эйвери только упомянул об обеде, в голове его уже сложилась сотня формулировок отказа. Сидеть за одним столом, улыбаться, болтать и любезничать с бандой преступников, какими бы респектабельными они ни были, представлялось Митчу более отвратительным, чем хлебать какую-нибудь бурду из одной тарелки с бродягой на автобусной станции. Но отказ прозвучит как выстрел, он пробьет брешь в прекрасной традиции. А при существующем положении вещей его поведение и без того представляется многим достаточно подозрительным.

Поэтому Митчу не оставалось ничего иного, как, сидя спиной к окну, улыбаться и поддерживать беседу с Эйвери, Рейсом Макнайтом и, конечно же, с Оливером Ламбертом. Митч знал, что его место будет за одним столом с этими тремя. Знал еще два дня назад.

Он был уверен, что за ним будут наблюдать - незаметно, но внимательно, попытаюсь заметить недостаток энтузиазма, или протески цинизма, или безнадежность. Словом, что-нибудь. Будут прислушиваться к каждому его слову, вне зависимости от того, что станет он говорить. Будут хвалить и превозносить его, маня соблазнительными обещаниями.

Оливер Ламберт был обворожителен как никогда прежде. Семьдесят один час в неделю, да еще в феврале, сказал он, - это было рекордом фирмы для сотрудника. Рузвельт в это самое время подавал на стол знаменитые ребрышки. Компаньоны поражены, более того, поражены сверх меры его достижениями, заметил Ламберт, обводя глазами присутствующих. Нанизывая кусочек мяса на вилку, Митч выдавил из себя улыбку. Сидящие вокруг него либо выражали вежливое удивление, либо с равнодушными лицами поглощали еду. Митч насчитал восемнадцать компаньонов, бывших еще в строю, и семь пенсионеров, одетых не так чопорно и пребывавших в расслабленном состоянии духа.

- У тебя удивительный запас энергии, Митч, - проговорил Ройс с набитым ртом.

Митч вежливо кивнул. Да, да, подумал он, я подзаряжаюсь каждый день. Мысли его были сконцентрированы на Джо Ходже, Марти Козински и трех других юристах, чьи портреты висели в зале библиотеки на первом этаже. Но нельзя было также отделаться и от воспоминаний о девушке на острове - неужели они все видели эти фотографии? Пускали их по рукам по время одного из таких маленьких семейных обедов? Де Вашер обещал держать снимки при себе, но что толку в обещаниях негодяя? Конечно, видели. Войлс же говорил, что все компаньоны и большая часть сотрудников знали все. Значит, и это тоже знали.

Для человека, полностью лишённого аппетита, он совсем неплохо справился с тем, что ему подавали. Он даже намазал маслом и съел лишнюю булочку - чтобы казаться нормальным, с аппетитом, мол, у него все в порядке.

- Значит, через неделю ты вместе с Эбби летишь на Кайманы? - любопытно спросил Оливер Ламберт.

- Да. В школе у нее каникулы, а я еще два месяца назад записался в одно из наших бунгало. Мы сгораем от нетерпения.

- Ты бросаешь меня в самое трудное время, - с деланной обидой прогудел Эйвери. - Мы отстаем не меньше чем на месяц.

- Мы всегда отстаем на месяц, Эйвери. Одна неделя погоды не сделает. А потом, ты же наверняка захочешь, чтобы я взял свои дела с собой.

- Неплохая идея. Я всегда так поступаю.

- И не вздумай, Митч, - в голосе Ламберта звучал шутливый протест. - Фирма не рухнет до твоего приезда. Вы с Эбби заслужили неделю полной свободы.

- Тебе там понравится, - сказал Макнайт так, будто бы Митч не был на островах ни разу, на пляже ничего не произошло и фотографий никто не видел.

- Когда вы вылетаете? - спросил Ламберт.

- В воскресенье утром, рано.

- На "Лире"?

- Нет. "Дельтой", прямой рейс.

Ламберт и Макнайт обменялись взглядами, которые Митчу полагалось не заметить. На него бросали взгляды с других столиков, взгляды, полные любопытства, и уж на них он имел полное право обращать свое внимание. Его здесь, черт побери, должны были разглядывать.

- Ты плаваешь с аквалангом? - задал новый вопрос Ламберт, все еще размышляя о том предпочтении, которое Митч оказал рейсовому самолету.

- Нет, но мы собираемся понырять с масками.

- На севере острова, в Рум Пойнт, есть один парень по имени Адриан Бенч, у него отличная секция, за неделю он тебя обучит. Будет, конечно, нелегко, попотеешь на инструктажах, но дело того стоит.

Другими словами, держись подальше от Эбанка, подумал Митч.

- Как называется секция? - спросил он.

- Секция ныряльщиков "Рум Пойнт". Отличное место.

Митч вежливо кивнул головой, как бы давая понять, что принял информацию к сведению. Внезапно Оливер Ламберт погрузился.

- Но будь там осторожнее, Митч. Все мы помним о Марти и Джо.

На мгновение Эйвери и Ройс Макнайт прекратили жевать, отдавая долг памяти погибшим коллегам. Едва не подавившись, Митч готов был рассмеяться в лицо Ламберту. Но лицо его сохранило свою невозмутимость, он печально склонил голову вместе с остальными. Марта и Джо, и их молодые и безутешные вдовы, и дита, оставшиеся без отцов. Марти и Джо, два способных и преуспевающих юриста, которых убрали, лишив возможности говорить. Марта и Джо, две в будущем хищные акулы, сожранные своими сородичами. Войлс наставлял Митча вспоминать их каждый раз, как он видит Ламберта.

Сейчас ему предстояло всего лишь за какой-то миллион долларов сделать то, что не успели сделать те двое, но при этом нужно было умудриться остаться в живых. А ведь вполне возможно, что через год новый молодой сотрудник будет сидеть здесь и слушать грустные воспоминания компаньонов о своем предшественнике Митчеле Макдире, о том, каким энергичным он был, какую замечательную карьеру готовила ему судьба, если бы не несчастный случай. Скольких же они еще убьют?

Митчу требовалось два миллиона. И еще пара вещей.

Проведя примерно час за важными и интересными разговорами и прекрасной едой, компаньоны начали поодиночке вставать, приносить извинения остающимся, говорить Митчу два-три ласковых слова и убывать домой. Они гордятся им, напоминал ему чуть ли не каждый. Наша исходящая звезда. Будущее фирмы.

Он улыбался и благодарил.

Примерно в то время, когда Рузвельт подавал обедающим банановый пирог, Тэмми Гринвуд Хэмфил из “Гринвуд Сервис” остановила свой замызганный “фольксваген” рядом со сверкающим “пежо” на стоянке у школы св. Андрея. Оставив машину урчать двигателем, она сделала четыре шага, открыла ключом багажник “пежо” и извлекла тяжелый на вид черный чемоданчик. Захлопнув багажник, уселась за руль своей машины и умчалась.

Стоя у небольшого окошка в учительской с чашкой кофе в руке, Эбби сквозь ветви деревьев наблюдала за стоянкой, расположенной позади игровых площадок. Ее “пежо” едва виднелся в отдалении. Посмотрев на часы, она с удовлетворением улыбнулась: ровно двенадцать тридцать, как она и планировала.

В потоке машин Тэмми осторожно пробиралась к центру города. Очень утомительно вести автомобиль, не сводя глаз с зеркала заднего вида. Но, как и раньше, ничего настораживающего она в нем не видела. Добравшись до места, Тэмми оставила “фольксваген” на стоянке напротив “Хлопковой биржи”.

На этот раз в чемоданчике было девять папок. Разложив их аккуратно на откидывающейся крышке стола, Тэмми занялась копированием. “Сигэлас Партнерс”, “Лэтти Планк Траст”, “Хэндимэн Хардуэр” идее толстые папки, схваченные широкой резиновой лентой и помеченные “ПАПКИ ЭЙБЕРИ”. Она снимала две копии с каждого листа и, методично подравнивая их, откладывала в сторону. В конторскую книгу вносила дату, время и название каждой папки. Записей таких было уже двадцать девять. Митч предупредил ее, что всего их должно быть около сорока. Копию каждой папки она закрывала в несгораемый ящик, а оригинал и другую копию укладывала в чемоданчик Митча.

Следуя его инструкциям, в небольшом складе на Саммер-авеню она сняла кладовую комнату размерами двенадцать на двенадцать футов. Склад находился в четырнадцати милях от центра города, и ей потребовалось полчаса, прежде чем она, добравшись туда, открыла помещение под номером 38. Из чемоданчика Митча Тэмми вытащила вторые экземпляры копий, переложила их в картонную коробку, надписала на крышке дату и поставила коробку на пол рядом с тремя такими же.

Ровно в три пополудни она въехала на стоянку у школы, затормозила рядом с “пежо”, открыла его багажник и оставила чемоданчик Митча там, где он и был.

Как только она это сделала, из главного входа фирмы Бендини вышел Митч. Сделав глубокий вдох, он выбросил в стороны руки, потягиваясь и оглядывая улицу. Чудесный весенний день. В трех кварталах от себя и девятью этажами выше он увидел окно с наглухо задернутыми шторами. Сигнал. Отлично. Все идет как нужно.

Улыбнувшись, Митч вернулся в кабинет.

В три часа утра следующего дня он уже выбрался из постели, натянул выцветшие джинсы, фланелевую рубашку, оставшуюся еще со студенческих времен, белые носки, разыскал старые рабочие ботинки. Ему хотелось стать похожим на водителя грузовика. Не произнеся ни слова, он поцеловал Эбби, которая тоже проснулась, и вышел из дома. Улица, где они жили, была совершенно пустынна, как и те, по которым он добирался до автострады. Вряд ли в это время за ним кто-то последует.

По 55-му шоссе ему нужно было проехать двадцать пять миль в сторону Сенатобии, штат Миссисипи. Чуть в стороне от четырехрядной полосы ярко засветились огни полностью забитой ночной стоянки для большегрузных автомобилей. Осторожно маневрируя между грузовиками, Митч пробрался к дальнему концу стоянки, где в кабинах машин отдыхали водители. Он остановился рядом с мойкой и приготовился ждать. У шлангов с водой суетились человек десять шоферов, наводя глянец на свои огромные трейлеры.

Откуда-то из-за угла вышел темнокожий парень в бейсбольной кепке и устоялся на “БМВ”. Митч узнал в нем того, кто махнул ему рукой на автовокзале в Нокс виде. Он выключил двигатель и вылез из машины.

- Макдир? - услышал он обращенный к нему вопрос.
- Естественно. Кто же еще? Где Тарранс?
- Внутри, в кабинке у окна. Ждет. Митч распахнул дверцу “БМВ” и передал агенту

ключи.

- Куда вы ее отгоните?

- Здесь неподалеку. Мы о ней позаботимся. Следа за тобой из Мемфиса не было. Не волнуйся.

Проговорив все это, он забрался на место Митча, вырулил между двумя качавшими воду насосами и выехал на автостраду. Митч проводил машину взглядом и вошел в придорожное кафе. Было без четверти четыре.

Шумное помещение заполняли крепко сбитые среднего возраста мужчины, пьющие кофе и поедающие купленную здесь же пироги. Люди тянулись за зубочистками, говорили о ловле окуня, о политике, слышался громкий говор северян, из музыкального ящика раздавался голосок Мерл Хаггард.

Митч неловко пробирался к задней стенке заведения, пока в неосвещенном углу не заметил знакомое лицо, прятавшееся, как и тогда, под бейсбольной шапочкой и темными очками. Лицо это улыбалось. Тарранс держал в руке меню и не сводил глаз с входной двери. Митч скользнул к нему в кабинку.

- Привет, приятель, - сказал Тарранс, - как дела за баранкой?

- Неплохо. Но в автобусе мне нравилось больше.

- В следующий раз попробуем поезд или что-нибудь еще. Для разнообразия. Ты передал машину Лэйни?

- Лэйни?

- Чернокожий малый. Ты же знаешь, он наш агент. - Нас забыли представить друг другу. Да, передал. Куда он ее отогнал?

- Чуть дальше по автостраде. Он вернулся примерно через час. Постараемся до пяти с тобой уложиться, так чтобы в шесть ты уже был в фирме. Не хотелось бы нарушать твой распорядок.

- Вы уже сделали это.

Полуувечная официантка по имени Дот, приковыляв к столику, осведомилась, что они будут заказывать. Только кофе. Двери кафе распахнулись, и новый поток уставших водителей хлынул во все уголки зала. В общем гаме Мерл Хаггард была почти не слышна.

- Как дела в фирме? - бодрым голосом спросил Тарранс.

- Все идет отлично. Пока мы тут говорим, счетчик щелкает, и компаньоны становятся все богаче. Рад был ответить на твой вопрос.

- Взаимно.

- А как поживает старина Войлс?

- Он очень переживает, правда. Сегодня он уже дважды звонил мне, чтобы напомнить в десятый раз о своем желании услышать твой ответ. Говорил, что у тебя было достаточно времени на размышления и все такое. Я сказал ему, чтобы он успокоился, поведал ему о том, что сегодня мы должны с тобой встретиться. Чтобы быть до конца точным, могу добавить, что через четыре часа он ждет моего звонка.

- Скажи ему, Тарранс, что за миллион долларов у него ничего не выйдет. Вы, парни, любите распространяться о деньгах, бросаемых на борьбу с организованной преступностью, ну так бросьте пару миллионов в мою сторону. Что такое два миллиона для федерального правительства?

- Теперь это уже два миллиона?

- Ты чертовски прав, Тарранс, теперь это два миллиона. И ни центом меньше. Я потребую миллион сейчас и миллион позже. Сейчас я занят копированием всех своих дел, на это уйдет еще несколько дней. Это все абсолютно чистые дела, я уверен. Если я передам их кому-нибудь, меня пожизненно лишат права заниматься юридической практикой. Вот я и получу с вас мой первый миллион, когда передам вам папки. Так сказать, плата за добросовестность.

- В каком виде ты хочешь его получить?

- Положите его на банковский счет в Цюрихе. Но детали обговорим после.

Дот поставила перед обоими чашки с блюдцами и начала лить кофе, держа кофейник в метре над ними. Брызги летели во все стороны.

- Добавка бесплатно, - пробурчала она и удалилась.

- А второй миллион? - Тарранс не обращал внимания на кофе.
- Когда мы, то есть ты, я, Войлс, придем к соглашению, что информации достаточно для предъявления обвинений, вы заплатите половину. После того как я последний раз выступлю в суде - вторую. По-моему, это абсолютно честно, Тарранс.

- Согласен. Договорились.

Митч почувствовал, как его начинает охватывать слабость, сделал глубокий вдох. Договорились. Сделка заключена. Соглашение достигнуто. Никогда оно не будет подписано, но выполняться должно обеими сторонами неукоснительно. Митч сделал глоток, но вкуса кофе не ощутил. Насчет денег они договорились. Он оказался на высоте. Надо двигать дальше.

- И еще, Тарранс...

Тот склонился над столиком, повернув голову к свету.

- Да?

Митч придвинулся к нему, упершись локтями в поверхность стола.

- Это не будет стоить вам ни гроша, не потребует никаких усилий.

- Я слушаю.

- Мой брат Рэй находится в тюрьме "Браши Маунтин". До выхода ему осталось семь лет. Вы вытащите его оттуда.

- Это смешно, Митч. Мы можем многое, но, черт побери, уверяю тебя, даже мы не в состоянии освободить государственного преступника, осужденного судом штата. Если бы еще это был федеральный суд - можно было бы попробовать, но на суд штата мы никак не можем подействовать.

- Слушай меня, Тарранс, слушай внимательно. Если уж мне придется спастись бегством от мафии, то брат последует со мной. Это - неперемное условие. Я знаю, что, если директор ФБР захочет освободить его из тюрьмы, он сможет это сделать. Я это знаю. Так что вам остается только продумать, как все повернуть.

- У нас нет никакой возможности влиять на решения суда штата.

Митч улыбнулся и сделал еще один глоток.

- Но ведь бежал из тюрьмы Джеймс Эрл Рэй, именно из "Браши Маунтин". И без всякой помощи извне.

- Просто здорово. Мы организовываем нападение на тюрьму и освобождаем твоего брата. Великолепно.

- Не прикидывайся невинным ягненком, Тарранс. Мы можем все обговорить.

- Хорошо, хорошо. Посмотрим, что здесь можно сделать. Еще что-нибудь? Еще один сюрприз?

- Нет. Только несколько вопросов типа того, куда мы отправимся и что будем делать. Только мелочи. Где нам прятаться вначале? Где прятаться в перерывах между судебными заседаниями? Где скрываться всю оставшуюся жизнь?

- Все это можно обсудить позднее.

- Что вам рассказали Ходж и Козински?

- Немного. Мы запели небольшое досье, в котором собрано все, что мы знаем на сегодняшний день о клане Моролто и о фирме. Главным образом, это сведения о Моролто: организация, ключевые фигуры, незаконная деятельность и прочее. Тебе необходимо со всем этим познакомиться, прежде чем мы начнем действовать.

- А это случится не раньше, чем после того, как я получу первый миллион.

- Безусловно. Когда мы сможем увидеть твои дела?

- Примерно через неделю. Я сделал копии четырех папок, принадлежащих другому лицу, и рассчитываю скопировать еще несколько.

- Кто снимает копии?

- Не твое дело.

Тарранс решил пропустить это мимо ушей.

- Сколько всего папок?

- Сорок-пятьдесят. Мне приходится выносить их по несколько штук за раз. Насколько я могу судить, все это нормальные клиенты.

- Со сколькими из них ты встречался лично?

- С двумя или с тремя.

- Я бы не поручился на твоём месте за то, что все клиенты чисты. Ходж рассказывал нам о фальсифицированных, или, как их называют компаньоны, “потогонных” папках, на которых обтачивают свои зубы все новички. Эти папки требуют сотен часов и дают таким, как ты, ощущение причастности к большому и важному делу.

- “Потогонных”?

- Так называл их Ходж. Все очень просто, Митч. Тебя соблазняют деньгами. Изнуряют работой, которая кажется совершенно законной и, возможно, таковой в основном и является. И на протяжении нескольких лет ты исподволь втягиваешься в тайные операции. Тебя прибрали к рукам, не оставив и щелочки для выхода. Даже тебя, Митч. Ты приступил к работе в июле, восемь месяцев назад, и, наверное, уже имел дело с кое-какими подобными папками. Ты об этом не знал, у тебя и повода подозревать что-то не было. Они уже начали подбираться к тебе.

- Два миллиона, Тарранс. Два миллиона и брат. Тарранс отпил из чашки едва теплого кофе и крикнул хромавшей мимо Дот принести ему кусок пирога. Посмотрел на часы, обвел глазами сидевших за столиками водителей - галдящих, с сигаретами во рту, пьющих свой кофе. Поправил очки.

- Итак, что мне сказать мистеру Войлсу?

- Передай ему, что сделка не состоится, если он не согласится вытащить Рэя из тюрьмы. Сделки не будет, Тарранс.

- Возможно, мы что-нибудь придумаем.

- Я уверен, что это в ваших силах.

- Когда ты улетаешь на Кайманы?

- В воскресенье рано утром. А что?

- Просто интересно.

- Мне хотелось бы знать, сколько народу последует туда за мной. Или это большой секрет? Уверен, что их будет целое стадо, а нам с женой, честно говоря, нужно пожить и личной жизнью.

- В бунгало фирмы?

- Ну да.

- Забудьте о личной жизни. Скорее всего, оно опутано проводами больше, чем телефонная станция. А может, и камеры установлены.

- Ты меня успокоил. Пару ночей мы сможем провести в секции Эбанка. Если кто-нибудь из ваших будет поблизости, пусть заходят пропустить стаканчик.

- Очень остроумно. Если мы там и будем, то этому найдется другая причина, и ты об этом знать не будешь.

В три приема Тарранс доел свой кусок пирога. Оставил на столе два доллара, и они вдвоем вышли и направились в дальний конец стоянки. От непрерывного рева дизельных двигателей вокруг асфальт под ногами дрожал. Они стояли в предрассветной мгле и ждали.

- Я буду разговаривать с Войлсом через несколько часов. Почему бы тебе вместе с женой не совершить в субботу после обеда какую-нибудь вылазку?

- Куда именно?

- К востоку отсюда в тридцати милях есть городок Холли Спрингс. Старый, застроенный домиками времен еще до Гражданской войны, оплот конфедератов. Женщинам нравится приезжать туда и рассматривать древние постройки. Появитесь где-нибудь около четырех дня, и мы сами тебя разыщем. Твой знакомый, Лэйни, будет править ярко-красным “шевви” с номерами штата Теннесси. Поедешь за ним. Найдем местечко и побеседуем.

- Это вполне безопасно?

- Доверься нам. Если мы увидим или учуем что-то, мы смоемся. Ты покружишь по городу, и если в течение часа не заметишь Лэйни, то съешь сандвич и покатишь домой. Значит, они были слишком близко. Рисковать мы не будем.

- Благодарю. Предусмотрительные вы парни! Подъехал Лэйни в “БМВ”.

- Кругом все чисто. Никого.

- Отлично. Завтра увидимся, Митч. Давай за баранку!
- Они попрощались за руку.
- Я уже не торгуюсь, Тарранс, - напомнил ему Митч.
- Зови меня Уэйн. До завтра.

25

Темные тучи и проливные дожди давно уже согнали с пляжа “Седьмая миля” всех туристов, когда уставшие и промокшие Митч и Эбби прибыли в роскошное бунгало фирмы. Митч подогнал взятый напрокат джип “мицубиси” через газон прямо к двери. Коттедж номер два. В первый свой приезд он жил в коттедже номер один. Здания были совершенно одинаковы, отличаясь только окраской и отделкой. Открыв входную дверь, они начали перетаскивать багаж, быстро промокнув насквозь в потоках усилившегося дождя.

Сменив одежду, супруги принялись распаковываться в спальне на втором этаже, длинный балкон которой выходил на пустой мокрый пляж. Осторожно обмениваясь словами, обследовали все комнаты, ванную, кладовую. Холодильник на кухне был пуст, зато бар ломился от напитков. Митч смешал два коктейля из рома и кока-колы, в честь острова. Они уселись на балконе и подставили босые ноги под стекавшие с крыши струи дождя. Океанские волны бросали на песок клочья пены. В “Румхедсе” было тихо, бар едва виднелся за пеленой воды. У стойки сидели двое местных, пили и смотрели на море.

- Вон там находится “Румхедс”, - Митч вытянул в том направлении руку со стаканом.
- “Румхедс”?
- Я рассказывал тебе о нем. Это веселенькое местечко, где туристы пьют, а местные играют в домино.
- Понятно.

Особого впечатления на Эбби это не произвело. Она зевнула и глубже опустила в пластиковое кресло, прикрыла глаза.

- Вот это мне нравится, Эбби! Наша первая поездка за рубеж, первый настоящий медовый месяц, а ты засыпаешь через десять минут после того, как мы прибыли.
- Я устала, Митч. Я всю ночь, пока ты спал, паковала вещи.
- Ты набила восемь чемоданов: шесть для себя и два для меня. Уложила 1юю нашу одежду. Когда тебе было спать!
- Не хочу, чтобы вдруг мне здесь не хватило одежды.
- Не хватило? Сколько бикини ты взяла? Десять? Двенадцать?
- Шесть.
- Здорово! По купальнику на день. Что же ты до сих пор ни один не надела?
- Что?
- Ты слышала, что я сказал. Поди надень тот голубой, с двумя ниточками, что должны прикрывать грудь. Он весит полграмма и стоит шестьдесят долларов, у тебя в нем все так и колыхается, когда ты проходишь мимо. Поди и надень, я хочу его видеть.
- Митч, но ведь идет дождь. Ты притащил меня на этот остров в самый сезон дождей. Посмотри на тучи, они такие огромные и черные, и такие неподвижные. На этой неделе мне не понадобится никакой купальник.
- Митч заулыбался, растирая ноги.
- А мне дождь нравится. Надеюсь, что он не перестанет всю неделю. Будем сидеть здесь, не вылезая из постели, попивая ром и выясняя, кто из нас сильнее.
- Ты шокируешь меня! Ты что, действительно хочешь заняться любовью? В этом месяце один раз это уже было.
- Два раза.
- Я-то думала, что ты всю неделю будешь плавать с аквалангом или с маской.
- Ну уж нет. Там меня поджидают акулы. Ветер подул сильнее, заливая сидящих на балконе потоками воды.
- Пойдем и снимем с себя все, - сказал Митч, вставая.

Примерно через час погода все-таки начала меняться. Дождь вначале ослабел, потом начал моросить, а вскоре и вовсе кончился. Небо прояснилось, тучи уходили на северо-восток, к Кубе. Незадолго до захода на короткое время выглянуло солнце. Его появление опустошило бунгало, домики местных жителей, номера в отелях - все тут же устремились по еще не просохшему песку к воде. "Румхедс" внезапно оказался набитым игроками в дартс и умиравшими от жажды туристами. Возобновилась оборванная на середине партия в домино. У "Пальм" музыканты взяли в руки свои инструменты, над пляжем поплыла уже знакомая Митчу мелодия регги.

Вместе с Эбби они бесцельно шагали вдоль кромки прибоя в направлении Джорджтауна, прочь от того места, где когда-то он сидел с девушкой. Время от времени он ловил себя на мысли о том, что не может забыть ни ее, ни фотографии. Он решил, что девушка была профессионалкой, что Де Вашер заплатил ей за то, чтобы она соблазнила его и подставила под объективы скрытых камер. Он не рассчитывал увидеть ее в этот раз.

Как бы по сигналу, музыка вдруг смолкла, прогуливавшиеся по пляжу замерли, шум в баре стих, и тысячи глаз устремились к той точке на горизонте, где нижний край солнечного диска соприкоснулся с поверхностью воды. Крошечные облака, остатки бушевавшей днем грозы, вместе с солнцем медленно погружались в воду. Заходящее светило окрашивало их в красные, желтые, розовые тона. На несколько мгновений небо превратилось в огромный кусок холста, раскрашиваемый мощными взмахами невидимой кисти. Затем оранжевый диск полностью ушел под воду, облака стали черными и медленно разошлись. Такими бывали на островах закаты.

Со страхом и всеми мыслимыми предосторожностями Эбби правила джипом на забитых транспортом узеньких улицах торгового квартала. Ведь она была родом из Кентукки, и ей никогда прежде не приходилось ездить по левой стороне дороги. Митч подсказывал ей, куда править, и одновременно не сводил глаз с зеркала заднего вида. Тротуары были полны туристов, разыскивающих взглядами в витринах беспощинные фарфор, хрусталь, парфюмерию, кинофотоаппаратуру и ювелирные изделия.

Митч указал ей на незаметную боковую улочку, и джип резко свернул в нее, разделив надвое большую группу туристов. Он поцеловал жену.

- Буду здесь в пять.

- Не забывай про осторожность, - сказала она. - Я отправлюсь в банк, а потом вернусь на пляж, поближе к бунгалю.

Он хлопнул дверцей и исчез в проходе между двумя магазинчиками. Проход вывел на более широкую улицу, упирающуюся в Поросячий залив. Митч нырнул в небольшую, полную туристов лавку, где торговали рубашками, соломенными шляпами и солнцезащитными очками. Он выбрал рубашку с кричащими желтыми и зелеными цветами и широкополую панаму и уже через две минуты уселся на заднее сиденье притормозившего у лавки такси.

- В аэропорт. И побыстрее. Посматривай, чтобы никто не увязался следом.

Таксист не отозвался. Проехав мимо зданий банков, они выбрались на шоссе, и уже через десять минут машина остановилась перед зданием аэропорта.

- За нами кто-нибудь ехал? - обратился к водителю Митч, доставая деньги.

- Нет, дружище. Четыре доллара десять центов. Митч бросил на сиденье пятерку и быстро прошел внутрь. Рейс местной компании на остров Кайман-Брак был ровно в девять. У прилавка с сувенирами он купил чашку кофе и спрятался между двух рядов полок, уставленных всякими безделушками. Поглядывая из своего укрытия в сторону зала ожидания, он не заметил никого. Конечно, он даже не представлял себе, как они могли выглядеть, но, во всяком случае, он не увидел никого, кто бы шнырял по залу в поисках потерявшегося друга или родственника. Может, они последовали за джипом, а, может, прочесывали торговый квартал. Все возможно.

За семьдесят пять местных долларов он купил заранее зарезервированный последний билет на десятиместный трехмоторный "Трисландер". Эбби заказала его по телефону-автомату вечером того дня, как они прилетели. В самый последний момент он бегом бросился по бетону к трапу и забрался в салон. Пилот закрыл дверь, машина начала

двигаться к взлетной полосе. Других самолетов видно не было. Где-то справа мелькнул маленький ангар.

Пассажиры-туристы восхищались бирюзовым морем и почти не разговаривали за время двадцатиминутного полета. Когда они уже подлетали к острову, пилот превратился на время в туристского гида и сделал в воздухе широкий круг, обращая внимание своих пассажиров на крутые утесы, отвесно обрывающиеся в море на восточной оконечности острова. Без этих утесов, заметил он, островок был бы таким же плоским, как и Большой Кайман.

Машина мягко приземлилась на узкую полосу асфальта.

Рядом с небольшим каркасным домиком, на всех четырех стенах которого было намалевано краской слово “Аэропорт”, стоял мужчина, представитель белой расы, с приятными чертами лица, наблюдавший за высадкой. Это был Рик Эклин, специальный агент. Стекавший градом пот насквозь промочил рубашку на его спине. Он сделал едва заметный шаг вперед.

- Митч, - сказал он негромко, как бы самому себе.

Мгновение поколебавшись, Митч подошел к нему.

- Машина ждет нас.

- А где Тарранс? - Митч посмотрел по сторонам.

- Ты увидишь его.

- В машине есть кондиционер?

- К сожалению, нет. Извини.

Машине не хватало не только кондиционера, но и мощности двигателя и поворотных огней. Это был автомобиль 1974 года выпуска, и Эклин объяснил, пока они ехали по пыльной дороге, что на острове был не очень широкий выбор марок, предлагавшихся напрокат. Единственной причиной того, что представители правительства США были вынуждены арендовать эту машину, являлась невозможность обнаружить на острове такси. Слава Богу, что за столь короткое время удалось найти комнату.

Аккуратные домики сбились в тесную кучку, за ними виднелось море. Автомобиль остановился на покрытой песком стоянке заведения, называвшегося “Ныряльщики острова Брак”. К выступавшему в море старому пирсу было привязано около сотни лодок и катеров всех размеров. Вдоль пляжа располагался десяток тростниковых хижин, в которых обитали любители подводного плавания, прибывшие сюда со всех концов мира. Рядом с пирсом находился бар под открытым небом, без названия, но с неизменными дартс и домино. С потолка между стропилами свисали вентиляторы, древние, выполненные из дуба и бронзы. Лопасты их вращались медленно и бесшумно, посылая прохладу бармену и игрокам.

Уэйн Тарранс сидел в одиночестве за столиком, попивая кока-колу и глядя на то, как группа ныряльщиков грузила с пирса в катер сотню, не меньше, одинаковых желтых баллонов. Даже для туриста одет он был вызывающе. Темные очки в лимонного цвета оправе, коричневые соломенные сандалии, явно новые черную носки, тесноватая гавайская рубашка неопишимо яркой и сложной расцветки и старые, поношенные спортивные шорты, которые были слишком коротки ему. Из них торчали худосочные, болезненно-белые ноги. При виде Митча Тарранс взмахнул банкой коки и указал ему на свободные стулья.

- Замечательная рубашка, - проговорил Митч с нескрываемым изумлением.

- Спасибо, Митч. Нужно же хоть изредка доставить себе удовольствие.

- И загар неплохой.

- Да, да. Стараюсь не выделяться из толпы, сам понимаешь.

Рядом в ожидании заказа суетился официант. Эклин попросил кока-колы. Митч сказал, что будет коку с каплей рома. Все трое принялись разглядывать катер и ныряльщиков, грузящих свое громоздкое оборудование.

- Что случилось в Холли Спринте? - спросил наконец Митч.

- Жаль, но мы ничего не смогли поделать. Они следовали за тобой из Мемфиса, а в Холли Спринте у них было даже дне машины. Мы так и не смогли приблизиться.

- Вы с женой говорили в доме о том, куда собираетесь? - задал вопрос Эклин.

- По-видимому, да. Наверное, пару раз упомянули. Эклин казался удовлетворенным.
- Они были уже наготове. Миль двадцать за тобой следовал “скайларк”, потом он исчез. Мы решили отменить операцию.

Тарранс глотнул коки и сказал:

- Поздно вечером в субботу “Лир” вылетел из Мемфиса и приземлился на Большом Каймане. Мы считаем, что на борту было два-три головореза. Самолет вылетел отсюда в воскресенье утром.

- Значит, они здесь и следят за нами?

- Безусловно. Кто-то из них, один или двое, видимо, летели вместе с вами. Это мог быть мужчина, могла быть женщина, а может, и то и другое. Вполне вероятно, что он окажется негром, а она - какой-нибудь восточной красавицей. Кто знает, Митч. Денег у них хватает. Двоих мы опознали. Один был в Вашингтоне одновременно с тобой. Блондин, около сорока лет, шесть футов один-два дюйма ростом, с очень короткими волосами, почти армейская стрижка. Похож на скандинава. Двигается быстро. Вчера мы засекли его за рулем красного “форда”, взятого напрокат здесь в конторе “Коконат Кар Ренталс”.

- По-моему, я его видел.

- Где? - спросил Эклин.

- В Мемфисе, в баре аэропорта в тот вечер, когда я вернулся из Вашингтона. Я заметил, что он наблюдает за мной, и подумал, что видел его где-то в Вашингтоне.

- Это он. Теперь он здесь.

- А кто второй?

- Тони Верклер, мы прозвали его Тони-Две-Тонны. Бывший заключенный с длинным послужным списком, работал главным образом в Чикаго. Он связан с Моролто уже многие годы. Весит почти триста фунтов, замечательно справляется со слезкой - никому и в голову не приходит подумать на него.

- Вчера вечером он сидел в “Румхедсе”, - добавил Эклин.

- Вчера вечером? Мы тоже были там вчера вечером.

Под шум радостных выкриков катер с ныряльщиками отдал концы и устремился в открытое море. Рыбаки в лодках тянули свои сети, парусные катамараны уходили все дальше от берега. После неторопливого, полусонного утра остров начинал пробуждаться к активной жизни. Половина лодок и катеров уже отчалила от пирса, другие вот-вот собирались это сделать.

- Ну, а вы когда объявились в городе? - Митч пригубил свой напиток, в котором рома было гораздо больше, чем коки.

- В воскресенье вечером, - ответил ему Тарранс, глядя вслед катеру.

- Спрашиваю из чистого любопытства, - предупредил Митч. - Сколько на острове ваших людей?

- Четверо мужчин, две женщины, - ответил Тарранс.

Эклин превратился в немного, предоставив своему шефу вести все разговоры.

- И для какой, собственно, цели вы находитесь здесь?

- О, таких целей у нас несколько. Первое, мы хотим поговорить с тобой и уточнить условия сделки. Войлс озабочен, он настаивает на таком соглашении, которое полностью бы устроило и тебя. Второе: нам необходимо понаблюдать за ними, чтобы знать, сколько из их шайки находится здесь. Мы проведем тут около недели, выясняя, кто есть кто. Островок невелик, заниматься наблюдением здесь - одно удовольствие.

- А третье - это то, что ты должен бы немного подзагореть?

Эклин позволил себе едва слышно хихикнуть. Тарранс улыбнулся, а затем нахмурился.

- Нет, не совсем. Мы обеспечиваем здесь твою защиту.

- Мою защиту?

- Именно. Когда я последний раз сидел за этим столиком, мы разговаривали с Джо Ходжем и Марти Козински. Примерно девять месяцев назад. За день до того, как их убили, если уж быть точным.

- И ты считаешь, что меня тоже вот-вот убьют?

- Нет. Пока - нет.

Митч сделал бармену знак повторить. Игроки в домино начинали горячиться.

- Слушайте, парни, пока мы тут с вами говорим, головорезы, как вы их называете, шляются по пятам моей жены на Большом Каймане. Я буду нервничать, если в ближайшее время не увижу ее. Так что там о нашей сделке?

Тарранс повернулся лицом к Митчу.

- С двумя миллионами все в порядке и...

- Еще бы не в порядке, мы же об этом договорились, разве нет?

- Остынь, Митч. Мы заплатим миллион после того, как ты передашь нам спои дела. В этот момент тебе уже не будет дороги назад, как они говорят. Ты увязнешь по самые уши.

- Тарранс, это мне ясно и так. Я же сам это предложил, если помнишь.

- Но это самая простая часть дела. В общем-то нам твои папки не нужны - там все чисто. Это нормальные папки. Законные, так сказать. Нам же нужны другие, Митч. Те, которые дадут возможность предъявить обвинения. К тем папкам подобраться будет гораздо труднее. Но когда ты это сделаешь, мы заплатим тебе половину второго миллиона. А после суда - оставшуюся часть.

- А мой брат?

- Мы попробуем.

- Меня это не устраивает, Тарранс. Мне нужен только положительный результат.

- Я не могу обещать тебе доставить брата непосредственно тебе в руки. Черт возьми, за ним еще семь лет тюрьмы.

- Но он мой брат, Тарранс. И мне наплевать, будь он даже обычным убийцей, приговоренным к смертной казни и сидящим в камере в ожидании последней в жизни миски с тюремной баландой. Он мой брат, и, если я вам нужен, вы освободите его.

- Я же сказал, что мы попытаемся, но без гарантий. Нет никакого легального, даже формального повода к его освобождению. Нам придется изобрести что-то другое. А если его подстрелят при попытке к бегству?

- Вытащите его из тюрьмы, Тарранс.

- Попробуем.

- Вы употребите на это нею власть и все возможности ФБР, так, Тарранс?

- Обещаю тебе.

Митч откинулся на спинку стула, сделал большой глоток из стакана. Теперь в сделке было учтено все. Он с облегчением вздохнул и улыбнулся расстилающейся перед ним морской глади.

- Когда мы увидим твои дела?

- Мне показалось, что они не нужны вам. Они слишком чистые, ты же сам сказал.

- Они нужны нам, Митч, потому что когда они окажутся в наших руках, то вместе с ними там же окажешься и ты. Отдав нам папки, ты вручишь нам и себя самого, свою, так сказать, лицензию на право юридической деятельности.

- На это потребуется десять-пятнадцать дней.

- Сколько всего будет дел?

- Сорок-пятьдесят. Самая маленькая папка будет толщиной в дюйм. Большие не поместятся на этом столе. Я не могу делать с них копии в офисе, приходится идти кружным путем.

- Может быть, мы поможем тебе в этом? - вновь подал голос Эклин.

- Может быть, лучше не надо. Может быть, если мне понадобится наша помощь, я сам, может быть, попрошу ее.

- Каким образом ты рассчитываешь нам их переправить? - спросил Тарранс; Эклин опять смолк.

- Это очень просто, Уэйн. Когда я сделаю все копии и когда я буду иметь свой миллион там, где мне необходимо, я вручу вам ключ от некоей небольшой комнатки, находящейся неподалеку от Мемфиса, и вы погрузите их в свой грузовичок.

- Я говорил тебе, что деньги будут переведены на счет в швейцарском банке.

- А теперь мне не нужен счет в швейцарском банке, Тарранс. Я продиктую вам условия перевода, и все будет сделано так, как я скажу. Теперь моя голова находится под

прицелом, парни, так что условия вам придется принимать мои. Во всяком случае, большую их часть.

Тарранс усмехнулся и уставился на пирс.

- Значит, ты не доверяешь швейцарцам?

- Просто у меня другой банк на уме, скажем так. Я ведь работаю на тех, кто занят отмыванием денег, не забывай про это, Уэйн, я стал экспертом в том, как нужно прятать деньги на зарубежных счетах.

- Ясно.

- Когда я ознакомлюсь с вашим досье на Моролто?

- После того как мы получим твои папки и заплатим тебе за это. Мы отдадим в твое распоряжение всю информацию, которой сами располагаем, но тебе придется рассчитывать главным образом только на себя. Нам с тобой нужно будет часто видеться, и это будет, безусловно, опасно. Возможно, потребуется несколько автобусных поездок.

- Хорошо, но в следующий раз рядом с проходом буду сидеть я.

- Конечно, конечно. Человек, который стоит два миллиона, естественно, имеет право выбрать место в автобусе.

- Ты не представляешь, какое мне это доставит удовольствие, Уэйн. Нет, ты не можешь себе этого представить.

Митч увидел его в трех милях от Джорджтауна, на узкой петляющей дороге к Боддентауну. Мужчина склонился под поднятым капотом старенького “фольксвагена”: похоже, у него были проблемы с двигателем. Одет он был как местный, никакой туристской раскраски. Его легко можно было принять за какого-нибудь англичанина, работающего на правительство или на один из банков. Хороший ровный загар. В руке он держал какой-то гаечный ключ; промчавшийся по левой стороне дороги джип Митча он окинул равнодушным взглядом. Это был Скандинав.

Он был уверен, что Митч не обратил на него ровным счетом никакого внимания.

Совершенно бессознательно Митч сбросил скорость до тридцати миль - чтобы дождаться его. Эбби обернулась назад. Узкая лента шоссе, ведущего в Боддентаун, на протяжении пяти миль тянулась вдоль берега, затем, после развилки, резко уходила в сторону. Через несколько минут они оба заметили маленький “фольксваген”, огибающий очередной изгиб дороги. Джип оказался вдруг гораздо ближе, чем это было желательно Скандинаву. Поняв, что его заметили, он сразу же сбавил скорость и бросил машину вправо, в неприметный выезд к океану.

Митч надавил на педаль газа и устремился к городу. Не доезжая до него, он свернул на юг и меньше чем через милю выехал на берег.

В десять утра стоянка у секции Эбанка была полна лишь наполовину. Два утренних катера с аквалангистами отчалили всего полчаса назад. Митч и Эбби быстро прошли к бару, где Генри уже подавал пиво и сигареты игрокам в домино.

Бэрри Эбанк стоял, прислонившись к столбу, подпирающему тростниковую крышу бара, и смотрел, как два его суденышка огибают небольшой мыс. Находившиеся на катере спортсмены должны были сделать по два захода каждый: у Арки Бонни и Грота Дьявола, а затем у Скалы Идена и у Рифа Роджера, то есть там, где сам он, наверное, уже тысячу раз проводил подводные экскурсии. А некоторые места он сам и открыл.

Супруги подошли к нему, Митч представил ему свою жену. Эбанк не был особенно любезен, но не был и груб. Они направились к небольшому пирсу, на котором рулевой готовил к отплытию тридцатифутовую рыболовецкую лодку. Эбанк разразился потоком не поддающихся расшифровке команд, но молодой парень оказался либо абсолютно глухим, либо совершенно непочтительным к своему боссу.

Митч стоял рядом с Эбанком и указывал ему рукой на бар метрах в пятидесяти от пирса.

- Вы знаете всех там, в баре? - спросил он. Эбанк только покосился на него.

- За мной хотели проследить, - объяснил ему Митч. - Я спрашиваю из чистого любопытства.

- Обычное сборище, - ответил ему Эбанк. - Никого из посторонних.

- А утром в округе вы чужих не приметили?

- Послушай, это место привлекает многих людей. Я не веду дневника, отмечая в нем каждого нового человека.

- Вам не попался толстый американец, с рыжими волосами, не меньше трехсот фунтов весом?

Эбанкс покачал головой. Рулевой наконец оттолкнул лодку от пирса и стал неспешно выгребать в море. Эбби уселась на невысокую скамеечку и наблюдала за отправкой еще одного катера с ныряльщиками. У ее ног лежал виниловый пакет с двумя новенькими масками и трубками для ныряния. Невинная поездка, чтобы немного поплавать под водой, может, поудить, если будет клев. Эбанкс согласился принять участие в их прогулке по морю только после длительных уговоров Митча, который настаивал на том, что им втроем необходимо обговорить кое-какие личные вопросы.

Личные вопросы, имеющие некоторое отношение к гибели его сына.

С увитого зеленью балкона на втором этаже коттеджа, стоявшего на пляже. Скандинав следил за двумя головами в масках, которые то выныривали на поверхность, то скрывались под водой неподалеку от рыболовного катера. Он передал бинокль двухтонному Тони Верклеру, тут же, впрочем, соскучившемуся и вернувшему мощную оптику прежнему владельцу. Восхитительно сложенная яркая блондинка в черном купальнике, высоко, чуть ли не до грудной клетки открывавшем ее стройные ноги, взяла из рук Скандинава бинокль. Ее интересовал рулевой.

Первым заговорил Тони.

- Не понимаю. Если у них серьезный разговор, то зачем им еще парень? Для чего пара лишних ушей?

- Может, они говорят о нырянии и рыбной ловле, - отозвался Скандинав.

- Не знаю, - возразила блондинка. - Для Эбанкаса это очень нетипично - проводить время на рыбной ловле. Он предпочитает иметь дело с аквалангистами. Видимо, у него есть основательная причина проторчать целый день рядом с двумя ныряльщиками в масках. Что-то здесь не так.

- А кто этот парень? - спросил Тони.

- Один из тех, кто у него на побегушках, - ответила женщина. - У него таких десятков.

- Ты сможешь с ним позже поговорить? - обратился к ней Скандинав.

- Да, - поддержал его Тони, - дай ему себя погладить, покрути попкой. Он заговорит.

- Постараюсь, - ответила она.

- Как его зовут? - спросил Скандинав.

- Кейт Рук.

Кейт Рук подогнал катер к пирсу у Рум Пойнта. Митч, Эбби и Эбанкс выбрались из суденышка и

направились к пляжу. Кейта к обеду не пригласили. Он остался на борту и начал лениво драить палубу.

Бар "Кораблекрушение" находился метрах в ста от берега, в тени редких здесь деревьев. Внутри было темно и уютно, окна прикрыты ставнями, под потолком с неторопливым скрипом вращались пропеллеры вентиляторов. Было тихо: ни регги, ни домино, ни стрелок. Послеобеденные посетители чинно сидели за столами, погруженные в негромкие разговоры.

От их столика было хорошо видно морс. Заказали пиво и бутерброды с сыром - основную еду островитян.

- Здесь совсем другая обстановка, - заметил негромко Митч.

- Именно так, - откликнулся Эбанкс, - и тому есть свои причины. Это место постоянных встреч торговцев наркотиками. Им принадлежит в округе немало жилых домов и бунгало. Прилетают сюда на собственных самолетах, помещают свои деньги в наши банки, которых здесь множество, а потом пару дней отдыхают на пляжах, осматривают свои местные владения.

- Хорошенькое соседство.

- Да, пожалуй. В их распоряжении миллионы, и держатся они тесным кружком.

Официантка, крепко сложенная мулатка, не проронив ни слова, поставила перед ними три бутылки ямайского пива. Эбанкс чуть подался к своим собеседникам, низко опустив к

столу голову, - это была обычная манера разговора в баре “Кораблекрушение”.

- Так ты думаешь, ты сможешь уйти? Митч и Эбби тоже склонились над столом.

- Не уйти - убежать. Бежать со всех ног, лишь бы спастись. И мне понадобится ваша помощь.

Эбанкс задумался, приподнял голову. Затем пожал плечами.

- Но что мне нужно будет сделать?

Он отпил пива.

Первой ее увидела Эбби. Только женщина может заметить, как другая, с изяществом чуть наклонив головку, пытается подслушать чужой разговор. Спиной к Эбанксу сидела грациозная блондинка с лицом, полускрытым за огромными дешевыми солнцезащитными очками и обращенным в сторону к океану. Она внимательно вслушивалась в долетавшие до нее слова, а когда троица сидела голова к голове, блондинка, повернувшись всем телом, готова была впитать в себя каждый звук. Сидела она за соседним столиком на двоих.

Эбби впиалась своими ноготками в колено мужа, и за столом наступила тишина. Блондинка в черных очках вновь повернулась к открытой двери, через которую виднелась водная гладь, и поднесла к губам бокал.

К пятнице Уэйн Тарранс значительно улучшил свой гардероб. Куда-то пропали сандалии, коротенькие шорты и очки, рассчитанные на подростка. Тощие ноги стали красными, обожженные тропическим солнцем до неузнаваемости. После трех дней пребывания на задворках, известных более под названием Кайман-Брак, он вместе с Эклином, действуя от имени правительства Соединенных Штатов, перебрался в дешевую комнатку на Большом Каймане. Дом, где они остановились, находился на изрядном расстоянии от пляжа “Седьмая миля”, и до моря было дальше, чем Тарранс мог позволить себе пройти пешком. Номер в мотеле “Коконат” с двумя кроватями и холодным душем стал их штабом, из которого прослеживались все перемещения четы Макдиров и других лиц, представлявших определенный интерес. В среду утром им удалось связаться с Макдиром и потребовать встречи и детального разговора в самое ближайшее время. Макдир ответил отказом. Он сказал им, что чрезвычайно занят, что у него с женой медовый месяц и что по этой причине такая встреча состояться не может. Может быть, позже, добавил он.

Тогда в четверг поздно вечером, когда Митч и Эбби, сидя в “Маяке”, по дороге на Боддентаун, наслаждались морским окуном-гриль, Лэйни, агент Лэйни, одетый в живописные лохмотья и неотличимый от местного жителя, остановился на секунду у их столика и передал приказ: Тарранс ждет встречи.

Цыплят на Каймановы острова приходилось ввозить, и это были далеко не лучшие цыплята. Так себе, средние - они предназначались не островитянам, а американским туристам, заброшенным далеко от дома и отрезанным от своего основного и любимого блюда. Тяжелое было времечко для полковника Сандерса, когда он приехал сюда научить местных темнокожих девушек жарить цыплят. Столь высокое искусство оказалось для них совершенно чуждым.

Специальный агент ФБР Уэйн Тарранс, назначая срочную секретную встречу в единственном на Большом Каймане ресторане “Кентукки Фрайед Чикен”, располагал всей этой информацией. Единственный ресторан на острове. Тарранс был уверен, что заведение окажется вымершим. Он ошибся.

По меньшей мере сотня голодных туристов из Джорджии, Алабамы, Техаса и Миссисипи с аппетитом поедала хрустящие куриные ножки с рубленой капустой и картофелем и сметане. В “Тапило” было, конечно, вкуснее, но и здесь терпимо.

Тарранс и Эклин сидели в кабинке переполненного зала и, нервничая, не спускали глаз с входной двери. Менять что-либо было уже поздно. Но как много народу! Наконец появился Митч, встал в конец длинной очереди. Держа в руках картонную коробочку с кусками курятины внутри, подошел к их столику и сел, не проронив ни слова, даже не поздоровавшись. Приступил к своему обеду из трех блюд, за который было заплачено почти пять кайманских долларов. За привозного цыпленка!

- Где ты был? - спросил его Тарранс. Митч впиался зубами в ножку.

- На острове. Глупее места для встречи не придумаешь, Тарранс. Слишком много народу.

- Мы знаем, что делаем.

- Да, как тогда в обувной лавке.

- Тонко подмечено. Почему ты не захотел встретиться в среду?

- В среду я был занят. Я не хотел вас видеть в среду. За мной не было хвоста?

- Конечно, нет. Лэйни дал бы тебе знать еще у входной двери, если б был.

- Мне не нравится это место, Тарранс.

- Почему ты отправился к Эбанксу? Митч вытер губы, продолжая держать в руке недоеденную ножку. Очень маленькую.

- У него катера, а мне хотелось поплавать с маской и порыбачить. Мы с ним договорились. А где был ты, Тарранс? В субмарине? Следил за нами в перископ?

- Что тебе сказал Эбанкс?

- О, он знает немало слов: привет, дай мне пива, кто следит за нами. Целая куча слов.

- Ты знаешь, что они действительно за вами следили?

- Они! Какие “они”? Ваши “они” или их “они”? За мной следит так много народу, что на перекрестках это вызывает пробки.

- Те самые люди, Митч. Из Мемфиса, из Чикаго и Нью-Йорка. Те, кто убьет тебя завтра, если ты не перестанешь острить.

- Глубоко тронут. Значит, они за мной следили. И куда же я их привел? Понырять с маской? Половить рыбки? Брось, Тарранс. Они следят за мной, вы следите за ними; вы следите за мной, и они следят за вами. Да если я ударю по тормозам, то мне в задницу уткнется не меньше двадцати носов. Почему мы сидим здесь, Тарранс? Здесь же уйма народу.

Тарранс с отчаянием посмотрел по сторонам. Митч закрыл картонный коробок с недоеденными кусками курятины.

- Видишь, Тарранс, я волнуюсь, аппетит пропал.

- Успокойся. За тобой никого не было, когда ты выходил из бунгало.

- За мной вечно никого не бывает, Тарранс. Видимо, то же самое было с Хеджем и Козински, со всеми их передвижениями. За ними никого не было у Эбанкса. И на катере тоже никого не было. И похорон, наверное, тоже не было. Это не самая умная твоя идея, Тарранс. Я ухожу.

- Хорошо. Во сколько вы летите?

- В чем дело? Вы хотите лететь вместе? Со мной или с ними? А если за вами последуют они? А если все перемешается к чертовой матери и за всеми вами начну следить я?

- Ладно тебе, Митч.

- В девять сорок утра. Постараюсь занять тебе место. Сядешь у окна, а рядом устроится Тони-Две-Тонны.

- Когда мы получим твои дела?

Митч стоял с коробком в руках.

- Через неделю или около этого. Дай мне десять Дней, Тарранс. И больше никаких встреч в подобных местах. Запомни, они охотятся на юристов, а не на тупоголовых агентов ФБР.

26

В понедельник в восемь утра Оливер Ламберт и Натан Лок переступили порог металлической двери на пятом этаже и проследовали через лабиринт каморок и кабинетов к офису Де Вашера. Тот уже ждал их. Закрыв за вошедшими дверь, он указал им на кресла. Движения его были заторможенными: ночь прошла в безуспешном поединке с водкой. Глаза покраснели, веки набрякли, голова раскалывалась.

- Вчера в Лас-Вегасе я разговаривал с Лазаревым. Как мог, пытался объяснить ему, почему вы, парни, так не хотите расстаться с четверьмя вашими юристами: с Линчем, Соррелом, Бантином и Майерсом. Перечислил ему все ваши доводы. Он обещал подумать, но пока он будет это делать, проследите за тем, чтобы руки четверки не

касались ничего, кроме совершенно чистых дел. Не пытайтесь играть в самостоятельность и следите за ними в оба.

- Он славный парень, не правда ли, - подал голос Ламберт.

- О да. Душка. Он сказал, что мистер Моролто уже на протяжении полутора месяцев еженедельно справляется у него о положении в фирме. Там у них все взбудоражены.

- Что ты ему отвечал?

- Сказал, что пока все нормально, мы в безопасности. Протечки ликвидированы, на сегодняшний день. Не думаю, что он мне поверил.

- А как Макдир?

- Провел чудесную неделю вместе с женой. Вам не приходилось видеть ее в бикини? Она не вылезала из него все семь дней. Это что-то потрясающее. Мы сделали несколько снимков, так, развлечения ради.

- Я пришел сюда не для того, чтобы смотреть на фотографии, - пробурчал Лок.

- Не скажи. Они провели целый день с нашим маленьким другом Эбанксом - их двое, Эбанкс и рулевой. Дурачились и воде, ловили рыбу. И говорили, много говорили. Неизвестно о чем. Приблизиться было невозможно. Все это внушает подозрения, причем сильные подозрения.

- Не могу понять почему, - сказал Оливер Ламберт. - О чем они могли говорить кроме плавания, рыбалки, ну и, конечно, Ходжа и Козински? Хорошо, пусть они действительно говорили о наших погибших коллегах, в чем беда?

- Он никогда не был знаком с Ходжем и Козински, Оливер, - заметил Лок. - С чего бы ему интересоваться их смертью?

- Не забудьте, - добавил Де Вашер, - Тарранс еще при первой встрече сказал ему, что смерть тех двоих не была случайной. Видимо, он вообразил себя Шерлоком Холмсом и занялся поисками разгадки.

- Но ведь он ничего не найдет, Де Вашер, не так ли?

- Нет, черт побери. Это была отличная работа. Да, на некоторые вопросы ответов так и не нашли, но ведь ясно как день, что и кайманская полиция окажется здесь бессильной. Так что вряд ли удастся что-то и Макдиру.

- Почему же ты беспокоишься?

- Потому что беспокоятся в Чикаго. А они платят мне достаточно хорошие деньги, чтобы я тоже волновался вместе с ними. К тому же, пока ФБР не оставит нас в покое, каждый будет испытывать беспокойство, не так ли?

- Чем еще он занимался?

- Обыкновенный отпуск на Кайманах. Секс, солнце, ром, покупки по мелочам, достопримечательности. На острове было трое наших, и пару раз они его теряли из виду, но, надеюсь, ничего серьезного не упустили. Я всегда говорил, что нельзя следить за человеком семь дней в неделю двадцать четыре часа в сутки без того, чтобы он вас не засек. Поэтому иногда мы отпускали его с поводка.

- Ты считаешь, Макдир становится разговорчивым? - обратился к нему Лок.

- Я знаю, что он лжет, Нат. Он солгал нам о случае в обувном магазине месяц назад. Вы не захотели тогда в это поверить, однако я убежден, что он пошел за Таррансом по своей воле, потому что хотел поговорить с ним. Один из наших ребят совершил ошибку, подойдя слишком близко, беседа их прервалась. Это не совсем то, о чем рассказал нам Макдир, но это то, что было на самом деле. Да, Нат, мне кажется, что он становится разговорчивым. Может, он встречается с Таррансом для того, чтобы послать его к черту. Может, они вместе курят травку. Не знаю.

- Но у тебя нет ничего конкретного, Де Вашер, - заметил Олли.

Боль волнами перекатывалась от висков по всему черепу, от нее можно было сойти с ума.

- Нет, Олли, ничего, подобного Ходжу и Козински, если ты это имеешь в виду. Тех мы записали, и было известно точно, что они вот-вот расколуются. С Макдиром все немного по-другому.

- К тому же он зеленый новичок, - напомнил Лок. - Юрист с восьмимесячным стажем, не знает ровным счетом ничего. Он Бог знает сколько часов провел над "потогонными"

папками, а единственными его клиентами были наши совершенно чистые заказчики. Эйвери особо тщательно отбирал те дела, с которыми работал Макдир. У нас был с ним разговор.

- Он ничего не скажет, так как ничего не знает, - добавил Олли. - Марти и Джо знали гораздо больше, но ведь они давно уже у нас работали. Макдир еще слишком неопытен.

Де Вашер нежными движениями пальцев начал массировать виски.

- Значит, вы приняли на работу настоящую тупую задницу. Давайте допустим, что у ФБР есть предчувствие относительно того, кто является нашим главным клиентом, о'кей.

Порассуждаем вместе. Давайте еще предположим, что Ходж и Козински успели достаточно их просветить по поводу специфики этого нашего клиента. Вам ясно, к чему я веду? ФБР могло рассказать Макдиру все, что им было о нас известно, кое-что приукрашив, конечно. И, таким образом, ваш зеленый новичок превращается в весьма осведомленного человека. И в весьма опасного.

- Ты в состоянии это доказать?

- Для начала мы ужесточим наблюдение. Установим двадцати четырехчасовую слежку за женой. Я уже звонил Лазареву, требовал еще людей. Сказал ему, что нам необходимы свежие физиономии. Завтра вылечу в Чикаго, чтобы лишний раз посоветоваться с Лазаревым и, может быть, с мистером Моролто. Лазарев считает, что у Моролто есть ход к кому-то внутри ФБР. Этот кто-то довольно близок к Войлсу и может продать свою информацию. Безусловно, это будет стоить денег. Все это мы обсудим, и они решат, как нам поступить.

- И ты скажешь им, что Макдир начинает болтать? - спросил Лок.

- Я скажу им то, что я знаю, и то, что подозреваю. Боюсь, что если мы будем сидеть в ожидании конкретики, то опоздаем. Я почти уверен, что Лазарев захочет обсудить планы его устранения.

- Предварительные планы? - В голосе Олли звучал оттенок надежды.

- Предварительная стадия уже закончена, Олли.

Таверна "Песочные часы" в Нью-Йорке выходила фасадом на Сорок шестую улицу, неподалеку от того места, где она перекрещивалась с Девятой авеню. Это было небольшое темное помещение всего на двадцать два места, оно прославилось благодаря своему исключительно дорогому меню и тому, что на прием пищи каждому посетителю отводилось ровно пятьдесят девять минут. На стене над каждым столиком были укреплены песочные часы, беззвучно сыпавшие минутами и секундами до того момента, как хранительница времени - официантка - не подходила к столику для окончательного расчета. Пользуясь популярностью у прохожих на Бродвее, таверна обычно была переполнена, а постоянные посетители терпеливо дожидались своей очереди у дверей.

Лу Лазарев любил "Песочные часы" за их мрак, в котором так удобно было поговорить с нужным человеком, не привлекая чужого внимания. Поговорить недолго, накоротке, под часами. Нравилось ему здесь еще и потому, что таверна располагалась не в итальянском квартале. Сам он не был итальянцем и, даже будучи под началом у сицилийцев, не обязан был есть их еду. А еще он чувствовал себя здесь уютно по той причине, что родился и первые сорок лет жизни провел в театральной среде. Затем штаб-квартира корпорации переместилась в Чикаго, ему тоже пришлось переезжать. Однако бизнес требовал по крайней мере дважды в неделю приезжать в Нью-Йорк, и, когда интересы Дела диктовали необходимость встречи с равным себе по статусу членом другого клана, Лазарев в качестве нейтральной территории обычно предлагал "Песочные часы". У Тубертини статус был соответствующий, даже чуть выше. Соглашение на таверну он дал не очень охотно.

Лазарев приехал первым, и ему не пришлось долго ждать, пока освободится столик. Из собственного опыта он знал, что толпа к четырем часам пополудни уже рассеется, к тому же сегодня был четверг. Он попросил стакан красного вина, официантка повернула над его головой песочные часы, и время пошло. Лазарев сидел у ближайшего к выходу столика и, повернувшись спиной к залу, смотрел на улицу. Ему исполнилось пятьдесят восемь, у него была широкая грудь и солидных размеров живот. Положив руку на скатерть в красную клетку, он потягивал вино и рассматривал проносящиеся мимо

автомобили.

Слава Богу, Тубертини оказался пунктуальным: вниз успела пересыпаться ровно четвертая часть белого песка. Мужчины вежливо пожали руки; Тубертини пренебрежительным взором обвел небольшое помещение. Он послал Лазареву деланную улыбку и устался на свое место у окна - сквозь стекло его спину можно прекрасно рассмотреть с улицы, это будет раздражать. Это опасно. Но машина его находилась рядом, а в ней - двое его людей. Тубертини решил быть вежливым. Он обошел вокруг стола и уселся.

Выглядел Тубертини с иголочки. Тридцатисемилетний зять самого старика Палумбо, член семьи. Женится на его единственной дочери. Изящный, с худощавым загорелым лицом и короткими черными волосами, аккуратно зачесанными назад. Заказал себе то же вино, что и Лазарев.

- Как поживает мой старый друг Джой Моролто? - вежливо осведомился он с улыбкой.
- Отлично. А мистер Палумбо?
- Неважно со здоровьем и совсем плохо с характером. Как обычно.
- Ему мои наилучшие пожелания.
- Передам обязательно.

Приблизившаяся официантка многозначительно посмотрела на сыплющийся песок.

- Только вино, - ответил на ее немой вопрос Тубертини. - Еды не нужно никакой.

Лазарев бросил взгляд на меню, передал его женщине.

- Тушеный лосось и еще один бокал вина. Тубертини посмотрел на своих людей в автомобиле, ему показалось, что они начали дремать.

- Что не в порядке в Чикаго? - спросил он.

- Все в порядке. Нам только нужна кое-какая информация, вот и все. Мы слышали, и это не более чем слух, что у вас есть кто-то очень надежный внутри Бюро, довольно близкий к Войлсу человек.

- Ну, а если это и так?

- Нам бы весьма пригодилась информация от него. У нас в Мемфисе есть небольшая фирма, куда фэбээровцы пытаются изо всех сил сунуть свои носы. Один из сотрудников фирмы попал под подозрение, но мы так и не смогли убедиться, действительно ли он начал двойную игру.

- А что будет, когда вы в этом убедитесь?

- У него вырвут печенку и отдадут ее крысам.

- Серьезно?

- В высшей степени серьезно. Что-то говорит мне, что ищейки вышли в Мемфисе на наш след, это причиняет массу неудобств.

- Назовем нашего человека Альфред и допустим, что он весьма близок к Войлсу.

- Хорошо. От Альфреда нам нужен ответ на очень простой вопрос. Мы хотим знать, работает ли наш сотрудник в паре с ФБР.

Тубертини не сводил с лица Лазарева своих черных глаз и маленькими глотками пил вино.

- Альфред как раз специализируется на простых ответах. Он предпочитает говорить либо "да", либо "нет", и больше ничего. Мы использовали его дважды, и оба раза вопрос был: работают ли ищейки там-то или там-то. Он чрезвычайно осторожен. Не думаю, что он выдаст вам еще и детали.

- Его информации можно доверять?

- На сто процентов.

- Тогда он смог бы нам помочь. Если ответ будет "да", мы примем соответствующие меры. Если "нет", то сотрудник продолжит свою работу дальше как ни в чем не бывало.

- Альфред очень дорого обходится.

- Я так и предполагал. Как дорого?

- Он работает в Бюро уже шестнадцать лет, для него это вопрос карьеры. Поэтому и нам приходится быть весьма осмотрительными. Слишком уж многое поставлено на карту.

- Как дорого?

- Пятьсот тысяч.

- Черт побери!
- Естественно, мы тоже должны заработать на этой сделке. В конце концов, Альфред принадлежит нам. Небольшой процент.
- Небольшой процент?
- Очень небольшой. Почти все деньги уйдут к Альфреду. Он общается с Войлсом каждый день, его кабинет находится через одну дверь.
- Хорошо, мы заплатим.

По губам Тубертини скользнула победная улыбка, он пригубил вино.

- Мне кажется, вы солгали, мистер Лазаров. Небольшая фирма в Мемфисе? Это же неправда, так?
- Неправда.
- Как называется фирма?
- Фирма Бендини.
- Дочка старика Моролто вышла замуж за Бендини.
- Именно так.
- Имя вашего сотрудника?
- Митчел Макдир.
- На это может уйти две-три недели. Самым трудным будет встретиться с Альфредом.
- Согласен. Постарайтесь сделать это побыстрее.

27

Это было из ряда ион выходящее событие - когда в тихой крепости на Фронт-стрит появлялась чья-либо жена. Если такое случалось, то гостью встречали с распростертыми объятиями и уверениями в том, что всегда рады ее видеть. Однако приглашений почти не бывало. Так что никто не встретил у входных дверей Эбби Макдир, никто не оповестил мужа о ее приходе. Ей было совершенно необходимо увидеться с мужем, объяснила она секретарше в вестибюле. Та позвонила Нине на второй этаж, и через несколько секунд Нина быстрым шагом спустилась по лестнице навстречу Эбби, тепло приветствуя жену своего босса. Митч находится на совещании, сказала ей Нина. Он вечно на этих проклятых совещаниях, отозвалась Эбби. Вызовите его! Они направились в кабинет, где Эбби закрыла за собою дверь и уселась ждать.

Митч наблюдал за очередным безумством, сопровождавшим новый отъезд Эйвери. Секретарши толкали друг друга, набивая чемоданы делами, а Эйвери по своему обыкновению кричал в телефонную трубку. Митч сидел на диване с блокнотом в руках и с улыбкой смотрел на суету. Эйвери на два дня должен был вылететь на Большой Кайман.

Дата 15 апреля на настольном календаре приближалась со скоростью пожарной команды, все настоятельнее становилась необходимость навести порядок в кое-каких банковских записях. Двое суток будут отданы исключительно работе, убеждал его Эйвери. Он начал говорить о поездке еще за пять дней, он проклинал ее, однако по его же словам выходило, что избежать ее невозможно. Он отправится туда на "Лире", который, как только что заметила секретарша, уже ждет его.

Видимо, уже набитый мешками с наличностью, подумал про себя Митч.

Эйвери с треском обрушил трубку на рычаг и подхватил свой пиджак. В дверь вошла Нина и уставилась на Митча.

- Мистер Макдир, пришла ваша жена. Она говорит, что это срочно.

В кабинете наступила полная тишина. Митч тупо смотрел на пуговицу пиджака Эйвери. Секретарши замерли.

- В чем дело? - спросил он ее.
- Она ждет вас в вашем кабинете.
- Митч, мне пора, - проговорил Эйвери. - Позвоню тебе завтра. Надеюсь, все в порядке.
- Хорошо.

Он молча последовал за Ниной. Эбби сидела у его стола. Закрыв дверь, он щелкнул ручкой замка. Внимательно посмотрел на жену.

- Митч, мне нужно поехать домой. - Почему? Что произошло?

- Только что в школу позвонил отец. У мамы в легком обнаружили опухоль. Завтра операция. Дыхание его стало прерывистым.

- Мне очень жаль.

Он даже не пытался дотронуться до нес. Глаза ее оставались сухими.

- Я должна ехать. В школе я взяла отпуск за свой счет.

- Надолго?

Вопрос был не из легких.

Она смотрела в сторону, на стену с его дипломами.

- Не знаю, Митч. Нам необходимо какое-то время пожить отдельно. Здесь сейчас я чувствую себя очень усталой. Мне нужно время. Так будет лучше для нас обоих.

- Давай-ка поговорим об этом.

- Ты слишком занят для разговора, Митч. Я пыталась поговорить с тобой на протяжении шести месяцев, но ты так и не услышал меня.

- Как долго тебя не будет здесь, Эбби?

- Не знаю. По-видимому, это будет зависеть от мамы. Нет, это зависит от целой кучи вещей.

- Ты пугаешь меня, Эбби.

- Я вернусь, обещаю тебе. Я только не знаю когда. Может, через неделю. Может, через месяц. Мне нужно кое в чем разобраться.

- Месяц?

- Я не знаю, Митч. Мне просто нужно какое-то время, и еще мне нужно сейчас быть рядом с мамой.

- Надеюсь, с ней все будет в порядке. Мне очень хочется этого.

- Я знаю. Соберу дома кое-какие вещи и через час поеду.

- Хорошо. Будь осторожна.

- Я люблю тебя, Митч.

Он кивнул ей и стал смотреть, как она открывает дверь и быстрым шагом направляется к лестнице. Взаимных объятий не было.

Техник у магнитофона на пятом этаже перемотал пленку и нажал на кнопку срочного вызова Де Вашера. Тот явился немедленно, надел на свой огромный череп наушники. Вслушался.

- Еще раз, - потребовал он.

Второй раз прослушал с неослабным вниманием.

- Когда это все случилось?

Техник бросил взгляд на панель с часами.

- Две минуты четырнадцать секунд назад. В его кабинете на втором этаже.

- Черт! Черт! Она собирается бросить его или нет? Никакой болтовни о разводе или о раздельном проживании?

- Нет. Мы бы знали об этом. Они только спорили о его рабочем дне, он нелестно отзывался о со родителях, но ничего другого.

- Да, да. Соединись с Маркусом, узнай, слышал ли он что-нибудь такое. Прослушай все записи - вдруг мы что-то упустили. Черт побери!

Эбби направилась в Кентукки, но так и не добралась туда. После часа езды к западу от Нэшвилла она съехала с автострады номер сорок и повернула на север, на шоссе номер тринадцать. Дорога позади ее машины была пуста. Время от времени она сбрасывала скорость с восьмидесяти до пятидесяти миль в час, но и тогда в зеркальце не замечала ни одной машины. В крошечном городке Кларксвил, неподалеку от границы штата Кентукки, она свернула на шоссе номер двенадцать. Примерно через час она вкатилась в Нэшвилл по какой-то почти разбитой колее; красный "пежо" быстро затерялся в потоке автомашин.

Эбби припарковала автомобиль на стоянке для убывающих около городского аэропорта и на автобусе добралась до здания аэровокзала. В кабинке женского туалета на первом этаже она переделалась в шорты цвета хаки, кроссовки и синий вязаный пуловер. Для такого туалета в Мемфисе сезон еще не наступил, но она отправлялась в места с более теплым климатом. Волосы собрала конским хвостом и засунула под воротник.

Переменяла темные очки, сунула в сумку платье, туфли, пояс с чулками.

Минуло почти пять часов с того момента, как она выехала из Мемфиса. Поднявшись по трапу самолета авиакомпании “Дельта”, она предъявила свой билет и попросила найти ей место у окна.

Ни один рейс авиакомпании “Дельта” в свободном мире не мог миновать Атланты, но, к счастью, ей не пришлось делать пересадку. Она сидела у иллюминатора и ждала, когда на шумный аэропорт упадет ночная тьма. Она нервничала, но старалась не думать об этом. Выпила стакан вина, углубилась в “Ньюсуик”.

Через два часа она вышла из самолета в Майами. Быстро прошла через все здание, привлекая к себе взгляды мужчин, но не обращая на них внимания. Обычная дань восхищения и похоти, сказала она себе. Ничего больше.

У единственного в аэропорту выхода на посадку на самолеты Кайманской авиакомпании она показала контролеру свой билет в оба конца, свидетельство о рождении и водительские права. Какие милые люди, эти кайманцы, вот только откажутся впустить вас к себе на острова, если у вас на руках нет еще и обратного билета. Пожалуйста, приезжайте к нам и оставляйте у нас свои деньги, а потом убирайтесь. Пожалуйста.

Усевшись в уголке маленького переполненного зала ожидания, она попыталась читать. Молодой отец рядом со своей симпатичной женой и двумя детишками начал пристальным взглядом изучать ее ноги, но никто этого, кроме нее самой, не замечал. Вылет рейса на Большой Кайман состоится через тридцать минут.

С некоторым трудом раскачавшись, Эйвери вошел наконец в деловой ритм и провел в джорджтаунском отделении “Королевского банка” Монреала целых семь часов. Когда к пяти часам дня он покидал небольшой конференц-зал, где он работал, все помещение было заполнено компьютерными распечатками и итоговыми справками по счетам. Завтра он со всем закончит. Ему был необходим здесь Макдир, однако обстоятельства складывались так, что планы приходилось менять на ходу. Эйвери чувствовал себя изнуренным работой и жаждой. А еще ему была нужна женщина.

В баре “Румхедс” он взял банку пива и стал прокладывать своим загорелым мускулистым телом дорогу к внутреннему дворику, где можно было попытаться найти столик. В то время как он с невозмутимым видом проходил мимо игроков в домино, Тэмми Гринвуд Хэмфил, едва заметно нервничая, но небрежно пробралась через толпу и уселась у стойки бара. Глаза ее неотрывно следили за Эйвери. Загар у нее был домашний, высиженный под ультрафиолетовой лампой, некоторые участки кожи смотрелись явно более темными, чем соседние. Но в целом такому загару в конце марта можно было позавидовать. Волосы ее уже не были обесцвечены: она выкрасила их в цвет теплого песка, косметику наложила крайне скупое. Бикини являл собою произведение искусства: ярко-оранжевый флуоресцирующий треугольник между ее обольстительных бедер просто требовал к себе внимания. Безукоризненной формы грудь так растягивала узенькие ленточки купальника, что те готовы были лопнуть. А увидя Тэмми со спины, можно было бы решить, что на ней вообще ничего не надето. Ей было сорок, но не менее двадцати пар голодных глаз проводили ее до высокого стула в баре, где она потребовала себе содовой и закурила сигарету. Тэмми пускала дым и во все глаза смотрела на Эйвери.

Эйвери был настоящим волком. Он выглядел хорошо, и знал это. Прикладываясь к банке с пивом, он медленным внимательным взглядом изучал каждую женщину в радиусе пятидесяти метров вокруг себя.

Выбрал одну, молодую блондинку, и готов был уже подойти к ней, когда ее молодой приятель опередил его, и она бросилась ему навстречу. Эйвери продолжил свой обзор.

Тэмми заказала еще один стакан, с капелькой лимонного сока, и направилась во внутренний дворик. “Волк” уставился своими алчущими глазами на ее груди, неуклонно приближающиеся к его столику.

- Вы не против, если я присяду? - услышал он ее голос.

Он привстал, отодвигая для нее стул.

- Прошу вас.

Внутри него все ликовало. Из всей стаи “голодных волков”, рыскающих вокруг бара в

поисках добычи, она выбрала его! Знал он партнерш и помоложе, но в данный момент номером первым быта эта.

- Эйвери Толар. Из Мемфиса.

- Рада встрече. Я - Либби. Либби Локс из Бирмингема.

Теперь она уже была Либби. Либби было имя ее сестры, мать звали Дорис, а саму ее Тэмми. Сейчас она боялась только одного - запутаться во всех этих именах. Хотя она не носила кольца, она была замужней женщиной, и ее муж, чье имя было Элвис, должен был быть в данное время в Оклахоме, наряженным под Элвиса Пресли. Скорее всего, он в эту самую минуту соблазняет какую-нибудь девчонку-подростка, пришедшую на его выступление в майке с надписью "ЛЮБИ МЕНЯ НЕЖНО".

- Что привело вас сюда? - спросил ее Эйвери.

- Просто желание развлечься. Прилетела сегодня утром, остановилась в "Пальмах". А вы?

- Я юрист, занимаюсь налогами и, поверите ли, приехал сюда по делу. Приходится наезжать на острова по нескольку раз в год. Настоящая пытка.

- Где вы остановились?

Он махнул рукой в сторону пляжа.

- У моей фирмы здесь два бунгало. Никаких денег.

- Неплохо.

Волк в нем ничуть не колебался.

- Хотите посмотреть?

Она хихикнула, как первокурсница.

- Может, позже?

Он улыбнулся ей. Это будет нетрудно. Господи, как же он любил эти острова!

- Что будете пить?

- Джин с тоником. И чуть-чуть лимонного сока. Он сходил за напитками. Усаживаясь, поставил свой стул поближе к ее, так, чтобы ноги их соприкасались. Грудь ее покоилась на столе; нагнув голову, он уставился в ложбинку между ними.

- Вы одна здесь? - Ответ был очевиден, но он должен был спросить ее. - Да. А вы?

- То же самое. Поужинаем вместе?

- Я не против.

- Отлично. Неподалеку от "Пальм" готовят прямо на открытом воздухе, начиная с шести вечера. Лучший морской ресторанчик на острове. Неплохая музыка. Пунш с ромом. Никаких вечерних туалетов.

- Сдаюсь.

Они сдвинулись еще ближе, рука его как-то сама собой скользнула ей между коленей. Локоть упирался в ее обворожительную грудь. Эйвери улыбался. Она тоже. В общем-то это даже не так и противно, подумалось ей. Но дело прежде всего.

"Босоногие" ударили в свои инструменты, и празднество началось. Слонявшиеся по пляжу туристы стали потихоньку тянуться к столикам, которые раскладывали и накрывали скатертями местные парни в белоснежных шортах и коротеньких пиджачках. В воздухе поплыл аромат вареных креветок, шашлыка из акулы, жареных трепангов. Как два голубка, Эйвери и Либби, взявшись за руки, проследовали к буфету.

Три часа они предавались еде и танцам. Они ели и танцевали, пили и танцевали, все больше и больше распаяя друг друга. После того как он опьянел, она опять вернулась к своему напитку - содовой. Вот-вот должно было начаться то, для чего она сюда приехала, - дело.

К десяти вечера он уже еле передвигал ногами, так что ей пришлось помочь ему добраться от танцевальной площадки до стоящего совсем рядом бунгало. В дверях он обхватил ее своими длинными и крепкими руками, и минут пять они стояли и целовались. Потом он все же справился с ключом и замком, и они наконец оказались внутри.

- Давай еще выпьем, - обратилась она к нему дружеским голосом. Эйвери подошел к бару, смешал ей джин с тоником. Сам он налил себе виски. Они уселись на балконе спальни, любуясь серпом луны над ровной гладью моря.

В выпивке она от меня не отстает, подумал Эйвери, и если она способна еще пить, то что же говорить о нем, мужчине? Однако природа требовала своего, и он, извинившись, вышел. Бутылка виски стояла у ее локтя на плетеном столике, Тэмми улыбнулась ей в сумерках. Все оказывалось даже проще, чем она предполагала. Из оранжевого треугольничка на животе она извлекла целлофановый пакетик и опустила в его стакан капсулу хлоралгидрата. Поднесла к губам свой бокал.

- Пей до дна, - велела она ему, когда Эйвери вернулся. - Я хочу в постель.

Он выпил виски залпом. Вкусовые бугорки уже отказывались работать. Мышцы стали расслабляться, расслабляться, и вот уже голова склонилась на грудь, качнувшись пару раз к стороны, дыхание стало прерывистым.

- Спи спокойно, любимый, - сказала она едва слышно.

Для человека весом в сто восемьдесят фунтов такая доза хлоралгидрата означала десять часов беспробудного сна. Она взяла в руку его стакан - в нем почти ничего не осталось. Ну, скажем, восемь часов.

Тэмми с трудом вытащила его из кресла и доволокла до постели: уложила сначала верхнюю половину тела, затем ноги. Осторожно сняла с него желто-голубые шорты, положила на пол рядом с кроватью. Долгим взглядом окинула его тело, набросила поверх простыню и нежно поцеловала в щеку.

На шкафу для одежды она обнаружила два кольца с ключами, целых одиннадцать штук. Внизу, в коридорчике между кухней и гостиной, откуда открывался вид на ночное море, Тэмми нашла ту таинственную, закрытую на замок дверь, которая еще в ноябре заинтересовала Митча. Митч тогда измерил шагами каждую комнату на первом и втором этажах и вычислил, что помещение за дверью должно быть площадью не менее чем пятнадцать на пятнадцать футов. Подозрение вызвало то обстоятельство, что дверь была металлической, Да еще с табличкой "КЛАДОВАЯ" на ней. Единственная табличка во всем бунгало. Когда они неделей раньше жили с Эбби в соседнем бунгало, то ничего подобного там не видели.

На одном из колец висели два ключа от входных дверей фирмы Бендини, ключ от "мерседеса", два ключа от квартиры и ключ от рабочего стола Эйвери. На втором кольце никак не помеченные ключи казались самыми обыкновенными. Она начала с них, и четвертый по счету ключ подошел. Затаив дыхание, Тэмми открыла дверь. Сирена не завывала, удара током она тоже не получила, не произошло ровным счетом ничего. Митч велел ей открыть дверь, подождать пять минут и только потом включать свет.

Тэмми прождала десять минут, десять долгих, полных страха минут. По мнению Митча, это бунгало использовалось компаньонами и избранными гостями фирмы, а то, другое, предназначалось для сотрудников и прочих лиц, за которыми требовался постоянный надзор. В таком случае, как он надеялся, бунгало, где сейчас находилась Тэмми, может быть, и не оборудовано микрофонами, камерами, охранной сигнализацией и другой электроникой. Десять минут прошло, она распахнула дверь и включила свет. Опять замерла в ожидании, и опять ничего не произошло. Она оказалась в квадратной комнате пятнадцать на пятнадцать футов, с белыми стенами, без всяких ковров, но с двенадцатью несгораемыми шкафами для папок стандартного размера. Медленно приблизившись к одному из шкафов, она попробовала вытянуть верхний ящик. Тот поддался на удивление легко.

Тогда Тэмми выключила свет, закрыла дверь и вернулась в спальню наверху, где Эйвери находился в неменяемом состоянии, заполняя всю комнату оглушительным храпом. Часы показывали половину одиннадцатого. Ей предстояло восемь часов исступленной работы, необходимо было закончить все до шести утра.

У стола в углу аккуратно стояли три больших атташе-кейса. Тэмми схватила их, выключила в доме все огни и вышла. Небольшая неосвещенная стоянка была совершенно пуста, покрытая гравием дорожка вела к шоссе. Выложенная плиткой тропинка вилась среди кустов вдоль фасадов обоих бунгало и упиралась в белую изгородь - границу владений фирмы. Ворота в изгороди выводили на невысокий, покрытый густой травой холм, на котором высилось здание "Пальм".

Несмотря на то что расстояние между бунгало и отелем было совсем незначительным,

к тому времени как Тэмми добралась до дверей номера 188, руки ее онемели от тяжелой ноши. Номер находился на первом этаже, он выходил окнами не на пляж, а на противоположную сторону, к бассейну. Тяжело дыша, мокрая от пота, Тэмми одна нашла в себе силы постучать в дверь.

Эбби распахнула ее настежь. Подхватив чемоданы, занесла их в номер, бросила на кровать.

- Что-нибудь не так?

- Пока все нормально. По-моему, он мертв. - Тэмми вытерлась полотенцем и открыла банку коки.

- Где он? - Эбби не была расположена к шуткам, дело прежде всего.

- В своей постели. У нас около восьми часов, до шести утра.

- Удалось попасть в ту комнату? Эбби подала ей свежие шорты и просторную хлопчатобумажную рубашку.

- Да. В ней штук десять больших шкафов с папками. Шкафы открыты. Несколько картонных коробок, еще какая-то дрянь, но в общем не очень-то много.

- Десять шкафов?

- Да, такие высокие. Под стандартные папки. Нам здорово повезет, если к шести управимся.

Они находились в одноместном номере с кроватью королевских размеров. Эта кровать, кресло, журнальный столик были сдвинуты к стене, чтобы освободить место для копировальной машины: "кэнон" модели 8580 с автоматической загрузкой и брошюратором стоял в центре комнаты, готовый к работе. Машину пришлось брать напрокат по разбойной цене в триста долларов в сутки, включая доставку. В конторе им объяснили, что на острове это новейшая, самая мощная модель и что с ней даже на день им жалко расстаться. Но тут Эбби пустила в ход все свои чары и стала выкладывать перед служащими стодолларовые купюры. Конечно, тот сдался. Две коробки с бумагой - десять тысяч листов - стояли рядом с кроватью.

Женщины открыли первый атташе-кейс и извлекли из него шесть довольно тонких папок.

- То же самое, - пробормотала Тэмми себе под нос. Раскрыв зажим, она вытащила документы из папки.

- Митч предупреждал, что они очень внимательны в обращении с папками, - объясняла она Эбби, разброшюровывая десятистраничный документ. - Он говорил, что у юристов выработалось шестое чувство, и они просто чувствуют, когда в их отсутствие в папке копался клерк или секретарша. Поэтому будь повнимательнее, работай без спешки. Скопировав документ, постарайся попасть скрепкой в прежние дырки. Это скука, но это необходимо. Делай копию только одного документа сразу, вне зависимости от количества страниц. Затем не торопясь собери все страницы в изначальном порядке. Затем вставишь аккуратно в брошюратор так, чтобы скрепка прошла через старые дырки. Тогда все будет в порядке.

С автоматической загрузкой десятистраничный документ был готов через восемь секунд.

- Довольно быстро, - оценила Тэмми.

С первым чемоданчиком они покончили за двадцать минут. Тэмми передала Эбби кольца с ключами, подхватила два новых объемистых пустых саквояжа и устремилась в бунгало.

Эбби проводила ее до двери, вышла сама и закрыла дверь на ключ. Она направилась на стоянку отеля, где Тэмми оставила свои взятый напрокат "ниссан". Из-за непривычного левостороннего движения она не совсем уверенно чувствовала себя за рулем, приближаясь к ночному Джорджтауну. В двух кварталах от импозантного здания Швейцарского банка на узкой боковой улочке, застроенной аккуратными каркасными домиками, она нашла тот, в котором проживал единственный на Большом Каймане слесарь. Или, во всяком случае, он был единственным, кого смогла она обнаружить без посторонней помощи. Слесарь жил в зеленом доме с широкими окнами и отделанными резьбой ставенками.

Она оставила машину на улице и подошла к невысокому крыльцу, у которого сидел сам хозяин дома, его соседи и друзья. Компания выпивала и слушала передаваемую по радио музыку, опять же вечный регги. При ее приближении никто и не подумал подняться. Было почти одиннадцать вечера. Слесарь говорил ей, что возьмется за работу и выполнит ее тут же, в своей маленькой домашней мастерской, что расценки у него весьма умеренные и что в качестве аванса он хотел бы выпить сто граммов хорошего рома.

- Мистер Дэнтли, простите, что я беспокою вас так поздно. Может, в качестве компенсации вы согласитесь принять это?

Она протянула ему бутылку рома "Майерс" емкостью почти в литр. Мистер Дэнтли внезапно возник из темноты, осторожно принял из ее рук бутылку, осмотрел ее.

- Парни, у нас целая бутылка "Майерса"! Из шепота сидевших на ступеньках людей Эбби не поняла ни слова, однако ей стало ясно, что подарок взволновал всю компанию. Мистер Дэнтли передал бутылку друзьям и провел Эбби внутрь дома, а через него прямо в крошечный сарайчик, полный разных механизмов, инструмента и просто всякой рухляди. С потолка одиноко свисала электрическая лампочка, на свет которой миллионами слеталась мошкара. Эбби вручила ему одиннадцать ключей, и слесарь со знанием дела разложил их на своем верстаке.

- Это будет нетрудно, - проговорил он, не поднимая на нее глаз.

Несмотря на то что одиннадцать вечера явно не казалось ему слишком поздним временем для выпивки, руками своими Дэнтли владел мастерски. Видимо, его нервная система выработала иммунитет к рому. Он надел защитные очки с толстыми стеклами и начал возиться с заготовками. Минут через двадцать заказ был выполнен. Дэнтли вручил Эбби две связки оригиналов и сделанные им копии ключей.

- Спасибо вам, мистер Дэнтли. Сколько я вам должна?

- Это не отняло у меня много времени, - протянул он. - По доллару за каждый.

Она тут же вручила ему деньги.

Два небольших чемодана Тэмми заполнила содержимым верхней полки стеллажа. Пять полок, двенадцать стеллажей, это означало шестьдесят ходок к копировальной машине и назад. За восемь часов. Ну что ж, время позволяло. Тут еще были какие-то папки, записные книжки, компьютерные распечатки. Митч велел копировать все. Поскольку, сказал он, я и сам еще толком не знаю, что искать, скопировать нужно будет все.

Она выключила свет и бегом поднялась наверх, чтобы взглянуть на своего незадачливого любовника. Тот беспробудно спал. Правда, храп стал чуть тише.

Чемоданы весили фунтов по тридцать каждый, и руки Тэмми ныли от напряжения, когда она ввалилась в гостиничный номер 188. А ведь это только первый рейс из шестидесяти. Нет, она не выдержит. Эбби из Джорджтауна не вернулась, поэтому Тэмми пришлось самой аккуратно выложить содержимое чемоданов на постель. Сделав глоток кока-колы, она подхватила опустевшие емкости и вышла в ночь. Назад, в бунгало. Вторая полка была точным повторением первой. Тэмми по порядку уложила папки, застегнула молнии. Она была вся в поту, ей не хватало дыхания. Сколько ей осталось еще? Почему не четыре ходки? Не две, не одна? Метнулась наверх - он так и не пошевелился за ее отсутствие.

Машина тихо урчала и пощелкивала, когда она вернулась в гостиницу. Эбби уже почти справилась с первой порцией и была готова приступить к следующей.

- Сделала ключи? - спросила ее Тэмми.

- Да, без проблем. Как там твой мужчина?

- Если бы эта штука была выключена, ты бы услышала его храп.

Тэмми быстренько выложила папки. Схватив влажное полотенце, вытерла им лицо и отправилась в обратный путь.

Эбби закончила с документами из кейсов и приступила к папкам со стеллажей. Она уже достаточно освоилась с машиной и через полчаса двигалась со сноровкой опытного клерка. Она разброшюровывала папки, загружала документы, сбросюровывала их вновь, а машина в это время без устали выдавала лист за листом, автоматически скрепляла их и выплевывала на пол.

Из третьего рейса Тэмми вернулась совершенно без сил, с кончика носа капал пот.

- Третья полка, - доложила она. - Этот продолжает храпеть.

Расстегнув молнии, она выгрузила принесенное. Едва переводя дыхание, уложила уже отработанные папки в чемоданы. Весь остаток ночи ей придется только этим и заниматься: бегать, нагружать и выгружать.

В полночь “Босоногие” спели свою последнюю песню, и на “Пальмы” опустилась ночная тишина. За стенами их номера тихое жужжание машины было совершенно неслышным. Дверь закрыта на замок, шторы опущены до самого пола, свет выключен, за исключением небольшой лампы у кровати. Некому было обратить внимание на падавшую от усталости даму, насквозь мокрую от пота, бегавшую с одними и теми же чемоданами туда-сюда.

После полуночи они уже не разговаривали. Они были измождены, слишком заняты, их переполнял страх. Да и говорить, собственно, было не о чем, разве что Тэмми докладывала иногда о состоянии спящего. Эйвери был неподвижен до часу ночи, когда он совершенно бессознательно перевернулся на живот, а минут через двадцать опять перевернулся на спину. Тэмми заглядывала к нему каждый раз и все время спрашивала себя, что она будет делать, если он вдруг раскроет глаза и очнется. В кармашке ее шортов был маленький баллончик с газом - так, на всякий случай, если придется спасаться бегством. Этот вопрос они с Митчем в деталях как-то не обсуждали. Главное, сказал тогда Митч, это не допустить, чтобы он вошел в гостиничный номер. Угости его струей газа в лицо и беги со всех ног с криком “Насильник!” - вот что сказал тогда Митч.

Но где-то после двадцать пятой ходки Тэмми вдруг почувствовала уверенность в том, что пробуждение Эйвери - вопрос всего одного-двух часов. Мало того, что она носилась туда-сюда, как нагруженный мул, ей приходилось еще каждый раз взбираться наверх - а это четырнадцать ступенек, - чтобы проверить, все ли в порядке с неудавшимся Казановой. Но усталость брала свое - она решила проверять его через раз. Затем - каждую третью ходку.

Около двух ночи, потратив почти половину имевшегося в их распоряжении времени, они сняли копии с папок, размещавшихся на пяти стеллажах. У них уже получилось более четырех тысяч листов, и вся кровать была уложена аккуратными пачками документов. Копии лежали и на полу возле стены: семь аккуратных столбиков высотой чуть ли не до пояса.

Они позволили себе пятнадцать минут отдыха.

В половине шестого к восточной части небосклона показались первые признаки зари, и они забыли об отдыхе. Эбби ускорила все свои манипуляции и молилась только о том, чтобы машина не загорелась от перенапряжения. Тэмми помассировала коленные суставы и вновь отправилась назад, в бунгало. Это был рейс номер пятьдесят один или пятьдесят два - она уже потеряла счет. Нужен небольшой перерыв. Вдруг Эйвери уже ждет ее?

Она открыла дверь и направилась в кладовую. Так же, как обычно, поставила чемоданы на пол и быстро поднялась по лестнице в спальню. На пороге она в ужасе остановилась. Эйвери сидел на краю постели лицом к балкону. Видимо, он услышал, как она поднималась, голова его медленно повернулась к ней. Глаза его опухли и блестели, он грозно посмотрел на нее.

Инстинкт подсказал ей, что делать. Быстрым движением она расстегнула шорты, и они упали к ее ногам.

- Эй, малыш! - сказала она, надеясь, что дыхание ее уже вошло в норму, довольно развязным голосом. Подошла к нему вплотную. - По-моему, ты рановато подхватился. Давай-ка еще поспим.

Взгляд его вновь обратился к окну. Он не проронил ни слова. Усевшись рядом, она положила свою ладонь на его бедро, ласково повела пальцами. Он не пошевелился.

- Ты проснулся? - спросила она Эйвери. Никакого ответа.

- Эйвери, детка, ответь же. Ну давай еще поспим. На улице еще темно.

Он боком упал в постель, уткнувшись лицом в подушку, что-то хрюкнул. Не сказал - он и не пытался ничего сказать, а лишь хрюкнул. Потом глаза его закрылись вновь. Тэмми подняла на постель его ноги, накрыла Эйвери простыней.

Она просидела у его постели минут десять, пока храп не зазвучал с прежней силой, затем надела шорты и бросилась в “Пальмы”.

- Он проснулся, Эбби! - в панике прокричала она. - Проснулся и тут же снова уснул.

На мгновение Эбби прервала свои манипуляции; обе женщины посмотрели на кровать, где лежали еще не обработанные документы.

- Хорошо. Поди прими душ, - рассудительным голосом сказала Эбби, - а потом ложись с ним в постель и жди. Дверь в кладовку запри. Когда он проснется и отправится в душ, позвони мне. Я займусь тем, что осталось. Мы оттащим все обратно, после того как он уйдет на работу.

- Это очень рискованно.

- Все, что мы делаем, - рискованно. Поторопись. Через пять минут Тэмми-Дорис-Либби в ярком оранжевом бикини сделала последнюю ходку в бунгало - уже без чемоданов. Входную дверь она закрыла на замок, дверь кладовой - тоже. Пошла в спальню, сняла с груди узенькую полоску ткани и, приподняв простыню, улеглась рядом с Эйвери.

Минут пятнадцать храп помогал ей бороться со сном. Поймав себя на том, что засыпает, Тэмми уселась в постели. Ей вдруг стало страшно от близости лежащего рядом голого мужчины, который без колебаний убил бы ее, если бы узнал. Ее уставшее тело расслаблялось все больше, сон становился неизбежным. Она закрыла глаза.

Незадачливый любитель плотских утех пришел в себя в три минуты десятого утра. Он застонал, перекатившись к краю постели. Веки медленно поползли вверх, яркий солнечный свет ударил в глаза. Эйвери вновь издал протяжный стон. Поворочал чугунной головой, пытаясь привести мозги в рабочее состояние, сделал глубокий вдох. Усилием воли заставил себя подумать о правой руке. Нужно ее поднять. Нервным импульсам потребовалось удивительно много времени, чтобы добраться от мозга до двигательных центров. Наконец ему удалось ее поднять; теперь требуется по очереди сфокусировать глаза: сначала правый, затем левый.

Не менее тридцати секунд Эйвери не отрывал взгляда от циферблата своих электронных часов, прежде чем смог извлечь требовавшуюся информацию. Девять ноль пять. Дьявол! В девять ему нужно было быть в банке. И опять из груди его вырвался стон. До сознания внезапно дошло, что рядом женщина.

Тэмми почувствовала, что он беспокойно заворочался. Сама она лежала неподвижно, глаза были закрыты. Она молилась в душе, чтобы он только до нее не дотронулся. Кожей она ощутила на себе его взгляд.

Эйвери, на поверку оказавшемуся бабником и гулякой, было не впервой просыпаться по утрам в тяжком похмелье. Но так плохо ему еще ни разу не было. Он рассматривал лицо лежавшей рядом женщины и пытался заставить свое тело вспомнить пережитые ощущения. Хороша ли она была в постели? Уж это-то он всегда помнил, даже если забывал все остальное. Вне зависимости от тяжести похмельного синдрома женщину он помнил всегда. Но сейчас ничего не вспоминалось. Он отвел глаза и сторону.

- Черт побери! - в сердцах произнес он, поднявшись и попробовав сделать несколько шагов.

Ноги казались обутыми в свинцовые сапоги, с большим трудом подчинялись они идущим от мозга командам. Для опоры он ухватился рукой за балконную дверь.

До ванной комнаты было футов двадцать, и Эйвери решил, что это ему по силам. Заплетающимися шагами, каждый из которых отзывался в голове резкой болью, опираясь то на стол, то на шкаф, он в конце концов преодолел это расстояние. Постоял над унитазом.

Тэмми повернулась лицом к балконной двери. Глаз она так и не раскрыла, даже почувствовав, что он сел на постель рядом.

Мягким движением Эйвери положил руку ей на плечо.

- Либби, поднимайся. Он легонько потряс ее.

- Вставай, дорогая.

Настоящий джентльмен. Она подарила ему свою лучшую утреннюю улыбку, полную признательности и обещания. Улыбку удовлетворенной женщины.

- Ты был превосходен, малыш, - прошептала она, так и не раскрыв глаз.

Несмотря на боль в голове и тошноту, несмотря на налитые свинцом ноги, его охватило привычное чувство гордости. Значит, я сумел произвести на нее впечатление. Значит, вспомнил он наконец, я был ночью превосходен.

- Послушай-ка, Либби, мы с тобой проспали. Мне нужно на работу, я уже опоздал.
- Ты не в настроении? - хихикнула она, надеясь в душе, что это именно так.
- Нет, во всяком случае, не сейчас, - отказался он. - Как насчет вечера?
- Я буду здесь, малыш, - пообещала она.
- Договорились. Пойду приму душ.
- Разбуди меня, как освободишь ванную. Он пробормотал в ответ что-то невразумительное и закрыл за собой дверь ванной комнаты. Тэмми выскользнула из постели и бросилась к телефону. Эбби сняла трубку через три гудка.
- Он в душе.
- С тобой все нормально?
- Да. Все хорошо. Сейчас он ни на что не способен, даже если от него этого и потребовать.
- Почему ты звонишь так поздно?
- Он не просыпался.
- Подозревает что-нибудь?
- Нет. Он ничего не помнит. Думаю, у него болит голова.
- Долго ты еще там пробудешь?
- Расцелую его на прощание, как только он выйдет из душа. Десять, от силы пятнадцать минут.

- Хорошо. Поторопись.

Эбби положила трубку, и Тэмми вновь улеглась. На чердаке у нее над головой еле слышно щелкнул миниатюрный магнитофон, обозначив этим звуком свою готовность записать следующий разговор.

К половине одиннадцатого они были полностью готовы для последнего штурма бунгало. Все оставшиеся у них в номере документы были разделены на три равные части. Предстоят три ходки посреди бела дня, на виду у всех. Сунув новенькие ключи в кармашек своей блузки, Тэмми подхватила чемоданы. Шла она быстрой упругой походкой, стреляя по сторонам спрятанными под темными очками глазами. Стоянка возле бунгало по-прежнему пуста, движение по шоссе не очень большое.

Новый ключ подошел сразу, Тэмми очутилась внутри. Замок кладовки тоже поддался без малейшего труда, и через пять минут она уже выходила на улицу. Второй и третий рейсы были столь же быстрыми и не привлекли к себе ничьего внимания. Перед тем как в последний раз выйти из кладовой комнаты, Тэмми тщательно осмотрелась по сторонам. Все было в полном порядке, как в тот момент, когда она вошла сюда впервые. Она закрыла входную дверь бунгало на ключ, взяла чемоданы и вернулась к себе в номер.

Около часа они валялись на постели и хохотали над Эйвери и его похмельем. Большая часть работы была выполнена. Они совершили самое настоящее преступление, в котором Эйвери принял сознательное участие, не подозревая, правда, об этом. Все это оказалось совсем не трудно, подумали две молодые женщины.

Вся гора изобличающих документов уместилась в одиннадцать с половиной коробок из гофрированного картона. В половине третьего в дверь номера постучали. Местный парень, вошедший в комнату в соломенной шляпе, но без рубашки, отрекомендовал себя представителем компании, ведавшей складскими помещениями на острове. Эбби молча указала ему на коробки. С величавой медлительностью парень взял в руки первую и с видом человека, которому никуда и никогда не приходилось спешить, понес ее в свой фургон. Он жил в местном ритме. - Никакой спешки, дружище!

На взятом напрокат автомобильчике они проследовали за ним до самого склада, находившегося в Джорджтауне. Эбби внимательным взглядом изучила помещение склада и тут же арендовала его на три месяца, расплатившись наличными.

Уэйн Тарранс сидел в последнем ряду кресел автобуса, выехавшего в одиннадцать сорок вечера по маршруту Луисвилль - Чикаго через Индианаполис. Хотя рядом с ним никто не сидел, все остальные места в салоне были заняты - вечер пятницы. С полчаса назад автобус выехал за пределы штата Кентукки, и к этому времени Тарранс уже был убежден, что где-то произошел сбой. Тридцать минут, и ни слова, никакого знака. Может, он ошибся автобусом? Может, Макдир передумал? Да что угодно может быть. Задние места автобуса располагались всего в нескольких дюймах от дизельного двигателя, и теперь Тарранс понимал, почему бывалые путешественники старались усесться поближе к водителю. От мелкой вибрации начиналась головная боль. Тридцать минут. И ничего.

Он услышал, как в находившемся напротив него туалете спустили воду. Открылась дверь, на него пахнуло, и он отвернул лицо к окну, за которым проносились мчащиеся на юг машины. В кресло рядом с ним опустилась непонятно откуда взявшаяся женщина, прокашлялась. Тарранс скосил на нее глаза: похоже, где-то он ее уже видел.

- Вы - Тарранс?

Одета она была в поношенные джинсы, белые кроссовки и зеленый свитер крупной вязки. Глаз за стеклами темных очков видно не было.

- Да. А вы...

Она протянула ему руку. Пожатие ее было крепким.

- Эбби Макдир.

- Я ждал вашего мужа.

- Знаю. Но он решил не ходить, и вместо него пришла я.

- Я, м-м-м... собирался поговорить с ним.

- Я в курсе. Он послал меня. Можете рассматривать меня как его личного агента.

Тарранс положил книжку, которую он пролистывал, в сетку под сиденьем и вновь уставился в окно.

- Где он?

- Почему вам это так важно, мистер Тарранс? Он послал меня поговорить с вами о деле, и вы тоже сидите здесь с той же целью. Так что давайте поговорим.

- О'кей. Говорите потише и, если кто-то пойдет к нам, замолчите и возьмите меня за руку. Сделайте вид, что мы с вами женаты или что-то в этом роде. Договорились? Так, мистер Войлс - вы знаете, кто это?

- Я знаю все, мистер Тарранс.

- Хорошо. Так вот, мистер Войлс намерен расторгнуть нашу сделку, так как мы не получили от Митча папки. Интересные папки. Вам понятна их важность, не правда ли?

- О да.

- Нам нужны эти папки.

- А нам нужен миллион долларов.

- Да, так мы и договаривались. Но сначала мы получим папки.

- Нет. Мы договорились о том, чтобы получить от вас миллион долларов в том месте, которое вам укажут, а после этого вручить вам папки.

- Где они?

- В одной из камер хранения в Мемфисе. Всего там пятьдесят одно дело. В аккуратных и надежных коробочках. Вам это понравится. Мы проделали хорошую работу.

- Мы? Вы видели эти дела?

- Естественно. Укладывала их в коробки. В коробке под номером восемь кое-какая неожиданная информация.

- Так, что именно?

- Митчелу удалось сделать копии с трех дел Эйвери Толара, и у него возникли вопросы. Два дела связаны с компанией, называющейся "Данн Лэйн", по нашим Данным, эта подконтрольная мафии корпорация зарегистрирована на Кайманах. Компания создана в 1986 году с первоначальным капиталом в десять миллионов отмытых долларов. В папках информация о двух строительных проектах, которые финансируются компанией. Занимательнейшее чтение.

- Как вы узнали, что корпорация зарегистрирована на Кайманах? Откуда стало известно

о десяти миллионах? Ведь этого в папках быть не может.

- Не может. Но у нас есть и другие записи. Об этих других записях Тарранс думал на протяжении шести миль. Ему было ясно, что он не увидит их до тех пор, пока чета Макдиров не получит свой первый миллион. Ну что ж.

- Не уверен, что мы сможем передать вам деньги, не увидев папок.

Отговорка была слабая. Она тоже прекрасно это поняла и улыбнулась.

- Неужели мы будем играть с вами, мистер Тарранс? Почему бы вам просто не заплатить нам эти деньги и прекратить мышиную возню?

Какой-то иностранный студент, похожий на араба, приближался к ним по проходу, направляясь в туалет. Тарранс замер, повернув голову к окну. Эбби похлопывала его по руке, как настоящая его подружка. Вода низвергнулась вниз с ревом маленького водопада.

- Когда? - спросил он. Руку свою Эбби уже убрала.

- Папки готовы. А вы когда сможете управиться с миллионом?

- Завтра.

Чуть повернув голову в сторону, Эбби проговорила краешком рта:

- Сегодня пятница. В следующий вторник ровно в десять утра вы обеспечите перевод миллиона долларов с вашего счета в манхэттенском "Кемикл Банк" на номерной счет банка "Онтарио" во Фрипорте. Эта абсолютно чистая, законная финансовая операция займет у вас всего пятнадцать секунд.

Тарранс внимательно слушал, нахмурившись.

- А что, если у нас нет счета в "Кемикл Банк" в Манхэттене?

- Нет сейчас, так будет в понедельник. Уверена, что в Вашингтоне у вас найдется человек, способный выполнить простейшую операцию по переводу денег с одного счета на другой.

- Безусловно.

- Отлично.

- Но почему именно "Кемикл Банк"?

- Таково распоряжение Митча, мистер Тарранс. Вы можете ему верить, он знает, что делает.

- Вижу, что свое домашнее задание он выполнил.

- Он всегда выполняет домашнее задание. И еще одну вещь вам надлежит помнить всегда: Митч - человек гораздо более ловкий, чем вы.

Тарранс фыркнул и деланно хихикнул. Мили две они просидели в молчании, каждый обдумывая собственные вопросы.

- Ну ладно, - произнес Тарранс как бы самому себе. - А когда мы получим папки?

- Нас известят о том, что деньги поступили во фрипортский банк. В среду утром, еще до десяти тридцати в ваш мемфисский офис доставят бандероль с запиской и ключом от камеры хранения.

- Значит, я могу сказать мистеру Войлсу, что в среду до полудня документы будут в наших руках?

В ответ она только пожала плечами. Тарранс и сам понял, что вопрос прозвучал глупо. Он тут же решил исправиться.

- Нам нужно знать номер счета во Фрипорте. - Я уже записала его. Передам вам, когда автобус остановится.

С деталями было покончено. Тарранс достал из-под сиденья книжку, начал листать страницы с видом человека, отыскивающего место, на котором он остановился.

- Подождите еще минутку, - обратился он к Эбби.

- Остались еще какие-то вопросы?

- Да. Не могли бы мы немного поговорить о тех записях, о которых вы упомянули?

- Пожалуйста, слушаю нас.

- Где они?

- Славный вопрос. По условиям сделки, как мне их объяснили, сначала мы должны получить следующую выплату, то есть полмиллиона, в обмен на некоторые свидетельства, достаточные для предъявления обвинения в суде. Таким образом, записи

относятся к следующему этапу сделки.

Тарранс перевернул страницу.

- Вы хотите сказать, что, гм... “грязные папки” уже у вас в руках?
- Мы располагаем почти всем, что нам необходимо. Да у нас уже целая куча этих папок.
- И где же они?
- Могу вас уверить в том, что они не в камере хранения. - Эбби мягко улыбнулась и похлопала его по руке.

- Но они в пределах вашей досягаемости?
- Скажем так. Хотите увидеть парочку собственными глазами?

Тарранс захлопнул книжку и глубоко вздохнул. Посмотрел на сидящую рядом Эбби.

- Безусловно.
- Я так и думала. Митч сказал, что мы передадим вам пачку бумаг, дюймов в десять толщиной, по корпорации “Данн Лэйн” - копии банковских документов, уставы компаний, деловые записки, правила внутреннего распорядка, списки служащих и держателей акций, документы, подтверждающие переводы денег, письма Натана Лока Джою Моролто и сотня других лакомых кусочков, от которых ваши люди потеряют сон. Дивный материал. Митч считает, что из одного только этого вы сможете выстроить штук тридцать обвинительных заключений.

Тарранс слушал и перил каждому ее слову.

- Когда я смогу все это увидеть? - спросил он внешне спокойно, с большим трудом подавляя в себе нетерпение.

- Когда Рэй выберется из тюрьмы. Это непереносимое условие, вы должны о нем помнить.

- О да. Рэй.

- О да. Либо он оказывается по ту сторону тюремной стены, мистер Тарранс, либо вам лучше вообще забыть о фирме Бендини. Мы с Митчем подхватываем свой жалкий миллион и делаем ноги.

- Я уже работаю над этим вопросом.

- Больше усердия, мистер Тарранс.

Тарранс знал, что это было не просто пожелание. Он вновь раскрыл книгу.

Эбби вытащила из кармана визитную карточку фирмы “Бендини, Ламберт энд Лок” и осторожно уронила ее между страниц. На обратной стороне был написан номер счета: 477-0Б-19584, “Онтарио Банк”, Фрипорт.

- Я возвращаюсь на свое место, подальше от двигателя. Насчет вторника мы договорились?

- Полностью, подружка. Выходите в Индианаполисе?

- Да.

- А куда дальше?

- В Кентукки, к родителям. Мы с Митчем решили пожить отдельно.

С этими словами она оставила его одного.

Тэмми стояла в длиннющей душной очереди на таможне в аэропорту Майами. На ней были шорты, легкие сандалии, соломенная панама. Полоска бикини едва прикрывала грудь, на глазах солнцезащитные очки - словом, уставшая от отдыха дама среди тысяч других таких же туристов, возвращающихся с прогретых солнцем пляжей Карибского моря. Прямо перед ней стояла молодая пара с сумками, набитыми бутылками с выпивкой и косметикой, купленными в необлагающихся пошлиной магазинах Каймановых островов. Супруги, видимо, в чем-то не сошлись характерами: перебранка между ними была в полном разгаре. У ног Тэмми стояло два новеньких кожаных чемодана, в которых лежало достаточно документов для того, чтобы отдать под суд человек сорок юристов. Ее работодатель, тоже, кстати, юрист, посоветовал ей купить чемоданы с колесиками: их проще будет волочить по мраморному полу международного аэропорта Майами. С плеча Тэмми свешивалась небольшая сумочка со всякими мелочами типа блузки и туалетных принадлежностей, как и положено заправской путешественнице.

Примерно каждые десять минут молодые люди впереди нее сантиметром на двадцать продвигались в направлении стойки с таможенником. Тэмми тоже толкала свои

чемоданы. Ей понадобился всего час стояния в очереди, чтобы подойти к стойке.

- Что-нибудь предъявляете? - рявкнул ей на довольно-таки плохом английском чиновник.

- Нет, - рявкнула она в ответ.

Он кивнул головой в сторону чемоданов.

- Что в них?

- Бумага.

- Бумага?

- Бумага.

- Какая бумага?

Туалетная, подумала она. Я проводила свой отпуск, стараясь пополнить коллекцию туалетной бумаги.

- Всякий мусор вроде обычной документации. Я - юрист.

- О, конечно. - Он раскрыл молнию на ее сумочке, заглянул внутрь. - Так. Следующий!

Тэмми поволокла за собой чемоданы. Все они ждут чаевых, подумала она. Подошедший носильщик поставил ее багаж на тележку.

- Рейс 282 на Нэшвилл, компания "Дельта", стойка 44, коридор Б, - сказала она ему, вручая бумажку в пять долларов.

В Нэшвилл она прибыла в субботу, почти в полночь. Погрузила чемоданы в ожидавшийся ее на стоянке автомобиль. Добравшись до пригородного района Brentwood, загнала машину на стоянку около дома и по одному перенесла чемоданы в квартиру.

В однокомнатной квартирке не было никакой мебели, кроме диван-кровати. Тэмми распаковала чемоданы и принялась за скучный и утомительный процесс разборки документов. Митчу требовался список с указанием каждого документа, реквизиты каждой банковской справки, каждой корпорации. Так он сам велел. Он сказал, что наступит день, когда всем им нужно будет действовать в крайней спешке, поэтому все должно быть готово заранее.

Составление описи заняло часа два. Сидя на полу, Тэмми делала необходимые записи. Три раза пришлось ей летать на Большой Кайман за документами. Комната потихоньку наполнялась стопками бумаг. В понедельник предстоит еще один полет.

У нее было такое ощущение, что за прошедшие две недели она проспала не более трех часов. Однако Митч настаивал, чтобы это было сделано срочно. Это вопрос жизни и смерти, сказал он.

Терри Росс, известный определенным кругам также под именем Альфред, сидел в самом темном углу бара отеля "Феникс Парк" в Вашингтоне. Встреча, которой он ждал, потягивая кофе, должна быть в высшей степени короткой.

Он решил, что просидит здесь еще не более пяти минут. Чашечка с кофе в его руке заметно подрагивала, когда он подносил ее ко рту. Часть кофе даже выплеснулась на стол. Он в отчаянии посмотрел на лужицу, изо всех сил сдерживая желание оглянуться по сторонам. Он ждал.

Человек появился внезапно, как бы ниоткуда. Он уселся за столик спиной к стене. Это был Винни Коццо, головорез из Нью-Йорка, из клана Палумбо.

Винни сразу заметил дрожавшую чашечку и разлитый по столу кофе.

- Успокойся, Альфред. Здесь достаточно темно.

- Чего ты хочешь? - прошипел тот.

- Выпить.

- Пить некогда. Мне уже пора идти.

- Посиди и расслабься, парень. В баре никого нет.

- Чего ты хочешь? - повторил свой вопрос Альфред.

- Всего лишь немножко информации.

- Это будет дорого стоить.

- Не дороже, чем всегда, - отозвался Винни. Подошел официант, принял заказ на виски с содовой. - Как дела у моего друга Дентона Войлса? - спросил он после того, как официант удалился.

- Пошел ты в задницу, Коццо. Мне пора. Сиди здесь один.

- Ладно тебе, не дергайся. Мне действительно нужна информация.
- Тогда давай побыстрее. - Альфред обвел глазами бар. Чашка его стояла пустой, почти все ее содержимое - на столе.

Официант принес виски, и Винни сделал хороший глоток.

- В Мемфисе возникли кое-какие проблемы. Некоторые из ребят начинают волноваться. Тебе приходилось когда-нибудь слышать о фирме Бендини?

Повинуясь безотчетному инстинкту, Альфред отрицательно покачал головой. Всегда сначала нужно сказать “нет”. А потом, тщательно покопавшись в собеседнике и в его намерениях, можно будет сказать “да”. Да, он слышал о фирме старика Бендини и ее почтенном клиенте. Операция “Прачечная”. Так ее назвал сам Войлс, он еще был очень горд сноси изобретательностью.

Винни сделал еще один глоток.

- Так вот, у них там работает парень по имени Макдир, Митчел Макдир, и у нас есть основания думать, что он подставил свою задницу и вашим людям. Тебе ясно, что я имею в виду? Мы считаем, что он продаст фэбээровцам информацию о фирме. Необходимо увериться, так ли это на самом деле. Вот и все.

Альфред выслушал его с непроницаемым лицом, хотя это и было нелегко. Ему была известна даже группа крови Макдира, даже его излюбленный ресторан в Мемфисе. Он знал, что Макдир раз пять-шесть беседовал с Таррансом, и завтра, во вторник, он станет миллионером. Неплохой он отхватил кусок.

- Посмотрю, что тут можно сделать. Давай-ка договоримся о деньгах.

Винни закурил “Салем”, затянулся, выпустил струю дыма.

- Хорошо, Альфред, вопрос этот серьезный, не собираюсь тебя обманывать. Двести тысяч наличными.

Альфред уронил чашку, которой играл. Вытащил из кармана носовой платок, принялся яростно протирать стекла очков.

- Двести тысяч? Наличными?

- Именно так я и сказал. Сколько мы тебе заплатили в прошлый раз?

- Семьдесят пять.

- Теперь тебе ясно, насколько я серьезен? Это очень важно, Альфред. Сможешь ты с этим справиться?

- Да.

- Когда?

- Дай мне две недели.

29

За неделю до пятнадцатого апреля трудоголики фирмы “Бендини, Ламберт энд Лок” вошли в такой раж, что силы их поддерживались исключительно адреналином. И страхом. Страхом забыть о каком-нибудь удержании, или о списанных со счетов суммах, или об амортизационных отчислениях, что в конце концов может обойтись клиенту в миллион или около того. Страшно было даже представить себе, что придется снять телефонную трубку и поставить клиента в известность о том, что налоговая декларация составлена и что, к великому сожалению, в этом году придется уплатить казне на восемьсот тысяч больше. Страшно было подумать о том, что можно не успеть до пятнадцатого и клиенту придется платить чудовищную пеню. Словом, автостоянка у здания фирмы к шести утра была уже забита. Секретарши работали по двенадцать часов в день. Перекуров почти не было, все разговоры стали торопливыми и отрывистыми.

Теперь, когда ему уже не нужно было спешить домой к жене, Митч пропадал в фирме почти круглые сутки. Сонни Кэппс ругался и проклинал

Эйвери на чем свет стоит, потому что должен был заплатить налогов на четыреста пятьдесят тысяч долларов. И это при годовом доходе в шесть миллионов. Эйвери, в свою очередь, адресовал эти проклятия Митчу, и вместе они снова и снова углублялись в бумаги Кэппса, весьма нелестно проходясь по его адресу. Митч отыскал две очень удачные отговорки, позволившие снизить общую сумму налогов до трехсот двадцати

тысяч. Кэппс заявил, что вынужден будет подыскать себе другую юридическую фирму. Где-нибудь в Вашингтоне.

За шесть дней до срока Кэппс потребовал срочной встречи с Эйвери в Хьюстоне. “Лир” был свободен, и Эйвери вылетел на нем в полночь. Митч подвез его на машине в аэропорт. Сидя за рулем, он всю дорогу выслушивал инструкции своего патрона.

Около половины второго ночи он вернулся в офис. На стоянке были три “мерседеса”, “БМВ” и “ягуар”. Охранник открыл ему боковую дверь, и Митч на лифте поднялся на четвертый этаж. Как обычно, Эйвери запер дверь своего кабинета на ключ. Партнеры всегда закрывали свои кабинеты. В конце коридора слышался чей-то голос. Начальник отдела налогов Виктор Миллиган сидел за столом и последними словами крыл свой компьютер. Другие кабинеты были закрыты, свет в них потушен.

Затаив дыхание, Митч сунул ключ в скважину замка. Ручка двери поддалась под его пальцами, он очутился внутри. Зажег свет, прошел к небольшому столу для заседаний, за которым они вместе с Эйвери просидели весь день и большую часть ночи. Вокруг кресел стопками высились сложенные на полу папки. По всему кабинету разбросаны бумаги. Справочники и регистрационные книги Налогового управления лежали одна на другой.

Митч уселся за стол и вновь погрузился в папку Кэппса. По данным ФБР выходило, что Кэппс, на протяжении восьми лет пользовавшийся услугами фирмы, являлся обыкновенным законопослушным бизнесменом. Людей Войлса он не интересовал.

Где-то через час голос в конце коридора смолк, Миллиган вышел из кабинета и закрыл дверь на ключ. Он спустился по лестнице, даже не попрощавшись. Поднявшись, Митч бегом проверил все кабинеты сначала на четвертом этаже, затем и на третьем. Никого. Было почти три часа ночи.

Сбоку от книжных полок в офисе Эйвери стояли четыре солидных, дубового дерева стеллажа, заполненных папками. На протяжении месяцев Митчу не приходилось видеть, чтобы Эйвери хоть раз подходил к ним. Все папки, с которыми он имел дело, хранились в трех металлических этажерках, стоявших рядом с окном. В них обычно копались секретарши, а Эйвери что-то вечно кричал на них. Закрыв за собой дверь на ключ, Митч подошел к дубовым стеллажам. Дверцы их тоже оказались на замке. На кольце Митч отобрал два небольших ключика, не более дюйма в длину каждый. Первый же из них подошел к первому стеллажу.

Из составленной Тэмми описи Митч запомнил множество названий кайманских компаний, способствовавших отмыванию грязных денег. Он быстро прошелся по папкам в верхнем ящике стеллажа, перед его глазами замелькали уже знакомые имена: “Данн Лэйн”, “Истпойнт лтд.”, “Вирджин Бэй лтд.”, “Инлэнд Контрэкторс”, “Галф-Саут”. Еще больше таких названий он нашел во втором и третьем ящиках. В папках были документы о займах, предоставленных кайманскими банками, банковские квитанции о переводе денег, акты о поручительстве, договоры об аренде, закладные, тысячи других бумаг. В первую очередь Митча интересовало все, что имело какое-то отношение к “Данн Лэйн” и “Галф-Саут”. У Тэмми уже была хорошая подборка материалов по этим двум компаниям.

Он взял в руки папку, полную квитанций о переводах денег и заемных обязательствах “Королевского Банка” Монреаля. С папкой в руках он вышел в коридор и приблизился к стоящей посередине этажа копировальной машине. Посмотрел по сторонам, пока она разогревалась. Все спокойно. Поднял голову к потолку - никаких телекамер, как уже неоднократно он в этом убеждался. Загорелась надпись “НОМЕР ДОПУСКА”. Митч набрал на клавишах машины номер дела некоей миссис Летти Планк. Ее почти законченная налоговая декларация лежала на его столе на втором этаже, ничего страшного не произойдет, если он поставит ей в счет несколько дополнительных копий. Положил документы в автозагрузчик и через три минуты получил нужные ему копии, сто двадцать восемь листов, которые оплатит из своего кармана миссис Летти Планк. Вернулся к стеллажу за новой папкой по “Галф-Саут”. На этот раз набрал номер “Гринмарк Партнере”, компании по торговле недвижимостью из Бартлетта, штат Теннесси. Тоже вполне уважаемая компания декларацию которой он уже подготовил и кто тоже в состоянии оплатить несколько лишних ксерокопий. Девяносто одну, точнее говоря.

В кабинете Митча на его столе лежали восемнадцать законченных или почти

законченных налоговых деклараций: их оставалось только подписать. Со своими клиентами он закончил за шесть дней до срока. И всем восемнадцати в счет автоматически будет вставлена оплата копий документов, относящихся к “Данн Лэйн” и “Галф-Саут”. Их номера он записал на листочке бумаги и положил у себя перед глазами рядом с ксероксом. Используя их все, он позаимствовал три номера из папок Ламара и три номера из папок Кэппса.

Через небольшое отверстие в стене от копировальной машины бежал тоненький проводок, который в неприметном шкафчике соединялся с другими такими же проводками, тянувшимися от трех остальных ксероксов, располагавшихся на четвертом этаже. Ставший уже чуть толще, проводок спускался сквозь потолок на третий этаж и входил в стоящий в отдельном помещении компьютер, который ведал учетом и оценкой копий, сделанных на находящихся в здании фирмы ксероксах. Невинного вида серая проволока, выходящая из компьютера, поднималась по стене вверх, проходила через весь четвертый этаж и устремлялась на пятый, где заканчивала свой путь в чреве другого компьютера, который запоминал номер допуска, количество сделанных копий и номер аппарата, сделавшего каждую копию.

Пятнадцатого апреля рабочий день в фирме “Бендини, Ламберт энд Лок” закончился в семнадцать часов. К шести часам вечера на стоянке не осталось ни одного автомобиля: все они, или почти все, оказались в двух милях от здания фирмы, у известного ресторана, специализировавшегося на блюдах из даров моря и называвшегося по имени владельца “Андертон”. Для ежегодного празднования был зарезервирован небольшой банкетный зал. Присутствовали все работающие в фирме партнеры и сотрудники, а также одиннадцать партеров, уже отошедших отдел. Пенсионеры все как один были загорелыми и в хорошей форме, работавшие же выглядели замученными и уставшими. Однако настрой у тех и у других был радостным, все предвкушали только приятное. На этот вечер забывались строгие правила и всяческое воздержание, в силу вступало новое для Митча уложение: шестнадцатого апреля никто из занятых в фирме людей не имел права показываться на работе.

На столах, расставленных вдоль стен, уже стояли блюда с охлажденными вареными креветками, вазы с устрицами. Собравшихся ожидал огромный бочонок, набитый льдом и бутылками с отменным шампанским. Бутылки стояли и в ящике позади бочонка. Рузвельт извлекал из них пробки с удивительным для его лет проворством. Позже, уже ночью, он напьется так же, как и все присутствующие, и Оливер Ламберт вызовет такси, которое отвезет Рузвельта домой, к его Джесси. Это уже стало ритуалом.

Двоюродный брат Рузвельта, известный по прозвищу Малыш Бобби Любитель Блюзов, сидел у рояля и наигрывал что-то печальное. Просто так, пока люди собирались. Позже он будет не нужен.

Не обращая никакого внимания на еду, Митч подхватил со стола ледяную зеленую бутылку с пивом и направился к другому, небольшому столу, стоявшему рядом с роялем. Положив на тарелку фунта два креветок, за ним проследовал Ламар. Оттуда они наблюдали за тем, как их коллеги сбрасывали с себя верхнюю одежду и с воодушевлением направлялись к шампанскому.

- Все закончил? - обратился к Митчу Ламар, не забывая о креветках.

- Да, - протянул в ответ Митч, - свои дела я подбил еще вчера. По Сонни Кэппсу мы с Эйвери работали до пяти вечера. Все.

- И сколько у вас получилось? - Четверть миллиона.

- Ого. - Ламар отпил прямо из горлышка. - Столько ему платить еще не приходилось, а?

- Ни разу, и поэтому-то он в ярости. Я не совсем его понимаю. Он заработал на различных сделках шесть миллионов, а теперь сходит с ума из-за того, что должен заплатить каких-то пять процентов налогов.

- А как Эйвери?

- Он несколько волнуется. На прошлой неделе Кэппс вынудил его слетать в Хьюстон, и там все прошло не так гладко. Вылетел он на “Лире” в полночь. По возвращении рассказал мне, что Кэппс сидел у себя в офисе в четыре часа утра и ждал его над кучей налоговых справок вне себя от гнева. Он во всем обвинил Эйвери. Грозился, что найдет

себе другую фирму.

- По-моему, он все время так говорит. Пиво будешь? - Ламар отошел на мгновение и тут же вернулся с четырьмя маленькими пивными бутылками. - Как дела у матери Эбби?

Митч взял с тарелки креветку, очистил.

- Пока неплохо. Ей удалили легкое.

- А сама Эбби? - Прекратив жевать, Ламар смотрел на друга.

Митч открыл бутылку с пивом.

- С ней все в порядке.

- Послушай, Митч, ведь наши ребята ходят в ее школу. Ни для кого не секрет, что она взяла отпуск за свой счет. Уже две недели, как ее нет. Мы знаем об этом, и всех нас это тревожит.

- Все устроится. Ей нужно на время сменить обстановку. В этом нет ничего страшного.

- Брось, Митч. По-моему, страшно, когда жена уходит из дома и неизвестно, когда ее ждать назад. Нечто в этом роде она, по крайней мере, заявила директору школы.

- Она сказала правду. Она и в самом деле не знает, когда вернется. Может, через месяц или около этого. Нагрузка в школе у нее была немалая.

Когда все были в сборе и пересчитаны по головам, Рузвельт закрыл дверь. Шум в зале сразу же стал слышнее. Бобби Любитель Блюзов принимал заказы.

- Ты не думаешь сбросить немного обороты? - задал Ламар новый вопрос.

- Нет. А с какой это стати?

- Митч, мы с тобой друзья, ведь так? Я беспокоюсь о тебе. Все равно это невозможно - за первый же год заработать миллион.

Запросто, подумал Митч. Миллион я заработал на прошлой неделе. Всего десять секунд потребовалось на то, чтобы мизерный счет на десять тысяч во Фрипорте увеличился до одного миллиона десяти тысяч. А через пятнадцать минут после этого счет был закрыт, а деньги покоились уже в недостижимых сейфах швейцарских банков. Вот что такое современный банковский перевод. И благодаря этому уже заработанному им миллиону сегодняшний день будет его первым и последним пятнадцатым апреля в короткой, но отмеченной столькими событиями карьере служащего юридической фирмы. А лучший его друг, которого столь волнует сейчас вопрос счастливой семейной жизни Митча, окажется вскоре, по-видимому, за решеткой. Как и все остальные, присутствующие в этом зале. Кроме Рузвельта. Черт побери, а ведь у Тарранса хватит ума, чтобы посадить и Рузвельта имеете с Джесси - так, для веселья.

Потом начнутся судебные заседания. "Я, Митчел И. Макдир, торжественно клянусь говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды. И да поможет мне Господь". И ему придется сидеть на скамье свидетеля обвинения и указывать пальцем на своего доброго друга Ламара Куина. А в первом ряду будут сидеть его дети и его жена, Кэй, тихо плакать и рассчитывать на снисхождение суда.

Он допил вторую бутылку гота и принялся за третью.

- Я знаю это, Ламар, но снижать темпы не вижу никакой необходимости: Эбби привыкнет. Все войдет в свою колею.

- Как знаешь. Кэй приглашает тебя завтра на бифштекс. Будем жарить его в гриле и есть во внутреннем дворике. Как? Придешь?

- Да, но с одним условием. Про Эбби ни слова. Она поехала домой навестить мать и скоро вернется. Договорились?

- Конечно. Отлично!

Напротив них за столик уселся Эйвери с полной тарелкой креветок. Принялся чистить их.

- Мы с Митчем только что говорили о Кэппсе, - обратился к нему Ламар.

- Не самая приятная тема для разговора, - буркнул Эйвери.

Митч смотрел, как он чистит креветки, и терпеливо ждал, пока на столе не образовалась маленькая кучка - штук шесть. Тогда быстрым движением руки он сгреб их со стола и отправил себе в рот.

Эйвери смотрел на Митча усталым печальным взглядом. Глаза его были красными. Он пытался как-то отреагировать на эту проделку, но тут же махнул на это рукой и просто

принялся пожирать неочищенные креветки.

- Жаль, что они без голов. С головами гораздо вкуснее, - проговорил он с набитым ртом.

Митч тут же подхватил с тарелки пригоршню и тоже захрустел.

- А мне больше по вкусу хвосты. Всегда ел с хвостами.

Ламар замер с бутылкой пива у рта и вылупился на них.

- Да вы шутите.

- Ничего подобного, - отозвался Эйвери. - Помню, когда я был еще мальчишкой и жил в Эль-Пасо, мы заходили недалеко в реку и забрасывали сети, и в них всегда была куча креветок. Мы пожирали их тут же, они еще бегали. - Панцири креветок так и хрустели на его крепких зубах; он остановился, чтобы перевести дух. - Голова - это самое вкусное, в ней же все соки, которые питают мозг.

- Креветки в Эль-Пасо?

- Да, Рио-Гранде полна ими.

Ламар вновь отправился за пивом. Усталость, волнения, переживания, страхи - все это, да еще замешанное на изрядной доле алкоголя, быстро развязывало людям языки, в помещении становилось все оживленнее. Малыш Бобби наигрывал одну из композиций "Степпенволфа". Даже Натан Лок сидел, улыбаясь и вставляя в общую беседу время от времени громкие фразы. Прямо-таки свой в доску парень. Рузвельт принес еще пива, положил на лед.

В десять вечера все решили спеть. На стул возле рояля взгромоздился Уолли Хадсон и, сорвав с себя галстук-бабочку, принялся руководить хором, затянувшим довольно воинственно звучащую австралийскую застольную песню. Ресторан к этому времени уже закрылся для публики, так что ничье присутствие им не мешало. Следующим выступить решил Кендалл Махан. Когда-то в молодые годы он играл в регби в Корнелльском университете, с тех времен в его репертуар вошли весьма забористые песенки. Ему вторило голосов пятьдесят - пьяных и бесталанных, но совершенно счастливых.

Митч извинился и вышел в туалет. Какой-то мальчик из прислуги открыл заднюю дверь, и он оказался прямо на стоянке. На таком расстоянии в доносившемся до его слуха пении было даже нечто приятное. Направившись к своей машине, Митч на полпути передумал и подошел к окну. Стоя в темноте у угла здания, он наблюдал и слушал. За клавишами сидел Кендалл, аккомпанируя хору, который с воодушевлением выводил полный непристойностей куплет.

Веселые голоса счастливых и богатых людей. Взгляд Митча неторопливо скользил с одного лица на другое. Многие уже раскраснелись, глаза у людей начали приобретать не совсем трезвый блеск. Вот сидят перед ним его друзья и коллеги - семейные положительные мужчины, у каждого дома жена и дети, - и каждый из них является участником чудовищного преступного сговора.

В прошлом году в этот же день Джо Ходж и Марти Козински пели вместе со всеми.

В прошлом году в это самое время он был в числе лучших гарвардских выпускников, и на него так и сыпались предложения о приеме на работу.

И вот он уже стал миллионером, и очень скоро за его голову будет назначена награда.

Вот как много вещей может произойти за год.

Пойте, пойте же, братья.

Митч повернулся и зашагал к машине.

Около полуночи вдоль Мэдисон-стрит вытянулась цепочка такси, и богатейших в городе юристов, усадив на задние сиденья, развезли по домам. Оливер Ламберт был, без сомнения, самым трезвым из всех. Он-то и руководил эвакуацией. Итого пятнадцать машин с лежащими внутри партнерами и сотрудниками фирмы.

Именно в это время на другом конце города на Фронт-стрит остановились два одинаковых "форда"-фургончика, раскрашенных желтым и голубым и с надписью по бортам "БОРЦЫ С ПЫЛЬЮ". Датч Хендрикс распахнул ворота и позволил им въехать вовнутрь. Фургончики задним ходом подкатили к служебным дверям, из них высыпали восемь женщин в одинаковых комбинезонах и принялись выгружать пылесосы, ведерки с тряпками и баллончиками аэрозоля. Затем из фургонов извлекли швабры, половые

тряпки, рулоны бумажных полотенец. Переговариваясь между собой, женщины входили в здание. Как было предусмотрено инструкциями, поочередно убирался каждый этаж, начиная с четвертого. По этажам ходили охранники и внимательно поглядывали за уборщицами.

А женщины не обращали на них никакого внимания, говоря на каком-то своем языке что-то одно им понятное о корзинах для мусора, протирке мебели, чистке пылесосами и отмывании кафеля в туалетных комнатах. Среди них была одна новенькая, которая двигалась чуть медленнее, чем ее подруги. Зато она была куда более наблюдательна. Когда охранник отворачивался, она тянула на себя ручки выдвижных ящиков стеллажей и письменных столов. Она на все обращала внимание.

Уже третью ночь она приходила в это здание заниматься уборкой, потихоньку узнавая все больше и больше. Кабинет Толара на четвертом этаже она обнаружила в первую же ночь, от удовольствия она едва не рассмеялась.

На ней были грязные потертые джинсы и разбитые теннисные туфли.

Комбинезона ей еще не выдали, только фирменную голубую блузу, которая была чрезмерно велика, зато скрадывала ее фигуру, делала похожей на других уборщиц, толстых и бесформенных. На кусочке ткани, пришитом поверх нагрудного кармана, было написано ее имя: Дорис. Дорис, уборщица.

Когда женщины уже наполовину закончили с уборкой на втором этаже, подошедший охранник велел Дорис и двум другим женщинам, Сьюзи и Шарлотте, следовать за ним. Вместе с ним женщины вошли в кабину лифта. Он вставил в какое-то отверстие на панели ключ, и лифт опустился вниз, в подвал. Выйдя из лифта, охранник открыл другим ключом тяжелую массивную металлическую дверь и жестом приказал им войти в довольно просторное помещение, разделенное перегородками на множество отсеков. На каждом из столов в помещении царил беспорядок из бумаг, повсюду стояли дисплеи компьютеров. Вдоль стен - черного цвета наглухо закрытые стеллажи. Никаких окон.

- Розетки там. - Охранник указал на туалетную комнату.

Включив пылесос и приготовив баллончики со спреем, женщины принялись за работу.

- На столах ничего не трогать, - предупредил он.

30

Завязав шнурки своих найковских кроссовок, Митч уселся на кушетку в ожидании телефонного звонка. Херси, за две недели отсутствия хозяйки успевший соскучиться, выглядел подавленно, сидел рядом и клевал носом. Звонок раздался ровно в десять тридцать. Это была Эбби.

В их разговоре не было никаких сентиментальностей типа “сердечко мое”, “детка” или “милый”. Голоса звучали холодно и отчужденно.

- Как твоя мать? - спросил он.

- Намного лучше. Она уже встает и ходит, только еще очень слаба. Но настроение бодрое.

- Рад это слышать. А что отец?

- Как обычно. Целыми днями занят. Как там мой пес?

- Тоскует без тебя. Боюсь, что он просто рехнется.

- Я очень по нему скучаю. Что нового у тебя на работе?

- Довольно нормально пережили всю эту суету вокруг пятнадцатого апреля. Народ приободрился. Половина партнеров на следующий день отправились в отпуска, так что сейчас у нас значительно тише.

- Надеюсь, ты уже перешел на шестнадцатичасовой рабочий день?

Поколебавшись, он решил пропустить вопрос мимо ушей. Какой смысл затевать сейчас дискуссию?

- Когда ты возвращаешься?

- Не знаю. Еще пару недель мне нужно побыть рядом с мамой. От отца, боюсь, помощи ждать не придется. У них, правда, есть прислуга, но сейчас здесь нужна я. - Она сделала паузу, как бы собираясь известить его о чем-то неприятном. - Я позвонила сегодня в

школу и предупредила их, что в этом семестре на работу уже не выйду.

Он принял новость совершенно спокойно.

- До конца еще два месяца. Ты хочешь сказать, что в течение этих двух месяцев тебя не будет?

- По крайней мере, месяца, Митч. Мне просто нужно какое-то время, и все.

- Время для чего?

- Не будем начинать все сначала, хорошо? У меня нет сейчас желания спорить.

- Хорошо. Замечательно. Отлично. А какие у тебя сейчас желания?

Наступил ее черед не услышать вопрос. Пауза затянулась.

- Сколько миль в день ты пробегаешь?

- Парочку. Добираюсь шагом до трека, устраиваю небольшую пробежку и возвращаюсь.

- Будь осторожнее на треке. Там такая темень.

- Спасибо за заботу.

Опять долгая, долгая пауза.

- Мне пора идти, - сказала она. - Маме нужно ложиться спать.

- Завтра вечером позвонишь?

- Да. В это же время.

Она положила трубку, даже не сказав "до свидания" или "я люблю тебя". Просто положила трубку.

Митч подтянул свои белые носки, одернул белую ветровку. Закрыв кухонную дверь на ключ, он быстрым шагом направился вниз по темной улице. Школа со спортгородком располагалась в шести кварталах на восток от Ист-Медоубрук. Позади школьных зданий, сложенных из красного кирпича, находилось поле для бейсбола, а еще дальше за ним лежало футбольное поле, вокруг которого шла гаревая, дорожка, или, как называли ее любители бега, трек.

Любителей было немало, но только не в это время - одиннадцать ночи, тем более что и луны на небе не видно. На треке было пустынно, а Митча это устраивало как нельзя более. Весенний воздух был чистым и полным прохлады, и на первую милю у Митча ушло всего восемь минут. Он перешел на расслабленный шаг. Проходя мимо трибун, сделанных из легких алюминиевых конструкций, установленных с той стороны, что была ближе к его дому, он краем глаза заметил чью-то темную фигуру. Митч продолжал двигаться размеренной, расслабленной походкой.

- П-с-с-с-т, - донеслось до его слуха. Митч остановился.

- Да. Кто там?

Негромкий хриплый голос ответил:

- Джой Моролто.

Митч направился к трибунам.

- Очень остроумно, Тарранс. За мной нет хвоста?

- Конечно, нет. Вон там в школьном автобусе сидит Лэйни с фонариком. Когда ты подходил сюда, он мигнул мне зеленым, а если ты увидишь красный, срывайся с места и несись по треку, как Карл Льюис.

Они поднялись на самый верхний ряд трибуны и прошли в незапертую ложу для прессы. Уселись на скамьи, не отрывая глаз от учебных корпусов. Под их окнами аккуратно стояли несколько школьных автобусов.

- Ну что, здесь достаточно тихо для тебя? - спросил Митч.

- Сойдет. Кто эта женщина?

- Я-то знаю, что ты предпочитаешь встречаться среди бела дня, когда вокруг толпа людей, как в той столовке или в обувной лавке. Ну а мне больше по вкусу такие места.

- Замечательно. Кто эта женщина?

- Неплохо придумано, а?

- Отличная идея. Так кто же она?

- Я ее нанял.

- Где ты ее нашел?

- Какое это имеет значение? Почему ты. вечно задаешь вопросы, которые совершенно не важны?

- Не важны? Сегодня мне звонит некая женщина, о которой я раньше даже и не слышал, говорит, что ей нужно побеседовать со мной по поводу одного дельца в фирме Бендини, настаивает на том, чтобы мы с ней обменялись телефонами, приказывает мне явиться в некий телефон-автомат, расположенный у определенного овощного магазина, причем требует, чтобы я был в будке в определенное время, обещая, что позвонит туда сама ровно в час тридцать. Я захожу в будку, и ровно в час тридцать она звонит. Обрати внимание, в радиусе ста футов находились три моих человека, которые не спускали глаз с любого движущегося объекта. И вот она приказывает мне быть здесь ровно в десять сорок пять вечера, проследить за тем, чтобы в округе не шатались подозрительные типы, и предупреждает, что ты прибежишь сюда трусцой.

- И ведь все это сработало, нет?

- Да, на первых порах. Но кто она? То есть я хочу сказать, что теперь ты привлек к делу еще одного человека, это не может не беспокоить, Макдир. Кто она такая и как много ей известно?

- Доверься мне, Тарранс. Она - моя сотрудница, и ей известно все. Скажу тебе, что если бы ты знал все, что знает она, то ты сейчас сидел бы и подписывал обвинения против известных тебе лиц, а не собачился бы со мной из-за нее.

Тарранс сделал глубокий вдох.

- О'кей, расскажи мне, что именно она знает.

- Она знает, что за последние три года семейство Моролто со своими подручными вывезло из страны более восьмисот миллионов долларов наличными и поместило их в различные банки, разбросанные по всему Карибскому бассейну. Она знает названия банков, номера счетов, даты, имена людей. Ей также известно, что клан Моролто контролирует по меньшей мере триста пятьдесят компаний, зарегистрированных на Кайманах, а компании эти регулярно пересылают к нам уже отмытые денежки. У нее есть информация о времени и суммах денежных банковских переводов. А еще она знает не меньше сорока корпораций здесь, в США, которые принадлежат корпорациям Кайманов, а те, в свою очередь, являются собственностью семейки Моролто. Она, черт побери, так много знает, Тарранс. Очень осведомленная женщина, не правда ли?

Тарранс не мог произнести ни слова. Он тупо смотрел в темноту.

Митчу это показалось забавным.

- Она также выяснила, как они собирают свою наличность, обменивают ее на столларовые купюры и, самое главное, как они вывозят деньги из страны.

- И как же?

- На самолете фирмы, на "Лире", конечно. Но они прибегают и к помощи, так сказать, "мулов". Этих "мулов" у них целая армия: всякая бандитская мелочь и их дамы, а кроме них еще и студенты и другие добровольцы. Каждому вручают по девять тысяч восемьсот долларов и оплачивают билеты до Кайманов или Багам и обратно. Как ты сам понимаешь, для сумм, не превышающих десяти тысяч, никаких деклараций заполнять не требуется. И вот эти "мулы" летят туда под видом обычных туристов с карманами, набитыми деньгами, и приносят их прямо в банк. Сумма, конечно, несерьезная, но не забывай: это человек триста, и каждый совершает по двадцать рейсов в год, так что общая сумма выглядит уже гораздо солиднее. Это называется просачиванием, ты должен знать.

Тарранс слегка наклонил голову, как если бы он и в самом деле знал.

- Куча народу горит желанием "просочиться" за бесплатную поездку и деньги на карманные расходы. И, в конце концов, есть у них и "супермулы" - это наиболее доверенные люди, в которых клан уверен, они берут с собой по миллиону за раз. Они заворачивают Деньги аккуратно в газету, так что все эти аппараты в аэропортах ничего не замечают, укладывают их в свои деловые чемоданчики и поднимаются с ними на борт самолета вместе со всеми остальными пассажирами. На них пиджаки и галстуки, выглядят они как джентльмены с Уолл-стрит. Или же на них могут быть сандалии и соломенные панамы, а деньги лежат в походной сумке с туалетными принадлежностями. Ваши люди ловят их чисто случайно, где-то примерно один процент от общего числа, как мне кажется, и, когда это происходит, такой "супермул" оказывается в камере тюрьмы. Но они не произносят ни слова, не так ли, Тарранс? Случается также, что "мул"

задумается над суммой в его кейсе и решит, что было бы недурно оставить ее всю себе. И бывает, он исчезает с деньгами. Но семья никогда не забывает такого. На это может потребоваться год или два, однако “человека-мула” обязательно где-то находят. Денег, как правило, к этому времени уже не остается, ну что ж, не остается также и следов от “мула”. Ведь Общество никогда не прощает, так, Тарранс? Так же, как они не забудут обо мне и не простят меня, а?

Тарранс молчал до тех пор, пока не был вынужден произнести хоть что-то.

- Ты получил свой миллион.

- И признателен вам за это. Я почти готов к следующей выплате.

- Почти?

- Да, мне с моей сотрудницей нужно будет прокрутить еще пару дел. Постараемся добыть еще кое-что из здания на Фронт-стрит.

- Сколько уже в вашем распоряжении документов?

- Более десяти тысяч.

Нижняя челюсть Тарранса отвисла, агент смотрел на Митча с крайним недоверием.

- Черт побери! Откуда они взялись?

- Опять твои наивные вопросы.

- Десять тысяч документов!

- По крайней мере, десять тысяч. Банковские расписки, квитанции о переводах, уставы корпораций, расписки о займах, внутренняя переписка между самыми различными фигурами. Отличный материал, Тарранс.

- Твоя жена говорила что-то про компанию “Данн Лэйн”. Мы просмотрели папки, которые ты уже передал нам. Неплохо. Что еще об этой компании тебе известно?

- Много всего. Зарегистрирована в 1986 году с капиталом в десять миллионов, который был переведен в корпорацию с номерного счета в “Банко де Мехико”, те самые десять миллионов, которые прибыли на Большой Кайман в виде наличных на некоем самолете “Лир”, записанном за одной из небольших юридических фирм в Мемфисе. На самом-то деле миллионов было всего четырнадцать, но после уплаты причитавшегося кайманской таможне и местным банкирам осталось всего десять. Компания была зарегистрирована на имя некоего Диего Санчеса, который волею судеб оказался вице-президентом “Банко де Мехико”. Президентом компании стала нежная душа по имени Натан Лок, секретарем назначили нашего старого приятеля Ройса Макнайта, а казначеем этой славной маленькой корпорации сделали парня, которого звали Эл Рубинштейн. Уверен, что вы с ним знакомы. Я - нет.

- Один из людей Моролто.

- Какой сюрприз, надо же! Этого мало?

- Продолжай.

- После того как в дело была пущена первая партия денег, то есть эти десять миллионов, в течение последующих трех лет наличными же были внесены еще девяносто миллионов. Предприятие оказалось весьма прибыльным. Компания приступила к скупке на территории Соединенных Штатов всех видов товара: хлопковые фермы в Техасе, жилые дома в Дэйтоне, ювелирные магазины в Беверли-Хиллс, отели в Сан-Питерсбурге и Тампе. Большинство сделок заключалось посредством банковского перевода средств из четырех или пяти банков, расположенных на Кайманах. Это, так сказать, базовая операция по отмывке денег.

- И все это у тебя задокументировано?

- Дурацкий вопрос, Уэйн. Не будь у меня документов, как бы я узнал обо всем этом? Я ведь работаю только по чистым делам, помнишь?

- Сколько тебе еще потребуется времени?

- Пара недель. Мы с подружкой еще крутимся на Фронт-стрит. И это не очень-то здорово. Уж оттуда вытащить папки будет чрезвычайно трудно.

- А откуда взялись эти десять тысяч? Митч сделал вид, что не слышал вопроса. Он вскочил со скамейки и направился к двери ложи.

- Нам с Эбби хотелось бы поселиться в Альбукерке. Это большой город, и лежит вроде бы в стороне от оживленных мест. Приступайте к работе в этом направлении.

- Не спеши так. Работы хватит всем.
- Я же сказал: две недели, Тарранс. Через две недели я доставлю вам все, а это будет значить, что мне придется тут же уносить ноги.
- Не так быстро. Сначала мне нужно будет увидеть несколько документов.
- У тебя короткая память, Тарранс. Моя очаровательная жена пообещала передать вам целую пачку бумаг по “Данн Лэйн”, как только Рэй выйдет из тюрьмы.
- Тарранс опять уперся взглядом во тьму.
- Посмотрю, что там можно сделать. Митч подошел к нему и направил в лицо агента указательный палец.
- Слушай меня, Тарранс, и слушай внимательно. Похоже, мы не понимаем друг друга. Сегодня семнадцатое апреля. Через две недели - первое мая, и первого мая я, как и обещал, предоставлю в ваше распоряжение более десяти тысяч в высшей степени убедительных и неопровержимых документов, которые смогут поставить под угрозу одно из самых могущественных преступных сообществ в мире. И, так или иначе, это будет стоить мне жизни. Но я связал себя обещанием. Равно как и вы обещали мне, что мой брат выйдет из тюрьмы. В вашем распоряжении одна неделя, до двадцать четвертого апреля. В противном случае я исчезну. А вместе со мной и ваша операция, и твоя карьера.
- Чем он займется, когда выйдет на свободу?
- И опять же ты со своими дурацкими вопросами. Он бросится бежать со всех ног, вот чем он займется. У него есть брат с миллионом долларов, являющийся экспертом по отмыванию денег и электронному банковскому делу. Рэй покинет пределы страны в течение двенадцати часов, и уж он-то не выпустит из рук счастье.
- Он отправится на Багамы?
- Багамы. Ты - идиот, Тарранс. На Багамах эти деньги вылетят на ветер меньше чем за десять минут. Неужели их можно доверить тамошним коррумпированным дуракам?
- Мистеру Войлсу не по вкусу тупиковые ситуации. Он будет по-настоящему расстроен.
- Скажи Войлсу, пусть поцелует меня в задницу. Скажи, пусть приготовит следующие полмиллиона, так как я почти уже готов. Скажи ему, пусть вытащит моего брата из тюрьмы, или сделка не состоится. Скажи ему все, что хочешь, Тарранс, но или Рэй через неделю выходит из тюрьмы, или из игры выхожу я.
- Хлопнув дверцей ложи, Митч начал спускаться. Тарранс следовал за ним.
- Когда следующая встреча? - приглушенным голосом крикнул он в спину Митчу.
- Тот уже перепрыгнул через невысокую загородку и был на треке.
- Моя сотрудница позвонит тебе. Сделаешь все, как она скажет.

31

Ежегодный трехдневный отпуск, который Натан Лок позволял себе после пятнадцатого апреля и который он привык проводить в Вэйле, был на этот раз отменен. И сделал это До Вашер по прямому указанию Лазарева. Лок сидел вместе с Оливером Ламбертом в кабинете на пятом этаже и слушал Де Вашера, докладывавшего о ситуации и пытавшегося из разрозненных кусочков информации сложить головоломку. Особых успехов в этом он пока не добился.

- Итак, жена его уезжает. Говорит, что ей необходимо поехать домой к матери, у которой врачи обнаружили рак легкого. И что к тому же она уже устала от его работы. На протяжении нескольких месяцев мы время от времени засекали между ними размолвки. Она ругалась с ним по поводу того, что он слишком много времени проводит на работе, но ничего более серьезного. В общем, она едет к мамочке. Говорит, что не знает, когда вернется назад. Ведь мамочка больна, так? Ей же удалили легкое, правда? Однако мы так и не смогли отыскать больницу, где бы что-нибудь знали о такой пациентке, как Максина Сазерленд. Мы проверили каждую клинику в Кентукки, Индиане и Теннесси. Вам не кажется это странным, парни?

- Ну и что, Де Вашер? - Это был Ламберт. - Четыре года назад моей жене делали операцию, и мы с ней летали в клинику Майо. Не слыхал я о таком законе, который бы

запрещал людям обращаться в больницу, расположенную более чем в ста милях от их Дома. Это просто абсурд. А потом, они все же люди с известным положением. Может, она зарегистрировалась под другим именем, чтобы не привлекать к себе внимания. Это обычная история.

Лок кивнул головой в знак согласия.

- Он много с ней разговаривает?

- Она звонит раз в день. Иногда говорят довольно долго: о том, о сем. О собаке, о ее мамочке. О работе. Вчера она сказала ему, что не вернется еще месяца два.

- Что-нибудь насчет клиники она говорила? - поинтересовался Лок.

- Ни разу. Она весьма осторожна. Об операции вообще почти ничего не было сказано. Мамочка, предположительно, уже дома. Если, конечно, она вообще покидала дом.

- К чему ты хочешь нас подвести, Де Вашер? - спросил Ламберт.

- Заткнись и слушай. Давай-ка только предположим, что все это - всего лишь дымовая завеса, цель которой - позволить ей убраться из города. Подальше от нас, подальше от того, что надвигается. Понятна моя мысль?

- Так ты считаешь, что он все-таки работает на них?

- Мне платят за то, чтобы я делал такие предположения, Нат. Я допускаю то, что он знает о нашем прослушивании, поэтому-то он так осторожен в телефонных разговорах. Я допускаю, что он убрал жену из города, надеясь таким образом защитить ее.

- Шатко, - сказал Ламберт. - Все это довольно шатко.

Де Вашер мерил шагами комнату. Бросив острый взгляд на Олли, он сдержал себя.

- Дней десять назад кто-то на четвертом этаже сделал целую кучу непонятных копий. Странно и то, что происходило все это в три утра. Согласно нашим данным, в то время, когда делались эти копии, в здании находились только два юриста. Макдир и Скотт Кимбл. Ни тому ни другому делать на четвертом этаже было нечего. Были использованы двадцать четыре номера допуска. Три взяты из папок Ламара Куина. Три - из папок Сонни Кэппса. Остальные восемнадцать числятся в папках Макдира. Нет ни одного номера Кимбла. Виктор Миллиган отправился домой около половины третьего ночи, Макдир в это время работал в кабинете Эйвери. Он отвезил Эйвери в аэропорт. Эйвери утверждает, что запер свой кабинет, но он мог и забыть. Либо он забыл это сделать, либо у Макдира есть ключ. Я поднажал на Эйвери, и он почти уверен в том, что, уходя, закрыл дверь на замок. Но ведь была полночь, а он смертельно устал и к тому же торопился в аэропорт. Мог и забыть, верно? Но он не давал никаких указаний Макдиру относительно работы в его офисе. Пустяки, не важно, они же просидели там целый день, заканчивая налоговую декларацию для Кэппса. Это был ксерокс номер одиннадцать, ближайший к кабинету Эйвери. Я думаю, не будет ошибкой считать, что копии сделаны Макдиром.

- Сколько их было сделано?

- Две тысячи двенадцать.

- Из каких дел?

- Восемнадцать - наши клиенты по налогообложению. Я почти уверен, что он объяснит все тем, что просто заканчивал их декларации и на всякий случай снимал копии со всех документов. Звучит вполне логично, так? За исключением лишь того, что копии обычно снимают секретарши. На кой же черт ему понадобилось торчать на четвертом этаже в три часа утра, для чего вдруг срочно понадобилось сделать более двух тысяч копий? Все это было седьмого апреля. Скажите, многие ваши ребята заканчивают свою годовую работу на неделю раньше, а потом всю оставшуюся неделю развлекаются на ксероксе?

Он остановился посреди кабинета и уставился на сидящих тяжелым взглядом. Лок и Ламберт погрузились в размышления. Вот где он прижал их.

- А особый смак заключается в том, что пятью днями позже его секретарша использовала те же восемнадцать номеров на своем ксероксе, установленном на втором этаже. Она сделала около трехсот копий. Я, конечно, не юрист, но эта цифра, по-моему, более логична. Вам не кажется?

Оба молча кивнули. Оба были профессиональными юристами, приученными скрупулезнейшим образом рассматривать каждый вопрос во всех мыслимых плоскостях. Но не проронили ни слова. Де Вашер змеино улыбнулся и вновь принялся расхаживать по

кабинету.

- Значит, мы поймали его на том, что он снял две тысячи копий, объяснить назначение которых он окажется не в состоянии. Вопрос заключается в следующем: что же это было такое, что он копировал? Если ему пришлось использовать чужие номера допусков, чтобы запустить машину, то что же он мог копировать? Не знаю. Все кабинеты были закрыты, кроме офиса Эйвери, конечно. И я спросил у Эйвери. У него там стоит металлическая этажерка, где он хранит настоящие дела. Обычно они закрыты на ключ, однако в тот день он сам, Макдир и секретарши копались в них с утра до вечера. Эйвери мог и позабыть закрыть их на ключ, когда торопился в аэропорт. Подумаешь! На кой Макдиру снимать копии с настоящих, нормальные дел? Он бы этого делать не стал. Но, как и у каждого, кто работает на четвертом этаже, у Эйвери стоят четыре стеллажа с секретными папками. К ним никто не подходит, верно? Таковы правила фирмы. Даже другие партнеры, да? Они закрыты ненадежнее, чем мои дела. Значит, без ключа Макдиру до них не добраться. Эйвери показал мне свои ключи. Сказал, что не подходил к стеллажам два дня. Я попросил его посмотреть, все ли там в порядке. Он не может сказать, что в папках кто-то копался. А вы смогли бы, посмотрев на свои дела, заявить, что с них сняли копии? Не смогли бы. И я бы не смог. Поэтому я собрал все эти папки сегодня утром и решил отослать их в Чикаго. А там уж их проверят на предмет наличия отпечатков пальцев. Это займет около недели.

- Не мог он снять копии с тех дел, - проговорил Ламберт.

- А с чего же он мог еще снимать копии, Олли? То есть я хочу напомнить вам, на четвертом и на третьем этажах все было закрыто. Все, кроме кабинета Эйвери. И если допустить, что Макдир все же шепчется по углам с Таррансом, то что еще может заинтересовать его у Эйвери? Только секретные папки.

- Значит, ты, тем самым, допускаешь и то, что у него были ключи? - заметил Лок.

- Да. Я считаю, что он сделал весь набор ключей Эйвери.

Олли фыркнул и рассмеялся недобрый смехом.

- Этого не может быть. Я этому не верю. Черные Глаза уставился на Де Вашера с вызывающей улыбкой.

- А каким же образом ему это удалось?

- Хороший вопрос, как раз на него-то я и не могу пока найти ответ. Эйвери показывал мне свои ключи: два кольца, одиннадцать штук. Он с ними не расстается - правила фирмы, так? Ведет себя, как и положено. Когда он бодрствует - ключи у него в кармане; когда же спит - они у него под подушкой.

- Он куда-нибудь ездил в том месяце? - внезапно спросил Черные Глаза.

- О поездке в Хьюстон на прошлой неделе можно не вспоминать. Слишком близко по времени. А до этого он на два дня вылетал на Большой Кайман, по делам. Это было первого апреля.

- Помню, - сказал Ламберт, внимательно слушая.

- Отлично, Олли. Я спросил его, как он провел обе ночи, и он ответил мне, за работой. Посидел разок в баре, и все. Клянется, что спал один. - Де Вашер нажал кнопку на небольшом магнитофоне. - Но он лжет. Из спальни бунгало, в котором он остановился, в девять пятнадцать утра второго апреля был сделан телефонный звонок.

Лок и Ламберт напряженно вслушивались.

- Он в душе, - послышался первый женский голос.

- С тобой все нормально? - спросил второй.

- Да. Все хорошо. Сейчас он ни на что не способен, даже если от него этого и потребовать.

- Почему ты звонишь так поздно?

- Он не просыпался.

- Подозревает что-нибудь?

- Нет. Он ничего не помнит. Думаю, у него болит голова.

- Долго ты еще там пробудешь?

- Расцелую его на прощание, как только он выйдет из душа. Десять, от силы пятнадцать минут.

- Хорошо. Поторопись.

Де Вашер нажал другую кнопку, продолжая без усталости мерить шагами кабинет.

- Понятия не имею, кто они, и давить на Эйвери я тоже пока не стал. Пока. Он тревожит меня. Жена его подала на развод, и он утратил над собой всякий контроль. Все время бегает за бабами. Это ставит под угрозу всю систему нашей безопасности, и, я думаю, Лазарев потребует принятия серьезных мер.

- По ее словам выходило, что у него было тяжкое похмелье, - поделился мнением Лок.

- Это очевидно.

- Ты думаешь, это она сделала дубликаты ключей? - задал вопрос Олли.

Де Вашер пожал плечами и уселся наконец в свое старое кожаное кресло. Запал его подошел к концу.

- Возможно, но я сомневаюсь в этом. У меня часы ушли на размышления.

Предположим, что это была какая-то женщина, которую он подцепил в баре, и они с ним напились, и было уже довольно поздно, когда они улеглись в постель. Как же ей в таком случае удалось посреди ночи сделать дубликаты на небольшом островке? Вот поэтому-то я и сомневаюсь.

- Но у нее была подружка, - настаивал Лок.

- Да, и это тоже сбивает с толку. Может, они пытались вытащить его бумажник, но что-то им помешало? Эйвери вечно таскает с собой пару тысяч наличными, и, если тогда он был навеселе, мало ли что он мог наболтать им на пьяную голову. Может, она собиралась стянуть у него в последний момент деньги и дать тягу? Но она этого не сделала. Не знаю.

- Есть еще какие-нибудь предположения? - повернулся к нему Ламберт.

- Пока пусто. Я люблю строить предположения и гипотезы, но если допустить, что женщины вытащили ключи, каким-то образом умудрились глубокой ночью на острове сделать их копии, да причем так, что Эйвери ничего не узнал об этом, а потом одна из них еще и пробралась к нему в постель... Нет, так мы зайдем слишком далеко. А потом все это еще нужно будет как-то увязать с Макдиром и ксероксом на четвертом этаже. Это уже чересчур.

- Согласен, - проговорил Олли.

- А что кладовая комната? - вспомнил Лок.

- Я тоже об этом подумал, Нат. Честно тебе скажу, у меня даже сон пропал от этих мыслей. Если женщина была заинтересована в материалах, которые хранятся в кладовой, то в таком случае должна как-то проследиваться ее связь с Макдиром или еще с кем-то, кто сшивался бы где-то неподалеку. А связи этой я никак не нахожу. Предположим, она обнаружила кладовку и документацию. Ну и что она может с ней сделать ночью, да еще со спящим наверху Эйвери?

- Прочитать.

- Еще бы, там ведь всего пара страниц. Не забывай, она ведь должна была пить наравне с Эйвери, иначе он бы что-нибудь заподозрил. Значит, она провела весь вечер сначала за выпивкой, а потом - развлекаясь с Эйвери в постели. И вот она дожидается, пока он уснет, а затем ее вдруг охватывает неодолимое желание спуститься вниз, в кладовую, и почитать банковские документы. Нет, парни, так не пойдет.

- Она могла работать на ФБР, - произнес Олли, гордясь своей смекалкой.

- Нет, не могла. - Почему?

- Это так просто, Олли. ФБР не стало бы этого делать, потому что обыск считался бы незаконным и ни в одном суде документы бы не признали. Есть и еще одна причина, получше.

- Что же?

- Будь она из ФБР, она не стала бы пользоваться телефоном. Ни один профессионал не позволил бы себе такого звонка. Я думаю, она была просто мелкой воровкой.

Эта же гипотеза была предложена Лазареву, который попытался было указать на сотню ее слабых мест, но в конце концов не смог придумать ничего лучшего. Он приказал сменить все замки на третьем и четвертом этажах и в подвале и в обоих бунгало на Кайманах. Он также приказал разыскать на острове всех слесарей - а их не должно быть слишком много - и выяснить, не приходилось ли одному из них делать набор ключей

вечером первого или ночью второго апреля. Дайте им денег, сказал он Де Вашеру. Заплатите им, и у них сразу же развяжутся языки. Лазарев настоял на проверке отпечатков в кабинете Эйвери. С чувством законного удовлетворения Де Вашер ответил, что уже отдал соответствующие распоряжения. Образцы отпечатков пальцев Макдира были к папке с результатами его экзамена на звание адвоката.

Помимо всего прочего, Лазарев счел целесообразным отстранить Эйвери Толара от работы на двухмесячный срок. По мнению Де Вашера, это могло спровоцировать Макдира на нечто необычное. Хорошо, согласился Лазарев, предложите Толару лечь в клинику на обследование по поводу болей в груди. Двухмесячный, так сказать, отпуск - по настоянию врачей. Скажите Толару, пусть завершит все свои дела. Закроет свой кабинет. Макдира закрепите за Виктором Милдиганом.

- Ты сказал, что у тебя есть неплохой план, как нам обезопасить Макдира, - обратился к Лазареву Де Вашер.

Тот усмехнулся, почесал кончик носа.

- Да, - лениво протянул он, - думаю, что мы остановимся именно на этом. Его нужно будет послать в небольшую деловую поездку на острова, ну а там произойдет совершенно загадочный взрыв.

- Терять двух пилотов? - озабоченно подсчитал Де Вашер.

- Что поделаешь, нужно, чтобы все выглядело красиво.

- Не стоит этого делать поблизости от Кайманов. Получится слишком много совпадений.

- Согласен. Пусть это случится над водой. Тем меньше найдут обломков. Мы вставим туда штучку помощнее, так что, скорее всего, они вообще ничего не найдут.

- Этот план обойдется недешево.

- Да, я обговариваю его сначала с Джоем.

- Тебе виднее, ты - босс. Дай мне знать, если от нас здесь потребуется какая-либо помощь.

- Само собой. Я уже начал размышлять над этим.

- Что слышно от твоего человека в Вашингтоне? - вдруг вспомнил Де Вашер.

- Жду. Сегодня я звонил в Нью-Йорк, они заняты проверкой. Через неделю будем знать.

- Это значительно все упростит.

- Пожалуй. Но если ответ будет положительным, нам придется избавиться от него в двадцать четыре часа.

- Я немедленно займусь этим вопросом.

Субботним утром в здании фирмы было спокойно и тихо. Работой занимались всего несколько человек партнеров и сотрудников, одетых в простые спортивные костюмы. Секретарш не было. Митч просмотрел свою почту и записал на диктофон ответы. Просидев в кабинете пару часов, он вышел. Пора было навестить Рэя.

Пять часов он не выпускал из рук руль автомобиля, мчась по автостраде номер сорок как идиот. С сорока пяти миль в час он вдруг прыгал до восьмидесяти пяти, останавливался тут и там, резко уходил с левой полосы. Останавливался у подземных переходов и ждал, до боли в глазах вглядываясь в серую ленту шоссе. Никого. Ни разу не попалась ему на глаза подозрительная машина, какой-нибудь грузовик или фургон. Только на огромные трейлеры не обращал Митч никакого внимания. Никого. Сзади все чисто, в противном случае он бы их заметил.

Охрана проверила его передачу: несколько книг и сигареты, и Митч прошел в кабинку номер девять. Через несколько минут по ту сторону толстого стекла уселся Рэй.

- Где ты пропадал? - спросил он брата с едва слышимым в голосе раздражением. - Ты единственный в мире, кто еще не забыл меня здесь, и вот за последние четыре месяца я вижу тебя лишь второй раз.

- Знаю. Просто был разгар налоговой кампании, и я закрутился. Я исправлюсь, обещаю. А потом, я же тебе писал.

- Да, раз в неделю я получал пару строк: "Привет, Рэй. Мягко тебе там спится? Как жратва? Стены не давят? Что с твоим греческим или итальянским? У меня все нормально. У Эбби - замечательно. Пес прихворнул - ему нужно больше бегать. Скоро приеду. Твой

Митч”. И это еще обширное послание, братишка. Приходится мне дорожить твоими письмами.

- Твои писульки не лучше.

- А о чем мне-то писать? Охрана торгует травкой. Прирезали дружка - на теле тридцать одна ножевая рана. Видел, как насильовали ребенка. Брось, Митч, кому это интересно?

- Я исправлюсь.

- Как мама?

- Не знаю. После Рождества я туда не ездил.

- А ведь я просил тебя навестить ее, Митч. Я беспокоюсь за нее. Если тот подонок продолжает ее бить, я хочу, чтобы ты прекратил это. Мне бы только выбраться отсюда, я сам навел бы там порядок.

- Ты так и сделаешь. - Это прозвучало как утверждение.

Митч прижал к губам палец и медленно кивнул головой. Рэй подался вперед, опершись на локти и внимательно вслушиваясь.

Митч негромко произнес по-испански.

- Говори медленно.

Рэй чуть заметно улыбнулся.

- Когда?

- На следующей неделе.

- В какой день?

На мгновение Митч задумался.

- Во вторник или в среду.

- Во сколько?

Пожав плечами, Митч улыбнулся и посмотрел по сторонам. Дальнейший разговор братья опять вели на английском.

- Как Эбби? - спросил Рэй.

- Поехала к своим родителям в Кентукки на пару недель. Мать у нее заболела. - Глядя брату прямо в глаза, он прошептал: - Верь мне.

- Что с ней?

- Ей удалили легкое. Рак. Всю свою жизнь она слишком много курила. Тебе тоже нужно бросать.

- Брошу, когда выйду отсюда.

Митч улыбнулся, медленно кивнул.

- У тебя еще семь лет впереди.

- Да, а побег исключается. Время от времени кое-кто пытается, но их либо ловят, либо убивают на месте.

- Но ведь Джеймс Эрл Рэй выбрался? - И опять Митч, задавая этот вопрос, неторопливо склонил вниз голову. Рэй улыбался, наблюдая за братом.

- Да, а потом его все же словили. Они позвали № помощь каких-то горцев со своими собаками, и те разыскали его довольно быстро. Не думаю, что кому-то удастся спастись в горах, даже если получится перелезть через эту чертову стену.

- Поговорим о чем-нибудь другом, - предложил Митч.

- С удовольствием, - согласился Рэй. Позади кабинок для посетителей у окна стояли две охранника. Они были поглощены разглядыванием набора фотоснимков, сделанных, видимо, “Полярридом” в тот момент, когда мужчина и женщина и представить себе не могли, что за ними кто-то наблюдает. Фотографии, наверное, пытался переправить кто-то из посетителей. Охранники хихикали и перешептывались, совершенно не обращая внимания на тех, кто пришел на свидание. По половине, где сидели заключенные, ходил один-единственный надзиратель, полусонно размахивая резиновой дубинкой.

- А когда мне ждать появления маленьких своих племянников и племянниц? - задал вопрос Рэй.

- Может, через пару-тройку лет. Эбби не терпит завести мальчика и девочку, она бы не против и прямо сейчас, но я не позволяю. Я к этому еще не готов.

Охранник прошелся за спиной Рэя, даже не повернув к нему головы. Братья смотрели друг на друга, пытаясь прочитать что-то в глазах.

- И куда мне идти? - быстро проговорил Рэй по-испански.

- В "Хилтон" на Пердидо Бич, - как ни в чем не бывало на родном языке отвечал Митч. - В прошлом месяце мы с Эбби летали на Каймановы острова. Провели там отличный отпуск.

- Никогда о таких местах не слышал. Где это?

- В Карибском море, южнее Кубы.

- Как меня будут звать? - опять по-испански спросил Рэй.

- Ли Стивенс. Подводное плавание. Вода была замечательная. У фирмы там два бунгало, прямо на пляже. Платить пришлось только за авиабилеты. Словом, было здорово.

- Достань-ка мне какую-нибудь книжку. Я хотел бы прочитать про это. - И на испанском: - А документы?

Митч улыбнулся, все так же медленно кивая брату головой. Охранник подошел и остановился как раз за спиной Рэя. Братья вспоминали Кентукки.

В сумерках он остановил "БМВ" на темной стороне торговой улочки в пригороде Нэшвилла. Не вытащив ключа зажигания, захлопнул дверцу - в кармане у него всегда был запасной. Близилась Пасха, и люди торопились сделать все необходимые покупки заранее. Митч влился в толпу покупателей, устремлявшуюся в двери универсального магазина фирмы "Сирс". Оказавшись внутри, он быстро направился в секцию мужской одежды и принялся придирчиво изучать носки и нижнее белье, время от времени бросая внимательные взгляды на вход. Но по-прежнему не замечал ничего подозрительного. Митч вышел из магазина и направился вниз по переполненной прохожими улице. Внимание его привлек черный свитер в витрине одного из магазинов. Зайдя внутрь, он примерил его и решил не снимать, так он ему сразу чем-то понравился. Пока продавец отсчитывал ему сдачу, Митч успел в телефонной книге найти номер вызова такси. Он вышел, нашел взглядом у входа в другой универсальный магазин телефонную будку. Диспетчер обещал ему, что машина подойдет минут через десять.

На улице стало уже почти совсем темно; южная весна еще несла с собой по вечерам прохладу. Митч наблюдал за улицей, сидя у выхода в небольшом баре. Он был уверен, что сегодня за ним никто не шел по пятам, по крайней мере, здесь, на этой торговой улочке. Неторопливой походкой подошел к такси.

- Brentwood, - бросил он водителю, опускаясь на заднее сиденье.

До Brentwood оказалось минут двадцать езды. - Жилой комплекс "Саванна Крик", - уточнил адрес Митч.

Чуть заплутав в подъездных путях, машина в конце концов остановилась у одного из корпусов. Митч бросил на переднее сиденье бумажку в двадцать долларов и хлопнул дверцей. Оказавшись перед дверью с номером 480E, подергал за ручку. Дверь была закрыта.

- Кто? - послышался из-за двери нервный женский голос, услышав который Митч почувствовал, что напряжение начинает спадать.

- Бэрри Эбанкс, - ответил он.

Эбби настезь распахнула дверь и бросилась ему в объятия. Он приподнял жену, внес ее в квартиру, ударом ноги захлопнул дверь. Все это время они яростно целовались. Митч не отдавал себе отчета в том, что делали его руки: менее чем за две секунды они сорвали с Эбби свитер, расстегнули лифчик и опустили до коленей юбочку. Но пока еще ни Эбби, ни Митч не готовы были прекратить целоваться. Краем глаза Митч успел бросить оценивающий взгляд на неудобный, дешевый диван-кровать. Либо это, подумал он, либо пол. Он бережно опустил Эбби на диван и снял с нее одежду.

Диван оказался слишком коротким и на редкость скрипучим. Матрац представил собой два дюйма поролона, завернутого в простыню. Металлические пружины так и перли из-под него наверх.

Но ничего этого чета Макдиров не чувствовала.

Когда на улице совсем стемнело и толпа покупателей начала постепенно редеть, позади "БМВ" остановился черный сверкающий "шевроле". Из него выскочил маленький человечек с аккуратной прической и бакенбардами, повел головой по сторонам и ловким

движением вставил в замок передней дверцы “БМВ” острое жало отвертки. Через несколько месяцев, когда ему уже будут выносить приговор, он признается судье, что на его счету более трехсот угнанных автомобилей в восьми штатах и что с отмычкой в руках он быстрее откроет любую машину и заведет ее, чем это сделает уважаемый судья ключами. Он скажет, что в среднем на эту операцию у него уходит двадцать восемь секунд. Тем не менее на судью это не произведет ровным счетом никакого впечатления.

Надо же - по чистой случайности какой-то идиот оставил ключи в кабине! Так ведь на нее уйдет гораздо меньше, чем двадцать восемь секунд. Машину заметил его наводчик. Ну что ж. Маленький человечек сел за руль и повернул ключ зажигания. Улыбнулся. “БМВ” взревел и последовал за сверкающим черным “шевроле”.

Скандинав выскочил из фургона и проводил удалявшийся от него “БМВ” долгим взглядом. Слишком поздно. Уж больно велика скорость. На какое-то мгновение другая машина закрыла от него “БМВ”, когда же она свернула в сторону, “БМВ” окончательно пропал из виду. Угнали! Прямо у него на глазах. В злости он пнул ногой колесо своего фургона. Ну, что же он будет об этом докладывать?

Забравшись в фургон. Скандинав принялся ждать возвращения Макдира.

После часа, проведенного на диване, боль одиночества отступила от них обоих. Они взад и вперед ходили по квартирке, взявшись за руки, и целовались. А позже Митч впервые увидел то, что потом все трое стали между собой называть “бумагами Бендини”. До этого ему приходилось видеть только заметки, сделанные рукой Тэмми, ее опись, но не сами документы. Комнатка была похожа на шахматную доску, уставленную кипами бумаг. На двух стенах комнаты Тэмми разместила большие белые листы на манер доски объявлений, теперь эти листы были покрыты ее записями, страничками из блокнотов, информационными схемами.

Позже, видимо, ему придется провести в этой комнате немало часов, разбирая бумаги и готовясь к судебному заседанию. Но только не сегодня. Через несколько минут он оставит Эбби здесь, ему пора будет возвращаться.

Она опять потянула его к дивану.

32

Коридор на десятом этаже клиники “Бэптист Хоспитэл” был фактически пуст, если не считать старшей медицинской сестры и писавшего что-то за своим столом санитаря. Больных разрешалось посещать до Девяти, а сейчас часы показывали уже половину одиннадцатого. Он прошел по коридору, сказал несколько слов сестре, причем санитар так и не поднял своей головы, а затем постучал в дверь.

- Входите, - услышал он звучный мужской голос. Юн толкнул довольно тяжелую дверь и прошел в палату, остановившись у кровати.

- Привет, Митч, - обрадовался его приходу Эйвери. - Ты мне не поверишь.

- Что произошло?

- Я проснулся сегодня в шесть утра от колик в желудке, как мне показалось. Принял душ и тут же почувствовал боль вот здесь, в плече. Стало трудно дышать, я весь покрылся потом. Я подумал еще, нет, только не меня. Черт побери, мне всего сорок четыре, я в отличной форме, все время в работе, прилично питаюсь, ну разве что люблю иногда выпить. Нет, нет, только не меня! Позвонил своему врачу, он предложил мне встретиться с ним здесь, в клинике. Он считает, что это был удар, небольшой такой сердечный удар. Говорит, что ничего серьезного, но несколько дней у них уйдет на обследование.

- Сердечный удар?

- Так сказал врач.

- Ничего удивительного, Эйвери. У нас в фирме заслуживает уважения тот юрист, который доживает до пятидесяти.

- Это все Кэппс, Митч. Сонни Кэппс. Именно он нанес мне этот сердечный удар. Он позвонил в пятницу и заявил мне, что нашел для себя новую фирму в Вашингтоне. Потребовал все свои бумаги. И это мой лучший клиент! В прошлом году он заплатил

фирме почти четыреста тысяч, это моя заслуга - я выбил из него почти столько же, сколько он выплатил казне налогов. Расходы на юристов его нисколько не смущают, но одна только мысль об уплате налогов приводит его в бешенство. Я отказываюсь его понижать, Митч.

- В любом случае он не заслуживает того, чтобы из-за него умирали. - Митч обвел глазами палату, рассчитывая увидеть электрокардиограф, но палата оказалась совершенно пустой, аппаратуры не было никакой. Он уселся на стоявший у стены единственный стул, ноги положил на край постели.

- Джин потребовала развода, знаешь?

- Да, я слышал об этом. Но ведь тут нет ничего страшного, так?

- Я удивлен, как это она не додумалась до этого еще в прошлом году. Я предложил ей неплохую сумму, лишь бы дело закончилось тихо. Надеюсь, она примет ее. Мне вовсе не нужны никакие шумные процессы.

Кому они, интересно, нужны, подумал Митч.

- А что сказал Ламберт? - спросил он.

- Это был настоящий спектакль, право слово! За девятнадцать лет работы я ни разу не видел, чтобы он терял над собой контроль. А вот тут не выдержал, сорвался. Заявил мне, что я слишком много пью, что хожу по бабам и черт знает что еще. Сказал, что я бросаю тень на репутацию фирмы. Предложил мне обратиться к психиатру.

Говорил Эйвери медленно, как бы с трудом, голос его время от времени слабел, прерывался. Во всем этом чувствовалась какая-то фальшь: иногда он забывал о необходимости держать себя в узде, начинал говорить нормально. На кровати он лежал вытянувшись, совершенно неподвижно, края простыни были аккуратно подоткнуты со всех сторон. Цвет лица у Эйвери был на редкость здоровый.

- Думаю, тебе действительно стоит поговорить со своим психиатром. Даже, может, не с ним одним.

- Благодарю. Мне нужно погреться месяц на солнышке. Доктор сказал, что меня выпустят отсюда через три-четыре дня, но что к работе я смогу вернуться не раньше чем через два месяца. Это шестьдесят дней, Митч. Он твердо заявил, что я ни при каких условиях и близко не должен подходить к фирме в течение этих шестидесяти дней.

- Какое блаженство! Я тоже хочу заработать себе небольшой удар.

- С твоими темпами он тебе гарантирован.

- Ты уже успел здесь заделаться врачом?

- Нет. Я просто испугался. Когда тебя вот так прижмет, начинаешь задумываться над разными вещами. Сегодня я впервые в жизни подумал о смерти. Когда человек не думает о смерти, он начинает меньше ценить жизнь.

- Наш разговор становится уж больно серьезным.

- Да, пожалуй. Как там Эбби?

- Все о'кей, я так надеюсь, по крайней мере. Мы с ней давненько не виделись.

- Может, тебе было бы лучше съездить за ней и привезти домой? И подумать наконец и о ней тоже. Шестьдесят часов в неделю - этого вполне хватит, Митч. Бели ты будешь работать больше, то твоя семейная жизнь пойдет ко всем чертям, да и сам ты раньше времени сойдешь в могилу. Она хочет детей - так заведите их. Если бы я мог начать сначала!

- К черту, Эйвери! На какое число назначены твои похороны? Тебе сорок четыре, у тебя случился сердечный удар. Ну так что? Пока еще ты не превратился в растение.

В дверь просунулась голова санитаря.

- Уже поздно, сэр. Вам пора уходить. Митч вскочил на ноги.

- Да, конечно. - Он похлопал Эйвери по ногам, направился к двери. - Встретимся через пару дней.

- Спасибо за то, что пришел. Передай Эбби мой привет.

Кабина лифта была совершенно пуста. Митч нажал на кнопку шестнадцатого этажа и уже через несколько секунд выходил из раздвинувшихся дверей.

Сделав несколько шагов по коридору, он прошел к лестничной клетке и бросился по ступенькам вверх. Оказавшись на восемнадцатом этаже, он перевел дух, толкнул дверь и

вышел в коридор. В глубине его, на изрядном расстоянии от лифтового холла у стены стоял Рик Эклин, ждал и бормотал что-то в трубку неработающего телефона-автомата. Увидев приближающегося Митча, он кивнул ему, указывая рукой на небольшое помещение, в котором обычно сидели взволнованные родственники больных. Сейчас в комнате стояла темнота. Там внутри не было ничего, кроме двух рядов складывающихся кресел и телевизора, который не работал. Единственным источником света служило небольшое окошечко в автомате по продаже кока-колы. Рядом с автоматом сидел Тарранс и перелистывал какой-то старый, потрепанный журнал. На нем был костюм из фланели, поперек лба - трикотажная лента, поддерживающая волосы, темно-синие носки и белые парусиновые туфли. Тарранс-спортсмен.

Митч уселся рядом, лицом к коридору.

- Ты чист. Они шли за тобой до стоянки, потом свалили. В коридоре дежурит Эклин, где-то рядом - Лэйни. Не волнуйся.

- Какая изящная у тебя ленточка.

- Спасибо.

- Как я понимаю, до тебя дошло мое сообщение.

- Это и так ясно. А ты умник, Макдир. Сегодня после обеда сижу у себя за столом, голова занята мыслями, ведь кроме фирмы Бендини есть еще и другие дела. В том числе и у меня, ты это знаешь. И тут входит моя секретарша и говорит, что звонит какая-то женщина, которая хочет побеседовать о человеке по имени Марти Козински. Я подпрыгиваю в кресле, хватаю трубку, и, естественно, это оказывается твоя, скажем, служащая. Говорит, что дело срочное, ну, так говорят всегда. Хорошо, отвечаю, слушаю вас. Но нет, она в такие игры не играет. Она заставляет меня бросить все дела и мчаться сломя голову в "Пибоди", в бар - как его там? "Малларда"? - чтобы сидеть и ждать там бог знает чего. Прилетаю, сажусь, начинаю размышлять о том, какая это все глупость - ведь наши телефоны чисты. Черт меня побери, Митч, но я знаю, что они не прослушиваются! Мы можем смело по ним говорить! Сижу, пью кофе, и тут подходит бармен и спрашивает, не моя ли фамилия Козински. Я ему в ответ: "А имя?" - так просто, смеха ради, если уж мы начали этот спектакль, а? Он с удивлением на лице - представляешь? - уточняет: "Марти Козински". Я говорю: "Да, конечно, это я", - но каким же дураком, Митч, я себя чувствую. И после этого он сообщает мне, что мне звонят. Подхожу к стойке и вновь слышу голос твоей служащей. У Толара, пилите ли, сердечный приступ или нечто в этом роде. Ты придешь его навестить около одиннадцати. Неплохо придумано.

- Не правда ли? Ведь сработало.

- Да, и сработало бы ничуть не хуже, если бы она сразу передала мне все это по телефону.

- Так мне больше по вкусу. Так безопаснее. А потом, нужно же тебе хоть иногда вылезать из своего кабинета.

- Вот я и вылез. И не я один - со мной еще трое.

- Слушай, Тарранс, пусть будет по-моему, о'кей? Головой-то рискую я, а не ты.

- Хорошо, хорошо. На чем это ты сюда подъехал?

- Взял "форд" напрокат. Аккуратная штучка, а?

- Что же случилось с пижонским "БМВ"?

- Насекомые замучили. Просто некуда деться от "жучков". Был в субботу вечером в Нэшвилле, оставил его там с ключами внутри у торгового центра. Ну кто-то и позаимствовал. По секрету, я очень люблю петь, но у меня такой ужасный голос. Получив права, я пел, только сидя за рулем, в полном одиночестве. А когда в машине завелись "жучки", сам понимаешь, я начал стесняться. Пение стало меня утомлять.

Тарранс не смог сдержать улыбку.

- Это по-настоящему хорошо, Макдир. Действительно хорошо.

- Видел бы ты лицо Оливера Ламберта, когда я сегодня утром вошел в его кабинет с полицейским рапортом в руках. Он начал заикаться и мямлить что-то про то, как искренне ему жаль. Я показал ему, что тоже весьма огорчен. Страховка возместит потери, так что старина Оливер пообещал мне новый, не хуже. Затем он сказал, что пока

фирма хочет арендовать для меня машину, на что я ответил, что уже сделал это сам. Прямо там же, в Нэшвилле, вечером. Это ему не понравилось, поскольку он знал: эта - без "жучков". Он тут же снимает трубку и при мне звонит представителю компании, торгующей "БМВ". Спрашивает, какой цвет я предпочитаю. Я отвечаю, что черный мне надоел, пусть будет лучше бургунди, цвета старого вина. А салон обит оливковой кожей. Вчера я сам специально ездил в их демонстрационный зал: ни одной модели цвета бургунди у них нет. Он сказал в трубку, что мне требуется, и выслушал их ответ. Может, все-таки черный, спросил меня, может, темно-синий, или серый, или красный, белый? Нет, говорю я ему, нет. Только бургунди. В таком случае, им придется его заказать, объясняет он мне. Ну что ж, отвечаю, отлично. Тогда он кладет трубку и спрашивает, неужели мне на самом деле хочется именно бургунди. Бургунди, подтверждаю я. Он начал было спорить, но тут же осознал, насколько глупо это выглядит со стороны. Таким образом, я впервые за десять месяцев получил возможность сесть в собственной машине.

- Но "форд", Митч! Для успешного стать модным в нашем городке юриста! А как же гордость?

- С этим я как-нибудь справлюсь. Тарранс продолжал улыбаться, явно все еще находясь под впечатлением от услышанного.

- Интересно, что будут делать эти парни-перекупщики, когда они покопаются в твоём "БМВ" и обнаружат в нём всю его интересную начинку?

- Может, сдадут его в лавку, где торгуют какими-нибудь граммофонами. Сколько подобная аппаратура может стоить?

- Наши ребята говорят, что у тебя стояла самая лучшая, это от десяти до пятнадцати тысяч. Точно я не знаю. Прямо смех!

Громко разговаривая, по коридору прошли две санитарки, шаги их стихли за поворотом, и опять наступила тишина. Эклин вновь с усердием накручивал телефонный диск.

- Как дела у Толара? - задал новый вопрос Тарранс.

- Великолепно. Когда у меня случится удар, надеюсь, что буду чувствовать себя так же, как он. Он пробудет здесь несколько дней, а потом - двухмесячный отпуск. Ничего серьёзного.

- Ты можешь попасть в его кабинет?

- С какой стати? Все, что там можно было сделать, я сделал.

Тарранс чуть подался вперед, всем видом давая понять, что ждет другого ответа.

- Нет. Я не могу попасть в его кабинет, - раздельно сказал Митч. - Они поменяли все замки на третьем и на четвертом этаже. И в подвале.

- Откуда ты это знаешь?

- Моя служащая, Тарранс, моя сотрудница. На прошлой неделе ей удалось побывать в каждом кабинете фирмы, включая и подвальное помещение. Она проверила каждую дверь, подергала за ручку каждый ящик, заглянула в каждый шкаф. Прочитала почту, посмотрела кое-какие папки, порылась в мусоре. Мусора там немного. В здании установлены десять машинок для уничтожения документов, и четыре из них - в подвале. Вам это было известно?

Тарранс впитывал в себя каждое слово, на лице его не дрогнул ни один мускул.

- Как она...

- Не спрашивай, Тарранс, я все равно не отвечу тебе.

- Она там работает! Секретарша или что-то в этом роде! Она помогает тебе изнутри.

С показным сочувствием Митч покачал головой.

- Bravo, Тарранс, блестяще. Сегодня она звонила тебе дважды. Первый раз в два пятнадцать, второй - примерно через час. Скажи мне, каким образом секретарша умудрилась два раза позвонить в ФБР с перерывом в один час?

- Может, она сегодня не работает? Может, она звонила из дому?

- Ты ошибаешься, Тарранс, и прекрати задавать вопросы. Не нужно напрасно тратить на нее свое время. Она работает на меня и поможет мне доставить по адресу интересующий вас товар.

- Что находится в подвале?

- Довольно большое помещение, разделенное перегородками на двенадцать комнат, в которых стоят двенадцать заваленных письменных столов и сотни стеллажей с папками. Стеллажи закрываются на ключ и оборудованы сигнализацией. Мне кажется, что это командный пункт всей деятельности по отмыванию денег. На стенах этих комнат она заметила названия и телефонные номера нескольких десятков банков в регионе Карибского моря. На виду там почти нет никакой информации - они весьма осторожны. Чуть в стороне от других находится небольшая комната со множеством хитрых запоров, набитая компьютерами размером побольше холодильника.

- Похоже, это именно то самое.

- Так и есть, только выбрось это из головы. Оттуда невозможно ничего извлечь, не подняв общую тревогу. Есть, правда, один способ.

- Ну?

- Ордер на обыск.

- Забудь об этом. А основание?

- Слушай меня, Тарранс. Вот как все это будет выглядеть. Я не могу предоставить вам все документы, что вы хотите. Но я могу дать вам все, что вам необходимо. В моем распоряжении сейчас находится более десяти тысяч листов, и хотя я еще не все из них просмотрел, но мне достаточно того, что я видел, чтобы понять: если эти документы окажутся у вас, то вы сможете предъявить их судье, а уж он оформит ордер на обыск. То, чем я сейчас располагаю, поможет обосновать обвинительные заключения против, наверное, половины фирмы. Но если на основании тех же самых документов вы получите ордер на обыск, то для перевозки обвинительных заключений потребуются хороший грузовик. По-другому с этим делом не справиться.

Тарранс вышел в коридор, огляделся по сторонам. Ни души. Он потянулся, подошел к окну и, опершись рукой на автомат, торгующий банками с кока-колой, выглянула небольшое окно, выходящее на восток, как бы пытаясь рассмотреть в темноте здание фирмы "Бендини, Ламберт энд Лок".

- Почему ты говоришь только про половину фирмы?

- Для начала хватит и половины. Плюс еще какое-то количество партнеров, ушедших на пенсию. По моим документам тут и там разбросано немало имен таких партнеров, которые на денежки клана Моролто пооткрывали на Кайманах дутые компании. Состряпать против них обвинительные заключения особого труда не составит. Когда же у тебя в руках окажутся все документы, то тогда ваша теория глобального заговора найдет себе подтверждение и вы сможете прижать их.

- Где ты добыл документы?

- Мне повезло. Очень повезло. Я, можно сказать, вычислил, что фирме нет никакого резона держать свои бумаги по кайманским банкам здесь, у нас. И у меня возникло такое чувство, что документы там, на Кайманах. К счастью, я оказался прав. Там мы и сняли с них копии.

- Мы?

- Моя сотрудница. И еще один друг.

- Где документы сейчас?

- Опять ты со своими вопросами, Тарранс. Документы находятся в моем распоряжении.

Это все, что тебе нужно знать.

- Мне нужны бумаги из подвала.

- Выслушай меня внимательно, Тарранс. То, что находится в подвале, никогда не выйдет на свет, пока вы не явитесь с ордером на обыск. Это просто невозможно, ты слышишь меня?

- Что за люди работают в подвале?

- Не знаю. Я работаю там десять месяцев и никого из них ни разу не видел. Я не знаю, где они оставляют свои машины, как они попадают внутрь и как выходят наружу. Может, они невидимки. По моим расчетам, партнеры и люди в подвале выполняют всю грязную работу.

- Какое там установлено оборудование?

- Два ксерокса, четыре машинки для уничтожения Документов, скоростные принтеры и

черт знает какие компьютеры. Обитель высокого искусства.

Стоя у окна, Тарранс задумался.

- В этом что-то есть. В этом много чего есть. Мне все время не давала покоя мысль: как же фирма со всеми секретаршами, клерками, младшим персоналом Умудряется хранить в такой тайне свои связи с Моролто?

- Тут все просто. Ни секретарши, ни клерки, ни младший персонал ни во что не посвящены. Они заняты только с настоящими, законными клиентами. Партнеры и сотрудники со стажем сидят в своих роскошных кабинетах и находят новые, все более экзотические способы отмывания денег, а команда в подвале занята, видимо, самым черным ремеслом. Здесь отличная режиссура.

- Значит, у фирмы немало нормальных клиентов?

- Сотни. В фирме работают талантливые юристы и клиентура у них замечательная.

Выходит классное прикрытие.

- Так ты, Макдир, говоришь, что у тебя есть документы, достаточные для формулирования обвинений и предъявления ордера на обыск? Что они в твоём распоряжении?

- Именно так.

- Здесь, в США?

- Да, Тарранс. Здесь, в США. Собственно говоря, они очень недалеко отсюда. }

Тарранс потерял покой. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, похрустывая суставами пальцев, дыхание сделалось учащенным.

- Что ты еще можешь принести нам с Фронт-стрит?

- Ничего. Слишком опасно. Они сменили все замки, и это несколько беспокоит меня. То есть я хочу сказать, какого черта они поменяли каждый замок на третьем и четвертом этажах и не сделали этого на первом и втором? Две недели назад на четвертом этаже я снимал кое-какие копии, и теперь мне кажется, что это было глупой затеей. У меня дурные предчувствия. С Фронт-стрит вы больше ничего не получите.

- А как насчет твоей сотрудницы?

- Теперь и она не сможет.

Покачиваясь из стороны в сторону, Тарранс грыз ногти, продолжая смотреть в окно.

- Мне нужны документы, Макдир, и нужны срочно. Скажем, завтра.

- А когда Рэй получит свои документы?

- Сегодня понедельник. Думаю, что его проблема будет решена завтра ночью. Ты не поверишь, какими проклятиями меня осыпал Войлс. Ему пришлось задействовать все свои связи. Думаешь, я вру? Он созвонился с обоими сенаторами от Теннесси, и те лично вылетели в Нэшвилл, чтобы встретиться с губернатором. Чего я только не услышал в свой адрес, Митч, и все это из-за твоего брата.

- Он оценит это по достоинству.

- Что он будет делать, когда окажется на свободе?

- Об этом позабочусь я сам. Ваше дело - вытащить его из тюрьмы.

- Без всяких гарантий. Если с ним что-то случится, то это не наша вина.

Митч поднялся, посмотрел на часы.

- Мне нужно бежать, я уверен, что на улице кто-нибудь уже ждет меня.

- Когда мы встретимся?

- Она позвонит тебе. Сделай так, как она скажет.

- Оставь это, Митч. Не пойму, зачем вся эта возня. Она же может просто позвонить.

Клянусь, наши линии чисты. Прошу тебя, не нужно больше игр.

- Как имя твоей матери, Тарранс?

- Что? Дорис.

- Дорис?

- Да. Дорис.

- Тесен мир. Дорис мы не можем использовать. С кем ты последний раз показывался на вечеринке у своего начальства?

- По-моему, я на нее и не ходил.

- Меня это не удивляет. Хорошо, а как звали твою первую любовь, если, конечно, она у

тебя была?

- Мэри Элис Бреннер. Она была такой пылкой, все домогалась меня.
- Ну еще бы! Значит, мою сотрудницу зовут Мэри Элис. Когда Мэри Элис позвонит тебе в следующий раз, сделай так, как она скажет, хорошо?
- Я не могу ждать.
- Будь так добр, Тарранс, окажи мне услугу. По-моему, Толар притворяется, а у меня поганое чувство, что его актерское мастерство как-то связано со мной. Поручи своим ребятам покрутиться здесь и выяснить, действительно ли у него сердечный приступ.
- Договорились. Больше нам делать нечего.

33

Во вторник утром повсюду в здании фирмы можно было слышать сочувственные разговоры об Эйвери Толаре. Он поправится. Сейчас как раз его обследуют. Говорят, что серьезных нарушений нет. Просто переработал. Перенервничал. Это все Кэппс. Это все развод. Ему нужно будет хорошенько отдохнуть.

Нина внесла пачку писем, которые Митч должен был подписать.

- Вас хотел бы видеть мистер Ламберт, если вы, конечно, не очень заняты. Он звонил только что.

- Хорошо. В десять у меня встреча с Фрэнком Малхолландом. Вы знаете об этом?
- Естественно, я об этом знаю. Я - ваша секретарша. Я знаю все. Встреча будет здесь или в его офисе?

Митч начал перелистывать свой настольный календарь, как бы в поисках записи. Ага, вот: контора Малхолланда в здании "Хлопковой биржи".

- В его, - сказал он с недовольной гримасой.
- В последний раз вы тоже были у него, так? Интересно, чему вас учат в ваших университетах? Никогда, я повторяю, никогда нельзя дважды подряд встречаться на территории вашего соперника. Это непрофессионально. Этим вы выказываете свою слабость.
- Неужели вы никогда мне этого не простите?
- Вы дождетесь, что я расскажу все это своим коллегам. Все они уверены, что вы - ловкач и везунчик. Они будут просто потрясены, когда узнают, какой вы зануда.
- Ничего, встряска им не повредит.
- Как дела у матери Эбби?
- Ей уже гораздо лучше. Я собираюсь их проведать в конце недели.

Нина взяла в руки две папки.

- Ламберт ждет, - напомнила она.

Оливер Ламберт указал ему на довольно жесткий диванчик и предложил кофе. С совершенно прямой спиной он сидел в своем вращающемся кресле, с чашечкой кофе в руках похожий на английского аристократа.

- Меня волнует Эйвери, - сказал он.
- Я был у него вчера вечером, - ответил Митч. - Врачи настаивают на двухмесячном отпуске.

- Да. Вот поэтому-то ты и здесь. Эти следующие два месяца я просил бы тебя поработать вместе с Виктором Миллиганом. Он возьмет на себя почти все дела Эйвери, так что ты не окажешься в незнакомой обстановке.

- Отлично. Мы с Виктором хорошие друзья.
- Ты многому у него научишься. В налогах он - гений. Проглатывает по две книги в день.

Тем лучше, подумал Митч. В тюремной камере он улучшит этот результат до десятка.

- Да, он очень крепкий парень. Пару раз здорово выручал меня.
- Ну вот и хорошо. Думаю, вы сработаетесь. Постарайся увидеться с ним в первой половине дня. Теперь вот еще что: Эйвери не успел закончить свои дела на Кайманах. Ты знаешь, он часто летает туда на встречи с некоторыми банкирами. Предполагалось, что завтра он вылетит туда на пару дней. Сегодня утром он сказал мне, что тебе известны

клиенты и их счета. Нужно, чтобы ты отправился туда вместо Эйвери.

Тысяча мыслей разом мелькнула в его голове. “Лир”, миллион долларов, бунгало, кладовка в нем. Все смешалось.

- На Кайманы? Завтра?

- Да. Это довольно-таки срочно. Трое из его клиентов настоятельно требуют отчетов по своим счетам и кое-какую дополнительную информацию. Сначала я думал послать Миллигана, но утром его, оказывается, ждут в Денвере. Эйвери сказал мне, что ты справишься.

- Конечно, справлюсь.

- Очень хорошо. Отправишься на “Лире”. Вылетишь завтра около полудня, а вернешься в пятницу вечером коммерческим рейсом. Вопросы?

Вопросов было много. Выходил на свободу Рэй, Тарранс домогался своих бумаг, нужно было успеть забрать полмиллиона долларов. А теперь ему приходилось исчезнуть.

- Никаких.

Он вернулся к себе, закрыл дверь на ключ. Сбросил ботинки, вытянулся во весь рост на полу.

Лифт остановился на седьмом этаже, Митч выскочил из него и бегом бросился по лестнице на девятый. Тэмми раскрыла ему дверь и тут же повернула за ним ручку замка. Митч подошел к окну.

- Ты следила? - спросил он.

- Конечно. Охранник с вашей автостоянки с тротуара наблюдал за тем, как ты вошел сюда.

- Надо же! Даже Датч следит за мной.

Он обернулся, посмотрел на Тэмми внимательно.

- Ты выглядишь устало.

- Устало? Да я почти мертва. Последние три недели я была уборщицей, секретаршей, адвокатом, банкиром, проституткой, рассыльным и частным детективом. Десять раз я смоталась на Большой Кайман, купила девять новых чемоданов и провезла, наверное, с тонну выкраденных бумаг. В Нэшвилл я ездила четыре раза на Машине, а десять раз добиралась самолетом. Я прочитала столько банковских документов и прочей дряни, что почти ослепла. А когда все добрые люди отправляются спать, я надеваю какие-то обноски и в течение шести часов играю в уборщицу помещений. У меня столько имен, что я вынуждена записывать их на ладошке, чтобы не перепутать случаем.

- Теперь появилось новое.

- Этим ты меня не удивишь. Какое?

- Мэри Элис. Начиная с этого момента во всех разговорах с Таррансом ты будешь Мэри Элис.

- Дай-ка я запишу его. Тарранс мне не нравится. Очень уж он груб по телефону.

- У меня для тебя хорошая новость.

- Сгораю от нетерпения.

- С уборкой по ночам покончено.

- Сейчас я лягу и заплачу от радости. А почему?

- Это безнадежно.

- Я говорила тебе об этом еще неделю назад. Сам Гудини не смог бы добыть оттуда документы, снять с них копии, а потом вернуть бумаги на место, без того чтобы его не повязали.

- Ты виделась с Эбанксом?

- Да.

- Он получил деньги?

- Да, деньги были посланы в пятницу.

- Он готов?

- Говорит, что да.

- Ладно. Как насчет того спеца?

- У меня с ним встреча сегодня после обеда.

- Кто он?

- Бывший заключенный. Старый приятель Ломакса. Эдди говорил, что документы лучше него не делает никто.

- Дай-то Бог, если так. Сколько?

- Пять тысяч. Наличными, естественно. Новые удостоверения личности, паспорта, водительские удостоверения и визы.

- А времени на все это ему потребуется много?

- Не знаю. А когда тебе нужно?

Митч присел на край письменного стола. Глубоко вздохнув, он попытался сосредоточиться.

- Чем быстрее, тем лучше. Я думал, что у меня в запасе еще неделя, но теперь я не знаю. Просто скажи ему, что чем быстрее, тем лучше. Можешь ты сегодня вечером съездить в Нэшвилл?

- О да. С удовольствием. Ведь я целых два дня не была там!

- купишь видеокамеру “Сони” с треногой, установишь в спальне. купишь коробку кассет. И я прошу тебя на несколько дней остаться там, у телефона. Просмотри еще раз все бумаги, доработай свои заметки.

- То есть я должна буду остаться там?

- Да. А в чем дело?

- Я заработала себе ущемление двух позвонков на том диване.

- Твоя заслуга. Ты сама его выбирала.

- А что с паспортами?

- Как зовут спеца?

- Док какой-то там. У меня есть его номер.

- Дай его мне. Передашь ему, что позвоню через день. Сколько у тебя денег?

- Вопрос очень кстати. Начинала я с пятидесяти тысяч, так? Десять тысяч у меня ушло на авиабилеты, отели, багаж, аренду машин. И подобные траты продолжаются. Теперь тебе нужна еще и видеокамера. И фальшивые документы. Ты пускаешь деньги на ветер.

Митч направился к двери.

- Словом, еще пятьдесят тысяч тебе не помешают?

- Возьму.

Он подмигнул ей и закрыл за собою дверь, размышляя про себя, увидит ли он ее когда-нибудь еще раз.

Камера была размером восемь на восемь футов, с унитазом в углу и двумя койками, расположенными одна над другой. Верхняя уже в течение года пустовала. На нижней лежал Рэй. От ушей его тянулись проводки наушников. Рэй разговаривал, казалось, сам с собой на, каком-то весьма непонятном языке. На турецком. Смело можно было побиться об заклад, что на его этаже в это время он был единственным человеком, внимательно вслушивавшимся в тарабарщину, передаваемую из Стамбула.

Вправо и влево по коридору из-за дверей камер Доносился негромкий гонор. Почти все огни были выключены. Вторник, одиннадцать вечера. К двери его камеры неслышно подошел охранник.

- Макдир, - позвал он очень тихо через решетку глазка.

Рэй уселся на краешке койки, посмотрел в сторону двери. Вытащил из ушей наушники.

- Тебя хочет видеть надзиратель. Ну да, подумал он, надзиратель сидит в одиннадцать вечера у себя за столом и ждет меня.

- Куда мы направляемся? - тревожно спросил Рэй охранника.

- Обуйся и выходи.

Рэй обвел глазами камеру, произведя быстрый учет своего нажитого за долгие тюремные годы имущества. За восемь лет он успел стать владельцем черно-белого телевизора, хорошего плеера, двух картонок, полных кассет с записями, нескольких десятков книг. Он зарабатывал три доллара в день в тюремной прачечной, но после расходов на сигареты на приобретение другой собственности средств почти не оставалось. Вот все, что удалось ему нажить здесь за восемь лет.

Охранник вставил в замочную скважину тяжелый ключ, приоткрыл на несколько дюймов дверь, выключил в камере свет.

- Следуй за мной, и без всяких выходок. Не знаю, кто ты такой, мистер, но друзья у тебя мощные, ничего не скажешь.

У него оказались и другие ключи, которые подошли к другим дверям. Две тени остановились под баскетбольным щитом.

- Встань позади меня, - скомандовал охранник. Глаза Рэя мотнулись по темной площадке. В некотором отдалении, в противоположном конце тюремного двора, там, где проходила дорожка для прогулок, по которой он исходил тысячи миль, выкурив тонны сигарет, возвышалась массивная стена. Шестнадцати футов в высоту, ночью она казалась гораздо выше. Через каждые пятьдесят ярдов на ней располагались хорошо освещенные вышки с охраной. Та, естественно, была вооружена.

Его охранник вел себя совершенно спокойно и невозмутимо. Еще бы, ведь он был в форме и при оружии. Уверенно он прошел между двумя зданиями котельной, велел Рэю держаться рядом и не дергаться. За углом котельной они остановились, охранник бросил взгляд на стену, находившуюся в восьмидесяти футах от них. Как и ежевечерне, по двору тюрьмы шарили лучи прожекторов: оба мужчины отступили в тень.

“Почему мы прячемся? - спросил себя Рэй. - Интересно, те парни на вышках - на чьей они стороне? Хорошо бы это выяснить до того, как станет слишком поздно”.

Охранник указал на то самое место на стене, через которое бежал Джеймс Эрл Рэй со своими сокамерниками. Место, известное каждому заключенному “Бра-щи Маунтин”, место, постоянно привлекавшее к себе восхищенные взоры обитателей камер. Или, во всяком случае, взоры белой их части.

- Минут через пять поставят лестницу. Проволока наверху уже перерезана. Там же ты найдешь крепкую веревку.

- Можно мне кое-что уточнить?

- Давай побыстрее.

- А прожекторы?

- Их направят в другое место. Здесь будет полная темнота.

- А парни с оружием наверху?

- Не беспокойся. Они тоже отвернутся.

- Черт побери! Ты уверен?

- Послушай, друг, мне приходилось видеть здесь кое-какую работенку, но твой случай особенный. Латтимер, надзиратель, сам планировал все, лично. Он и сейчас здесь, вон там. - Охранник указал на ближайшую вышку.

- Надзиратель?

- Да-да. Чтоб все прошло без неожиданностей.

- Кто установит лестницу?

- Парочка наших.

Рукавом Рэй провел по лбу, смахивая пот, сделал глубокий вдох. Во рту у него пересохло, в коленях ощущалась слабость.

- По ту сторону, - прошептал охранник, - тебя будет ждать человек. Его зовут Бад, он белый. Он сам найдет тебя на той стороне, делай все, что он скажет.

Лучи прожектора прошли по двору и вдруг погасли.

- Приготовься, - услышал Рэй голос охранника.

Во внезапно наступившей темноте и тишина показалась оглушающей. Стена стала совершенно черной. С ближайшей вышки послышались два коротких свистка. Рэй опустил на колени и ждал.

Он увидел, как из-за соседнего здания к стене метнулись две тени. Руками они стали шарить по траве у себя под ногами.

- Давай, - толкнул его охранник, - беги! Пригнув голову, Рэй рванул в темноту: Самодельная лестница уже ждала его. Две тени помогли ему взобраться на первую ступеньку. Лестница раскачивалась, пока он поднимался. На самом верху он обнаружил, что ширина стены составляет пару футов. В свернутой спиралью колючей проволоке была сделана изрядная дыра. Он проскользнул в этот проход. Веревка оказалась именно там, где и должна была быть, он мигом спустился. Футах в восьми от земли веревка кончалась, и Рэй прыгнул. Присев на корточки, осмотрелся. Кругом было по-прежнему

темно. Проекторы пока не включали.

Открытое пространство тянулось от стены на расстояние не более ста футов, дальше начинались какие-то заросли.

- Сюда, - слышался чей-то спокойный голос. Рэй направился в ту сторону и заметил мужчину, стоящего в черных кустах.

- Поторопись! За мной!

Когда Рэй оглянулся, стеньг уже видно не было. Они остановились у покрытой грязью тропинки. Мужчина протянул ему руку.

- Бад Рили. Неплохое развлечение, а?

- Я не могу в это поверить. Рэй Макдир. Бад оказался плотным мужчиной с черной бородой и в черном же берете. На нем были армейские ботинки, джинсы, пятнистая куртка десантника. Оружия Рэй не заметил. Бад вытащил пачку сигарет.

- С тобой кто-нибудь есть? - спросил его Рэй.

- Никого. Иногда я берусь выполнить кое-какую просьбу тюремного начальства. Обычно меня зовут, когда кто-нибудь переберется через стену. Это, конечно, совсем другое дело. Обычно я беру с собой своих собак. Я думаю, нам стоит задержаться на минутку, пока завоют сирены, чтобы ты послушал их. Будет не совсем красиво, если ты их так и не услышишь. Я хочу сказать, что ведь они вроде бы как в твою честь.

- Понятно. Но мне приходилось слышать и раньше.

- Да, но это совсем другое дело - слышать их отсюда. Волшебный звук.

- Послушай, Бад, я...

- Нет, это ты слушай, Рэй. У нас куча времени. Тебя не будут очень уж преследовать.

- Очень уж?

- Ну, они ведь должны будут устроить грандиозный спектакль, поднять всю округу на нош, подать это все как настоящий побег. Но по следу твоему никто не пойдет. Уж и не знаю, кто за тобой стоит, но, видно, люди со связями.

Завыли сирены, и Рэй от неожиданности подпрыгнул. На небе заиграли отблески лучей прожекторов, в отдалении слышались тревожные крики охраны.

- Теперь ты понял, что я имел в виду?

- Пошли, - уже на ходу сказал Рэй.

- У меня тут грузовик, чуть дальше по дороге. Я привез тебе кое-что из одежды, твои размеры мне дали заранее. Думаю, ты будешь доволен.

Когда они добрались наконец до машины, дыхание Бала сделалось уже прерывистым. Рэй быстро переоделся в оливкового цвета брюки и темно-синюю хлопчатобумажную рубашку.

- Отлично, Бад, - поблагодарил он.

- Свое тюремное тряпье просто швырни в кусты, - ответил тот.

По петляющей горной дороге они проехали мили две, пока не остановились в темной складке холма. Бад слушал по радио какую-то песенку и молчал.

- Куда мы направимся, Бад? - спросил наконец Рэй.

- Видишь ли, надзиратель сказал, что им это все равно, им это вовсе даже не нужно знать. Он сказал, что тебе виднее. Я бы предложил тебе добраться до более или менее крупного города, в котором есть автобусная станция. А там - ты и сам знаешь, куда тебе нужно.

- Как далеко ты можешь меня забросить?

- В моем распоряжении ночь, Рэй. Ты только назови мне город.

- Хорошо бы отъехать отсюда подальше, прежде чем начать подыскивать автостанцию. Может, Ноксвил?

- Есть такой городок. А куда ты подашься потом?

- Не знаю. Мне нужно будет выбраться из страны.

- С такими друзьями, как у тебя, это не составит большого труда. Но, на всякий случай, будь осторожен: к завтрашнему дню твоя фотография будет висеть в кабинете каждого шерифа по меньшей мере в десятке Штатов.

Три автомобиля с синими огоньками на крышах медленно взбирались по склону холма прямо напротив них. Рэй скользнул с сиденья вниз.

- Спокойно, Рэй. Они же тебя не видят. Рэй проводил их взглядом.
- А посты на дорогах?
- Не будет на дорогах никаких постов, Рэй. Уж поверь мне. - Бад сунул руку в карман и, вытащив, бросил на сиденье скомканные бумажки. - Пять сотен. Лично из рук надзирателя. У тебя надежные друзья, приятель.

34

В среду утром Терри Росс поднимался по ступенькам лестницы, ведущей на четвертый этаж отеля “Феникс Парк”. На площадке перед дверью он остановился, чтобы перевести дыхание. На лбу выступили бисеринки пота. Сняв темные очки, он вытер их рукавом плаща. Внезапный резкий приступ тошноты заставил его опереться на перила. Чемоданчик его упал, Терри пришлось присесть на бетонную ступеньку. Он массировал живот, надеясь таким образом справиться с позывом рвоты.

Тошнота и в самом деле отступила, он вздохнул с облегчением. Будь смелее, приободрил он самого себя. Там, за дверью в коридор, тебя ждут двести тысяч долларов. Если у тебя есть мужество, то ты войдешь туда и возьмешь эти деньги. Если у тебя есть мужество, то с ними же ты и выйдешь отсюда. Он отдышался, рука замерла. Где твоя выдержка, сказал он себе, ты же мужчина.

В коленях чувствовалась предательская слабость, но он все же подошел к двери, толкнул ее, зашагал по коридору мимо номеров. Ему нужна была дверь с номером восемь, по правую сторону. Задержав дыхание, он постучал.

Прошло несколько секунд. В темном коридоре через очки почти ничего не было видно.

- Да, - ответил ему голос изнутри.

- Это Альфред. - До чего же дурацкое имя, подумалось ему, откуда оно взялось?

Дверь чуть скрипнула, раскрываясь, и в образовавшейся щели он увидел наброшенную цепочку, а позади нее - знакомое лицо. Цепочку сняли, Альфред тут же прошел внутрь.

- Доброе утро, Альфред, - проникновенно сказал ему Винни Коццо. - От кофе не откажешься?

- Я пришел сюда вовсе не за этим, - хмыкнул Альфред. Он положил свой чемоданчик на постель и устался на Коццо.

- Ты вечно так нервничаешь, Альфред. Почему бы тебе не успокоиться? Здесь тебя поймать невозможно.

- Я не хочу тебя слушать, Коццо. Где деньги? Винни указал ему на кожаный портфель, на лице его - добрая, все понимающая улыбка.

- Поговори со мною, Альфред.

И опять он почувствовал приближение тошноты, но собрался с силами и устоял на ногах. Опустив голову, он не сводил глаз со своих ботинок; сердце сумасшедше стучало.

- Ну хорошо. Вашему парню, Макдиру, уже заплатили миллион долларов. Вот-вот заплатят и второй. Он предоставил им первую партию документов по фирме Бендини и говорит, что в его распоряжении находятся еще десять тысяч серьезных бумаг.

Острой болью, как иглой, пронзило у него в паху. Он сел на край кровати, снял очки.

- Продолжай, - поощрил его Коццо.

- В последние полгода Макдир неоднократно встречался с нашими людьми и беседовал с ними. Он будет выступать свидетелем на процессе, а потом скроется как подлежащий охране особо важный свидетель. Он и его жена.

- Где находятся другие документы?

- Этого я, черт побери, не знаю. Он не говорит. Но они уже готовы к отправке в наши руки. Давай сюда мои деньги, Коццо.

Винни перебросил ему портфель на кровать. Альфред раскрыл его, а следом раскрыл и свой чемоданчик. Руки его бешено тряслись, когда он хватал пачки с Деньгами.

- Двести тысяч? - спросил он, не веря самому себе.

Винни улыбнулся.

- Таков был наш уговор, Альфред. А через пару недель тебе будет еще работа.

- Ну уж нет, Коццо. Больше я не выдержу.

Он захлопнул чемоданчик и чуть ли не бегом отправился к двери. Остановился, пытаясь успокоиться.

- Что вы сделаете с Макдиром? - спросил Росс, избегая встречаться взглядом с Коццо.
- А как ты сам думаешь, Альфред?

Он поджал губы, перехватил чемоданчик под мышку и вышел. Винни с улыбкой повернул в замке ключ. Затем вынул из кармана карточку и, сняв телефонную трубку, попросил телефонистку связаться с мистером Лу Лазаревым, дав ей его домашний чикагский номер.

Охваченный паникой, Терри Росс быстрым шагом шел по коридору. Глаза его почти ничего не различали, Он успел уже миновать семь дверей и почти дошел до лифта, когда откуда-то сбоку вытянулась чья-то мощная рука и втащила его в комнату. Дверь за ним захлопнулась, рука отвесила сначала пощечину, и тут же он ощутил сильнейший удар в живот. Потом кулак ударил его в нос. Терри оказался на полу, почти без сознания, перепачканный кровью. Чемоданчик его, уже пустой, валялся на кровати.

Кто-то поднял Терри с пола, швырнул в кресло. Разлепив глаза, он увидел рядом с собой трех своих коллег, агентов ФБР. С искаженным от отвращения лицом к нему подходил директор ФБР Войлс. Другой сотрудник, с чьими тяжелыми кулаками он только что познакомился, стоял в пугающей близости. Еще один был занят подсчетом денег.

Войлс приблизил к нему свое лицо.

- Ты оказался предателем. Росс. Худшей разновидностью подонков. Не могу в это поверить. Росс разрыдался, у него началась истерика.

- Кто? - выразительно спросил Войлс. Ответа не последовало, рыдания стали громче. Резко развернувшись, Войлс отвесил Россу оплеуху, удар пришелся в висок. Терри вскрикнул от боли.

- Кто, Росс? Скажи мне.

- Винни Коццо, - выдавил тот из себя через всхлипы.

- Я знаю, что Коццо, будь ты проклят! Это я знаю! О чем ты с ним говорил?

Из глаз Росса текли слезы, нос кровоточил. Тело его тряслось и извивалось в кресле, взывая к жалости. Но он молчал.

Войлс ударил его еще раз и еще.

- Скажи мне, сукин ты сын! Скажи же мне, чего хотел Коццо. - За этим последовал новый удар.

Росс сложился пополам, голова его упала на колени. Истерика начала стихать.

- Двести тысяч долларов, - послышался голос за спиной Войлса.

Войлс опустил на колени и почти шепотом спросил:

- Это Макдир, а. Росс? Боже, скажи мне, что это не Макдир! Скажи же мне, Терри, что это не Макдир!

Упершись локтями в колени. Росс не отводил глаз от пола. Кровь из разбитого носа образовала на ковре маленькую лужицу. Итак, проверка на мужество, Терри. Теперь нет нужды цепляться за деньги, ты на пути в тюрьму. Какое же ты ничтожество, Терри. Ты просто маленький грязный, вонючий кусок дерьма, вот и все. Что ты выиграешь своим молчанием? Ну, сколько же в тебе мужества? А, Терри?

Войлс продолжал, казалось, умолять его.

- Скажи, что это не Макдир, Терри, ну скажи же мне это!

Терри выпрямился в кресле, вытер слезы, глубоко вздохнул. Кашлянул раз-другой, прочищая горло. Прикусив верхнюю губу, посмотрел скорбно на Войлса и кивнул.

У Де Вашера не было времени ждать лифт. Бегом он спустился на четвертый этаж, бегом устремился в угол, в кабинет Натана Лока. Почти половина партнеров уже были здесь: Лок, Ламберт, Миллиган, Макнайт, Данбар, Дентон, Лоусон, Бэнахан, Крюгер, Уэлч и Шотц, За остальными послали.

В помещении царил атмосфера тихой паники. Де Вашер уселся во главе стола, другие расположились вокруг.

- Так вот, парни. Еще не время отрывать свои задницы от стульев и мчаться сломя голову в Бразилию. Пока еще не время. Сегодня утром мы получили подтверждение, что он самым активным образом общался в фэбээровцами, что они уже заплатили ему

миллион. Наличными и обещали еще один, что у него есть какие-то документы, которые могут сыграть для нас самую печальную роль. Информация эта поступила непосредственно из ФБР. В это самое время, пока мы с вами сидим и разговариваем, в Мемфис летит Лазарев со своими ребятами. Похоже на то, что худшего еще не произошло. Пока не произошло. Если верить нашему источнику - одному весьма высокопоставленному чину в ФБР, - в распоряжении Макдира находятся десять с лишним тысяч документов, и он в любой момент может передать их в руки ФБР. На настоящий момент он передал им только ничтожно малую их часть. Мы так думаем. Значит, у нас еще есть время справиться со сложившейся ситуацией. Если нам удастся предотвратить его дальнейшие шаги, все будет нормально. Я говорю это, принимая во внимание даже то, что какие-то сведения все же уже у них есть. Совершенно очевидно, что то, чем они могут похвастать, ничего серьезного из себя не представляет, в противном случае они бы уже заявили сюда с ордером на обыск.

Де Вашер был на высоте, он наслаждался этим, как старый актер. Фразы он перемежал покровительственной улыбкой, поглядывая с удовлетворением то на одно, то на другое встревоженное лицо.

- Ну ладно. Где сейчас находится Макдир?

Ему ответил Миллиган.

- У себя в кабинете. Я только что говорил с ним. Он ни о чем не подозревает.

- Великолепно. Через три часа он собирается лететь на Большой Кайман, так, Ламберт?

- Совершенно верно. Где-то около полудня.

- Вот что скажу я вам всем: самолет туда не долетит. Летчик сделает остановку в Нью-Орлеане, чтобы дозаправиться, а потом возьмет курс на остров. Через тридцать минут после этого, когда под ними будут уже воды Мексиканского залива, с экранов диспетчеров исчезнет маленькая точка. Исчезнет навсегда. Обломки окажутся разбросанными на площади более тридцати квадратных миль, ничьих тел не обнаружат. Это очень грустно, но совершенно необходимо.

- И "Лир"?.. - спросил Дентон.

- Да, сынок, и "Лир"... Мы купим тебе новую игрушку.

- Не слишком ли много допущений, Де Вашер? - раздался голос Лока. - Мы предполагаем, что в тех документах, которые уже у них, нет ничего опасного. Четыре дня назад ты считал, что Макдир снял копии с кое-каких секретных папок Эйвери. Это не дает им...

- Эти папки внимательно изучили в Чикаго. Да, там полно весьма серьезной информации, но ее все же мало для того, чтобы уже сейчас ФБР предприняло какие-либо шаги. Они не смогут предъявить обвинений. Вы все хорошо знаете, что самые взрывоопасные бумаги хранятся на острове. Ну и, конечно, в подвале. В подвал проникнуть невозможно. Мы проверили также документы в кладовой комнате бунгало. Там, похоже, все в порядке.

Но Лока это не удовлетворило.

- Тогда откуда же взялись эти десять тысяч?

- Ты исходишь из того, что они у него есть. Я же в этом сомневаюсь. Не забывайте, прежде чем свалить, ему ведь нужно будет забрать свой второй миллион. Скорее всего, он им лжет и шныряет везде в поисках дополнительных бумаг. Если бы у него уже были десять тысяч листов наших документов, то что могло помешать ему передать их фэбээровцам?

- Чего же в таком случае нам бояться? - задал вопрос Ламберт.

- Бояться следует неизвестности, Олли. Мы же не знаем наверняка, чем он еще, кроме своего миллиона, располагает. Не такой уж он простак, мог и наткнуться на что-нибудь за то время, что был предоставлен самому себе. Ничего подобного мы не можем допустить впредь. Лазарев, видите ли, сказал, цитирую: "Чтоб задницу его разнесло в воздухе". Конец цитаты, кавычки закрыть.

- Каким образом новичку удалось найти и скопировать такое количество наших секретных документов? - напрямик спросил Крюгер, оглядываясь по сторонам в поисках поддержки. Кое-кто из сидевших за столом угрюмо кивнул ему.

- Для чего сюда приезжать Лазареву? - с совершенно искренним недоумением задал вопрос Данбар, занимавшийся проблемами недвижимого имущества.

- Глупый вопрос, - выпалил в ответ Де Вашер, посмотрев на Данбара, как на идиота. - Во-первых, нам нужно позаботиться о Макдире и убедиться в том, что нанесенный им ущерб минимален. После этого придется как следует взвесить всю деятельность фирмы и внести в нее, если потребуется, необходимые изменения.

Лок поднялся и посмотрел на Ламберта.

- Проследи за тем, чтобы Макдир оказался на борту.

Тарранс, Эклин и Лэйни сидели в напряженной тишине и слушали раздававшийся из динамика голос.

Это был Войлс, сообщавший им из Вашингтона о том, что произошло. Директор ФБР собирался в течение часа вылететь в Мемфис. Голос его почти дрожал от отчаяния.

- Ты должен предупредить его, Тарранс. И побыстрее. Коццо не знает, что нам стало известно о Терри Россе, однако Росс сказал ему, что Макдир вот-вот передаст нам все материалы. Они могут расправиться с ним в любой момент. Тебе нужно будет разыскать его во что бы то ни стало. Понял? Ты знаешь, где он сейчас?

- У себя в офисе.

- Отлично. Доставь его ко мне. Я буду у вас через два часа, я хочу говорить с ним.

Всего!

Тарранс подвинул к себе телефон, набрал номер.

- Куда ты звонишь? - спросил его Эклин.

- В фирму "Бендини, Ламберт энд Лоу". В юридическую фирму.

- Ты сошел с ума, Уэйн?

- Твое дело - слушать.

Ему ответила телефонистка фирмы.

- Соедините меня, пожалуйста, с Митчелом Макдиром, - попросил он.

- Одну минутку. - Затем в трубке раздался голос секретарши: - Кабинет мистера Макдира.

- Могу я говорить с мистером Макдиром?

- Очень сожалею, сэр. Он на совещании.

- Послушайте, милая девушка, с вами говорит судья Генри Хьюго. Ваш босс должен был быть у меня ровно пятнадцать минут назад. Уже все собрались и ждут только его. Дело весьма срочное.

- Но в его календаре на сегодняшнее утро нет никаких пометок.

- Это вы договариваетесь о его деловых встречах?

- Да, я, сэр.

- Тогда это ваша вина. А теперь позовите его к телефону.

Нина бросилась в кабинет Митча.

- Митч, на проводе судья Хьюго. Говорит, что сейчас вы должны быть в здании суда.

Поговорите с ним сами.

Митч вскочил, резким движением снял телефонную трубку. Лицо его сделалось бледным.

- Слушаю вас.

- Мистер Макдир, - донесся до него голос Тарранса, - это говорит судья Хьюго. Вы опаздываете в суд. Жду вас у себя.

- Да, судья. - Митч на ходу уже схватил пиджак и чемоданчик, бросил хмурый взгляд на Нину.

- Прошу меня извинить, у вас в календаре ничего не было.

Митч пробежал по коридору, вниз по лестнице, промчался мимо сидевшей в вестибюле секретарши и вылетел на улицу. Что было духу он бежал по Фронт-стрит в направлении к "Хлопковой бирже". Нырнув в ее вестибюль, он выскочил через боковую дверь и бросился в сторону торгового района города.

Может, где-нибудь вид молодого человека в пиджаке с чемоданчиком под мышкой, со всех ног несущегося вдоль по улице, и не привлек бы к себе взглядов прохожих, но не в Мемфисе. Люди обращали на него внимание.

Он остановился позади киоска, торговавшего фруктами, и перевел дыхание. Огляделся, но не увидел позади себя ни одной бегущей фигуры. Купил яблоко, съел. Если дело до этого дойдет, подумал он, хорошо бы, чтобы за мной припустил Тони-Две-Тонны.

Он никогда не был высокого мнения об Уэйне Таррансе. Вспомнить только провал с обувным магазинчиком или набитый народом ресторан на Кайманах. Его записная книжка с информацией о клане Моролто нагнала бы тоску и на бойскаута. Но вот его идея кода на крайний случай - сигнала типа "не-задавай-вопросов-а-беги-со-всех-ног" - оказалась действительно блестящей мыслью. Вот уже целый месяц Митч знал, что если раздастся звонок от судьи Хьюго, то это может значить лишь одно: пора бежать, сметая все на своем пути. Видимо, случилось худшее и люди с пятого этажа уже вышли на свою охоту. "Где Эбби?" - мелькнула мысль.

Вдоль по Юнион неторопливо парами куда-то шагали пешеходы. Митчу требовались заполненные людьми тротуары, но рядом никого не было. Он вытянул голову, рассматривая угол Юнион и Фронт-стрит, но так и не заметил ничего подозрительного. Пройдя еще пару кварталов, он небрежной походкой вошел в вестибюль "Пибоди" и осмотрелся в поисках телефона. Телефон он заметил на стене антресолей, охватывающих вестибюль, в нешироком проходе, ведущем к мужскому туалету. Прыгая через несколько ступенек, он устремился вверх по лестнице, мигом набрал номер мемфисского отделения ФБР.

- Уэйна Тарранса, пожалуйста. Весьма срочно. Это Митч Макдир!

Тарранс взял трубку через какие-то секунды.

- Митч, где ты находишься?

- Ладно, Тарранс, что у вас там происходит?

- Где ты?

- В здании фирмы меня уже нет, судья. Пока я в безопасности. Что случилось?

- Митч, тебе необходимо прийти к нам.

- Такой глупости я не совершу, Тарранс. Во всяком случае, пока ты не объяснишь мне всего.

- Ну, мы, э-э... У нас кое-какие осложнения. Произошла, так сказать, небольшая утечка информации. Тебе нужно...

- Утечка? Ты сказал "утечка", Тарранс? Но маленьких утечек информации не бывает. Говори же быстрее, Тарранс, говори, прежде чем я повешу трубку и исчезну. Вы же определяете сейчас, откуда я звоню, не так ли? Я кладу трубку.

- Нет! Слушай, Митч. Они знают. Знают о том, что мы встречались и беседовали, знают о деньгах и папках.

Последовала долгая пауза.

- И это ты называешь небольшой утечкой, Тарранс. Да это похоже на прорыв плотины. Расскажи же мне побыстрее об этой утечке.

- Видит Бог, мне это нелегко. Я хочу, чтобы ты знал, Митч, как мне трудно это сделать. Войлс просто в отчаянии. Информацию продал им один из наших самых высокопоставленных сотрудников. Его поймали сегодня утром с поличным в одном из отелей Вашингтона. За то, что он рассказал им о тебе, ему заплатили двести тысяч. Мы все потрясены.

- Господи, как я тронут! Как я переживаю из-за вашего потрясения, Тарранс! Поэтому ты и хочешь, чтобы я прибежал в ваш офис: мы усядемся рядышком и станем утешать друг друга, да?

- К полудню здесь будет Войлс, Митч. Он уже вылетел сюда со своими ближайшими помощниками. Он хочет встретиться с тобой, Митч. Мы вытащим тебя из города.

- Ну конечно же. Вы ждете, что я брошусь в ваши объятия в поисках защиты. Ты - тупица, Тарранс. И твой Войлс тоже идиот. Все вы там идиоты. Я сам был дураком, когда поверил вам. Вы уже проследили, откуда я звоню?

- Нет!

- Ты лжешь. Я вешаю трубку, Тарранс. Сиди спокойно, и через полчаса я перезвоню тебе с другого телефона.

- Нет! Митч, послушай, если ты не придешь к нам, можешь считать себя мертвецом.
- Всего доброго, Уэйн. Жди у аппарата. Митч повесил трубку на рычаг и осмотрелся. Подошел к мраморной колонне и обвел глазами пространство вестибюля внизу. В фонтане резвились маленькие утки-мандаринки. У стойки бара - ни души. Только за столиком сидела компания богатых старух, они пили свой чай и сплетничали. Одиноким постоялец ждал у окошка регистратуры.

Внезапно из-за растения в кадке выступил Скандинав, не сводя с Митча своего взгляда.

- Вон он! - прокричал Скандинав своему помощнику.

Оба они уставились на Митча, а потом глаза их сместились, изучая ступени лестницы, возле которой он стоял. Бармен тоже поднял на него свой взор, затем перевел его на Скандинава и его спутника. Сохраняя достоинство, к ним повернулись и старухи, оставив на время свои сплетни.

- Вызовите полицию! - прокричал Митч, прыгая назад, к стене. Оба мужчины бросились через вестибюль к лестнице. Несколько мгновений Митч стоял, выжидая, затем опять же прыжком оказался рядом с невысокими перилами, шедшими вдоль антресолей. Бармен так и не шелохнулся, пожилые леди застыли в немом изумлении.

До слуха его донесся шум с лестницы. Митч перебрался через перила чемоданчик, затем перелез через них сам и прыгнул с высоты в двадцать футов на покрытый ковром пол вестибюля. Приземлился он довольно тяжело, но не упал, только боль пронзила его от пяток до макушки. В поврежденном еще в студенческие годы колене что-то хрустнуло, но Митч все же устоял на ногах.

Позади него почти вплотную к лифтам находился крошечный галантерейный магазинчик, чуть ли не киоск, витрины которого были заполнены галстуками и дорогой французской парфюмерией. Митч стремительно вошел внутрь. За прилавком он увидел юношу лет девятнадцати, почти подростка, скучавшего в ожидании посетителей. Но посетителей не было. Наружная дверь выводила из магазинчика прямо на Юнион.

- Она закрыта? - спокойным голосом спросил Митч, кивая на дверь.

- Да, сэр.

- Хочешь заработать тысячу наличными? Ничего противозаконного. - Митч мигом отсчитал десять стодолларовых банкнот и положил их на прилавок.

- М-м, конечно, еще бы.

- И ничего противозаконного, - повторил Митч. - Клянусь. Мне ни к чему впутывать тебя в неприятности. Открой эту дверь и, когда сюда секунд через двадцать вбегут двое мужчин, скажи им, что я выскочил отсюда на улицу и сел в стоящее рядом такси.

Паренек лучезарно улыбнулся и сгреб деньги.

- Само собой. Запросто.

- Есть здесь какая-нибудь примерочная?

- Да, сэр. Вон там, рядом со шкафом.

- Не забудь открыть дверь. - Митч втиснулся в примерочную кабинку, присел, растирая колени и лодыжки.

Юный торговец подравнивал галстуки на витрине, когда Скандинав и его подручный ворвались в тесное помещенье.

- Доброе утро, джентльмены, - бодрим голосом приветствовал их молодой человек.

- Ты не видел мужчину среднего роста, в сером костюме и красном галстуке? Он не пробежал здесь?

- Да, сэр, он только что выбежал от меня вон через ту дверь и вскочил в проходившее мимо такси.

- Такси! Черт побери!

Дверь на улицу раскрылась и тут же закрылась, в магазинчике стало тихо. Продавец подошел к прилавку с обувью, позади которого была примерочная.

- Они ушли, сэр.

Митч продолжал растирать колени.

- Отлично. Подойди к двери и посмотри за улицей пару минут. Скажи мне, если где-нибудь их заметишь. Через пару минут тот вернулся.

- Они действительно ушли, сэр.

- Хорошо. - Не поднимаясь с места, Митч улыбнулся. - Мне понадобится вон та светло-зеленая спортивная куртка, сорок восьмого размера, и пара белых мокасин из оленьей кожи. Будь добр, принеси все сюда. И между делом посматривай за улицей.

- Не беспокойтесь, сэр.

Он быстро подобрал необходимую одежду и обувь, подсунул их под дверь. Митч сорвал с себя галстук и в мгновение ока переоделся.

- Сколько я тебе должен? - прокричал он из-за двери.

- Ну, нужно подсчитать. Как насчет пяти сотен?

- Договорились. Вызови такси и дай мне знать, когда оно подойдет.

Тарранс прошагал мили три вокруг своего письменного стола. Звонок Митча, естественно, отследили: оказывается, он разговаривал из "Пибоди", но Лэйни подъехал слишком поздно. Теперь он сидел рядом с Эклином и нервничал, видимо, так, за компанию. Минут через сорок после первого звонка Тарранс услышал по интеркому голос своей секретарши:

- Мистер Тарранс, Макдир! Тарранс схватил трубку.

- Где ты?

- В городе. Но ненадолго.

- Опомнись, Митч, в одиночку ты и двух дней не протянешь. К ним понаехала такая куча головорезов, что хватит, чтобы начать настоящую войну. Ты должен разрешить нам помочь тебе.

- Не знаю, Тарранс. По какой-то мне самому непонятной причине я не верю теперь вашим людям. Не знаю почему. Просто у меня такое чувство.

- Прошу тебя, Митч, не соверши ошибки.

- Как я понимаю, вы хотите, чтобы я поверил тому, что вы сможете меня защитить на всю мою оставшуюся жизнь? Комичная складывается ситуация, Тарранс: я заключил сделку с ФБР, после чего меня едва не пристрелили в собственном кабинете. Вот это защита!

Тарранс жарко задышал в трубку. Оба молчали.

- А как же документы? Мы же заплатили тебе за них миллион.

- Ты блефуешь, Тарранс. Миллион вы заплатили мне за совершенно чистые дела. Вы получили их, я получил миллион. Само собой, это всего лишь часть сделки. Такая же часть, как и моя защита.

- Передай нам эти чертовы папки, Митч. Они ведь спрятаны где-то неподалеку от нас, ты сам мне это говорил. Смывайся, если так хочешь, но оставь нам дела!

- Так не пойдет, Тарранс. Сейчас я могу исчезнуть, и люди Моролто либо увяжутся за мной, либо нет. Если у вас не будет дел, значит, вам не с чем будет идти в суд. Если против клана не выдвинут никаких обвинений, то тогда, если мне сильно повезет, в один прекрасный день обо мне просто забудут. Получится так, что я сильно напугал их всех, но реального вреда не нанес. Они, черт возьми, может, даже снова возьмут меня к себе на работу.

- Ты и сам в это не веришь. Они будут преследовать тебя до тех пор, пока не загонят в угол. А если мы не получим документы, то в погоню придется включиться и нам. Все это очень просто, Митч.

- В таком случае я бы поставил все свои денежки на Моролто. Если вы доберетесь до меня первыми, произойдет утечка. Небольшая утечка.

- Ты, должно быть, рехнулся, Митч. Если ты решил, что можешь прихватить с собой свой миллион и раствориться в закате, то ты явно сошел с ума. Да они посадят наемных убийц на верблюдов и прочешут пустыню, но найдут тебя. Не делай этого, Митч.

- Всех благ, Уэйн. Привет тебе от Рэя. Голос в трубке смолк. Тарранс схватил аппарат и с размаху запустил им в стену.

Митч взглянул на часы, висевшие на стене аэропорта. Набрал еще один номер. К телефону подошла Тэмми.

- Здравствуй, милочка, прости, что разбудил.

- Не переживай, на этом диване не очень-то поспишь. В чем дело?

- Крупные неприятности. Возьми карандаш и слушай меня внимательно. У меня нет ни

одной лишней секунды. Я в бегах, и мне наступают на пятки.

- Говори, я готова.

- Прежде всего позвони Эбби - она у своих родителей. Скажи ей, чтобы бросала все и убиралась прочь из города. У нее нет времени на то, чтобы обмениваться с мамочкой прощальными поцелуями или паковать вещи. Скажи ей, чтобы она сразу, после того как положит трубку, садилась за руль и мчалась как можно дальше от города. И пусть не оглядывается назад. Скажешь, чтобы она поехала по автостраде шестьдесят четыре в Хантингтон, это в Западной Вирджинии. Она найдет там аэропорт. Долетит из Хантингтона до Мобайла. В Мобайле возьмет напрокат машину и поедет по автостраде десять на восток, в сторону берега Мексиканского залива, а потом, по автостраде сто восемьдесят два, до Пердидо Бич. В местном "Хилтоне" она остановится под именем Рэкел Джеймс. И будет ждать. Записала?

- Записала.

- Второе. Мне нужно, чтобы ты села в самолет и вылетела в Мемфис. Я звонил Доку, паспорта и прочее еще не готовы. Я обругал его, но пользы от этого никакой. Он обещал мне проработать всю ночь и к утру закончить. Меня здесь утром не будет, но будешь ты. Заберешь документы.

- Слушаюсь, сэр.

- Третье. Сядешь в самолет и прилетишь назад, в Нэшвилл. Вернешься в квартиру и сядешь дежурить около телефона. Ни при каких условиях не отходи от телефона.

- Поняла и записала.

- Четвертое. Позвони Эбанксу.

- О'кей. Каковы ваши планы?

- Я буду в Нэшвилле, только не знаю точно когда. Мне уже пора. Слушай, Тэмми, скажи Эбби, что через час ровно она уже может лежать мертвой, если не поторопится унести ноги из города. Пусть смывается, пусть летит!

- О'кей, босс.

Быстрым шагом Митч подошел к стойке номер двадцать два и через несколько минут поднялся на борт самолета авиакомпании "Дельта", вылетавшего в десять ноль четыре на Цинциннати. В руках у него был журнал, между страниц которого лежали купленные на кредитную карточку билеты в один конец. В Тулсу, на рейс 233, вылетавший в десять четырнадцать; приобретен на имя Митчела Макдира. В Чикаго, на рейс 861, вылетающий в десять пятнадцать, на имя Митчела Макдира. В Даллас, на рейс 562, вылетающий в десять тридцать, на имя Митчела Макдира; в Атланту, на рейс 790, вылетающий в одиннадцать десять, на имя Митчела Макдира.

Билет до Цинциннати он купил за наличные, представившись кассирше как Сэм Форчун.

Лазарев вошел в кабинет на четвертом этаже, и в знак почтения головы присутствующих отвесили глубокий поклон. Де Вашер стоял перед ним, как напуганный ребенок, которого уже выпороли. Партнеры внимательно изучали шнурки собственных ботинок, в животах у некоторых урчало от страха.

- Мы не можем его найти, - сказал Де Вашер. Лазарев был не тем человеком, чтобы повышать голос или ругаться. Он весьма гордился тем, что при любых обстоятельствах сохранял полную невозмутимость.

- Ты хочешь сказать, что он просто поднялся и вышел отсюда? - с холодным интересом спросил он.

Ответа не последовало. Да и кому нужен был этот ответ?

- Хорошо, Де Вашер. Вот тебе план действий. Всех своих людей пошли в аэропорт. Проверяйте каждую компанию, все рейсы. Где его машина?

- На стоянке.

- Отлично, значит, он ушел отсюда пешком. Из вашей маленькой крепости он ушел пешком. Джою это очень понравится. Проверьте все компании, сдающие машины напрокат. Так, сколько у нас тут почтеннейших партнеров?

- Присутствуют шестнадцать.

- Раздели их на пары и пошли каждую в аэропорты Майами, Нью-Орлеана, Хьюстона, Атланты, Чикаго, Лос-Анджелеса, Сан-Франциско и Нью-Йорка. Обшарьте залы ожидания.

Поселитесь в этих аэропортах. Ешьте в них, спите в них. Не спускайте глаз с пассажиров, вылетающих международными рейсами. Подмогу вам пошлем завтра. Вы, достопочтенные господа, знаете его, так будьте добры отыскать. Предприятие это довольно рискованное, но что, с другой стороны, мы теряем? Вам, господа адвокаты, нужно чем-то заняться. Мне очень не хочется огорчать вас, джентльмены, однако вынужден предупредить вас, что потерянное в поисках время вам никто не оплатит. Так, ну а где же его жена?

- В Дэйнсборо, штат Кентукки. У своих родителей.
- Поезжайте туда. Женщину не обижать, только доставить сюда.
- Приступить к уничтожению документов? - спросил Де Вашер.
- Подождем двадцать четыре часа. Пошлите человека на Большой Кайман, чтобы уничтожить там все архивы. Ну, поторапливайся же, Де Вашер.

Кабинет опустел.

Войлс вразвалку расхаживал вокруг стола Тарранса и отрывистым лающим голосом отдавал приказания. Каждую его команду за ним записывали не меньше десятка молодых лейтенантов.

- Перекройте аэропорт. Проверять каждый рейс. Поставить в известность наши отделения в каждом крупном городе. Свяжитесь с таможней. У нас есть его фотографии?
- Не можем найти ни одной, сэр.
- Найдите, и найдите поскорее. К вечеру снимки должны быть в каждом отделении ФБР и у таможенников. Убежал! Сукин он сын!

35

Автобус выехал из Бирмингема почти в два часа пополудни. Это была среда. Рэй сидел на заднем сиденье и внимательным взглядом изучал каждого входившего в салон. Выглядел он по-спортивно. На такси он подъехал к торговому центру и за тридцать минут купил новые джинсы “Ливайс”, клетчатую рубашку с коротким рукавом и кроссовки “Рибок” - белые с красным. За это же время он успел съесть пиццу и подстричься: волосы его стали короткими, как у морского пехотинца. Глаза он скрыл за огромными солнцезащитными очками, а в придачу ко всему натянул на голову бейсболку.

Рядом с ним уселась какая-то темнокожая леди, коротенькая и невероятно толстая. Он улыбнулся ей.

- Откуда вы? - спросил он ее по-испански. Ее лицо расплылось от удовольствия, широкая улыбка открыла взору остатки зубов.
- Из Мехико, - с гордостью ответила женщина. - А вы говорите по-испански? - живо поинтересовалась в свою очередь она.
- Да.

Все два часа, пока автобус добирался до Монтгомери, они проболтали по-испански. Время от времени ей приходилось повторять фразы, но Рэй сам удивлялся себе. Он уже восемь лет не занимался испанским, и, конечно, язык подзабылся.

Позади автобуса по дороге катил “додж”, в котором сидели два агента ФБР, Дженкинс и Джоунз.

Дженкинс был за рулем; Джоунз спал. Задание превратилось в совершеннейшую тоску через десять минут после того, как они вслед за автобусом выехали из Ноксвила. Обычное наблюдение, было сказано им. Если и потеряете его, ничего страшного. Но лучше не терять.

До рейса Хантингтон - Атланта было еще два часа, и Эбби уселась в уединенном уголке темного бара, просто поглядывая по сторонам. На стуле рядом с ней лежала ее дорожная сумка. Вопреки данным ей инструкциям она все-таки уложила в сумку туалетные принадлежности, косметичку, кое-что из одежды. Она даже решила написать записку родителям: ей совершенно необходимо вернуться в Мемфис, она должна увидеть Митча, с ней все в порядке, не стоит беспокоиться, обнимаю, целую, люблю, Эбби. Не обращая внимания на чашку с кофе, она смотрела, как приземляются и взмывают в воздух самолеты.

В данный момент Эбби не знала даже, жив ли еще ее муж или уже нет. Тэмми сказала, что он был очень напуган, но все же полностью владел собой. Как всегда. Она сказала еще, что он собирается лететь в Нэшвилл, а она сама, Тэмми, вылетит в Мемфис. Все это несколько сбивало с толку, однако Эбби была уверена в том, что он знал, что делает. Значит, ей нужно было добраться до Пердидо Бич и ждать.

Никогда ранее Эбби не приходилось слышать о месте с таким названием. И она твердо знала, что Митч тоже ни разу в жизни там не был.

Атмосфера в баре начинала действовать на нервы. С удручающей регулярностью каждые десять минут к ней подходил какой-нибудь подвыпивший бизнесмен, предлагая скрасить скуку ожидания в его компании. Эбби предложила убраться уже по меньшей мере десятку мужчин.

Через два часа объявили посадку. Эбби уселась в кресло у прохода. Застегнув ремень безопасности, расслабленно обмякла. И тут же увидела ее.

Это была ослепительная блондинка с высокими скулами и волевым подбородком, который выглядел почти мужским; тем не менее, женщина была весьма привлекательна. Ее выразительное лицо Эбби уже встречала где-то. Даже глаза ее были тогда так же прикрыты, как и сейчас. Блондинка скользнула по Эбби взглядом и прошла мимо, чтобы занять свое место.

Бар “Кораблекрушение”! В баре тоже сидела блондинка. Она еще все пыталась подслушать разговор с Эбанксом. Значит, они-таки нашли ее! И уж если они нашли ее, то где сейчас мог быть ее муж? Что они с ним сделали? Ей пришла на память дорога от Дэйнсборо до Хантингтона: два часа по горному серпантину, а ведь она неслась как сумасшедшая! Нет, они не могли ее выследить.

Двигатели взвыли, самолет начал свой разбег. Через несколько минут он взял курс на Атланту.

Второй раз за последние три недели с борта “Боинг-га-727” Эбби смотрела на то, как сумерки падают на Атланту. Но любовалась этим зрелищем не она одна. Через полчаса они обе были уже на земле и опять-таки обе отправились в Мобайл.

Из Цинциннати Митч вылетел в Нэшвилл. Самолет приземлился в среду в шесть вечера, банки к этому времени уже давно были закрыты. В телефонной книге он разыскал адрес фирмы, сдававшей напрокат небольшие грузовички, и тут же махнул рукой, останавливая такси.

Он арендовал самый маленький. Расплатился наличными и тем не менее был вынужден предъявить свое водительское удостоверение и оставить в залог кредитную карточку. Если Де Вашеру удастся проследить его до этой небольшой конторы в Нэшвилле, что ж, значит, это сама судьба.

Митч купил двадцать картонных упаковочных ящиков и отправился на квартиру.

Он ничего не ел целые сутки, но тут ему просто повезло: Тэмми оставила в кухоньке пакет воздушной кукурузы и две банки с пивом. Все это Митч уничтожил в мгновение ока. В восемь вечера он первый раз набрал номер “Хилтона” в Пердидо Бич, спросил о Ли Стивенсе. Еще не прибыл, ответили ему. Тогда он растянулся прямо на полу и начал думать о тысяче разных вещей, которые могли произойти с Эбби. Может, она в этот момент лежит мертвая в Кентукки, а он ничего не знает. Даже позвонить не может.

Диван-кровать стоял разложенным, на пол свисали дешевые простыни - домохозяйка из Тэмми была неважная. Митч посмотрел на это неудобное временное ложе и опять вспомнил жену: всего пять Дет назад они изнуряли себя любовью на чем угодно. Остается только надеяться, что она сейчас на борту самолета. Одна.

Он прошелся по квартире. Сел на нераспечатанную коробку с надписью “Сони”, полюбовался кучей коробок с документами. На ковре Тэмми выстроила две башни из бумаг - одна содержала в себе сведения о кайманских банках, другая - о кайманских же компаниях. На вершине каждой башни лежало по блокноту, где были перечислены названия, указаны номера страниц, абзацы. И - имена!

Даже Тарранс теперь смог бы довести всю операцию до конца. Тут будет чем поживиться Большому жури. Генеральный прокурор созовет пресс-конференцию. А суды будут предъявлять обвинение за обвинением, обвинение за обвинением.

Специальный агент ФБР Дженкинс зевнул в телефонную трубку и набрал номер мемфисского отделения. Он не смыкал глаз ровно двадцать четыре часа. Джоунз храпел в кабине машины.

- ФБР, - ответил ему мужской голос.

- С кем я говорю? - спросил Дженкинс. Проверить все-таки не помешает.

- Это Эклин.

- Привет, Рик. Дженкинс. Мы...

- Дженкинс? Где вы пропадали? Не бросай трубку! Дженкинсу удалось справиться с зевотой, он окинул быстрым взглядом автобусную станцию. В прижатой к уху трубке послышался злой и раздраженный голос.

- Дженкинс! Где вы находитесь? - Это был Уэйн Тарранс.

- На автобусной станции в Мобайле. Мы потеряли его.

- Что вы?.. Да как вы могли?.. С Дженкинса слетела последняя дремота, он быстро заговорил в трубку:

- Минутку, Уэйн. Нам были даны указания следовать за ним в течение восьми часов, чтобы выяснить, куда он направится. Ты сам назвал это рутинной.

- Я не могу поверить в то, что вы его потеряли.

- Уэйн, нам ни слова не было сказано о том, что мы должны ни на шаг не отходить от него до конца жизни. Всего восемь часов, Тарранс. Мы же не слезали с его хвоста целых двадцать часов. Но он ушел. Что же в этом такого?

- Почему вы не звонили до этого?

- Пытались дважды. Из Бирмингема и Монтгомери. Оба раза ваш номер был занят. Что происходит, Уэйн?

- Подождите минуту.

Дженкинс в ожидании переложил трубку в другую руку. Голос, который он услышал, принадлежал уже другому человеку.

- Алло, Дженкинс?

- Да.

- Это директор ФБР Войлс. Что, черт побери, случилось?

У Дженкинса перехватило дыхание, глаза стали бешеными.

- Сэр, мы потеряли его. Мы следовали за ним двадцать часов, и, когда он вышел из автобуса здесь, в Мобайле, мы потеряли его в толпе.

- Замечательно, сынок. Давно это было?

- Двадцать минут назад.

- Отлично. Слушай меня. Нам абсолютно необходимо разыскать его. Его братец исчез вместе с нашими деньгами. Свяжись там с нашим местным отделением, скажи им, кто ты такой, и скажи еще, что у них в городе находится убийца, совершивший побег из тюрьмы. Пусть расклеят его фотографии, если у них есть, вместе с его именем по всем стенам. Его мать проживает на пляже Панама-сити, так что предупредите каждого нашего на всем протяжении от Мобайла до Панама-сити. Я высылаю туда наши подразделения.

- О'кей. Мне очень жаль, сэр, но нам не приказывали следить за ним целую вечность.

- Это мы обсудим позже.

В десять Митч позвонил в Пердидо Бич во второй раз. Справился о Рэке Джэймс. Еще не прибыла, ответили ему. А мистер Ли Стивенс? Минуточку, ответила телефонистка. Митч опустил на пол, вслушиваясь в долгие гудки. После десятого трубку наконец сняли.

- Да? - голос прозвучал отрывисто.

- Ли? - спросил Митч.

- Да-а, - после паузы последовал ответ.

- Это Митч. Поздравляю.

Рэй упал на кровать, закрыл глаза.

- Это оказалось так просто, Митч. Как тебе удалось?

- Расскажу, когда будет время. Сейчас же за мной гонится бешеная свора, чтобы убить меня. И Эбби тоже. Нам приходится бежать.

- Кто эти люди, Митч?
- Потребуется часов десять, чтобы рассказать тебе первую главу. Давай 66 этом попозже. Запиши номер 615-889-4380 begin_of_the_skype_highlighting 615-889-4380 end_of_the_skype_highlighting.
- Это не в Мемфисе.
- Нет, это Нэшвилл. Я сижу в квартире, которая представляет собой нечто вроде командного пункта. Запомни этот номер. Если меня здесь не будет, к телефону подойдет женщина по имени Тэмми.
- Тэмми?
- Это тоже долгая история. Просто делай, как я говорю. Сегодня вечером должна подъехать и Эбби, она регистрируется под именем Рэжел Джеймс. У нее будет взятый напрокат автомобиль.
- Она приедет сюда!
- Слушай, слушай, Рэй. Нас преследуют настоящие каннибалы, но пока мы на шаг опережаем их.
- Кого “их”?
- Мафию. И ФБР.
- Это все?
- Наверное. Теперь слушай меня. Есть некоторая вероятность того, что у Эбби будет “хвост”. Тебе нужно будет найти ее, понаблюдать за ней и увериться на все сто, что вместе с ней никто не пришел.
- А если кто-то...
- Ты позвонишь мне, мы договоримся.
- Я понял тебя.
- Не подходи к телефону, разве что только позвонить сюда. Долго говорить мы не можем.
- Но у меня куча вопросов, братишка.
- Я отвечу тебе на них, но не сейчас. Позаботься о моей жене и позвони, как только она доберется до тебя.
- Обязательно. И - спасибо тебе, Митч.
- Всего!

Через час Эбби свернула с автострады сто восемьдесят два на петляющую подъездную дорожку, ведущую к “Хилтону”. Она оставила свой четырехдверный “форд”-седан с номерными знаками штата Алабама на стоянке и торопливым шагом направилась к входным дверям. На мгновение остановившись, оглянулась, бросила взгляд на дорожку и вошла внутрь.

Двумя минутами позже неподалеку от входа в отель, рядом с микроавтобусом, остановился желтого цвета автомобиль, прибывший из Мобайла. Рэй не сводил с него глаз. Женщина на заднем сиденье подалась вперед, к мужчине, сидевшему за рулем. Они о чем-то говорили. Прошла еще минута. Она вытащила из кошелька деньги, расплатилась. Выбравшись из машины, женщина дождалась, пока та отъедет. Первое, на что Рэй обратил внимание, был цвет ее волос. Блондинка. С отличной фигурой; высокие стройные ноги плотно обтянуты черными брюками из вельвета. И в темных солнцезащитных очках, что показалось Рэю довольно странным - это в полночь-то? Настороженно оглядываясь, блондинка подошла к дверям, постояла возле них несколько секунд и вошла. Неспешной походкой Рэй отправился вслед за ней.

Блондинка приблизилась к сидящему в полном одиночестве за стойкой клерку.

- Мне нужен номер, - донеслось до Рэя.

Клерк подал женщине регистрационную карточку. Та вписала в нее свое имя.

- Простите, - обратилась она к клерку, - как имя той дамы, что поселилась только что? По-моему, она моя старая знакомая.

Тот прошелестел карточками.

- Рэжел Джеймс.

- Да, это именно она. Откуда она приехала?

- Она оставила адрес в Мемфисе.

- А в каком она номере? Я хотела бы зайти к ней.

- Такую справку я дать не могу. Блондинка вытащила из сумочки две двадцатидолларовые бумажки и положила их перед клерком.

- Мне просто хочется повидать ее перед тем, как она ляжет.

Он взял деньги.

- Комната 622.

За свой номер блондинка расплатилась наличными.

- Где у вас тут телефон?

- Вон там, за углом.

Рэй метнулся за угол и обнаружил на стене четыре телефона-автомата. Схватив трубку аппарата, что был вторым слева, он начал наговаривать что-то в микрофон. Блондинка подошла к самому крайнему телефону.

Повернулась к Рэю спиной. До его слуха доносились только обрывки ее речи.

- ...поселилась в... комната номер шестьсот двадцать два... Мобайл... кое-какой помощи... не смогу... час?... да... поторопись...

Она повесила трубку, и Рэй повысил голос, обращаясь к несуществующему собеседнику.

Через десять минут в дверь ее номера постучали. Блондинка вскочила с постели, схватила кольт сорок пятого калибра и сунула его за пояс, под выпущенную поверх брюк рубашку. Не накидывая даже цепочки, рванула дверь на себя.

От одновременного удара с той стороны дверь грохнула в стену, едва не развалившись на части. Рэй навалился на блондинку, вырвал из ее рук оружие, швырнул ее на пол. Уперев дуло колта ей в ухо, негромко произнес:

- Убью, если издашь хоть звук.

Она прекратила сопротивляться и прикрыла глаза.

- Кто ты такая? - Ответа не последовало, и Рэй ткнул ее стволом пистолета, но без всякого результата.

- Ни звука, ни движения? Ну-ну! Я с удовольствием отстрелил бы твою башку.

Он уселся ей на спину, позволив себе немного расслабиться, подхватил с полу ее сумочку. Высыпав содержимое, обнаружил пару чистых белых носков.

- Открой рот, - потребовал он.

Она не пошевелилась. Рэй пощекотал стволом у нее за ухом, после чего блондинка медленно раскрыла рот. Рэй тут же запихал в него ее собственные носки, а потом затянул ей глаза и рот свернутой в жгут шелковой ночной рубашкой. Руки и ноги связал чулками, а потом, для верности, и разодранными на полосы простынями. За все это время женщина ни разу не пошевелилась. Когда Рэй закончил, блондинка стала похожей на спеленутую мумию. Он запихал ее под кровать.

В кошельке Рэй обнаружил шестьсот долларов наличными и выданное в Иллинойсе водительское удостоверение. Миссис Карен Айдер из Чикаго. Дата рождения: 4 марта 1962 года. Документы и оружие он забрал с собой.

Телефонный звонок раздался в час ночи, но Митч не спал. Он сидел за столом, почти скрытый под грудой банковских отчетов. Восхитительных отчетов, полных в высшей степени криминальной информации.

- Алло? - осторожно сказал он.

- Это командный пункт? - Говоривший явно стоял рядом с автоматическим проигрывателем.

- Где ты находишься, Рэй?

- В притоне под названием бар "Флорибамма". Прямо на границе штата.

- Где Эбби?

- В машине. С ней все в порядке.

Митч вздохнул с облегчением, улыбнулся в трубку.

- Нам пришлось убираться из отеля, - продолжал Рэй. - За Эбби следила женщина, та самая, которую вы видели в каком-то барсе на Кайманах. Эбби сама тебе все объяснит. Женщина шла за ней по пятам весь день и объявилась под конец в "Хилтоне". Я пообщался с ней, и мы тут же унесли ноги.

- Пообщался с ней?
- Да, она оказалась не очень-то разговорчивой, но на некоторое время я убрал ее с нашего пути.
- А что Эбби?
- С ней все нормально. Мы оба чертовски вымотаны. Что ты конкретно собираешься делать?
- Вы находитесь примерно в трех часах езды от Панама-сити. Я знаю, что вы устали, но вам нужно как можно быстрее убираться оттуда. Езжайте в Панама-сити, избавьтесь там от машины и снимите два номера в “Холидэй Инн”. Позвоните мне из гостиницы, когда все сделаете.
- Надеюсь, ты отдаешь себе отчет в том, что делаешь.
- Верь мне, Рэй.
- Я верю, но сейчас мне почему-то кажется, что в тюрьме мне было спокойнее.
- Обратной дороги для тебя не существует, Рэй. Или мы все исчезнем, или будем мертвы.

36

Такси остановилось перед красным огнем светофора в центре Нэшвилла, и Митч выбрался из Него, с трудом двигая негнущимися, побаливающими в коленях ногами. Кое-как он проковылял через Сбитый машинами перекресток, уворачиваясь от утреннего потока машин.

Здание Юго-восточного банка представляло собой тридцатиэтажный стеклянный цилиндр, выдержанный в тех же пропорциях, что и жестянка для теннисных мячей. Стекло было темным, почти черным. Банк гордо высился чуть в стороне от перекрестка, в окружении выложенных плиткой тротуаров, фонтанов и аккуратно подстриженной зелени.

Поток торопящихся на работу служащих внес Митча в вестибюль через высокие вращающиеся двери. На отделанных мрамором стенах Митч нашел указатель и направился к лифтам. Выйдя на третьем этаже, он толкнул тяжелую стеклянную дверь и оказался в просторном круглом помещении. Очень красивая женщина лет сорока, сидевшая за покрытым толстым стеклом столом, повернула к нему голову. Лицо ее было строгим и неулыбчивым.

- Мне нужен мистер Мэйсон Ликок, - обратился он к ней.
- Присядьте. - Она указала ему на кресло. Мистер Ликок не заставил себя долго ждать, появившись как бы из воздуха с таким же неприветливым выражением лица, как и у его секретарши.

- Чем могу быть вам полезен? - Он говорил в нос.

Митч поднялся.

- Мне нужно перевести небольшую сумму денег. - У вас есть счет к нашему банку?
- Да.
- Могу я узнать ваше имя?
- Это номерной счет. - Другими словами, вы не услышите моего имени, подумал Митч, оно вам ни к чему.
- Хорошо. Пройдите, пожалуйста, за мной. В его кабинете не было окон, так что Митч не мог оценить красоту вида, открывавшегося с третьего этажа. Зато вокруг такого же стеклянного стола, как у секретарши, на столиках поменьше располагались несколько компьютеров. Митч сед.

- Номер вашего счета, будьте добры.

Без труда Митч вызвал из памяти ряд цифр.

- 214-31-35.

Ликок склонился над клавиатурой, пробежал по ней пальцами, уставился на экран монитора.

- Это счет по коду “три”, открытый некоей Т. Хэмфил с допуском только на нее саму и на мужчину, отвечающего следующим требованиям, предъявляемым к его внешности:

рост около шести футов, вес от ста семидесяти пяти до ста восьмидесяти пяти фунтов, голубые глаза, каштановые волосы, возраст от двадцати пяти до двадцати шести лет. Вы соответствуете этому описанию, сэр. - Ликок не отрывался от экрана. - Последние четыре цифры вашего личного номера по коду социального страхования, сэр?

- 8585.

- Отлично. Вы допущены к счету. Слушаю вас.

- Мне требуется перевести сюда некоторую сумму из банка на острове Большой Кайман. Ликок едва заметно нахмурился и достал из нагрудного кармана карандаш.

- Название банка, сэр.

- "Королевский Банк" Монреаля.

- С какого счета?

- Это тоже номерной счет.

- Полагаю, там известен его номер?

- 4990PH2122.

Ликок записал номер и встал.

- Я оставлю вас очень ненадолго. - Он вышел.

Прошло десять минут. Правой ногой Митч начал отбивать едва слышную чечетку, рассматривая экраны мониторов.

Ликок вернулся вместе со старшим ревизором мистером Ноуксом, вице-президентом какой-то там ассоциации. Ноукс представился Митчу несколько неразборчиво, не протянув руки. Оба мужчины заметно нервничали, глядя на Митча.

Теперь заговорил Ноукс, держа в руке небольшой лист компьютерной распечатки.

- Сэр, это счет с весьма ограниченным допуском. Прежде чем мы начнем операцию по переводу денег, вы должны представить нам определенную информацию.

Митч согласно склонил голову.

- Будьте добры сообщить нам даты и суммы трех последних вкладов, сэр. - Оба не спускали с него глаз, будучи уверены в том, что вопрос поставил Митча в тупик.

И вновь память не подвела его. Никаких записей.

- Третье февраля сего года. Шесть с половиной миллионов. Четырнадцатое декабря прошлого года. Девять и две десятых миллиона. Восьмое октября прошлого года. Восемь миллионов.

Ликок и Ноукс впились глазами в распечатку. Наконец Ноукс выдавил из себя профессиональную Улыбку.

- Отлично, сэр. Теперь вы допущены к вашему основному номеру.

Ликок приготовил карандаш.

- Ваш номер, сэр? - спросил Митча Ноукс. Митч улыбнулся и скрестил ноги.

- 72083.

- А условия перевода?

- Десять миллионов должны быть переведены немедленно в этот банк, на счет 214 - 31 - 35. Я подожду.

- Вам вовсе не обязательно ждать, сэр.

- Я подожду. Когда вы закончите с этим переводом, я предложу вам кое-что еще.

- Много времени это не займет. Не хотите ли кофе?

- Нет. Спасибо. У вас нет газет?

- Безусловно есть, - отозвался с готовностью Ликок. - Вон там, на столе.

Они вышли из кабинета. Пульс Митча начал приходить в норму. Он открыл городскую газету "Теннессиэн" и быстро пробежал глазами по колонкам, найдя наконец абзац, в котором сообщалось о бегстве опасного преступника из тюрьмы "Браши Маунтин". Без всяких фотографий. Очень мало деталей. Они находились в полной безопасности, сидя в "Холидэй Инн" на пляже Панама-сити, штат Флорида.

Тылы пока чистые, подумал Митч. Ему очень хотелось в это верить.

Ликок вернулся один. Теперь он являл собою само дружелюбие. Этаким рубаха-парень.

- Перевод осуществлен. Ваши деньги здесь, сэр. Какие у вас еще будут пожелания?

- Теперь вы переведете их на другие счета. Большую их часть.

- По скольким адресам?

- По трем.
- Будьте любезны указать мне первый.
- Миллион долларов вы переведете в Пенсаколу, в “Кост Нэшнл Банк”, на номерной счет с допуском только для одной личности. Это будет белая женщина, возраст около пятидесяти лет. Позже я укажу ей ее основной номер.
- Этот счет уже открыт?
- Нет. Вы откроете его там вместе с переводом.
- Я понял вас. Следующий адрес?
- Один миллион долларов должен быть переведен в Дэйнсборо, штат Кентукки, в “Дэйн Каунти Банк”, на счет Гарольда или Максина Сазерленд или на их общий счет. Банк этот небольшой, но у него есть связь с центральным банком штата в Луисвилле.
- Записано. Третий перевод, сэр?
- Семь миллионов в “Дойчебанк” в Цюрихе. Счет номер 772-03Вь-600. Остаток суммы будет храниться здесь.
- На это уйдет около часа, - заметил Ликок, делая пометки в блокноте.
- Через час я позвоню вам, чтобы уточнить.
- Будем ждать вашего звонка, сэр.
- Благодарю вас, мистер Ликок.

Каждый шаг болью отдавался в ступнях, но Митч не обращал на нее внимания. Очень медленно он добрал до эскалаторов, спустился вниз и вышел на улицу.

На последнем этаже “Королевского Банка” Монреаля, вернее, его филиала на Большом Каймане, секретарша из отдела переводов положила компьютерную распечатку прямо под нос - острый, но совершенно правильной формы - Рэндольфа Осгуда. Запись о необычном переводе в десять миллионов она обвела кружком. Перевод и в самом деле был странным, поскольку деньги с этого счета, как правило, не возвращались обратно в Штаты. Станным он был и потому, что вся сумма переводилась в банк, с которым до этого не было никаких сделок. Осгуд изучил распечатку и связался с Мемфисом. Мистер Толар находился в отпуске по болезни, сообщили ему. Тогда Натан Лок, может быть? Натана Лока не было в городе. В таком случае пусть подойдет Виктор Миллиган. Но и Миллигана не оказалось на месте.

Осгуд положил распечатку в папку, где лежали бумаги, ожидающие своего рассмотрения завтра.

Вдоль всего Изумрудного берега на всем протяжении пляжей Пенсаколы, Форта Уолтон, Дестина, Панама-сити люди наслаждались теплом тихой весенней Ночи. Всего одно происшествие на много миль вокруг. В отеле “Хилтон”, в Пердидо Бич, в собственном номере была ограблена, избита и изнасилована молодая Женщина. Ее приятель, высокий светловолосый человек, правильными чертами лица напоминавший жителя Скандинавии, обнаружил ее связанной на полу. под Кроватью. Звали это человека Риммер. Аарон Риммер из Мемфиса.

Но кульминацией этой тихой весенней ночи стала грандиозная по масштабам охота, развернувшаяся в районе города Мобайл, за сбежавшим из тюрьмы убийцей, Рэем Макдиром. В сумерках его видели на автобусной станции. Его снимок из полицейского архива был опубликован в утренней газете, и уже к десяти часам обнаружили три свидетеля, пришедшие в участок, чтобы помочь розыскам. Было установлено, что преступник двигался из Мобайла в направлении Фоли, штат Алабама, а оттуда - к океанскому побережью, к Мексиканскому заливу.

Поскольку “Хилтон” располагался всего в десяти милях от побережья, рядом с автострадой сто восемьдесят два, а также ввиду того, что в момент нападения на женщину в округе был один-единственный преступник, вывод можно было сделать быстро и однозначно. Ночной портье в отеле помог сделать фоторобот беглеца, а из регистрационной карточки следовало, что он поселился в “Хилтоне” в половине десятого под именем мистера Ли Стивенса, причем расплатился наличными. Позже в отель приехала и его жертва. Несчастная женщина тоже указала на Рэя Макдира как на грабителя и насильника.

Клерк припомнил также, что жертва справлялась о некоей Рэзел Джеймс, вселившейся

несколькими минутами раньше и тоже расплатившейся наличными деньгами. Рэкел Джеймс исчезла из отеля ночью, не позаботившись даже поставить об этом в известность администрацию. Так же, впрочем, как и Рэй Макдир, он же Ли Стивенс. Служащий автостоянки описал внешность Макдира и сказал, что видел его садящимся в белый четырехдверный “форд”-седан вместе с какой-то женщиной примерно между полуночью и часом ночи. Он вспомнил еще, что за рулем сидела женщина, и было заметно, что она очень торопится. Они уехали по автостраде сто восемьдесят два в восточном направлении.

Сидя в номере на шестом этаже “Хилтона”, Аарон Риммер, говорил по телефону с заместителем шерифа округа, советуя навести справки в фирмах, сдающих напрокат автомобили в Мобайле. Скорее всего, белый “форд” именно оттуда, сказал он.

На территории от Мобайла до Майами начались поиски автомобиля, арендованного в фирме “Авис” женщиной по имени Эбби Макдир. Заместитель шерифа обещал информировать друга пострадавшей, некоего Риммера, о том, как продвигаются розыски преступника.

Мистер Риммер в это время сидел в номере “Хилтона”, который он делил с Тони-Две-Тонны. Соседний номер занимал их босс, Де Вашер. В номерах на седьмом этаже сидели еще четырнадцать человек и в напряжении ждали сигнала к действиям.

Семнадцать раз потребовалось Митчу сходить от дверей квартиры до грузовичка, но зато к полудню все документы фирмы Бендини были готовы к транспортировке. Наконец Митч мог дать отдых своим натруженным ногам. Присев на диван, он стал на листе бумаги набрасывать инструкции для Тэмми. Он описал ей все операции в Юго-Восточном банке и велел выждать неделю, перед тем как она должна будет связаться с его матерью, которая, сама о том не подозревая, стала миллионершей.

Поставив телефон себе на колени, Митч внутренне смирился с неизбежностью предстоящего неприятного разговора. Набрал номер городского банка в Дэйнсборо, попросил к телефону мистера Гарольда Сазерленда, сказав, что дело весьма срочное.

- Алло, - услышал он к трубке раздраженный голос своего тестя. - Мистер Сазерленд, это Митч. Вы...

- Где моя дочь? С ней все в порядке?

- Да. Не беспокойтесь за нее. Она вместе со мной. Нам нужно будет уехать из страны на несколько дней. Может, недель. Может, месяцев.

- Понятно, - медленно протянул в ответ тот. - И в какую же сторону вы отправитесь?

- Я и сам пока еще не знаю точно. Так, доболтаемся где-нибудь не очень долго.

- Что-нибудь случилось, Митч?

- Да, сэр. Кое-что действительно случилось, но сейчас я ничего не могу вам объяснить. Возможно, на Днях я попытаюсь это сделать. Следите за газетами. Не позже двух недель последуют интересные новости из Мемфиса.

- Вы в опасности?

- Некоторым образом. Не получали ли вы сегодня Утром каких-нибудь необычных переводов?

- В общем-то да. Пару часов назад кто-то поместил у нас миллион долларов.

- Этот “кто-то” - ваш покорный слуга, а деньги принадлежат вам и вашей жене.

Последовала очень долгая пауза.

- Митч, мне кажется, что это заслуживает объяснения.

- Вы совершенно правы, сэр. Но пока я не могу представить вам его. Если нам удастся благополучно выбраться из страны, то примерно в течение недели я извещу вас обо всем. Деньги можете тратить смело. Я должен бежать.

Выждав минуту, он набрал номер телефона, установленного в комнате 1028, “Холлидэй Инн”, в Панама-сити.

- Алло. - Это была Эбби.

- Привет, детка, как ты?

- Ужасно, Митч. Фотография Рэя помещена на первых страницах всех местных газет.

Сначала говорилось о том, что он бежал, что его видели в Мобайле. Теперь же по телевизору заявляют, что он подозревается в изнасиловании, имевшем место этой ночью.

- Что? Где?!

- В Пердидо Бич, в “Хилтоне”. Рэй засек ту блондинку, она выследила меня до самого отеля. Он ворвался к ней в номер и связал ее. Ничего более серьезного. Забрал у нее оружие и деньги, а сейчас она обвинила его в том, что он избил ее и изнасиловал., И теперь каждый флоридский полицейский высматривает на дорогах автомобиль, который вчера вечером я взяла напрокат в Мобайле.

- Где машина?

- Мы оставили ее в миле отсюда, там, где на пляже стоят несколько больших бунгало. Я так боюсь, Митч!

- Где Рэй?

- Лежит на пляже, хочет, чтобы лицо его немного загорело. Фотоснимок в газете довольно старый: там у него длинные волосы и совсем бледная кожа, качество тоже не очень. Сейчас Рэй коротко подстрижен, и, если он хоть чуть-чуть загорит, я думаю, это поможет.

- Оба номера сняты на твое имя?

- Да. Рэкел Джеймс.

- Слушай, Эбби. Забудьте про Рэкел, про Ли и Рэя и про Эбби. Дождитесь сумерек и уходите. Примерно в полумиле к востоку есть небольшой мотель, называется “Блю Тайд”. Насладитесь с Рэем недолгой прогулкой по берегу, и вы непременно увидите его. Внутрь войдешь ты и потребуешь два соседних номера. Расплатишься наличными. Назовешься Джеки Нэйджел. Понятно? Джеки Нэйджел. Назовешь это имя, потому что, когда я доберусь туда, я буду спрашивать именно его.

- А если у них не найдется двух соседних номеров?

- Хорошо, если что-нибудь сорвется, то чуть дальше по берегу есть еще одна ночлежка под названием “Си-сайд”. Устройтесь туда, под тем же именем. Я еду к вам сейчас же, ну, скажем, в час, и я должен быть на месте часов через десять.

- Если они обнаружат машину?

- Они найдут ее наверняка и накроют густой сетью все побережье в районе Панама-сити. Вам придется быть очень и очень осторожными. Как стемнеет, постарайтесь пробраться в аптеку и купить краску для волос. Подстригись как можно короче и сделай из себя блондинку.

- Блондинку!

- Можешь стать рыжей. Мне на это наплевать. Но непременно смени цвет волос. Скажи Рэю, чтобы он никуда не выходил из комнаты. Никакой самодеятельности.

- У него пистолет, Митч.

- Скажи ему, что я запрещаю им пользоваться. Там будет не меньше тысячи полицейских, скорее всего, уже сегодня к вечеру. Перестрелка нам ничего не даст.

- Я люблю тебя, Митч, только я так боюсь!

- Это совершенно естественно, что ты боишься, Детка. Только продолжай шевелить мозгами. Они пока не знают, где вы находитесь, и они не смогут вас найти, если вы будете в постоянном движении. Я приеду еще до полуночи.

Ламар Куин, Уолли Хадсон и Кендалл Махан сидели в небольшом конференц-зале на третьем этаже и размышляли о том, каким будет их следующий шаг. Проработав в фирме уже долгое время, они были осведомлены и о пятом этаже, и о подвале, знали они о мистере Лазареве и мистере Моролто, о Ходже и о Козински. Им было хорошо известно о том, что, когда в фирму приходил новый человек, он уже не мог уйти из нее по своей воле.

Каждый из них делился своими воспоминаниями о Дне, о том Дне, когда они вдруг стали посвященными.

День этот они сравнивали с тем днем далекого детства, в котором им стала известна грустная правда о Дede Морозе. Тот день, когда Натан Лок пригласил их троих в свой кабинет и рассказал им все о самом главном клиенте фирмы, запомнился им как печальный и пугающий День. А потом Лок представил их Де Вашеру. Все они оказались на службе у клана Моролто, от них ожидали упорной добросовестной работы, им полагалось беззаботно тратить те хорошие деньги, что им платили, и не мучить себя

мыслями об их источнике. Все трое так и делали. Рано или поздно, но каждый задумывался о том, что хорошо бы уйти, однако серьезных планов не вынашивал ни один. У всех уже были семьи. Со временем это все образуется, успокаивали они себя. Ведь у фирмы столько нормальных клиентов. Так много интересной, трудной, абсолютно законной работы.

Большую часть всей нелегальной деятельности взвалили на свои плечи партнеры, но шло время, и бывшие когда-то новичками сотрудники тоже исподволь втягивались в грязные финансовые махинации. Никто не сможет вас в этом уличить, убеждали их опытные партнеры. Вы, с нашей помощью, слишком умны для этого. Слишком много у фирмы денег. И это на самом деле было превосходным прикрытием.

Наибольшее внимание сидящие за столом уделили тому факту, что все партнеры исчезли из города. В Мемфисе из них не осталось ни одного. Пропал куда-то даже Эйвери Толар. Своим ходом ушел из клиники!

Говорили они и о Митче. Он находится сейчас неизвестно где, говорили они, в страхе, в бегах спасая свою жизнь. Если Де Вашеру удастся настичь его, он превратится в труп и его похоронят так же, как хоронили Ходжа и Козински до этого. Если же его схватят фэбээровцы, то им в руки попадут и документы, вся фирма окажется у них в руках, а значит, и они втроем тоже.

А что, размышляли они, если Митч не даст себя поймать? Что, если ему удастся спастись, раствориться среди миллионов других людей? Вместе со всеми бумагами, конечно. Вдруг он вместе с Эбби лежит где-нибудь на песочке, прихлебывает ром и подсчитывает свои денежки? Эта мысль пришла всем по душе, и какое-то время они развивали ее, дополняя все более детальными, успокаивающими страх подробностями.

Единогласно сошлись они на том, что нужно дождаться завтрашнего дня. Если Митча где-нибудь подстрелят, можно будет оставаться в Мемфисе. Если он окажется в ФБР, то придется брать ноги в руки и...

Беги, Митч, беги!

Комнаты в мотеле “Блю Тайд” были узкими и грязными настолько, что даже на взгляд казались липкими. Ковровая дорожка, лежавшая на полу, не чистилась, видимо, уже лет двадцать, местами сквозь нее виднелись доски пола. Покрывала на кроватях кое-где были прожжены сигаретами. Но в данный момент уют и роскошь ничего не значили.

В четверг вечером Рэй стоял за спиной у Эбби с ножницами в руке и деликатно пощелкивал ими вокруг ее ушей. Два полотенца, разложенных на полу позади кресла, были полны обрезков ее прекрасных густых темных волос. Эбби внимательно следила за каждым движением Рэя в зеркале, помещавшемся рядом с допотопной моделью цветного телевизора, и не стеснялась в комментариях. Стрижка получалась под мальчика - уши полностью открыты, на лбу - челка. Рэй отступил на шаг назад, полюбовался своей работой.

- Ничего, - заметил он.

Эбби улыбнулась, стряхивая с рук остатки волос.

- Сейчас их нужно будет еще и покрасить, - печально сказала она и, пройдя в крошечную ванную комнату, закрыла за собой дверь.

Вышла она оттуда через час, но уже блондинкой. Чуть соломенной блондинкой. Рэй заснул поверх покрывала. Эбби присела и начала собирать волосы в пластиковый пакет для мусора. В этот же пакет последовал и пузырек из-под красителя. Она перетянула его куском веревки. В этот момент раздался стук в дверь.

Эбби замерла, прислушиваясь. Шторы на окнах были плотно задернуты. Она легонько похлопала Рэя по ноге. Стук повторился. Рэй вскочил с постели, молниеносным движением выхватил пистолет.

- Кто там? - громко прошептала она.

- Сэм Форчун, - раздался ответный шепот. Рэй открыл дверь, и в комнату вошел Митч. Он обнял Эбби, толкнул в плечо брата. Дверь закрыли, свет выключили, и все трое уселись в темноте на кровать. Митч крепко прижимал к себе Эбби. Как много им нужно было сказать друг другу, но сидели они молча.

Слабый лучик света пробился снаружи через шторы, отразившись от зеркала и экрана

телевизора. Никто не решался заговорить. Мотель стоял словно вымерший, на его стоянке было фактически пусто.

- Я почти знаю, почему я оказался здесь, - заговорил наконец Рэй, - но никак не могу взять в толк, как вы-то очутились тут?

- Нам лучше забыть, почему мы все здесь, - ответил Митч. - И подумать о том, как нам отсюда выбраться. Всем вместе. Живыми и невредимыми.

- Эбби мне все рассказала, - проговорил Рэй.

- Всего я и сама не знаю, - возразила ему она. - Я не знаю, например, кто за нами гонится.

- Похоже, что вес сразу, - ответил Митч. - Где-то неподалеку должен быть Де Вашер со своей бандой. Скорее всего, в Пенсаколе - там единственный в окрестностях аэропорт. А по побережью мечутся Тарранс и его парни в поисках Рэя Макдира, насильника, и Эбби Макдир, соучастницы.

- Что же будет дальше? - спросила Эбби.

- Они найдут машину, если еще не сделали этого. Круг их поисков сразу ограничится. В газете говорилось, что сейчас они действуют от Мобайла до Майами, ну а так они моментально все окажутся в Панама-сити. Но! Здесь на пляже, наверное, тысяча таких мотелей, как этот. Целых двенадцать миль, и все - мотели, бунгало, магазины. Это десятки тысяч людей, туристов в сандалиях и шортах, значит, и мы завтра превратимся в туристов: шорты, панамы и прочая дребедень. Я уверен, что, если даже они пустили за нами сотню своих людей, дня два или три в нашем распоряжении есть.

- А что будет, когда они решат, что мы здесь?

- Вы ведь с Рэем могли просто бросить машину и воспользоваться другой. Они не могут быть уверены в том, что мы на берегу, но начнут они, конечно, отсюда. Но не гестаповцы же они, в конце концов, не станут же они взламывать двери и врывать к людям без всяких на то оснований.

- Де Вашер способен и на это, - заметил Рэй.

- Согласен, но здесь, наверное, миллион дверей. Они перекроют дороги и будут следить за каждым магазином и рестораном. Будут говорить с каждым служащим в гостиницах, показывать им фотографию

Рэя. Несколько дней они будут суетиться тут, как муравьи, и, если нам все же повезет, они упустят нас.

- Какая у тебя машина, Митч? - спросил Рэй.

- Небольшой грузовик.

- Не понимаю в таком случае, почему бы нам не сесть в него прямо сейчас и не подставить свои задницы ветру? Ведь наша-то машина всего в миле отсюда, ждет не дождется, когда ее разыщут, а мы знаем, что ее вот-вот обнаружат. Говорю вам, нужно держать задницы по ветру!

- Послушай, Рэй, посты на дорогах могут быть уже выставлены. Поверь мне, я ведь вытащил тебя из тюрьмы? Ну же!

Где-то неподалеку от них раздался пронзительный вой сирены. Сидевшие в комнатке замерли, вслушиваясь в то, как звук ее умирал в ночной тиши.

- Так, - сказал Митч, - вот что. Будем выбираться отсюда. Не нравится мне это место. Стоянка совершенно пуста и уж больно близка к дороге. Грузовик я оставил не так далеко, у довольно приличного мотеля "Си Галл". Я даже успел снять там две славные комнатки, тараканы там намного мельче. Мы просто выйдем прогуляться по берегу. Потом нам придется перенести вещи из грузовика. Неплохое развлечение?

37

ДС-9, на борту которого находился Джой Моролто с отрядом своих штурмовиков, приземлился в аэропорту Пенсаколы в пятницу, еще до рассвета. Лазарев подогнал к аэропорту два лимузина и восемь взятых напрокат фургонов. Он вкратце информировал Джоя о событиях, имевших место за последние двадцать четыре часа. Машины неслись на восток по автостраде девяносто восемь. На дорогу до "Сэндпайпера", роскошного

двенадцатиэтажного отеля, стоящего в Дестине на самом берегу океана, ушло около часа. Примерно столько же было от отеля и до Панама-сити. Пентхаус на крыше отеля Лазарев снимал всего за четыре тысячи долларов в месяц: сезон еще не начался. В номерах на двух последних этажах здания разместились все люди, приехавшие с Моролто.

Особняк на крыше многоэтажного здания.

Мистер Моролто сыпал приказаниями, как рассерженный сержант на плацу. В самом большом помещении пентхауса был оборудован командный пункт, из которого открывался захватывающий вид на изумрудные воды залива. Однако Моролто все равно был раздражен. Он хотел, чтобы ему подали завтрак, и Лазарев послал два фургона за деликатесами в ближайший супермаркет. Он хотел, чтобы ему подали Макдира, и Лазарев уговаривал его потерпеть немного.

К рассвету расселение закончилось, оставалось только одно - ждать.

Тремя милями дальше вдоль берега, на балконе восьмого этажа отеля "Сэндестин Хилтон", здания, которое было хорошо видно из "Сэндпайпера", сидели мистер Ф. Дентон Войлс и Уэйн Тарранс. Прихлебывая кофе, они наблюдали за тем, как медленно над линией горизонта поднимается солнце и говорили о стратегии.

Ночь прошла не очень-то хорошо - автомобиль так и не нашли, Митча и след простыл. Шестьдесят специально обученных агентов голос сотня местных добровольных помощников должны были найти, по крайней мере, машину. Каждый лишний час времени был на руку только беглецам.

В папке, лежавшей на кофейном столике, находились два ордера на арест. В выписанном на имя Рэя Макдира ордере значилось: бегство из заключения, незаконный перелет на самолете, грабеж и изнасилование. Эбби проходила как соучастница. Чтобы предъявить какие-то обвинения Митчу, потребовалась большая изобретательность. Препятствование правосудию и довольно невнятное обвинение в рэкрете. А чтобы подпереть все это, есть испытанный костыль - мошенничество. Тарранс был не совсем уверен в том, что мошенничество вписывается в специфику дела, но, с другой стороны, за годы своей работы в ФБР он ни разу не встречал такого дела, в котором бы не фигурировало обвинение в мошенничестве.

Оба ордера были подписаны и имели полную законную силу. Об этом знали репортеры газет и телестанций всего Юго-Востока. Приученный сохранять невозмутимую мину на лице при беседах с представителями средств массовой информации, Тарранс получал сомнительное наслаждение, общаясь с репортерами и проклиная их в душе.

А общение с ними было необходимым. Только содействие обывателя могло помочь сейчас ФБР. Представители закона во что бы то ни стало должны обнаружить Макдира первыми. Иначе за них это сделает мафия.

На балкон вбежал Рик Эклин.

- Машину нашли!

Директор ФБР вскочил с кресла.

- Где?

- В Панама-сити, на стоянке рядом с пансионатом.

- Соберите наших людей! Всех до единого! - возбужденным голосом приказал Войлс. -

Поиски в других местах прекратить. Мне нужно, чтобы каждый агент был сейчас в Панама-сити. Мы вывернем там все наизнанку! Привлеките добровольцев. Пусть блокируют все дороги, шоссе и грунтовые. Снимите с машины отпечатки пальцев. Что представляет из себя этот городишко?

- Нечто вроде Дестина. Двенадцать миль пляжа с отелями, мотелями, пансионатами, бунгало, магазинами и все такое.

- Поставьте наших людей в самых оживленных местах, начните обход гостиниц. Ее фоторобот готов?

- Должен бы, - ответил Эклин.

- Вручите фотороботы ее, Митча и Рэя, а также полицейский снимок последнего каждому агенту, каждому полицейскому. Пусть ходят по пляжу и размахивают ими!

- Есть, сэр!

- Далеко этот Панама-сити отсюда?
- Это на восток от нас, минут пятьдесят.
- Машину!

Аарона Риммера, спавшего в номере “Хилтона” в Пердидо Бич, разбудил телефонный звонок. Это был следователь, звонивший по поручению заместителя шерифа округа. Машину нашли, мистер Риммер, сказал он, нашли в Панама-сити, всего несколько минут назад. Примерно в миле от “Хо-лидэй Инн”. Это на автостраде девяносто восемь. Очень жаль, что с вашей спутницей вес так получилось. Надеюсь, ей уже лучше.

Поблагодарив его, Риммер немедленно набрал номер Лазарева в “Сэндпайперс”. Через десять минут он вместе со своим соседом по номеру, Тони-Две-Тонны, а также с Де Вашером и четырнадцатью его парнями мчались в фургонах в направлении Панама-сити. Ехать им было часа три.

В Дестине Лазарев инструктировал штурмовиков. Не теряя времени, они также заняли свои места во взятых напрокат фургонах.

Блицкриг начался.

Очень скоро все стало известно и о грузовичке.

Управляющий фирмы по прокату автомобилей в Нэшвилле был вполне порядочным гражданином по имени Билли Уивер. В пятницу утром он вошел в свой кабинет, приготовил себе кофе и уселся за стол, просматривая газеты. На первой же странице внизу Билли с интересом прочел заметку о Рэе Макдире и развернувшихся на побережье его поисках. Тут же было упомянуто и имя Эбби Макдир, а еще ниже - и имя брата беглеца, Митчела Макдира. Тогда в голове управляющего что-то сработало.

Билли потянул на себя ящик стола и извлек из него картотеку с фамилиями клиентов фирмы. Ну да, в среду поздно вечером человек по имени Макдир взял напрокат грузовик. Вот и его подпись: М. И. Макдир, хотя на водительском удостоверении значилось: Митчелл И., Мемфис.

Будучи патриотом и честным налогоплательщиком, Билли позвонил своему двоюродному брату, работавшему в городской полиции. Тот связался с отделением ФБР, и через пятнадцать минут грузовик был объявлен в розыск.

Сообщение об этом принял Тарранс: он сжимал в руке трубку радиотелефона, а Эклин сидел за рулем. Войлс разместился на заднем сиденье за спиной у Тарранса. Грузовик? Но зачем ему грузовик? Он исчез из Мемфиса, оставив дома машину, одежду, не прихватив с собой даже зубной щетки. Он даже собаку не накормил. Не взял с собой ничего. Так зачем же ему грузовик?

Для бумаг. Это же так естественно. Либо он загрузил их еще в Нэшвилле, либо он намерен забрать их где-то по пути. А при чем здесь Нэшвилл?

Митч был на ногах вместе с восходом. Бросив полный желаний взгляд на жену, на ее короткие, ставшие такими светлыми, волосы, он выбросил из головы всякую мысль о сексе. Это может подождать. Пусть она еще поспит.

Обойдя кучу коробок, сваленных на полу маленькой комнаты, он прошел в ванную, быстро принял душ и надел на себя серый спортивный костюм, купленный еще вчера в Монтгомери. Неторопливым шагом отмерил вдоль берега примерно полмили и зашел в небольшой магазинчик, где набил сумку банкками с кока-колой, пакетами с печеньем и жареным картофелем, купил в придачу очки от солнца, три шапочки с длинными козырьками и три газеты.

Рэй ждал его около грузовичка. Они вместе прошли внутрь, развернули на кровати газеты. Оказывается, дела обстояли хуже, чем они предполагали. Городские газеты Мобайла, Пенсаколы и Монтгомери на первых страницах поместили фотороботы Рэя и Митча, а к ним еще и фотоснимок Рэя, сделанный в полицейском участке. Фоторобот Эбби, если верить газете Пенсаколы, не получился.

Что же касается фотороботов Рэя и Митча, то в чем-то они походили на оригиналы, в чем-то - нет. Но объективно судить им было трудно. Митч смотрел на собственное лицо и пытался непредвзято оценить со стороны, насколько он был похож на самого себя. Заметки были полны дикой чуши, каких-то нелепых измышлений, принадлежащих Уэйну Таррансу, специальному агенту ФБР. Так, Тарранс заявлял, что Митчела Макдира видели

в районе побережья Мексиканского залива - Пенсаколы; что он и его брат Рэй хорошо вооружены и представляют собой чрезвычайную опасность для граждан; что они оба поклялись не даваться властям живыми. В газете говорилось о том, что за их поимку учреждена высокая денежная награда, что при встрече с человеком, даже отдаленно напоминающим кого-либо из братьев Макдиров, необходимо срочно обращаться к ближайшему полицейскому.

Поедая печенье, они решили, что фотороботы не так уж и похожи, а полицейский снимок Рэя просто вызывает смех. Наконец братья решили разбудить Эбби. Все вместе они принялись распаковывать документы и готовить к работе видеокамеру.

В девять часов утра Митч позвонил Тэмми. Новые их удостоверения личности и прочие бумаги были уже у нее на руках. Митч велел Тэмми выслать их срочной бандеролью на имя Сэма Форчуна по адресу: Флорида, Панама-сити, Западный пляж, автострада девяносто восемь, мотель "Си Галл", индекс 16694. Тэмми прочитала ему записку из местной газеты. Никаких фотографий, сказала она, в газете нет.

- После того как отправишь паспорта, - инструктировал ее Митч, - немедленно выезжай из Нэшвилла. Остановишься в Ноксвиле, в каком-нибудь большом мотеле. Позвонишь мне сюда.

Он дал ей номер телефона.

Два агента ФБР постучали в дверь старенького, снятого с колес трейлера, значившегося как дом 486 по улице Сан-Луис. Дверь распахнул мистер Эйнсворт, стоявший в одних трусах. Агенты предъявили ему свои значки.

- Ну, и чего вы от меня хотите? - промычал им мистер Эйнсворт.

Один из пришедших протянул ему утреннюю газету.

- Вам знакомы эти люди?

Мистер Эйнсворт всмотрелся в газетный снимок.

- Похоже, что это ребята моей жены. Я никогда их не видел.

- Как зовут вашу жену?

- Эва Эйнсворт.

- Где она?

Он уставился в газету.

- На работе. Там, где кормят вафлями. Так что же, выходит, они где-то здесь рядом?

- Да, сэр. И вы ни разу в жизни не видели их?

- Да нет же, черт побери. Но пушку свою буду держать наготове.

- А ваша супруга с ними виделась?

- Насколько я знаю, в последнее время нет.

- Благодарим вас, мистер Эйнсворт. У нас приказ ждать их где-нибудь здесь, но вас мы беспокоить не станем.

- Ну и ладно. Эти парни явно тронулись. Я всегда это ей говорил.

В миле от них, у "Вафельного домика", остановилась неприметная машина с двумя другими агентами.

Засады были расставлены.

К полудню вокруг Панама-сити были заблокированы все дороги, все до единой. На проходящей вдоль пляжа автостраде полицейские патрули останавливали движение через каждые четыре мили. Агенты заходили в каждую лавку, предъявляя хозяевам и посетителям снимки разыскиваемых. Эти же снимки были расклеены у входов наиболее посещаемых ресторанов: "Шони", "Пиццы Хат", "Тэко Белл" и у десятка других. Все кассиры и официантки были предупреждены держать свои глаза раскрытыми пошире - эти братья весьма опасные люди.

Лазарев со своими людьми остановился в "Бест Уэстерне", в двух милях от "Си Галл". Он снял довольно просторный конференц-зал, превратив его в центр управления всей операцией. Четверо штурмовиков были отправлены в рейд по магазинам, из которого они вернулись с кучей всякого тряпья: майки, шорты, соломенные шляпы и прочее. Лазарев арендовал также два "форда" и оборудовал их полицейскими рациями. Машины эти разъезжали вдоль пляжа туда и сюда, а пассажиры их вслушивались в бесконечные переговоры, которые велись между руководством и разрозненными отрядами полиции и

людьми ФБР. Довольно быстро удалось засечь, что вся полиция бросилась на розыски грузовика. То же самое сделали и люди Лазарева. Де Вашер дальновидно расположил фургоны со своими парнями вдоль всего берега: они стояли среди других машин на стоянках и ждали сигнала по радио.

Около двух часов дня с Лазаревым срочно связался по телефону сотрудник с пятого этажа фирмы Бендини. У него было два сообщения. Во-первых, человек, которого посылали на Кайманы, разыскал старого слесаря, вспомнившего, после того как ему хорошо заплатили, что примерно в полночь первого апреля он сделал дубликаты одиннадцати ключей. Да-да, одиннадцать ключей на двух кольцах. Их принесла женщина, очень красивая американка, брюнетка со стройными ногами. Сказала, что очень торопится, и расплатилась наличными. Старик сказал, что ключи оказались довольно простыми, кроме, пожалуй, ключа от “мерседеса”, за него он не уверен. Во-вторых, звонил некий банкир с Большого Каймана. Интересовался переводом десяти миллионов долларов. Перевод был осуществлен в этот четверг, в девять тридцать три утра. Деньги перевели из “Королевского Банка” Монреаля в Юго-Восточный банк в Нэшвилле.

Где-то между четвертью и половиной пятого полицейские рации сошли с ума: все говорили, перебивая друг друга, сообщения следовали одно за другим. Портье из “Холидэй Инн” узнал по описанию Эбби Макдир в женщине, которая вчера, в четверг, в четверть пятого расплачивалась наличными за два номера. Она заплатила за трое суток, но после того, как в четверг в час дня в комнатах произвели уборку, ее никто не видел. В ночь с четверга на пятницу ни в одной комнате никто не ночевал. Из отеля она не выписалась, а за номера заплачено по полдень субботы включительно. Сообщника-мужчины портье на заметил. В течение целого часа “Холидэй Инн” была оккупирована ищейками из ФБР и мафии. Тарранс лично допрашивал портье.

Они были здесь! Они и сейчас здесь, где-то в Панама-сити. Рэй и Эбби - это точно. Нет полной уверенности в том, что Митч вместе с ними.

Этой уверенности не было до четырех часов пятидесяти восьми минут пополудни пятницы.

Новость прозвучала как взрыв бомбы. Какой-то окружной чиновник остановился у дешевого мотеля и заметил зеленый с белым тент какого-то грузовика. Он подошел поближе и улыбнулся при виде маленького грузовичка, аккуратно поставленного между стеной двухэтажного домика, где сдавались комнаты, и огромным мусоровозом. Смекалистый чиновник записал номер грузовичка и позвонил в полицию.

И номера совпали! Через пять минут мотель был окружен. На свет божий извлекли владельца собственности и потребовали объяснений. А тот, посмотрев на фотоснимки, только покачал головой. Пришлось предъявить ему не один, а целых пять значков агента ФБР. Лишь после этого хозяин проявил готовность сотрудничать.

Он вытащил свои ключи и вместе с агентами начал обход номеров. Дверь за дверью. Сорок восемь дверей.

Обитаемыми оказались только семь. Открывая и закрывая двери, владелец мотеля объяснял, что в это время года наплыва туристов еще нет даже в больших гостиницах, а уж маленьким мотелям приходится бороться за выживание вплоть до начала сезона.

Приходилось бороться за выживание и постояльцам мотеля “Си Галл”, находившегося в четырех милях западнее.

Энди Патрик получил свой первый срок, когда ему было девятнадцать лет, за подделку чека ему пришлось отсидеть четыре месяца. Посчитав себя после этого закоренелым преступником, он решил, что честный труд - это не для него, и все последующие двадцать лет своей жизни он подвизался в качестве не очень удачливого мошенника и мелкого воришки. Его как мусор носило по стране, он добывал средства к жизни, таская вещи с прилавков магазинов, поддельывая чеки, забираясь время от времени в квартиры. Когда ему было двадцать семь лет, его, маленького и хрупкого, ненавидящего всякое насилие, до полусмерти избил в Техасе какой-то жирный полицейский чин. В результате Энди лишился глаза и остатков уважения к закону.

Полгода назад судьба занесла его в Панама-сити. Он нашел себе совершенно честный

заработок: четыре доллара в час за дежурство в качестве ночного портье в мотеле “Си Галл”. В пятницу вечером, часов в девять, когда Энди с увлечением смотрел телевизор, дверь распахнулась и в вестибюль с важным видом ввалился жирный самоуверенный коп.

- Мы тут охотимся кое за кем, - сказал он, припечатывая своей мощной дланью фотоснимки к столу, за которым сидел Энди. - Вот за ними. Взгляни-ка. Они должны быть где-то поблизости.

Энди всмотрелся в лица на фотороботах. Тот снимок, под которым было написано “Митчел И. Макдир”, ему кого-то напомнил. Шестеренки в голове Энди начали со скрипом прокручиваться.

Глядя на самодовольную рожу возвышающегося над ним полицейского, Энди лениво процедил:

- Таких не видывал. Буду теперь посматривать.

- Они очень опасны.

А ты еще опаснее, подумал Энди.

- Приклей-ка их вот тут, на стене, - приказал коп. Тебе, что ль, здесь все принадлежит, подумал Энди.

- Мне очень жаль, но у меня нет такого права - клеить тут что-то на стены.

Полицейский замер от удивления, голова его чуть склонилась набок, он рассматривал Энди сквозь стекла темных очков.

- Послушай-ка, недоносок, я наделяю тебя таким правом.

- Мне очень жаль, сэр, - Энди сделал ударение на этом слове, - но без приказа хозяина я не могу ничего клеить на эти стены.

- Ну и где же твои хозяева?

- Не знаю. Может, в баре где-нибудь. Громила аккуратно собрал фотографии, прошел за стойку и прикрепил их к доске с информацией для постояльцев. Покончив с этим, он сверху вниз посмотрел на Энди и небрежно выговорил:

- Загляну к тебе через пару часов. Вздумаешь их снять - посажу за противодействие отправлению правосудия.

Энди и бровью не повел.

- Этот номер не пройдет. Однажды в Канзасе мне уже хотели навесить эту гирию.

Теперь-то я уже все понимаю.

Жирные щеки полицейского налились краской, он ухмыльнулся, показав желтые зубы.

- Думаешь, ты такой умник, а?

- Да, сэр.

- Попробуй сними, и я обещаю тебе, что упеку тебя в казенный дом, вес равно за что.

- Мне уже приходилось там бывать, невелика беда.

В нескольких футах от дверей пронесли полицейские машины в блеске красных и синих огней, сопровождаемые неизбежным воем сирен. Коп оглянулся, пробормотал сквозь зубы что-то презрительное и вывалился за дверь. Энди тут же сорвал снимки и швырнул их на пол. Подойдя к двери, он проводил взглядом проносящиеся мимо полицейские автомобили, а затем пересек стоянку для машин и подошел к зданию, стоявшему в глубине двора. У двери с номером 38 остановился, постучал. Подождал немного и постучал еще раз.

- Кто там? - раздался из-за двери женский голос.

- Управляющий, - ответил Энди, гордясь новой должностью, в которую сам же себя и произвел.

Дверь открылась, и человек, так походивший на фоторобот Митчела И. Макдира, вышел к нему.

- Да, сэр! В чем дело?

Энди сразу заметил, что он нервничает.

- Только что здесь были копы, ясно, что я хочу сказать?

- Что же им было нужно? - невинным голосом спросил вышедший к нему человек.

Задница твоя, подумал про себя Энди.

- Задавали всякие вопросы, показывали всякие картинки. Ну, я и посмотрел, понятно?

- Угу.

- Картинки ничего.

Энди почувствовал на себе его тяжелый взгляд.

- Коп сказал, что один из них бежал из тюрьмы. Ясно вам? Я и сам там бывал, и я думаю, что оттуда каждому захочется убежать. Разве не так?

По губам Митча скользнула нервная улыбка.

- Как вас зовут? - спросил он.

- Энди.

- У меня есть предложение, Энди. Я дам вам тысячу долларов сейчас, а завтра, если вы по-прежнему не сможете никого узнать на тех картинках, я дам вам еще одну тысячу. То же самое и послезавтра.

Отличное предложение, подумал Энди. Но если он мог позволить себе платить по тысяче в день, значит, он заплатит и пять тысяч. Да разве можно упустить такую возможность? Какую карьеру он сделает!

- Нет, - твердо ответил он. - Пять тысяч в день.

Мистер Макдир несколько не колебался.

- Договорились. Сейчас принесу деньги.

Он вернулся в комнату и тут же вышел с пачкой банкнот.

- Значит, Энди, пять тысяч в день, так?

Энди принял деньги, посмотрел вокруг. Пересчитать можно и потом.

- Вы, видимо, захотите, чтобы я не пустил сюда уборщиц?

- Неплохая мысль. Это было бы здорово.

- Еще пять тысяч.

В глазах мистера Макдира мелькнуло сомнение. - В таком случае еще одно предложение. Завтра вам доставят бандероль на имя Сэма Форчуна. Утром. Вы принесете ее мне, а потом наплетете что-нибудь уборщицам, и я вручу вам еще пять тысяч.

- Ничего не выйдет. Я работаю только в ночную смену.

- О'кей, Энди. А что, если ты проработаешь весь уик-энд, бессменно, отошлешь куда-нибудь уборщиц и принесешь мне бандероль? Ты в состоянии все это сделать?

- Запросто. Мой хозяин - пьянь, он будет только рад, если я проторчу здесь безвылазно весь уик-энд.

- И сколько ты за это попросишь, Энди?

Ну, смелее, подумал Энди.

- Еще двадцать тысяч.

Мистер Макдир широко улыбнулся.

- По рукам!

Энди усмехнулся и стал запихивать пачку банкнот к себе в карман. Сделав это, он удалился без лишних слов. Митч тоже вошел в комнату.

- Кто это был? - тут же задал ему вопрос Рэй. Митч улыбался, поглядывая в щелку между занавесями окна.

- Я знал, что нам повезет, что мы найдем дыру в их сети. Вот мы и нашли ее. Только что.

38

Одетый в строгий черный костюм, с изящно завязанным красным галстуком, мистер Моролто сидел во главе крытого пластиком стола в конференц-зале отеля "Бест Уэстерн". В креслах вокруг стола расположились двадцать его ближайших помощников, а вдоль стен стояли самые надежные люди из охраны. И хотя каждый из телохранителей был хладнокровным убийцей, привыкшим делать свое дело без всяких сантиментов или угрызений совести, все вместе они производили впечатление цирковых клоунов - в цветастых рубашках, немыслимого покроя шортах, в легкомысленных соломенных шляпах самых причудливых фасонов. В другое время мистер Моролто рассмеялся бы над живописностью их костюмов, однако момент был настолько серьезным, что даже тени улыбки не было видно на его лице. Он слушал.

По правую руку от него сидел Лу Лазарев, по левую - Де Вашер; собравшиеся в зале внимали каждому слову разворачивающегося между этими двумя диалога.

- Они здесь. Я знаю, что они здесь, - хорошо поставленным голосом проговорил Де Вашер, сопровождая каждый слог энергичным похлопыванием ладоней обеих рук по столу. У него явно было неплохое чувство ритма.

Ему вторил Лазарев:

- Согласен. Они здесь. Двое прибыли в легковом автомобиле, один пригнал грузовик. Обе машины мы нашли брошенными, с кучей отпечатков. Да, они здесь.

Де Вашер:

- Но почему Панама-сити? Ведь в этом нет никакого смысла! Лазарев:

- За исключением только одного момента: раньше он здесь уже был. Перед самым Рождеством, если помнишь. Местность ему знакома, он отдает себе отчет в том, что здесь, в этом скопище пансионатов, отелей, мотелей, какое-то время вполне можно прятаться. И не такая уж это плохая идея на самом деле. Но ему немного не повезло. Для человека, который находится в бегах, у него слишком уж большой багаж. Например, его братец, который вдруг всем понадобился - и полиции, и ФБР. Плюс еще жена. Плюс грузовик, набитый, как я думаю, документами. Склад ума, как у типичного школьника: бегу и забираю с собой всех, кого люблю и кто любит меня. А потом его брат насилует - в чем он, видимо, все же его подозревает - какую-то бабу, и в одно мгновение, пожалуйста: в погоню за ними устремляется вся полиция Алабамы и Флориды. Действительно, не повезло.

- А что там его мать? - поинтересовался со своего места Моролто.

Лазарев и Де Вашер одновременно кивнули, как бы признавая своевременность и уместность вопроса, заданного великим человеком.

Лазарев:

- Нет, это совпадение чистой воды. Она очень простая женщина, работает в заведении, где торгуют вафлями. Она ни о чем не знает. Мы установили за ней наблюдение сразу, как приехали сюда.

Де Вашер:

- Согласен. Они не встречались, контакта у них нет. Моролто с понимающим видом склонил голову, закурил сигарету. Лазарев:

- Итак, если они здесь, а мы знаем, что они здесь, значит, и ФБР и полиция тоже знают, что они здесь. У нас здесь всего шестьдесят человек, у них - сотни. За ними преимущество.

- А вы уверены, что все они, трое, находятся вместе? - опять задал вопрос мистер Моролто. Де Вашер:

- Абсолютно. Нам известно, что женщина и заключенный в одну и ту же ночь объявились в отеле в Пердидо Бич, что они имеют исчезли оттуда, а тремя часами позже она прибыла в "Холидэй Инн" и расплатилась наличными за два номера. Потом она взяла напрокат автомобиль, и на нем были обнаружены его отпечатки. Нет, в этом нет никаких сомнений. Нам также известно, что Митч арендовал в Нэшвилле в среду грузовик, после чего в четверг утром организовал компьютерный перевод наших десяти миллионов в Юго-Восточный банк в Нэшвилле, а уж только после этого бросился в бега. Грузовик обнаружили здесь четыре часа назад. Да, сэр, они все здесь, и они вместе.

Лазарев:

- Если он выехал из Нэшвилла сразу после того, как провернул перевод денег, то сюда он должен был прибыть уже в сумерках. Грузовик обнаружен пустым, значит, им пришлось разгрузить его где-то здесь, а груз спрятать. Скорее всего, это было в четверг, поздно ночью, если не в пятницу утром. Но, как вы и сами понимаете, когда-то им нужно спать. По моим прикидкам выходит так, что вчера они провели здесь свою последнюю ночь и уже собирались сегодня двинуться дальше. Однако, проснувшись утром, они обнаружили, что в каждой газете их фотографии, вся местность наводнена полицией, на дорогах патрули. Так что они угодили в мышеловку.

Де Вашер:

- А чтобы из нее выбраться, им необходимо взять напрокат автомобиль. Или украсть

его. У нас нет никаких данных о том, что где-то здесь они взяли машину напрокат. Она делала это в Мобайле, на свое имя. Митч арендовал грузовик в Нэшвилле, тоже на свое имя. В обоих случаях были представлены подлинные документы. В конце концов выясняется, что они, черт бы их взял, вовсе не такие уж ловкачи.

Лазарев:

- Совершенно очевидно, что новых документов у них нет. Если бы где-то здесь они взяли напрокат машину, чтобы унести ноги, то в конторских записях фигурировали бы их подлинные документы. Таких записей нет.

Мистер Моролто в отчаянии помахал перед собой рукой.

- Хорошо, хорошо. Они здесь. А вы оба у меня - просто гении. Я так горжусь нами. Ну и что?

Де Вашер:

- ФБР путается под ногами. Все нити от розыска тянутся к ним, тут мы ничего не можем поделывать. Остается сидеть и ждать.

Лазарев:

- Я звонил в Мемфис. Все сотрудники фирмы со стажем уже находятся на пути сюда. Они хорошо знают Макдира и его жену, вот мы и запустим их на пляжи, в рестораны и отели. Может, и заметят что-нибудь интересное.

Де Вашер:

- По-моему, они в одном из маленьких мотелей. Там можно назваться вымышленным именем, платить наличными, и никто не обратит на тебя внимания. Да и народу в них меньше, а значит, меньше глаз вокруг. Сначала они полезли в "Холидэй Инн", но долго там не просидели. Готов поспорить, что они в какой-нибудь дешевой ночлежке на пляже.

Лазарев:

- Во-первых, нам нужно избавиться от ФБР и от копов. Они вот-вот вынуждены будут перенести сферу своей наибольшей активности на дороги, хотя сами они еще и не подозревают об этом. Тогда прямо с раннего утра мы начнем обходить все маленькие мотели, дверь за дверью. В большинстве этих развалюх меньше чем по пятьдесят комнат. Двое наших людей могут обыскать такое заведение за полчаса. Я знаю, что времени у нас мало, но это лучше, чем сидеть сложа руки. Может, когда полицейские оттянутся отсюда, кто-нибудь из Макдириков вздохнет чуть посвободнее и сделает какую-нибудь ошибку.

- Ты хочешь сказать, что нашим людям нужно будет обыскивать гостиничные номера? - полюбопытствовал мистер Моролто.

Де Вашер:

- Все осмотреть мы, конечно, не успеем, но попробовать стоит.

Мистер Моролто поднялся, обвел зал и всех присутствующих строгим взглядом.

- Ну а как же быть с водой? - обратился он главным образом к Лазареву и Де Вашеру. Они уставились друг на друга, порядком сбитые с толку неожиданным вопросом.

- А вода! - вскричал Моролто.

- А что же вода?

Глаза присутствующих тревожно заметались по сторонам и замерли на Лазареве, как только он раскрыл рот.

- Извините, сэр, я не понимаю вас.

Мистер Моролто склонил свою голову к сидящему рядом Лазареву.

- Как быть с водой, Лу? Мы ведь сейчас на берегу, так? То есть с одной стороны от нас земля: с дорогами, рельсами, аэродромами, а с другой-то вода и лодки. Теперь, если дороги заблокированы, а о поездах и самолетах и речи быть не может, куда им, как ты считаешь, остается податься? Мне, например, представляется совершенно очевидным, что они попытаются разыскать лодку и отчалить в темноте. В этом может быть некий смысл, как по-твоему?

Головы присутствующих согласно закивали. Первым ответил Де Вашер.

- В этом есть чертовски глубокий смысл!

- Великолепно, - отозвался мистер Моролто. - Где, в таком случае, ваши лодки?

Лазарев вскочил с кресла, дернулся, подбежал к стене и принялся лающим голосом

отдавать приказание своим подчиненным:

- Всем на пристань! Брать напрокат лодки, свободные на сегодняшний вечер, ночь и на весь завтрашний день. Платить ту цену, что запросят. Ни на какие вопросы не отвечать - просто дадите им то, что они потребуют. Посадить в лодки наших людей и начать патрулирование вдоль берега как можно быстрее. Держитесь примерно в миле от берега.

В пятницу вечером, почти в одиннадцать, Аарон Риммер стоял у кассовой машины на круглосуточной заправочной станции в Таллахасси и расплачивался за двенадцать галлонов бензина и кружку пива. Ему нужна была мелочь для телефона-автомата. Выйдя наружу, в ярком свете фонарей, установленных на мойке, он нашел в справочнике, лежавшем в телефонной будке, номер Таллахасского городского управления полиции. Он объяснил дежурному, что у него дело, не терпящее отлагательства, и тот соединил его со старшим смены, капитаном.

- Слушайте! - прокричал в трубку. - Я нахожусь на заправке "Тексако", пять минут назад я видел этих преступников, на которых устроили облаву. Я уверен, что это были они!

- Каких преступников? - не понял капитан. - Макдиров! Двое мужчин и женщина. Меньше двух часов назад я выехал из Панама-сити, я видел там их фотографии. А потом я остановился здесь, чтобы заправиться, и увидел их рядом...

Риммер объяснил, где он находится, и примерно полминуты дождался, пока не подъедет первый патрульный автомобиль с синей мигалкой. За ним через короткие промежутки появились второй, третий и четвертый. Риммера усадили на переднее сиденье и доставили в Южный участок. Там его уже дождался капитан и еще какие-то чины. На лицах людей было волнение. Риммера ввели в кабинет столь торжественно, что со стороны можно было подумать - люди собрались, чтобы отметить его юбилей. На столе были разложены фотороботы.

- Это они! - заорал Риммер чуть ли не с порога. - Их-то я и видел, десяти минут еще не прошло! Проехали в фордовском пикапе с теннессийскими номерами, у них еще был прицеп, довольно большой двухосный трейлер.

- Где именно вы находились? - задал вопрос капитан. Присутствовавшие ловили каждое слово.

- Я заправлялся у колонки номер четыре обычным бензином, без всяких свинцовых добавок, а они как раз въезжали на стоянку, вид у них был самый подозрительный. Припарковались они в стороне от колонок, женщина выбралась из машины и прошла внутрь. - Он взял в руки композитный снимок Эбби, который все же удалось сделать, внимательно всмотрелся. - Она. Это она, без сомнений. Волосы намного короче и темного цвета. Она тут же вышла, ничего не купив. Вела себя очень нервно, со всех ног бросилась к пикапу. Я уже заправился и пошел к кассе, и, когда я входил, они проехали в двух футах от меня. Я видел их всех!

- Кто сидел за рулем? - спросил капитан. Риммер уставился на снимок Рэя.

- Не этот. Другой. - Он пальцем указал на фоторобот Митча.

- Могу я видеть ваше водительское удостоверение? Риммер достал документы, передал сержанту свои права со штампом штата Иллинойс, собственной фотографией, но имя значилось другое: Фрэнк Темпл.

- В каком направлении они выехали с заправочной станции?

- На восток.

В это самое время милях в четырех от участка Тони-Две-Тонны поносил трубку телефона-автомата на рычаг и, улыбаясь чему-то, вернулся в зал закуской, где сидел до этого.

Капитан разговаривал с кем-то по телефону. Сержант выписывал данные с водительского удостоверения Фрэнка Темпла, а десяток полисменов оживленно переговаривались. Неожиданно в кабинет ворвался патрульный.

- Еще один звонок! Звонил мужчина из закуской в восточном пригороде. Та же самая информация! Всех троих видели в зеленом "форде"-пикапе с трейлером. Звонивший не назвал себя, но сказал, что опознал их по фотоснимкам в газете. Они подъехали к окошку, где обслуживают тех, кто за рулем, купили три пакета с бутербродами и

умчались.

- Это они. - Капитан удовлетворенно улыбался.

Шериф округа Бэй, отхлебнув из пластикового стакана горячего и крепкого черного кофе, закинул ноги, обутые в черные ботинки, на длинный стол, занимавший большую часть конференц-зала в “Холидэй Инн”. Мимо него туда-сюда сновали сотрудники ФБР, делились друг с другом последними новостями, шептались о чем-то, по-видимому весьма секретном, варили и пили кофе. Напротив шерифа сидел его кумир: сам директор Ф. Дентон Войлс, собственной персоной. Он изучал разложенную на столе карту города, за спиной его почтительно склонили головы порученцы. Подумать только: Дентон Войлс у него в округе!

Зал напоминал собой растревоженный улей: кроме собственно фэбээровцев тут же сновали члены группы захвата, прибывшие из соседнего штата, на отдельном столе в углу трещали телефоны, слышался зуммер рации, помощники шерифа и простые городские полисмены с выражением благоговейного ужаса на лицах расхаживали по залу, наслаждаясь атмосферой погони, своей сопричастностью к делу государственной важности, присутствием высших чинов ФБР.

Один из порученцев Войлса ворвался в зал, едва не сняв с петель дверь, глаза его были вытарщены от усердия.

- Звонили из Таллахасси - у них два опознания в течение последних пятнадцати минут. Вся троица катит в зеленом фордовском пикапе с теннессийскими номерами!

Войлс тут же забыл о карте.

- Где их видели?

В зале стояла полная тишина, слышно было только, как попискивало что-то к рации.

- Первый раз на заправочной станции “Тексако”. Второй - в четырех милях восточнее, в закусочной “Бургер Кинг” - они подъехали к окошку, где продают пакеты навынос. Оба свидетеля категорически опознали в них наших фигурантов.

Войлс повернулся к шерифу.

- Свяжитесь с Таллахасси - пусть они подтвердят. Это далеко?

Черные ботинки уперлись в пол.

- Полтора часа. По автостраде номер десять. Войлс поманил пальцем Тарранса, и они вместе прошли в небольшую комнату, которую на скорую руку оборудовали под бар. В зале за их спинами возобновился ровный гомон.

- Если это и на самом деле так, - спокойным голосом произнес Войлс, - то мы тогда зря теряем здесь время.

- Согласен, сэр. Сообщение прозвучало как весьма реальное. Одинокое опознание еще могло обернуться чьей-нибудь дурацкой шуткой или просто ошибкой, но ведь их было два, и одно недалеко от другого. Очень похоже на правду.

- Как же, черт побери, им удалось выбраться отсюда?

- Должно быть, та самая женщина, шеф. Она помогает им уже больше месяца. Не знаю, кто она и где он ее нашел, но она следит за всеми нашими действиями и передаст ему информацию и все, что ему необходимо.

- А ты не думаешь, что она следует вместе с ними?

- Сомневаюсь в этом, сэр. Она держится в стороне, не принимая активного участия в действиях, выполняя только его отдельные поручения.

- У него блестящий ум, Тарранс. Все это было спланировано заранее, несколько месяцев назад.

- Видимо, так.

- Ты как-то упоминал Багамы.

- Да, сэр. Тот миллион, что мы ему заплатили, был переведен во Фрипорт, а позже Макдир сказал мне, что Долго эти деньги там не пролежат.

- Ты думаешь, может, он туда и направляется?

- Трудно сказать. Совершенно очевидно, что ему необходимо выбраться за пределы страны. Я говорил сегодня с надзирателем тюрьмы, он объяснил мне, что Рэй Макдир бегло говорит на пяти или шести языках. Так что они могут отправиться куда угодно.

- По-моему, нам нужно выдвигаться.

- Не блокировать ли нам все дороги вокруг Таллахасси? Они не уйдут далеко, если у нас будет детальное описание их машины. К утру мы их возьмем.

- Необходимо, чтобы через час вся полиция центральной Флориды - все, до единого человека, - чтобы все вышли на автострады. Блокировать каждую тропку. Обыскивать все "форды"-пикапы, ясно? Наши люди подождут здесь до рассвета, а затем начнем повышать ставки.

- Есть, сэр, - ответил Тарранс с усталой улыбкой.

Известие о том, что их видели в Таллахасси, моментально распространилось по Изумрудному берегу. Панама-сити получил передышку. Слава Богу, эти противные Макдиры убралась куда-то. По причинам, которые были известны только им самим, путь их теперь лежал не к морю, а от него, в глубь страны. После того как они попались на глаза и были идентифицированы - дважды! - они сочли за благо мчаться, сев в машину, по автостраде, навстречу неизбежной встрече.

Полицейских, расставленных чуть ли не вдоль всего берега, отпустили по домам. На ночь оставили всего несколько постов в двух округах, Бэй и Галф; предрассветные часы субботы протекли почти нормально; на дороге, идущей вдоль пляжа, в обоих его концах еще стояли патрули, время от времени проверяя документы у водителей проезжавших машин. Дороги к северу от города были открыты для свободного движения транспорта. Погоня ушла на восток.

Где-то на задворках Окалы, штат Флорида, неподалеку от Силвер Спрингс Тони-Две-Тонны с сопением выбрался из очередной закусочной, которых было так много вдоль сороковой автострады, и опустил в телефон-автомат монету в двадцать пять центов. Он набрал номер полицейского управления Окалы и сообщил дежурному, что только что видел тех самых трех человек, которых искала полиция вдоль всего пляжа в Панама-сити. Этих... ну, Макдиров! Сказал, что видел их снимки в газете вчера, когда проезжал через Пенсаколу. Видел беглецов только что, ошибиться никак не мог. Дежурный ответил Тони, что все патрульные выехали к месту аварии, и что если это его не очень затруднит, то пусть он подъедет к участку, чтобы записать свои показания. Тони с достоинством возразил, что он очень торопится, но, поскольку дело такой важности, он, так и быть, заглянет к ним.

Когда его машина остановилась рядом со зданием участка, шеф полиции, тоже прибывший сюда, уже ждал его. Одет он был не по форме: в голубые джинсы и майку; глаза красные, не выспавшиеся, волосы всклокочены. Он тут же выразил глубокую благодарность Тони за то, что тот при всей спешке не отказался заехать. Достав лист бумаги, офицер записал короткий рассказ Тони. Оказывается, он остановился, чтобы долить в бак бензина - заправка прямо напротив закусочной "Седьмое небо", и тут увидел, как к магазинчику, что располагался в одном здании с закусочной, подъехал пикап, "форд" зеленого цвета, с большим трейлером на прицепе. Из пикапа выбралась женщина и вошла в будку с телефоном, стала набирать номер. Он сам, объяснял Тони, направлялся из Мобайла в Майами, и его угораздило попасть как раз в тот район, где шла активная охота на людей. Поскольку он видел газеты, а в машине к тому же все время работает радио, о Макдирах он знал почти все. В общем, он подошел к кассе, расплатился, и вдруг до него дошло, что женщину, которая говорит по телефону, он уже где-то видел. Он моментально вспомнил где - в газете! Подойдя к окну, для верности попытался рассмотреть сидящих в машине мужчин. Это были именно они, вся их троица. Женщина повесила трубку, вернулась в пикап, и они тронулись. Да, "форд" зеленого цвета, номерной знак штата Теннесси.

Шеф городской полиции поблагодарил Тони еще раз и тут же стал звонить шерифу округа Мэрион.

Попрощавшись, Тони вышел и направился к своему автомобилю, на заднем сиденье которого крепким сном спал Аарон Риммер.

Тони сел за руль, тронул машину с места и погнал ее на север, туда, где мирным сном спал Панама-сити.

В субботу в семь часов утра Энди Патрик вышел из Дверей мотеля, посмотрел по сторонам и быстро пересек стоянку для машин. Подойдя к зданию, стоявшему в глубине двора, он негромко постучал в дверь под номером 39.

- Кто? - спросила Эбби.

- Управляющий, - ответил он ей.

Дверь раскрылась, и человек, который так походил на помещенный в газете фоторобот Митчела И. Макдира, выскользнул к нему. Волосы его значительно укоротились и стали огненно-рыжими. Энди так и уставился на его волосы.

- Доброе утро, Энди, - сказал ему этот человек, внимательным взглядом окидывая стоянку.

- Доброе утро. Я, того, решил посмотреть, не уехали вы еще?

В ответ Митч только покачал головой, продолжая озираться по сторонам.

- А по телевизору сегодня утром передали, что вы за ночь уже пол-Флориды отмахали.

- Да, мы тоже смотрели новости. Они играют в какую-то игру, так, Энди?

Носком ботинка Энди отшвырнул с дорожки камешек.

- Там еще сказали, что этой ночью вас где-то там видели три человека, они назвали это опознанием. И все в разных местах. Как-то все это странно мне. Я просидел здесь всю ночь, работал, поглядывал туда и сюда, но что-то я не заметил, чтобы вы куда-нибудь уходили. А перед рассветом я сбегал через дорогу в кофейную лавку, в-о-о-н там, ну и, как обычно, там было полно копов. Я сел поближе. Все они говорили о том, что здесь облава закончилась, все посты сняты. Фэбээровцы, сказал какой-то тип, уехали сразу после того, как им сообщили о том, что пас опознали третий раз. Полиция тоже убралась почти вся. Пляж они собираются заблокировать до полудня. Прошел слух о том, что кто-то вам здорово помогает со стороны и что вы хотите бежать на Багамы.

- А еще они что говорили? - Митч внимательно слушал его, не забывая стрелять глазами налево и направо.

- Что-то о грузовике, набитом ворованными товарами, - как они его нашли, а товару-то и нету. И никто не может понять, как это вам удалось переложить весь наворованный груз в трейлер и выбраться из города прямо у них под носом. Они просто поражаются. Я, конечно, свое дело знаю, слушаю да помалкиваю, но я-то понял, что грузовичок тот самый, на котором вы приехали сюда в четверг вечером.

Собеседник Энди задумался и ничего на это не ответил. Энди внимательно следил за выражением его лица - вроде и не скажешь, что парень волнуется.

- А вам, похоже, это и не по вкусу, - заметил он. - То есть я хочу сказать, что вас уже здесь не ищут и все копы свалили. Но ведь это же хорошо, правда?

- Энди, я могу сказать тебе только одну вещь.

- Я слушаю вас.

- Теперь стало еще опаснее. Энди думал над этой фразой не меньше минуты, а потом спросил:

- Это как же так получается?

- Полиция хотела меня всего-навсего арестовать, Энди. А кое-кто хочет меня убить. Это профессиональные убийцы, Энди. И их много. И все они пока еще здесь.

Энди прищурил свой единственный глаз на Макдира. Профессиональные убийцы! Здесь? На пляже? Он сделал шаг назад. Мелькнула мысль - спросить прямо, кто они такие и почему за ними охотятся, но он тут же понял, что ответа на свой вопрос он не услышит. Тогда ему пришло в голову другое.

- А почему бы вам не бежать?

- Бежать? Каким образом?

Энди поддел ногой другой камешек и кивнул головой в сторону старого, 1971 года выпуска "понтака", стоящего у того здания, из которого он только что вышел.

- Можно воспользоваться моей машиной. Вы вдвоем заберетесь в багажник, и я выведу вас из города. На бродяг вы не похожи, так что сможете сесть на самолет, и - вперед! Вот таким вот образом.

- А сколько ты с нас запросишь?

Энди почесал за ухом, вперив свой взор в землю. Видимо, парень связан с

наркотиками, подумал он, а коробки набиты кокаином и наличными. Профессиональные же убийцы, скорее всего, - колумбийская мафия.

- В общем-то, конечно, это будет дорого, сами понимаете. То есть я хочу сказать, вот сейчас, за пять тысяч в день, я - всего лишь служащий мотеля, ну, правда, не очень наблюдательный. Зато сам по себе, понимаете? Но если я возьмусь вам помочь скрыться из города, я превращусь в соучастника, и мне опять будут предъявлять обвинения, держать в тюрьме и все такое прочее, чем я уже по горло сыт, понимаете? Вот поэтому-то я и говорю, что будет дорого.

- Сколько, Энди?

- Сто тысяч.

В лице Митча ничего не изменилось, даже веки не дрогнули, он только чуть повернул голову в сторону берега. Энди тут же сообразил, что не перегнул палку.

- Мне нужно подумать, Энди. Теперь ты и сам все понимаешь не хуже нас. Полиция из города убралась, зато вот-вот появятся другие преследователи. Сегодняшний день может стать здорово опасным, и мне, Энди, потребуется твоя помощь. Если увидишь, что поблизости кто-то шляется, сразу же сообщи мне. Мы из этих комнат никуда не выходим. Договорились?

Энди вернулся за свой стол. Любой дурак на месте этого человека прыгнул бы в багажник и подставил бы свою задницу вольному ветру. Тут все дело в коробках. Вот почему они не хотят уезжать.

Макдиры тем временем устроили легкий завтрак из засохшего уже печенья и теплой кока-колы. Рэю до смерти хотелось выпить холодного пива, но еще один рейс в магазин был слишком рискованным. Они быстро поели и уселись смотреть утренние новости. Как раз в это время местная телестанция запустила в эфир их фотороботы. Увиден не свои, но все же довольно похожие лица на экране, они сначала почувствовали какой-то страх, но он быстро прошел.

В начале десятого Митч выключил телевизор и вновь занял свое место на полу среди коробок. Взяв в руки пачку документов, он сделал знак Эбби, сидевшей напротив с камерой в руках. Дача показаний продолжалась.

Лазарев дождался времени, когда к своим обязанностям должны были приступить горничные. Заметив, что они принялись за свою работу, он разослал своих людей по всему пляжу. Разбившись по двое, те начали обходить бунгало, стучать в двери, заглядывать в окна, тенью проскальзывать в темных коридорах. В большинстве небольших отелей было по две-три горничных, которые знали всех проживающих. Процедура была довольно простой и почти всегда срабатывала. Один из штурмовиков разыскивал горничную, вручал ей стодолларовую бумажку и совал под нос фотоснимки. Если она отказывалась, он продолжал скармливать ей банкноту за банкнотой до тех пор, пока она не соглашалась. Если горничная оказывалась не в состоянии опознать своих жильцов, ее спрашивали о том, не видела ли она поблизости небольшого грузовичка, или не заметила ли в здании комнаты, набитой какими-нибудь коробками, или, может, ей бросилось в глаза, что некая женщина и с нею двое мужчин ведут себя подозрительно, или, на худой конец, может, она просто увидела что-то необычное. Среди них иногда попадались и такие, что толку добиться было невозможно, в таких случаях человек просто спрашивал, какие комнаты заняты, проходил к ним и стучался в двери.

Так их проинструктировал Лазарев. Начинайте с горничных, сказал он им. Держитесь подальше от администрации. Сделайте вид, что вы - полицейские. Кто на них наткнется - убивать в упор, на месте, и тут же к телефону.

Четыре взятых напрокат фургона Де Вашер разместил вдоль всего пляжа, неподалеку от автострады. В кабинах за рулем сидели Ламар Куин, Кендалл Махан, Уолли Хадсон и Джек Олдрич - ни дать ни взять, водитель устроил себе небольшую передышку на пляже - и глаз не сводили с ленты дороги, внимательно вглядываясь в лица проезжавших мимо пассажиров. Вместе с другими десятью сотрудниками фирмы Бендини они прибыли в полночь на частном самолете. Бывшие коллеги Митча мешались с толпой туристов в сувенирных лавках и кафе, причем каждый в глубине души надеялся, что ему повезет и Макдира встретит кто-нибудь другой. Даже партнеров собрали по всей стране, и уже с

раннего утра они ходили по пляжу, рассматривая купающихся в бассейнах, заглядывая в вестибюли отелей и просто вертя головой по сторонам. Натан Лок оставался рядом с мистером Моролто, однако все остальные партнеры, преобразив свою внешность с помощью шапочек для гольфа и солнцезащитных очков, подчинялись приказам генерала Де Вашера. Не хватало только Эйвери Толара. Никто ничего не слышал о нем после того, как он вышел из клиники.

Вместе с тридцатью тремя юристами фирмы мистер Моролто вывел на охоту почти сто человек.

Швейцар у дверей мотеля “Блю Тайд” взял стодолларовую купюру, бросил взгляд на фотоснимки и сказал, что, как ему кажется, он видел, как женщина и один из мужчин селились сюда в четверг вечером. Всмотревшись в фоторобот Эбби, он подтвердил, что в четверг видел именно ее. Получив еще несколько купюр, он прошел к стойке, чтобы посмотреть регистрационные списки. Вернувшись, он доложил, что женщина по имени Джеки Нэйджел заплатила наличными за две комнаты на срок с четверга по субботу. Швейцару дали еще денег, и он провел с собой двух вооруженных мужчин. В обе двери постучали, но без всякого результата. Швейцар принес ключ, открыл двери и позволил своим новым друзьям войти и осмотреть комнаты. Стало очевидно, что в них не ночевали. Один из штурмовиков вызвал по рации Лазарева, и через пять минут примчался До Вашер, начавший обнюхивать комнаты в поисках каких-нибудь следов. Он не нашел ничего, однако район поисков сразу же сузился до тянущейся между мотелем “Блю Тайд” и гостиницей “Бичкомбер” полосы пляжа в четыре мили длиной, на которой был обнаружен пустой грузовичок.

Охотников перегруппировали. Партнеры и сотрудники фирмы отдыхали на пляже и в ресторанах, штурмовики вежливо стучали в двери номеров.

В десять тридцать пять субботнего утра Энди расписался в получении бандероли, пришедшей на имя Сэма Форчуна. Он осмотрел пакет. Отправительницей значилась Дорис Гринвуд, проживавшая в доме номер 4040 по Поплар-авеню в Мемфисе, штат Теннесси. Телефон указан не был. Энди чувствовал, что бандероль ценная, на мгновение ему стало жаль, что он упустил лишнюю возможность на этом подзаработать. Однако доставка ее была уже ему оплачена. Оглянувшись по сторонам, он вышел за дверь.

За годы своей беспокойной жизни Энди выработал бессознательную привычку перемещаться быстро, от угла к углу, ныряя в тень и избегая по возможности открытых пространств. Когда он повернул за угол, чтобы пересечь стоянку для машин, отделявшую его от домика, где его ждали беглецы, он тут же увидел, как в дверь номера 21 стучат двое каких-то незнакомцев. Двадцать первый был незаселен, поэтому у Энди сразу возникли сомнения. Тем более что два этих типа были одеты в одинаковые белые майки и белые шорты чуть ли не до колен, хотя было довольно трудно определить, где заканчиваются шорты и начинаются сметанной белизны ноги. На одном были темные носки и кроссовки на толстой подошве, другой был обут в дешевые сандалии, которые уже явно натерли ему ногу. На головах у обоих были белые панамы.

Прожив здесь уже полгода, Энди за милую душу увидел бы человека, которому зачем-то понадобилось прикинуться туристом. Стучавший в дверь решил повторить свою попытку, и, когда он поднял руку, Энди увидел, что в задний карман его шорт засунут пистолет.

Энди тут же развернулся и быстро пошел назад, в свою конторку. Из нее он по телефону связался с комнатой номер 39, спросил Сэма Форчуна.

- Я Сэм, слушаю.

- Сэм, это Энди. Я тут у себя, за стойкой. Не подходите к окнам, тут двое каких-то подозрительных типов шатаются вдоль стоянки и стучат в двери номеров.

- Полицейские?

- Я так не думаю. Но и не наши жильцы.

- А где горничные?

- По субботам они раньше одиннадцати здесь не показываются.

- Хорошо. Мы выключаем свет. Следи за ними. Позвони мне сразу, как они уйдут.

Из окна кладовой Энди наблюдал за тем, как мужчины шли от двери к двери, стуча и дергая иногда за ручки. Из сорока двух комнат в одиннадцати были постояльцы. Номер

38 и номер 39 никак не отозвались на стук. Обстучав все двери, парочка удалилась в сторону пляжа. Профессиональные убийцы. У него в мотеле!

Энди бросил взгляд в том направлении, куда скрылись двое мужчин в белых шортах. На стоянке у небольшого поля для гольфа, тоже имевшегося на пляже, он увидел двух таких же “туристов”, разговаривающих с человеком, сидящим в кабине белого фургона. Все трое указывали руками в разные стороны и, казалось, спорили.

Энди вновь снял трубку.

- Слушай, Сэм, они смылись. Но вокруг полно точно таких же.

- Сколько?

- Прямо напротив себя я вижу еще двоих на пляже. Вам лучше бы все же бежать.

- Спокойнее, Энди. Никто нас и не увидит, если мы не будем пытаться выйти отсюда.

- Не останетесь же вы здесь навечно! Скоро должен будет подойти мой босс.

- Мы ненадолго здесь задержимся, Энди. Бандероль принесли?

- Она у меня.

- Замечательно. Я хотел бы взглянуть на нее. Да, Энди, а как насчет того, чтобы поесть? Ты не сходил бы в лавку напротив, чтобы принести нам чего-нибудь горячего?

Энди считал себя управляющим, а уж никак не рассыльным. Но за пять тысяч долларов в день даже в “Си Галл” можно было рассчитывать на какой-то сервис.

- Конечно. Я мигом.

Схватив телефонный аппарат, Уэйн Тарранс рухнул на кровать в своем номере на седьмом этаже “Рамада Инн” в Орландо. Он не держался на ногах от усталости, его душила ярость, а при мысли о Ф. Дентоне Войлсе к горлу подступала тошнота. Была суббота, половина второго пополудни. Тарранс позвонил в Мемфис. Секретарша почти ничего не сообщила ему, сказав только, что звонила Мэри Элис и хотела с ним поговорить. Удалось установить, что звонила она из телефона-автомата в Атланте. Мэри Элис обещала позвонить еще раз в два. Может, Уэйн - она назвала его просто Уэйном - вернется к этому времени. Тарранс оставил секретарше номер своего телефона в гостинице и повесил трубку. Итак, Мэри Элис. В Атланте. А Макдир? В Таллахасси, затем в Окале, затем... Нигде? Нигде и признаков зеленого “форда”-пикапа с теннессийскими номерами. Опять он испарился.

Раздался звонок. Медленным движением руки Тарранс поднял трубку.

- Мэри Элис, - негромким голосом устало сказал он.

- Уэйн, детка! Как ты догадался?

- Где он?

- Кто? - Тэмми хихикнула.

- Макдир. Где он?

- Ну, Уэйн, ребята ваши и вправду запарились, но ведь гонялись-то вы не за кроликом, а за диким зайцем. Да вы и близко к нему не подобрались, детка, хотя мне и жаль тебя расстраивать.

- В течение последних четырнадцати часов его трижды опознали.

- Вам бы лучше проверить ваших свидетелей, Уэйн. Несколько минут назад Митч сказал мне, что ни разу в жизни он не был в Таллахасси. Никогда и не слышал об Окале. И за рулем фордовского пикапа тоже не сидел, и трейлера никакого у него тоже не было. Вас кто-то здорово провел, Уэйн. Вокруг пальца.

Тарранс потер пальцами переносицу и прерывисто задышал в трубку.

- Как там в Орландо? - спросила она. - А не сходить ли тебе в Диснейленд, уж поскольку ты все равно в городе?

- Где он, черт побери?!

- Уэйн, Уэйн, успокойся, детка. Документы вы получите.

Тарранс тут же сел в постели.

- О’кей. Когда?

- Мы могли бы пожадничать и потребовать сначала расплатиться с нами до конца. Да, Уэйн, я звоню из автомата, так что не трать время на мои поиски. Так вот, не такие уж мы и жадные. Все бумаги ты получишь в течение суток. Если все будет идти хорошо.

- Где они?

- Я буду звонить тебе, детка. Если ты останешься там, где ты сейчас, я буду звонить тебе каждые четыре часа - пока Митч не скажет мне, где находятся документы. Но, Уйэн, если ты куда-нибудь отойдешь, то я смогу потерять тебя, детка. Так что уж ты лучше не отходи.

- Я буду здесь. Он все еще в стране?

- Думаю, что нет. Я почти уверена, что сейчас он уже в Мехико. Брат его говорит по-испански, ты знаешь?

- Знаю.

Тарранс вытянулся на кровати и в душе послал все к чертям. Пусть торчит в своей Мексике, если уж документы окажутся у него.

- Так ты никуда не уходишь, Уэйн. Можешь подремать, ты, верно, устал, бедняжка? Я позвоню около пяти или шести.

Поставив телефон на столик, Тарранс задремал.

Ко второй половине дня субботы поисковый запал полиции подошел к концу: шефа городской полиции Панама-сити замучили жалобы владельцев мотелей. Пришлось послать группу к мотелю "Брейкерс", чей хозяин только что сообщил, что его постояльцев напугали какие-то вооруженные люди. Довольно значительные силы были отправлены и на пляж - оттуда тоже шли сообщения о встречах с подозрительными личностями. Теперь разворачивалась охота за теми, кто охотился на Макдиров. Изумрудный берег стоял на грани войны.

Взмокшие от пота и уставшие, люди Де Вашера были вынуждены работать в одиночку. Прекратив слоняться по ресторанам, магазинам и вестибюлям отелей, они разбрелись по пляжу, с облегчением расселись в пластиковых креслах и стали довольно ленивыми взорами рассматривать спящих туда-сюда туристов. Одни лежали на песке, другие старались держаться в тени, посматривая на каждого проходящего мимо.

Де Вашер в неудобной позе стоял на балконе своего номера, упираясь локтями в поручни. Стоял и смотрел, как постепенно пустеет пляж, как медленно опускается за горизонт солнечный диск. За его спиной скользнула в сторону стеклянная дверь, на балкон вышел Аарон Риммер.

- Мы нашли Толара.

Де Вашер не шевельнулся.

- Где?

- Прятался в квартире своей любовницы в Мемфисе.

- Он был один?

- Да. Он уже не навредит. Инсценировали ограбление.

В сотый раз Рэй, сидя в комнате, рассматривал новые паспорта, визы, водительские удостоверения и свидетельства о рождении. Фотографии Митча и Эбби на паспортах были еще прежними, запечатлевшими супругов темноволосыми. Ничего, им бы только вырваться отсюда, а там время возьмет свое. Для фотографии Рэя взяли немного подретушированный снимок Митча, сделанный еще в студенческую пору: длинные полосы, открытый и упрямый взгляд. После внимательного разглядывания становилось ясно, что глаза, носы, скулы были у обоих очень похожими, но на этом сходство кончалось. В документах значились имена Ли Стивенса, Рэжел Джеймс и Сэма Форчуна, все трое из Мерфрисборо, штат Теннесси. Док потрудился на славу, подумал Рэй, изучив все.

Эбби упаковывала видеокамеру. Сложенный штатив она прислонила к стене. На телевизоре аккуратно были сложены четырнадцать видеокассет, на каждой - ярлык с надписью.

Запись свидетельских показаний продлилась в общей сложности шестнадцать часов. Когда Эбби вставила в камеру первую кассету, Митч повернулся к объективу лицом, поднял вверх правую руку и поклялся говорить только правду и ничего более. Он стоял рядом со шкафом, пол вокруг него был весь покрыт документами. С помощью сделанных рукой Тэмми заметок, справок, вычерченных ею схем он логично и последовательно изложил сначала суть банковских записей. Он указал более двухсот пятидесяти счетов в одиннадцати кайманских банках. Некоторые из них были именными, но большая их часть

скрывалась под номерами. На основании информации, почерпнутой из компьютерных распечаток, он воссоздал всю предысторию каждого из счетов: вклады наличных денег, компьютерные переводы и прочее. В нижней части каждого документа, который он использовал в своих показаниях, черным фломастером он подписал свои инициалы, ММ, и следом порядковый номер: ММ1, ММ2, ММ3 и так далее. Предъявив объективу видеокамеры документ ММ1485, он тем самым уже вернул государству девятьсот миллионов долларов, укрытых в кайманских банках.

После этого Митч тщательнейшим образом, по кусочкам, как из мозаики, сложил всю иерархическую структуру империи. За период в двадцать лет более четырехсот кайманских корпораций попали в сферу влияния семейства Моролто и их неправдоподобно богатых и столь же продажных юристов. Все эти корпорации по частям или целиком владели друг другом, они использовали банки в качестве своих зарегистрированных агентов и постоянных юридических адресов. Митч довольно быстро понял, что в его руках лишь малая часть документов, и тут же, перед камерой, высказал свою догадку относительно того, что основной архив должен храниться в подвале фирмы “Бендини, Ламберт энд Лок” в Мемфисе. Он также объяснил участникам предстоящего судебного заседания, что армии инспекторов Национального налогового управления понадобится по меньшей мере год, чтобы разобраться во всех хитросплетениях головоломки, составленной по воле клана Моролто.

Неторопливо Митч брал в руки очередной лист, рассказывал, ставил на нем свои инициалы, откладывал в сторону, переходил к следующему. Эбби управлялась с камерой. Рэй посматривал в окно на автостоянку и без усталости восхищался новыми паспортами.

Целых шесть часов Митч посвятил рассказу о различных способах отмывания грязных денег, которые использовались семьей Моролто и юристами фирмы “Бендини, Ламберт энд Лок”. Излюбленным методом был, по его словам, следующий. В принадлежащий фирме самолет грузилась какая-нибудь астрономическая сумма денег наличными, с ними, для придания всей операции видимости обычной командировки, летели два-три юриста. А пока государственная таможенная служба изнывала от непрекращающихся попыток - по суше, по морю или воздуху - ввезти в страну наркотики, никто не обращал никакого внимания на то, что из страны вывозилось. Задумано все было великолепно. Самолеты, так сказать, вылетали грязными и возвращались чистыми. Когда деньги оказывались на Большом Каймане, кто-нибудь из находившихся на борту юристов платил заранее обговоренную мзду местным таможенникам и соответствующему банкиру. Иногда получалось так, что четвертая часть ценного груза уходила на взятки.

После того как деньги оказывались на номерном, как правило, счету, проследить их происхождение человеку со стороны становилось практически невозможно. Однако кое-какие банковские операции замечательным образом совпадали с некоторыми важными событиями в жизни корпораций. Как правило, деньги помещались на один из десятка номерных счетов, или суперсчетов, как их прозвал Митч. Он назвал будущему суду номера этих счетов и названия соответствующих банков. С течением времени, когда регистрировались новые корпорации, деньги с этих суперсчетов переводились на счета корпораций, часто в одном и том же банке. И когда деньги переходили к легальной корпорации, о которой местным властям все было известно, начиналась операция по их отмыванию. Самым простым и наиболее распространенным способом отмывания денег была покупка недвижимости или других абсолютно чистых и невинных объектов на территории США. Подобные сделки заключались с помощью изобретательных юристов фирмы “Бендини, Ламберт энд

Лок”, деньги переходили из рук в руки только через компьютеры. Часто бывало так, что одна кайманская корпорация приобретала другую кайманскую корпорацию, являвшуюся владельцем компании в Панаме, а та, в свою очередь, обладала всеми правами на какую-нибудь датскую компанию. Датчане приобретали фабрику по производству мячей для гольфа в Толедо, а деньги для покупки переводили из какого-нибудь второстепенного банка в Мюнхене. И таким образом грязные деньги превращались в чистые, вот и все.

После документа номер ММ4292 Митч устал и решил прекратить дачу показаний.

Шестнадцать часов вполне должно хватить. На суде пройдет, видимо, не все, но цели своей он достигнет. Тарранс со своими друзьями смогут прокрутить кассеты Большому жюри присяжных и добиться осуждения по крайней мере тридцати юристов фирмы. Кассеты же помогут ему добиться выдачи ордера на обыск.

Свою половину сделки Митч выполнил. Пусть он не сможет давать показания лично - в конце концов, ему заплатили всего миллион долларов, а он предоставлял в распоряжение ФБР гораздо больше, чем обещал. Он чувствовал себя совершенно опустошенным физически и духовно. В полном изнеможении он опустился на край постели. Эбби прикрыла глаза и села на стул.

Сквозь щелку в шторах Рэй выглянул наружу.

- Не мешало бы нам выпить холодного пива, - сказал он.

- И не вздумай, - подал голос Митч. Рэй повернулся к нему всем корпусом.

- Отдыхай, братец. Уже стемнело, а магазин всего в двух шагах. Я сам смогу о себе позаботиться.

- Выбрось это из головы, Рэй. Нет никакой нужды рисковать. Через несколько часов нас здесь не будет, и, если все закончится хорошо, всю оставшуюся жизнь ты можешь только и делать, что пить пиво.

Рэй пропустил эту тираду мимо ушей. Натянув свою бейсбольную шапочку до самых бровей, он сунул в карман несколько банкнот и потянулся за пистолетом.

- Рэй, не бери хотя бы пистолет, - попросил Митч. Рэй засунул оружие под рубашку и вышел. Быстрым шагом он направился по песку к магазинчику, минуя маленькие мотели, сувенирные лавки, стараясь держаться в тени. У входа он остановился, посмотрел по сторонам и, уверившись, что за ним никто не наблюдает, вошел. На прилавке у двери стояли банки, но они были слишком уж теплые. Пиво похолоднее находилось чуть дальше.

На располагавшейся неподалеку автостоянке под широкополой соломенной шляпой прятался Ламар Куин, беседуя о чем-то с подростками из Индианы. Он видел, как Рэй вошел в магазин, и что-то в его облике показалось Ламару знакомым. Что-то было такое в его походке. Ламар приблизился к окну во всю стену и заглянул туда, где в глубине магазинчика стоял холодильник, набитый банками с пивом. Глаза стоявшего рядом с холодильником мужчины были скрыты за темным очками, но его нос и скулы явно напоминали кого-то, кого Ламар знал. Он прошел внутрь, взял пакетик с жареным картофелем. Остановившись у кассы, оказался лицом к лицу с человеком, который, не будучи Митчелом Макдиром, удивительно походил на него.

Это Рэй, подумал Ламар, кто же это может быть иной. Лицо на солнце обгорело, волосы слишком коротки, чтобы прическа считалась модной. Глаза прикрыты. Тот же рост. Тот же вес. Та же походка.

- Как дела? - обратился к нему с вопросом Ламар.

- Отлично. У вас тоже? - И голос был похож. Ламар расплатился за картошку и вернулся на свой пост. Размеренным жестом он опустил пакетик в урну для мусора рядом с телефонной будкой и быстрым шагом отправился в сувенирную лавку. Поиски Макдира продолжались.

40

Темнота принесла с собой прохладу. Солнце исчезло как-то уж очень быстро, а луна вовсе не торопилась занять свое место на небосклоне. Или сегодня новолуние? Высоко-высоко над головами людей проплывали безобидные облака, вода казалась черной.

Темнота выманивала к воде рыбаков. Один за другим они поднимались на уходящий от берега пирс. Собирались группками по три-четыре человека и безмолвно следили за своими лесками, уходившими в черную воду, поверхность которой мерцала в двадцати футах внизу. Люди неподвижно стояли, опираясь на металлический поручень, время от времени кто-то плевал в воду, кто-то говорил пару слов соседу. Они наслаждались слабым ветерком, разлитой в воздухе тишиной и ровной гладью воды гораздо больше, чем поклевкой какой-то случайной глупой рыбины, лишь слегка тревожившей

покачивающиеся поплавки. Эти люди в большинстве своем были отпускниками из северных штатов, приезжавшими сюда каждый год в одно и то же время, останавливавшимися в одних и тех же мотелях и приходившими по ночам на излюбленное место, чтобы забросить удочки и полюбоваться величием бескрайнего моря. У ног мужчин стояли пакетики с наживкой и небольшие ведерки, в которых банки с пивом были переложены кусками льда.

Иногда на пирс забредал кто-нибудь, не принадлежавший к компании рыболовов, иногда появлялась влюбленная парочка, проходившая неспешным шагом сотню ярдов до того места, где край пирса обрывался в воду. Несколько минут влюбленные стояли, глядя в темное зеркало моря у себя под ногами, потом разворачивались и с восхищением взирали на тысячи рассыпанных вдоль берега мерцающих огоньков. Украдкой посматривали на замерших в неподвижности рыболовов. Те их не замечали.

Не обратили они внимания и на Аарона Риммера, неслышно прошедшего за их спинами где-то около одиннадцати. В самом конце пирса он выкурил сигарету, бросив окурочек в океан. Повернулся лицом к берегу и подумал о тысячах комнат в мотелях, гостиницах и бунгало.

Пирс Дэна Рассела был крайним к западу из трех имевшихся на пляже Панама-сити. Кроме этого, он был и самым новым, самым длинным и выстроенным из монолитного бетона, без единого куска дерева. Два других, сооруженных много лет назад, были целиком деревянными. В центре пирса стояло небольшое кирпичное здание, в котором размещался склад рыболовных снастей, маленький бар, где можно было наскоро перехватить чего-нибудь, и несколько комнат для отдыха. Ночью были открыты только эти комнаты.

От пирса до мотеля "Си Галл" было около полумили. В одиннадцать тридцать Эбби вышла из комнаты номер 39, прошла мимо бассейна с грязной водой и неторопливо зашагала вдоль берега. На ней были шорты, белая шляпа из соломки, ветровка с поднятым до ушей воротником. Шла она размеренной упругой походкой, глубоко засунув руки в карманы куртки, как опытный спортсмен-ходок, и на дистанции привыкший размышлять о чем-то своем. Пятью минутами позже покинул комнату и Митч. Он тоже миновал бассейн и устремился за Эбби, стараясь попадать ногами в следы ее шагов на песке, поглядывая иногда в сторону моря. Навстречу ему двигались два таких же спортсмена, шедших по самой кромке воды, разбрасывая вокруг брызги и обмениваясь одиночными фразами. В вырезе рубашки на шее у Митча болтался висящий на шнурке свисток - так, на всякий случай, а карманы были набиты шестьдесятю тысячами долларов. Посматривая на океан, он не забывал бросать время от времени тревожные взгляды на видневшуюся впереди фигурку жены. Когда он отошел от мотеля уже ярдов на двести, из комнаты вышел и Рэй. Он закрыл за собой дверь и положил ключ в карман. Вокруг груди у него было намотано футов сорок нейлонового троса черного цвета, под который он засунул пистолет. Все это было скрыто от постороннего взгляда просторной ветровкой. За одежду и прочие мелочи Энди содрал с них еще пару тысяч.

Рэй спустился на берег. Митча он видел довольно хорошо, а Эбби в темноте превратилась в едва различимую точку. Других людей на берегу не было.

Время близилось к полуночи, и рыболовов на пирсе почти не осталось - теперь они придут сюда только через сутки. Их небольшую группку из трех человек Эбби увидела у комнат для отдыха. Миновав их, она расслабленной походкой направилась к концу пирса, облокотилась там на поручень, глядя перед собой в непроглядно темные воды залива. Далеко-далеко от берега глаза ее различили красные огоньки буюв. Ровными линиями шли в восточном направлении голубые и белые огоньки, желтыми мигало почти на горизонте какое-то судно. Эбби стояла в полном одиночестве.

Митч устроился в пластиковом кресле, стоявшем под сложенным зонтом у входа на пирс. Эбби он видеть не мог, зато хорошо различал перед собой почти всю водную гладь залива. Ярдах в пятидесяти в стороне на куче кирпича сидел Рэй, водя ногой по песку. Все трое находились в ожидании, незаметно поглядывая на свои часы.

Ровно в полночь Эбби нервным движением расстегнула молнию ветровки и извлекла наружу тяжелый фонарик. Оглянувшись и посмотрев прямо под ноги, в воду, она уперла

фонарик себе в живот, прикрыв его с обеих сторон полами куртки, направила в сторону моря и три раза нажала на кнопку. Нажмет - отпустит. Нажмет - отпустит. Нажмет - отпустит. Лампочка трижды мигнула зеленым. Крепко сжав фонарик в руке, она напряженно вглядывалась в темноту.

Ничего. Ей показалось, что она прождала целую вечность, и через две минуты фонарик в ее руке замигал опять. Три зеленые вспышки. Никакого результата. Она глубоко вздохнула и тихо сказала самой себе: “Спокойно, Эбби, спокойно. Он где-то неподалеку”. Еще серия вспышек, опять нервное ожидание. Пустота.

Сидя на краешке кресла, Митч в волнении обозревал раскинувшееся перед ним водное пространство. Краем глаза он уловил справа от себя какое-то движение: к пирсу кто-то приближался, почти бежал, вот фигура мужчины вспрыгнула на ступени пирса. Это был Скандинав. Митч бросился за ним.

Аарон Риммер прошел мимо засидевшихся рыболовов, обогнул кирпичное зданье и остановился, разглядывая с расстояния женщину в белой соломенной панаме. Женщина стояла чуть согнувшись в самом конце пирса, руки ее были чем-то заняты. Внезапно он увидел три зеленоватых отсвета. Беззвучными шагами Риммер начал приближаться к ней.

- Эбби.

Она отпрянула в сторону и раскрыла рот, пытаясь закричать. Риммер бросился на нее и оттолкнул к перилам. Из темноты ему в ноги упал Митч, и все трое покатались по гладкой бетонной поверхности. Соприкоснувшись с Риммером, Митч плечом ощутил, что за поясом у того пистолет. Наугад он ткнул в темноту локтем, но промахнулся. Риммер извернулся и кулаком нанес ему сильнейший удар в левый глаз. Эбби успела отползти в сторону. Митч ничего не видел, его мутило. Риммер резко вскочил на ноги, потянулся за пистолетом, но опоздал. В прыжке на него обрушился Рэй, с чудовищной силой отбросив Риммера на перила. Не дав ему опомниться, Рэй нанес ему четыре прямых стремительных удара по глазам и по носу, в стороны брызнула кровь. Чему только не научишься, сидя в тюрьме.

Скандинав упал на колени, и Рэй вновь заработал кулаками. Жалобно застонав, Риммер рухнул, со всего маху уткнувшись лицом в бетон.

Рэй вытащил у него пистолет и передал Митчу, который все же поднялся и пытался на чем-нибудь сфокусировать взгляд. Эбби оглядывалась. Вокруг ни души.

- Продолжай сигналить, - скомандовал Рэй, сматывая с груди нейлоновый тросик.

Эбби повернулась к воде, прикрыла фонарик и начала беспорядочно жать на кнопку.

- Что ты собираешься сделать? - прошептал Митч, глядя на манипуляции Рэя с тросиком.

- Одно из двух: либо пристрелить его, либо утопить.

- О Боже! - вырвалось у Эбби.

- Не стреляй, - опять же шепотом приказал Митч.

- Не буду.

Он накиннул на шею Скандинава тросик, захлестнул его, потянул. Митч встал так, чтобы по возможности заслонить от Эбби происходящее. Она сама тоже старалась не смотреть в их сторону.

- Мне очень жаль, но у нас нет выбора, - едва слышно пробормотал Рэй, скорее всего, самому себе.

Потерявший сознание Скандинав не оказал никакого сопротивления. Через три минуты Рэй шумно выдохнул и проговорил:

- Он мертв.

Другой конец тросика он привязал к опоре перил и плавно столкнул тело в воду.

- Я спущусь первым.

Рэй подлез под перилами и, придерживаясь рукой за тросик, скользнул вниз. Под пирсом, в восьми футах от его поверхности, между двумя бетонными опорами, уходившими в воду, была небольшая площадка из металлических прутьев. Отличное укрытие. Следующей спустилась Эбби. Рэй ухватил ее за ноги и помог очутиться на площадке. Митч же, один глаз которого почти не видел, потерял равновесие и едва не

свалился в воду.

И все-таки им это удалось! Они сидели на крошечной площадке в десяти футах от темной, холодной воды. В десяти футах от рыб, крабов и тела мертвого Скандинава. Рэй обрезал тросик, чтобы тело смогло опуститься на дно и отлежаться там пару-тройку дней, перед тем как подняться к поверхности.

Так они сидели и вглядывались в мигающие вдали огоньки, ожидая, когда же по холодным водам придет к ним их мессия. Единственными звуками, доносившимися до их ушей, были тихие всплески волн да клацание застежки-молнии о металлический корпус фонарика.

Потом над ними раздались чьи-то голоса. Нервные, встревоженные голоса. Кого-то искали. Но голоса эти довольно быстро смолкли.

- Ну, братишка, что мы будем делать теперь? - шепотом спросил Рэй.

- План "Б", - ответил Митч.

- Это еще что такое?

- Поплывем.

- Очень остроумно, - хмыкнула Эбби в сторону. Прошел час. Металлическая площадка, хотя и дала им приют и укрытие, была не самым удобным для сидения местом.

- Вы заметили две лодки в том направлении? - задал вопрос Рэй.

Лодки были небольшими, находились они примерно в миле от берега и на протяжении всего этого часа медленно и с какой-то подозрительностью кружили на одном и том же месте.

- Видимо, ловят рыбу, - ответил Митч.

- Кто это ловит рыбу в час ночи?

Эта же мысль мелькнула и у самого Митча, и у Эбби. Но другого объяснения не было.

Эбби увидела его первой и только молилась в душе, чтобы это не оказалось мертвым телом, приближающимся к ней по темной воде.

- Смотрите, - сказала она, указывая рукой на какой-то абсолютно черный предмет,двигающийся к ним со стороны открытого моря.

Все начали напряженно всматриваться в воду. До слуха их донесся странный тихий звук, более всего напоминающий стрекот швейной машинки.

- Продолжай мигать, - напомнил Митч. Предмет приближался. Еще несколько мгновений, и они увидели, что это была маленькая лодочка с сидящим в ней человеком, так им, во всяком случае, показалось в темноте.

- Эбанкс! - громко прошептал Митч. Стрекот тут же стих. - Эбанкс! - тут же позвал он вновь.

- Где вы, черт побери? - услышали они.

- Здесь, под пирсом. Поторопись!

Опять послышался стрекот, и к опорам пирса на восьмифутовом резиновом плотике причалил Эбанкс. Осторожно вес трое перебрались к нему, и четверо человек соединились в радостных объятиях, хлопая друг друга по плечам. Эбанкс включил пятисильный электродвигатель, направляя плотик в открытое море.

- Где ты пропал? - спросил его Митч.

- Носило по волнам, - беспечно отозвался тот.

- А почему так поздно?

- Опоздал я потому, что хотел увернуться от этих рыбацких лодок, набитых идиотами в пижонских костюмах, делающими вид, что они ловят рыбу.

- Как ты думаешь, это люди Моролто или фэбээровцы? - спросила Эбби.

- Уж если это идиоты, то, значит, это могут быть и те и другие, - отозвался Митч.

- А что случилось с твоим фонарем? Эбанкс махнул рукой в сторону моторчика. - Сели батареи.

Судно оказалось сорокафутовой яхтой, которую Эбанкс разыскал на Ямайке всего за двести тысяч. На палубе возле веревочной лестницы их подждал его друг, помогший подняться на борт. Звали его Джордж, просто Джордж, по-английски он говорил с каким-то неуловимым акцентом. Эбанкс сказал, что ему можно доверять.

- Там в каюте, если хотите, есть виски. Рэй нашел виски, а Эбби - маленькое одеяло,

которым она и укрылась, забившись на узенькую койку. Митч стоял на палубе и восхищался своей яхтой. Когда Эбанкс вместе с Джорджем подняли плотик на борт, Митч сказал:

- Давай-ка убираться отсюда. Можно это сделать прямо сейчас?
- Как скажешь, - ответил ему Джордж.

Глядя на огни берега, Митч едва слышно произнес:

- Прощай.

Затем он спустился в каюту и налил полный стакан виски.

Уэйн Тарранс лежал в одежде поперек кровати и спал. Он так и не шевельнулся все шесть часов, которые прошли с момента последнего звонка. Резким треском взорвался стоящий рядом на столике телефон. Только после четвертого звонка Тарранс очнулся и схватил трубку.

- Алло. - Язык повиновался ему с трудом, голос был хриплым.
- Уэйн, детка, я тебя разбудила?
- Разумеется.

- Можешь отправляться за документами. Комната номер 39 в мотеле "Си Галл", в Панама-сити, это вдоль автострады девяносто восемь. Там будет дежурный по имени Энди Патрик, он откроет тебе комнату. С бумагами будь осторожен. Наш общий друг их все аккуратно пометил, а еще он оставил тебе шестнадцать часов видеозаписи. Ничего не перепутай.

- У меня вопрос.
- Само собой, мой большой ребенок. Спрашивай что угодно.
- Где он нашел тебя? Ведь без тебя у него ничего не вышло бы.
- О Боже! Спасибо, Уэйн. Меня он нашел в Мемфисе. Мы подружились, и он предложил мне целую кучу денег.

- Сколько?
- Какая тебе разница, Уэйн? Мне больше никогда не придется работать. Прости, пора бежать, детка. Вот это было развлечение!

- Где он?
- В настоящее время, пока мы с тобой беседуем, он находится на борту самолета, следующего в Южную Америку. Но, ради Бога, Уэйн, не трать напрасно своего времени, пытайся его разыскать. Детка, я люблю тебя, но ведь даже в Мемфисе ты не смог его поймать. Пока!

Трубку на том конце провода повесили.

41

Воскресенье. Рассвет. Под безоблачным небом яхта на всех парусах стремительно идет на юг. В капитанской каюте глубоким сном спит Эбби. На койке в полудреме лежит Рэй. Откуда-то доносится посапывание Эбанка.

Митч сидит на палубе, потягивает холодный кофе и внимательно слушает рассуждения Джорджа об искусстве ходить под парусом. Джорджу уже порядком за пятьдесят, волосы свисают длинными седыми прядями, он настолько загорел, что кажется просмоленным. Небольшого роста, жилистый, он походил своим обликом на Эбанка. Уроженец Австралии, он вынужден был оставить ее двадцать восемь лет назад, после того как там произошло крупнейшее в истории континента ограбление банка. Вместе со своим напарником он разделил одиннадцать миллионов наличными и в серебре, после чего их пути разошлись. До него дошли слухи, что напарник уже отдал Богу душу.

Джордж было его второе имя, но за двадцать восемь лет он так к нему привык, что забыл свое настоящее. В Карибское море он попал где-то в конце шестидесятых и, после того как увидел тысячи его крошечных островков, жители которых изъяснялись на английском, решил, что нашел свой родной дом. Свои деньги он разместил в банках Багам, Белиза, Панамы и, естественно, на Большом Каймане. На никем не посещаемом участке пляжа на Малом Каймане он построил свою резиденцию и последние двадцать с лишним лет своей жизни провел на тридцатифутовой яхте, шатаясь по всему Карибскому

бассейну. Летом и ранней осенью он старался держаться поближе к дому. Но с октября по июнь он не сходил с палубы своей яхты, курсируя от острова к острову, успев побывать уже на трехстах. Однажды он провел два года на одних только Багамах.

- Тут тысячи островов, - говорил он Митчу. - Если ты находишься в вечном движении, то никому не под силу найти тебя здесь.

- А тебя все еще ищут?

- Не знаю. Я ведь не могу позвонить и спросить, сам понимаешь. Но вообще-то я сомневаюсь.

- Где надежнее всего укрыться?

- На судне. У меня отличная маленькая яхта, и, когда ты научишься управляться со своей, она станет тебе настоящим домом. Разущи себе где-нибудь небольшой островок - Малый Кайман или Брак - на обоих почти никого нет - и построй дом. Сделай так, как когда-то сделал я. А большую часть своей жизни будешь проводить на яхте.

- А когда ты перестанешь беспокоиться по поводу того, что тебя все еще могут разыскивать?

- О, об этом я думаю и по сей день, только я уже не беспокоюсь. Ты много унес с собой?

- Восемь миллионов, - ответил Митч.

- Вот и хорошо. У тебя есть деньги, чтобы поступать так, как ты захочешь, так что забудь обо всем ином.

Перебирайся с острова на остров, и так - всю жизнь. Ведь есть вещи и похуже, как ты сам знаешь.

В течение четырех дней они шли в сторону Кубы, потом обогнули ее и направились к Ямайке. Изучали повадки Джорджа и слушали его лекции. После проведенных в Карибском море двадцати лет под парусом он превратился в человека обширнейших познаний и безграничного терпения. Рэй, будучи лингвистом по натуре, вслушивался и заучивал слова типа спинакер, мачта, носовой полуклюз, корма, кильватер, румпель, фал, топовые огни, ванты, штормовые леера, пиллерс, шкоты, комингсы, транец, взять на гитовы, геноузский парус, грот, кливер, утлегарь, обшивка и так далее. Джордж рассказывал о кренговании, о том, как идти в бейдевинд, как держать курс, двигаться в тумане, идти против ветра, как размещать балласт, ориентироваться по карте. Рэй заучивал терминологию, Митч овладевал техникой.

Эбби почти не покидала каюту, улыбаясь только тогда, когда это было необходимо. Жизнь на судне была не совсем тем, о чем она мечтала всю свою жизнь. Она скучала по своему дому, она размышляла о том, что с ним может сделаться. Может, мистер Райс будет иногда подстригать траву и выпалывать сорняки? Она скучала по тенистым улицам, аккуратным газонам, детишкам, разъезжающим туда-сюда на своих велосипедах. Она вспомнила о Херси и молилась в душе, что мистер Райс забрал пса к себе. Не могла Эбби не думать и о своих родителях, о их спокойствии и безопасности. Как-то они там? Когда она сможет увидеться с ними? Наверное, через годы, не раньше. Но и с этим можно смириться, знать бы только, что они в порядке, что живы и здоровы.

Но никакие мысли не могли отвлечь ее от действительности. От будущего спрятаться было некуда.

На второй день она начала писать письма. Письма родителям, Кэй Купи, мистеру Раису и паре подруг из школы. Письма эти, конечно, никогда не будут отправлены, Эбби знала об этом, но ей становилось легче, когда она доверяла свои мысли бумаге.

Митч замечал все, что происходило с женой, но не пытался ни во что вмешиваться. Да и что он мог ей сказать, в самом деле? Но через несколько дней, может, они и поговорят.

К концу четвертого дня, то есть среды, на горизонте показались очертания Большого Каймана. Сделав большой круг, они встали на якорь в миле от берега. В сумерках Бэрри Эбанкс распрощался с ними. Прощание было простым и недолгим. Эбанкс отчалил от яхты на своем резиновом плотике. Он сказал, что направится в соседнюю секцию, это в трех милях от Боддентауна, а оттуда позвонит кому-нибудь из своих, чтобы за ним приехали. Таким образом, он еще на подъезде к дому будет знать, нет ли поблизости подозрительных субъектов.

Все будет хорошо, заверил он их.

Резиденция Джорджа на Малом Каймане представляла собой небольших размеров главное здание - из дерева, выкрашенного белой краской, рядом стояли два домика поменьше. Постройки располагались в четверти мили от берега, зато совсем рядом был крошечный заливчик. Но даже от него домов видно не было. В самом маленьком из них жила местная женщина, которая следила за порядком в резиденции. Звали ее Фэй.

Макдиров поселили в главном здании. Всеми силами они старались как можно быстрее вжиться в новое окружение, привыкнуть к совершенно иному ритму жизни. Рэй часами бродил по берегу, предпочитая оставаться наедине со своими мыслями. Настроение у него было самое приподнятое, но он не хотел смущать им брата и его жену. Ежедневно вдвоем с Джорджем они садились на яхту и часами плавали меж островов, основательно накачиваясь виски. Возвращались обычно пьяными.

Первые несколько дней Эбби провела в маленькой комнате наверху, сидя у окна, выходящего на маленький залив. Она продолжала писать письма, начала вести дневник. Спала она одна.

Дважды в неделю Фэй садилась за руль “фольксвагена” и отправлялась в город, для того чтобы закупить продукты и привезти почту. Однажды она вернулась с небольшой посылкой от Бэрри Эбанкса. Джордж передал ее Митчу. Внутри оказалась бандероль, посланная на имя Эбанкса Дорис Гринвуд. Митч вскрыл толстый конверт и увидел три сложенные газеты: две из Алабамы и одну из Майами.

Заголовки кричали о предъявлении массовых обвинений юристам фирмы “Бендини, Ламберт энд Лок” в Мемфисе. В общей сложности обвинялся пятьдесят один сотрудник фирмы - в том числе и отошедшие несколько лет назад от дел пенсионеры. А в Чикаго в суд были вызваны члены обширного семейства Моролто - тридцать один человек. Генеральный прокурор уведомил общественность, что точка еще не поставлена и обвинения по мере их формулирования будут предъявлены и новым лицам. Пока же общим взорам предстала лишь верхушка айсберга. Директор ФБР Ф. Дентон Войлс позволил прессе воспроизвести цитату из своего выступления, в котором он заявлял, что данная операция нанесла сильнейший удар по организованной преступности в Америке... Это должно послужить последним предупреждением, говорилось в цитате, для всех тех, кто борется с искушением заключить сделку с капиталом сомнительного происхождения.

Сложив газеты, Митч отправился в долгую прогулку по берегу. Отшагав уже изрядно, он уселся на песок в тени пальм. В газете из Атланты были поименно названы все юристы фирмы Бендини, которым предъявили обвинения. Митч медленно скользил глазами по строкам. Он не испытывал никакой радости, видя знакомые имена. Он даже испытал нечто похожее на жалость к Натану Локу. Но только похожее. Перед ним стояли лица Уолли Хадсона, Кендалла Махана, Джека Олдрича и, наконец, Ламара Куина. Он был знаком с их женами, видел их детей. Устремив свой взгляд к горизонту, Митч подумал о Ламаре и Кэй Куин. Он любил их и ненавидел одновременно. Они помогли фирме очаровать, соблазнить его, да-да, и на них тоже лежала вина за это. Но ведь они же были и его друзьями. Какая досада! Может, Ламар, отбыв пару лет в заключении, будет освобожден по какой-нибудь амнистии! Может, Кэй и детишки как-нибудь переживут это трудное время? Может быть.

- Я люблю тебя, Митч. - Позади него стояла Эбби с пластиковым кувшином и двумя стаканами в руках.

Он улыбнулся ей, сделал знак рукой, чтобы садилась рядом.

- А что в кувшине?

- Пунш с ромом. Фэй приготовила для нас.

- Крепкий? Она уселась на песок.

- Почти чистый ром. Я сказала Фэй, что нам необходимо напиться, и она согласилась.

Он крепко обнял ее левой рукой, правой поднося к губам стакан с пуншем. Оба смотрели вдаль, на маленькую рыбацкую лодочку, видневшуюся среди сверкающих волн.

- Ты очень боишься, Митч?

- Я просто в ужасе.

- И я. Просто не верится.

- Но мы же сделали это, Эбби. Нам же удалось! Мы живы, мы в безопасности. И мы вместе.

- А что будет завтра? Послезавтра?

- Я не знаю, Эбби. Может, будет и хуже, кто его знает. И мое имя тоже может появиться в газете вместе с теми, против кого готовят обвинения сейчас. А может, мы будем мертвы. Есть вещи и похуже, чем шляться по Карибскому морю с восемью миллионами в кармане.

- Как ты думаешь, с моими родителями все в порядке?

- Думаю, да. Что выиграют Моролто, причинив вред твоим старикам? У них все хорошо, Эбби.

Она вновь наполнила стаканы, поцеловала Митча в щеку.

- Я приду в норму, Митч. Если уж мы вместе, я со всем справлюсь.

- Эбби. - Митч поднялся, не сводя глаз с поверхности воды. - Я хочу сделать признание.

- Слушаю тебя.

- По правде говоря, мне никогда не хотелось быть юристом.

- Да ну?

- Нет. В глубине души я всегда мечтал стать моряком.

- Неужели? А тебе приходилось когда-нибудь заниматься любовью на пляже?

На мгновение Митч запнулся.

- М-м, нет.

- Тогда выпей, моряк! Пора бы нам подумать о наших детях!